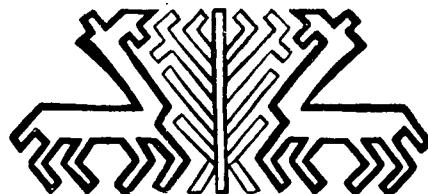

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР **С. П. Толстов**,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР **А. В. Ефимов**, **М. О. Косвен**,
П. И. Кушнер, **М. Г. Левин**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главного редактора),
А. И. Першиц, **Л. П. Потапов**, **И. И. Потехин**, **Я. Я. Рогинский**,
академик **М. Ф. Рыльский**, **В. К. Соколова**, **Л. Н. Терентьева**, **Н. Н. Чебоксаров**,
В. Н. Чернецов

И. о. ответственного секретаря редакции **А. Г. Подольский**

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор **Е. К. Ратмирова**

Адрес редакции: Москва В-36, 1-я Черемушкинская, 19

Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 6 Печ. л. 16,44 Уч.-изд. л. 19,8
T-13492 Подписано к печати 19/XII 1962 г. Тираж 1985 экз. Зак. 5345

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Г. П. ВАСИЛЬЕВА, Н. А. КИСЛЯКОВ

ВОПРОСЫ СЕМЬИ И БЫТА У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА *

Народы Средней Азии — наследники богатой и своеобразной культуры, которую создали их предки, жители древних цивилизованных государств Согдианы, Бактрии, Парфии, Хорезма и др. Однако накануне Великой Октябрьской социалистической революции вследствие своеобразия исторических судеб народы Средней Азии и Казахстана находились на низком уровне экономического развития. Несмотря на проникновение капиталистических элементов в Среднюю Азию и Казахстан после присоединения их к России, на большей части территории этого огромного края вплоть до революции продолжали господствовать патриархально-феодальные отношения; они характеризовались тем, что при развитых формах феодального землевладения и феодальной эксплуатации еще были сильны пережитки родовых отношений, общинных порядков и традиций.

Типы хозяйства среднеазиатских народов, складывавшиеся в течение многих столетий, были весьма разнообразны.

В оазисах, расположенных в долинах рек и разделенных степями и пустынями, с древних времен существовала высокая земледельческая культура. Население этих оазисов славилось искусством поливного земледелия с применением крупных ирригационных сооружений (плотин, каналов и т. д.). Вместе с тем сама техника земледелия была очень низкой.

В степях и пустынях Средней Азии и Казахстана сложился иной тип хозяйства — кочевое скотоводство. У разных народов оно различалось по характеру кочевания и видам разводимого скота.

У всех среднеазиатских народов земледелие и скотоводство сочетались в разных вариантах. Скотоводство преобладало у казахов и киргизов, земледелие — у таджиков и узбеков; большинство туркмен и каракалпаки были издавна полуоседлыми и наряду с земледелием и скотоводством занимались также рыболовством.

Природные условия и направление хозяйственной деятельности в значительной мере определили и особенности материальной культуры среднеазиатских народов. Для земледельческих районов, с большой плотностью населения были характерны крупные селения (кишлаки) и города с большой базарной площадью посредине и крытыми торговыми рядами, с монументальными культовыми сооружениями (мечети, медресе),

* Доклад, прочитанный 6 июня 1962 г. в Душанбе на Всесоюзной сессии на тему «Закономерности перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, минуя стадию капитализма».

узкими путанными улочками. Вокруг городов сохранялись крепостные стены.

И города, и кишлаки были разделены на кварталы и состояли из глинообитных или каркасных домов, выходящих на улицы глухими фасадами, чередовавшимися с высокими глинообитными дувалами, скрывавшими от посторонних взоров жизнь семьи.

В некоторых районах у земледельцев сохранился хуторской тип расселения. Их усадьбы (хаули, курганча) представляли собой небольшие крепости.

Селения скотоводов, как правило, были невелики и меняли свое место в зависимости от сезона. У кочевников и полукочевников основным видом жилья была юрта, имеющая свои варианты у разных народов Средней Азии и Казахстана. Для них были характерны степные базары, собиравшиеся в праздничные дни возле определенного центра.

Народы Средней Азии и Казахстана сохраняли традиционную национальную одежду, имевшую у каждого народа локальные варианты. Как и жилище, тот или иной вид одежды был во многом обусловлен хозяйственной деятельностью и историческими традициями. Тем не менее в одежде среднеазиатских народов имелись общие черты. Так, например, у всех народов комплекс одежды включал рубаху и халат туникообразного покроя. Согласно мусульманским традициям, женщины были обязаны скрывать лицо, руки и ноги от посторонних глаз, поэтому их платья шились с длинными по запястье рукавами, а ноги по щиколотку закрывались узкими длинными штанами. Волосы были скрыты головным убором (элечек, борик и др.), а поверх него набрасывался халат-накидка (паранджа, чырпы и др.), закрывающая всю фигуру. В городах и крупных селениях узбечки и равнинные таджички вместе с паранджой носили черную волосянную сетку — чачван, под которой прятали лицо.

Сохранение натурального хозяйства во многом определяло ассортимент пищевых продуктов. У скотоводов преобладали молочные и отчасти мясные блюда, у земледельцев пища была более разнообразной — в ней сочетались мучные и молочные блюда с прибавлением фруктов и некоторых овощей. Мясные блюда были слишком дороги для широких масс трудящихся и готовились лишь в праздничные дни.

В условиях господства феодальной собственности на землю, воду, пастбища, в условиях полнейшего бесправия и чудовищного внеэкономического принуждения, нередко прикрывавшегося формами патриархальных отношений, положение широких масс трудящихся было чрезвычайно тяжелым.

Большую роль в закабалении рядовых земледельцев и скотоводов играл ислам с его глубоко реакционной идеологией. Мусульманское духовенство проповедывало смирение, покорность и выступало против всего прогрессивного, против каких бы то ни было нововведений в повседневной жизни, в быту. Наряду с исламом повсеместно существовали и различные пережитки доисламских верований — почитание огня, деревьев, камней, родников, вера в демонические существа. Религиозные суеверия опутывали всю жизнь человека, сопровождая его от рождения до могилы.

Широкие массы населения были неграмотны. В начальных школах — мектебах детей обучали корану на арабском языке; в высших духовных школах — медресе, прививавших лишь схоластические представления, получали образование преимущественно дети богачей.

Патриархально-феодальные отношения, распространенные среди народов Средней Азии и Казахстана, общая отсталость, бескультурье и невежество, господство реакционного ислама — все это определяло собой и семейные отношения. Одной из бытовавших еще во многих местах форм семьи была патриархальная семейная община с деспотической властью ее главы, в зависимости от которого в экономическом и право-

вом отношении были все остальные члены семьи; особенно тяжелым было положение женщины. Приходившая на смену патриархальной общине малая семья по характеру взаимоотношений ее членов оставалась патриархальной. Власть главы семьи и бесправное положение женщины определяли и форму брака, который по существу был куплей-продажей девушки: за нее семья жениха должна была выплачивать отцу невесты калым.

Нередко девушку выдавали замуж в очень раннем возрасте. Как правило, браки заключались по воле родителей и старших родственников. Нормы шариата легализовали многоженство, практиковавшееся обычно среди зажиточных людей. Мужчина легко мог развестись с женой, тогда как для женщины развод был почти невозможен. В отношении брака одни народы придерживались эндогамных норм: брак заключался в определенном кругу родственников и сородичей; другие, напротив, строго соблюдали родовую экзогамию — запрет брака внутри родовой группы. Повсеместно бытовал обычай левирата, вынуждавший вдову выходить замуж за брата умершего мужа. Повседневная жизнь женщины, особенно молодой, была обставлена многочисленными запретами, унижавшими ее достоинство. Грубое обращение, ругань, даже побои со стороны мужа были частым уделом женщины. Кроме некоторых работ, связанных с земледелием и домашними промыслами, женщина выполняла и все домашние работы (уход за детьми, приготовление пищи и пр.).

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидировавшая капиталистический строй в России, вместе с тем уничтожила феодальные и патриархально-феодальные порядки на ее окраинах, в том числе и в Средней Азии и Казахстане.

Советское правительство сразу же после революции в законодательном порядке упразднило былое неравноправие женщины. На основе «Декларации прав народов России» и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» женщине предоставлялись равные с мужчиной права. Декретами от 19 и 20 декабря 1917 г. был установлен гражданский брак; затем были изданы декреты об охране и обеспечении материнства и младенчества, о равной заработной плате для мужчин и женщин, об охране женского и детского труда. В силу отсталости народов Средней Азии и Казахстана борьба за раскрепощение женщины здесь началась несколько позднее и носила острые формы; понадобился ряд специальных мероприятий. Так, были изданы декреты об отмене калыма и повышении брачного возраста. В 1919—1920 гг. при партийных организациях были созданы женотделы, которые периодически созывали женские делегатские собрания. В связи с многовековой изоляцией полов, получившей характер прочной традиции, в Средней Азии создавались специальные женские клубы и красные юрты, при которых организовывались ликбезы, библиотеки-читальни, консультации, женские интернаты и производственные артели; все эти специально женские организации лишь позднее, по мере преодоления затворничества и феодально-байского отношения к женщине, стали сливаться с общими организациями.

Партия и правительство проводили огромную работу по вовлечению женщин и девушек в общественную жизнь, по созданию женского актива; все силы были направлены на то, чтобы привить женщине новые взгляды, чтобы из забитого, робкого существа она превратилась в активного строителя новой жизни. В 1925—1926 гг. в республиках Средней Азии состоялись съезды трудящихся женщин. В городах и селах оседлых районов были проведены кампании за ликвидацию паранджи.

Борьба за раскрепощение женщины и укрепление новой семьи велась в обстановке яростного сопротивления реакционных элементов — духо-

венства, бывшей знати и богачей, а также и части трудового населения, которая еще не отрешилась от вековых предрассудков. Эта борьба проводилась одновременно с важнейшими мероприятиями по устраниению фактической экономической, политической и культурной отсталости народов бывших окраин царской России, в том числе и народов Средней Азии и Казахстана.

Как известно, на X съезде партии (март 1921 г.) специально рассматривался вопрос о политике партии по отношению к национальным окраинам. На съезде было принято постановление о мерах по повышению уровня развития отсталых народов и ликвидации их фактического неравенства. Необходимо было оказать помощь этим народам в создании промышленности, вырастить национальный рабочий класс, преобразовать отсталое сельское хозяйство, ликвидировать патриархально-феодальные пережитки в экономике и быту. Необходимо было развить их государственность.

Образование среднеазиатских республик в результате национального размежевания 1924 г. явилось важной предпосылкой процесса дальнейшего этнического развития, ликвидации экономической отсталости. В среднеазиатские республики было направлено большое число опытных партийных и советских работников, квалифицированных специалистов разных отраслей народного хозяйства и культуры.

Реконструкция оросительной сети, земельно-водная реформа, проведенная в разное время (с 1922 по 1928 г.) во всех республиках Средней Азии, оседание бывших кочевников и полукочевников — были наиболее крупными мероприятиями, повлиявшими на переустройство быта и культуры среднеазиатских народов в первое десятилетие Советской власти.

Преобразования в социально-экономической жизни народов, проведенные Советской властью до начала сплошной коллективизации, не успели настолько глубоко проникнуть в быт, чтобы изменить веками уставившиеся обычаи и обряды. Однако они подрывали патриархально-феодальные устои, способствовали развитию материальной культуры и хозяйства среднеазиатских народов. Земельно-водная реформа, например, уничтожила чересполосицу и неравенство в распределении земли. Ее проведение нарушило расселение по родственному признаку, прежнюю замкнутость общин и значительно уменьшило влияние родоплеменной верхушки и байства; в результате земельно-водной реформы многие женщины впервые в истории Средней Азии получили земельные наделы (например, в Туркмении самостоятельные наделы получили 2039 семей, во главе которых стояли женщины) ¹.

Еще более сложным, чем в земледельческих районах, было переустройство быта кочевых и полукочевых народов, в силу специфики своего хозяйства рассеянных на огромных пространствах степей и пустынь. Перевод этой части населения Средней Азии и Казахстана на оседлость начался с первых лет Советской власти и сопровождался полной реорганизацией их хозяйства, значительным изменением их быта. В результате наделения беднейшей части скотоводческого населения землей возникали постоянные поселения, сменившие кочевые аулы. В селениях за счет государства строили школы, клубы, магазины, медицинские пункты. Создание постоянных поселений позволило развернуть культурно-просветительную работу, которая в прежних условиях была затруднена из-за разбросанности кочевых скотоводов.

Успехи индустриализации, вытеснение капиталистических элементов из промышленности и сельского хозяйства, увеличение выпуска сельскохозяйственных машин и орудий — все это было важной предпосылкой для начала коллективизации.

¹ Б. Пальванова, Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин-туркменок, Ашхабад. 1957. стр. 54.

Проведение сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса оказали огромное влияние на формирование нового быта сельского населения. Изменения в быту и материальной культуре непосредственно следовали за изменением форм ведения хозяйства — созданием коллективных хозяйств, введением машинной техники, за повышением уровня жизни трудящихся.

Создание колхозов еще более, чем земельно-водная реформа, нарушило родовое расселение. Правда, во многих районах первые карликовые колхозы организовывались из родственников или представителей одной родовой группы, однако вскоре эти мелкие и мельчайшие коллективные хозяйства были объединены в более крупные.

Создание укрупненных колхозов и строительство колхозных поселков послужило дальнейшим шагом к отмиранию родовых пережитков и былой разобщенности. В районах, где прежде существовал хуторской тип расселения, и в местах оседания кочевников колхозные поселки строили заново; там, где земледельческое население жило кишлаками (центральный Узбекистан, Таджикистан, Южная Киргизия), старые кишлаки перестраивали.

Новые колхозные поселки отличались от старых прежде всего своей планировкой и внешним видом. В них не было узких кривых улочек и скученности, характерных для старых среднеазиатских кишлаков и городов. Новые дома возводились вдоль широких, прямых улиц, на некотором расстоянии один от другого. При этом главным отличием от прежних селений было нарушение былой замкнутости: исчезали высокие глухие глинобитные дувалы, скрывавшие внутреннюю жизнь семьи за своими стенами, дома стали строить фасадами на улицу.

В колхозных поселках бывших кочевников и полукочевников наряду с глинобитными, кирпичными или деревянными домами сохранялись юрты, однако от кочевых аулов новые поселки этих районов отличали не только наличие постоянных жилищ и правильная планировка селений, но и зеленые насаждения вдоль улиц.

Селения, где находились правления колхоза, школа, медпункт, колхозные мастерские и т. д., стали культурно-политическими центрами, средоточием общественной жизни населения.

В этот период в Средней Азии и в Казахстане возникает новый тип жилого дома, отличающегося от старых, дореволюционных, своим внешним видом и планировкой.

На смену стенным каминам, дымным открытым очагам посередине комнаты или вредным для здоровья сандалам приходят печи; в ряде районов, особенно там, где в соседстве с местным населением жили русские и украинские переселенцы (Казахстан, Киргизия), появляются кирпичные печи с обогревателями.

В старых селениях узбеков и северных таджиков, где особенно распространено было затворничество женщин, дома, как известно, делились на две части: внешнюю — ташкари (парадные комнаты) и внутреннюю — ичкари, где находились женщины и куда не имели права заходить посторонние мужчины.

В 1930-е годы уже не соблюдается строгое деление дома на две половины; во вновь построенных домах планировка значительно упрощается, а в старых усадьбах глинобитная стена, разделявшая две части дома, исчезает.

Индустриализация в республиках Средней Азии и Казахстане способствовала коренной социалистической перестройке старых городов. Они сильно разрастаются и изменяются, создаются новые кварталы с двух- трехэтажными домами, фасадами повернутыми к улице, с большими застекленными окнами, открытыми дворами и широкими озелененными улицами.

Новые города, возникшие около промышленных предприятий, стано-

вились проводниками нового быта и культуры среди окрестного сельского населения. Бывшие скотоводы и земледельцы, работающие в городе, воспринимали многие элементы городской культуры (в обстановке и украшении жилищ, в одежде, пище и т. д.). Через них городское влияние распространялось и в сельские районы.

Огромное влияние на изменение быта местного населения Средней Азии и Казахстана имела русская культура, которая проникла к ним через русских, частью издавна живущих в Средней Азии, частью приехавших в советское время, особенно в годы индустриализации из Центральной России. Влияние русской культуры в районах с давним русским и украинским населением (Северный и Восточный Казахстан, Северная Киргизия) усилилось в годы Советской власти, когда исчезло деление населения на представителей господствующей и угнетенной наций. Русский язык в этот период начинает приобретать большое значение.

Немалую роль в распространении новых форм одежды в республиках Средней Азии и Казахстане сыграл рост сети государственной и кооперативной торговли. С появлением в магазинах тканей, готовой одежды и обуви уменьшилась потребность в тканях кустарного производства и почти совсем исчезла кустарная обувь.

Городское влияние в это время прежде всего сказалось в одежде мужчин. Молодые мужчины в городах, отчасти и в сельской местности, стали носить фабричные костюмы и пальто; широкое распространение получает фабричная обувь — ботинки, сапоги, туфли. В женском национальном костюме произошли менее значительные изменения. При сохранении старого традиционного покроя одежды, ее стали шить из фабричных тканей (особенно в Казахстане и Киргизии). В городах Узбекистана и Северного Таджикистана в 1930-е годы получает распространение платье на кокетке с отложным воротничком. В эти же годы в ряде районов Узбекистана, Киргизии и в Казахстане вошел в моду среди женщин короткий жакет, воспринятый от русских и получивший название «кастум», «кастон». В городах женщины стали носить пальто фабричного изготовления.

Массовые походы против паанджи, проведенные в Узбекистане и Таджикистане в 1927—1928 гг., привели к тому, что большинство трудящихся таджичек и узбечек к началу 1940-х годов сняли паанджу, перестали закрывать лицо. В целом же в этот период костюм народов Средней Азии и Казахстана продолжает сохранять традиционные формы.

В результате выполнения планов первых пятилеток неизмеримо вырос уровень жизни населения, повысилось его благосостояние. Это сказалось, в частности, на изменении и увеличении ассортимента продуктов питания: теперь в пищевом рационе стали обычными сахар и конфеты, макаронные и другие изделия пищевой промышленности. Увеличилось потребление овощей и фруктов.

В период строительства социализма в нашей стране, и в частности в республиках Средней Азии и Казахстане, происходило формирование и развитие социалистических наций. Шел интенсивный процесс сближения прежде разрозненных мелких этнических групп или племен одного народа. Этот процесс нашел яркое отражение в развитии материальной культуры и быта, сложении общенациональных обычаяев и традиций.

Наряду с проникновением в материальную культуру городских элементов, общих для всех народов, складываются общенациональные формы одежды, украшений, жилища и его внутреннего убранства, стираются в быту черты, отличавшие прежде представителя этнографической группы тюрк, например, от узбека племени кунград или киргиза северных районов республики от жителя Таласской долины.

Мероприятия партии и правительства, проводившиеся в 1920-х годах по раскрепощению женщины, воспитанию кадров советских и партийных

работников из женщин, забота о росте их самосознания дали значительные результаты. Женщина стала активнее, она уже могла бороться за свои права, отстаивала их в семье, нередко выступала против деспотизма мужа или отца. Однако раскрепощение женщины приняло массовый характер и получило прочную базу лишь с 1930-х годов, когда началось широкое вовлечение женщин Средней Азии и Казахстана в производительный труд — в колхозах, совхозах и промышленных предприятиях. Коллективизация коренным образом изменила положение женщины в кишлаке. Колхозный строй дал женщине экономическую независимость, создал материальные условия для ее равноправия в обществе и семье.

Вначале вовлечение женщины в колхозы встречало большие препятствия. Не изжитая еще реакционная идеология, вековая традиция мешали примириться с тем, что женщина стала участвовать в общественном производстве. В ряде случаев женщин, даже работающих в колхозе, отказывались признавать членами колхоза. К тому же, отдавая дань старой традиции изолированности женщины на Востоке, местные органы были вынуждены временно прибегать к организации женских сельскохозяйственных артелей. В Узбекистане, например, в 1929 г. таких артелей было 500, в них работало 14 тысяч женщин; в 1930 г. — 1665 артелей, в которые входило около 53 тысяч женщин; существовало 1600 женских бригад внутри колхозов, в них участвовали более 34 тысяч узбечек. Однако постепенно эти трудности были преодолены, выросло число женщин, работающих в колхозе вместе с мужчинами.

Были созданы все условия для повышения культурного уровня населения, в частности сельского. Помимо широкой сети общеобразовательных школ, высших и средних учебных заведений, было организовано производственное обучение. В колхозной деревне появляется все больше грамотных, культурных людей, особенно среди молодежи.

Становление новой социалистической идеологии, повышение культурного уровня населения, осознание женщины своих прав и ее участие в производственном труде — все это привело к созданию семьи нового типа, советской семьи. Наиболее ярко это проявилось в изменении взаимоотношений между членами семьи, в изживании патриархальных порядков. Естественно, что процесс этот проходил не везде одинаково, иногда очень сложными путями.

Однако повсюду наблюдается рост авторитета женщины и ее значения в семье. Более интенсивно идет процесс выделения в самостоятельное хозяйство молодых супружеских пар; в ряде случаев браки уже заключаются на основе свободного выбора.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в период становления советской семьи у народов Средней Азии еще необычайно сильны были пережитки прошлого. Несмотря на большую разъяснительную работу, проводившуюся на местах, почти повсеместно сохранялись старые обычай и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, свадьбой, похоронами и поминками. Иногда они встречались в скрытой, замаскированной форме. Особенно серьезную работу пришлось вести с отцом девочек из старших классов школы, с реакционными взглядами на образование девушек.

Когда началась Великая Отечественная война и большинство мужчин ушло защищать Родину, женщинам пришлось заменить их в промышленном и колхозном труде. Многие женщины приобрели квалификацию трактористов, механиков, заняли руководящие должности в колхозах, на фабриках и заводах. Во многих случаях женщина стала главой семьи, на нее легли все заботы о благосостоянии семьи, воспитании детей. Изживанию консервативности семейного быта способствовало и возвращение домой фронтовиков, которые выступали в роли активных борцов с различными предрассудками в быту и с религиозными воззрениями.

В послевоенные годы рост народного хозяйства и укрепление кол-

хозов повлекли за собой дальнейшее развитие материальной культуры, изменение быта.

Современный колхозный поселок в большинстве районов Средней Азии и Казахстана так же сильно отличается от первых колхозных поселков, как последние отличались от селений кочевников и старых дореволюционных кишлаков.

Многие колхозные поселки по своей благоустроенности приближаются к селениям городского типа: они электрифицированы, радиофицированы, в них имеется водопровод, а кое-где и газ. Среди сельских строений выделяются общественные здания: школа, клуб, магазин, баня и т. д. Дома почти во всех районах Средней Азии построены из сырцового кирпича или из пахсы, с плоской крышей; в большей части Казахстана и в Северной Киргизии — деревянные с двускатной или плоско-двускатной крышей; в этом, в частности, сказывается русское и украинское влияние. Двускатные крыши, железные или шиферные, характерны и для домов в городах и поселках городского типа. В местах строительства новых совхозов и на вновь осваиваемых землях, а также в городах нашли применение новые строительные материалы — камышит, силикальцитные блоки и др.

Для новых жилых построек стали обычными большие застекленные окна, деревянные полы, железные или кирпичные печи, побеленные изнутри и снаружи стены. В домах появилась городская мебель — столы, кровати, книжные шкафы, диваны.

В последние десять лет в усадьбах многих колхозников хозяйственны постройки изолируются от жилых и помещаются в задней части двора, что свидетельствует о возросшей культуре быта.

Эти общие черты, характерные для жилища всех народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма, не лишают его, однако, национального своеобразия. Оно особенно проявляется во внутреннем убранстве комнат. С ростом зажиточности увеличилось стремление широких масс населения украсить свой дом яркими коврами, вышивками и т. д. соответственно своим национальным вкусам, что раньше было доступно только богатым. Особенно тщательно убираются мемон-хона (михманхана) — комната для гостей, а также комната для молодоженов. У узбеков, например, они украшаются красивыми сюзанами, повешенными на стену и закрывающими ниши со сложенными в них вещами и постельными принадлежностями. Пол покрывается кошмами и коврами. В киргизских домах стены завешены красивыми декоративными тушкайзами, а в простенках между окнами — вышитыми полотенцами, заимствованными от соседей — русских и украинцев. К кроватям подвешиваются кружевые подзоры, пол покрывается войлочным ковром, а сверху — меховым ковриком. Так же своеобразны интерьеры и у других народов Средней Азии; в убранстве комнат туркмен и каракалпаков большую роль играют ковры, в убранстве таджикского дома — вышивки.

Продолжает свое развитие и национальный костюм. Здесь, как и в жилище, вместе с общими для всех народов чертами, свидетельствующими о повышении культурного уровня населения и влиянии городской культуры, сохраняются и развиваются национальные формы. Туркменский национальный костюм отличается от киргизского, таджикский — от казахского и т. д., несмотря на то что в каждом из них в годы Советской власти появилось много общих элементов.

Старинные женские головные уборы — тяжелый туркменский «борик» и «яшмак» (платок, закрывающий рот), высокий киргизский тюрбан — «элечек», казахский «кимешек» и др. исчезли их заменили платки, носимые женщинами разных национальностей по-разному. У большей части населения имеется несколько комплектов одежды — праздничной и рабочей. Многие наряду с национальной имеют также одежду модных городских фасонов.

Городская одежда проникает в самые глухие уголки Средней Азии; в мужском костюме она все больше вытесняет традиционные формы или по-разному сочетается с ними. С костюмом фабричного производства, например, иногда носят национальные головные уборы, халаты; рубаху традиционного покроя — с покуянными брюками, и т. д. Женская национальная одежда более устойчива, однако в нее так же, как в мужскую, быстрее проникают те новые элементы, которые отвечают эстетическим представлениям народа.

Электрификация городов и многих колхозных поселков облегчила домашний труд женщин; там, где электричество еще не вошло в быт, для приготовления пищи вместо дымных очагов широко пользуются керосинками и керогазами.

Рост общения между отдельными народами и развитие сети общественного питания способствовали проникновению ряда кушаний — русского борща, сибирских пельменей, кавказского шашлыка, дунганского лагмана и др. в ассортимент блюд у всех среднеазиатских народов.

Победа социализма в нашей стране, более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей оказали влияние и на дальнейшее развитие и укрепление советской семьи.

Начавшийся еще на рубеже 1930-х годов в Средней Азии процесс вовлечения женщины в общественно-производственный труд из года в год становился все более интенсивным. На многих предприятиях, в колхозах женский труд стал занимать большее место, чем мужской. Например, в одном из казахских колхозов Джаныбекского района Западно-Казахстанской области в 1952 г. мужчины выработали за год 68618 трудодней, а женщины — 74765 трудодней²; в киргизском прииссыккульском колхозе «Ала-тоо» женщины составляют около 60% всего числа трудоспособных колхозников³, в уйгурском колхозе им. Калинина, Чилкского района женщины вырабатывают около 60% всех трудодней.

В новой Программе Коммунистической партии Советского Союза сказано: «Должны быть полностью устраниены остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством»⁴. В этой связи необходимо отметить, что в республиках Средней Азии и в Казахстане на предприятиях, в колхозах и совхозах сейчас функционирует развитая сеть детских учреждений, хорошая организация которых отмечается многими этнографами, например, работавшими в узбекских колхозах бывшей Наманганской области. В настоящее время, как указывалось выше, женщина в домашнем быту освободилась от многих тяжелых работ, падавших прежде на ее плечи. Не говоря уже о том, что женщина не приходится заниматься различными домашними промыслами, как это было раньше (приготовление пряжи, шитье одежды и многое другое), сейчас, с созданием благоустроенных поселков, женщина в некоторых колхозах освобождается даже от таких работ, как ношение воды, дров, частично заготовление впрок продуктов (например, копчение мяса) и т. п. У киргизов и других народов, перешедших на оседлость, женщина освободилась от многих трудоемких работ, связанных с кочевым образом жизни.

За последние годы несравненно по сравнению с довоенным временем повысился уровень образования, выросла культура народных масс.

² В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, в. 3, Ама-Ата, 1956, стр. 94.

³ С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова. Д. Сурайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVII, М., 1958, стр. 209.

⁴ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 393.

Одним из важнейших культурных факторов является широкое распространение русского языка в семьях у народов Средней Азии и Казахстана. Русский язык делает доступными для населения сокровища русской и мировой культуры. Кроме того, он служит средством общения между представителями различных народов Советского Союза. Получение высшего образования, в том числе девушками и женщинами, стало массовым явлением. Если еще в 1930-х годах специалисты среди женщин в той или иной отрасли труда у народов Средней Азии и Казахстана насчитывались единицами, то сейчас сотни и тысячи женщин работают учительями, врачами, агрономами, инженерами, научными работниками.

Все это создало прочную базу для независимого, равноправного положения женщины в современной семье. Узбекские этнографы сообщают, что «нередко жена является полной хозяйкой дома... часто... она фактически является в семье руководящей силой. Особенно это касается тех семей, где женщина занимает ответственное и почетное место в колхозном производстве»⁵.

В отличие от прошлого, в подавляющем большинстве случаев совершенно независимыми стали достигшие совершеннолетия дети. Уже в 1930-х годах процесс выделения молодых супружеских пар шел достаточно интенсивно, а теперь он стал почти всеобщим явлением; в колхозных семьях, как правило, если молодые первое время еще не отделяются совсем, то во всяком случае переходят жить в отдельное помещение (почти всегда более благоустроенное и комфортабельное), иногда в том же дворе. Цифровые данные подтверждают универсальность этого процесса. Так, например, у киргизов Прииссыккулья и Чуйской долины больше всего семей, состоящих из 4—5 человек, у казахов Западно-Казахстанской области — 5—6 человек. Чаще всего семья в 4—6 человек включает родителей, неженатых детей, а иногда и кого-либо из престарелых родственников.

Изменилось и отношение в семье к малолетним детям: сейчас уже изжито неравное отношение к мальчикам и девочкам. Прежде в бедных многодетных семьях дети с малых лет должны были выполнять тяжелые работы. Повышение материального благосостояния семьи привело к тому, что детям теперь обеспечен хороший уход и воспитание. Большое значение для правильного воспитания детей имеют организованные повсеместно учреждения материнства и младенчества, детсады, школы. Взрослые члены семьи заботливо относятся к школьным занятиям детей, покупают все необходимое для учебы, в доме им отводят специальное место для занятий. Дети получают и трудовое воспитание: подростков привлекают к посильным работам по дому, во время летних каникул дети работают на колхозных полях. Новой чертой, характеризующей отношение советских людей к детям, являются многочисленные случаи усыновления детей-сирот (в том числе и детей других национальностей), о чем сообщают этнографы, изучающие семейный быт народов Средней Азии⁶.

Изменилось положение невестки, которое ранее было приниженным, зависимым. Сейчас невестки, как правило, вполне самостоятельны. При неладах между свекровью и невесткой молодые обычно отделяются; если же муж не поддерживает жену, то иногда молодая добивается развода. Повышение культурного уровня семьи привело и к изживанию нечуткого, невнимательного отношения к нетрудоспособным старикам; сейчас их окружают заботой, к тому же все чаще старики пользуются поддержкой колхоза, обеспечивающего их пенсией.

⁵ С. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 188.

⁶ См., например, С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Указ. раб., стр. 235—236.

Характерной особенностью современной колхозной семьи у народов Средней Азии является то, что она постепенно теряет функции хозяйствственно-экономической единицы, занимая в этом отношении промежуточное положение между семьей 1930-х годов и семьей недалекого будущего. Рост благосостояния колхозов и колхозников ведет к постепенному сокращению таких элементов домашнего хозяйства, как приусадебные участки и домашний скот, хотя в условиях Средней Азии приусадебные участки играют еще сравнительно большую роль. Во многих случаях личные нужды членов семьи удовлетворяются через обобществленный сектор; таковы, например, общественное питание на полевых станицах, колхозные столовые, парикмахерские, бани и т. п.

Из существующей этнографической литературы о народах Средней Азии и Казахстана видно, что те хозяйствственные функции, которые сохраняет семья, у различных народов и в различных случаях осуществляются по-разному. Самое понятие главы семьи и распорядителя хозяйства в значительной степени утратило свое значение. Глава семьи, будь то мужчина или женщина, лишь регулирует семейный бюджет, но не распоряжается единолично семейной собственностью. Поэтому и вопросы, кто хранит семейные деньги, вносят ли все работающие члены семьи целиком свой заработок в семью и затем берут из общей кассы на свои нужды или же вносят деньги на повседневные расходы, а остальное оставляют себе,— не определяют специфики семейных отношений. Например, в некоторых работах по этнографии киргизов и таджиков⁷ указывается, что младшие члены семьи отдают деньги старикам, но затем тратят их с общего согласия, нередко заранее заявляя родителям о том, что они желали бы для себя приобрести.

В наше время, когда молодежь обоего пола свободно общается на работе, в учебных заведениях, в общественных местах, знакомится и сама определяет свои симпатии, браки все чаще заключаются по личной склонности. В этом деле постепенно преодолеваются прежние предрасудки, еще сохраняющиеся среди части старшего поколения; характерно, что в основе этих предрассудков лежит не стремление помешать браку между представителями семей различного имущественного положения, а скорее боязнь нарушить привычные экзогамные или эндогамные нормы. Однако жизнь преодолевает эти нормы, а также нормы «земляческой» и национальной эндогамии; теперь можно наблюдать случаи женитьбы на девушке из отдаленной местности или представительнице другого народа.

Необходимо отметить, что наряду с появлением новой формы свадьбы (главным образом в городах, в районных центрах), когда дело ограничивается гражданской регистрацией брака и последующим свадебным пиром, подавляющее большинство колхозных свадеб связано в той или иной степени с выполнением старой обрядности. При этом, однако, наблюдается тенденция к упрощению свадебных церемоний, исчезновению некоторых из них, чисто внешнему соблюдению других. Процесс этот идет по-разному и зависит от множества причин — влияния города, степени культуры семьи, постановки разъяснительной работы среди населения и т. п. Как на одно из интересных и заслуживающих всяческой поддержки начинаний, следует указать на создание «советов стариков», ведущих активную борьбу с феодально-байскими пережитками.

На устройство свадьбы, как правило, затрачиваются еще очень большие средства. Во многих местах жених делает подарки невесте и ее родным, что можно рассматривать как пережиток обычая уплаты калыма; он же несет основные расходы по свадьбе; нередко и сторона

⁷ См. С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулейманов, Указ. раб., стр. 220; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXIV. М.—Л., 1954, стр. 168.

невесты, помимо изготовления приданого, тратит значительную сумму денег на свадьбу. Однако заметна тенденция, как, например, сообщают казахские этнографы, к значительному сокращению расходов по свадьбе и подарков, иногда даже и вовсе обходятся без последних. Проводниками нового в семье и быте являются интеллигенция, молодежь, возвращающаяся в села из армии, студенты средних и высших учебных заведений⁸.

Отмечая новые, прогрессивные явления в семейных отношениях, нельзя, однако, пройти мимо того факта, что наиболее отсталые слои общества, не освободившиеся еще от груза старых понятий и религиозных предрассудков, пытаются консервировать старые семейные порядки, старые обряды и обычаи. Не секрет, что выполнение старинных свадебных обрядов и церемоний, включая и мусульманский обряд бракосочетания, равно как и различные захарские приемы и обрядовые действия, связанные с рождением ребенка,— обычно лишь уступка носителям отсталых взглядов, «дань уважения» верующим старикам, в той или иной степени еще влияющим на общественное мнение. Это относится прежде всего к церемонии обрезания. Но сила консервативной традиции такова, что нередко даже молодые, культурные родители не решаются бороться с этим злом и устраивают обрезание сыновьям, расходуя на этот «праздник» огромные средства.

Помимо этих все еще распространенных консервативных явлений, встречаются (правда, значительно реже) и факты противозаконных действий, известных у нас под названием феодально-байских пережитков. Тревожные сигналы поступают из Каракалпакии, где в отдельных случаях в замаскированной форме бытует обычай калыма, двоеженство, о чем сообщалось еще на совещании археологов и этнографов в Душанбе в 1956 г.⁹; встречались факты уплаты калыма и обязательного выхода замуж девушки за юношу, предназначенного ей группой старших родственников, у белуджей¹⁰. Имеются засвидетельствованные в самое последнее время у таджиков-матчинцев, переселившихся в Дальверзинскую степь¹¹, а также у туркмен¹² случаи выдачи замуж несовершеннолетних девушек и запрещения им учиться в школе. Подобные факты требуют самого пристального внимания общественности. Необходимо развернуть решительную борьбу с сохраняющимися еще кое-где реакционными пережитками.

* * *

Новая Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде, предусматривает создание в ближайшие два десятилетия материально-технической базы коммунизма, дальнейшее развитие индустриализации и всесторонне развитого продуктивного сельского хозяйства. Это определяет и направление в развитии семьи и быта у народов Советского Востока.

Былая экономическая, политическая и культурная отсталость народов Средней Азии ликвидирована. В великих стройках коммунизма в Средней Азии— Нурекской и Тахиаташской ГЭС, Каракумского канала, в освоении Голодной степи, строительстве газопровода Газли— Урал — находят практическое разрешение задачи дальнейшего разви-

⁸ Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, в. 3, Алма-Ата, 1956, стр. 87, 276.

⁹ С. Камалов, Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпаков, «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 122—124.

¹⁰ Э. Г. Гафферберг, Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г., «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 125.

¹¹ М. Хамиджанова, Заселение вновь орошаемых земель Таджикистана, Доклад, прочитанный на I Междунровом совещании по географии населения (янв.— февр. 1962 г.), рукопись.

¹² «Правда», 25 мая 1962 г.

тия среднеазиатских народов. Осуществление этих строек ускорит стирание различий между условиями жизни городского и сельского населения и будет содействовать дальнейшему улучшению быта.

Все растущие связи и взаимодействие между народами наряду с ростом культуры каждого из них создают новые формы материальной культуры у народов Средней Азии и Казахстана. Благодаря взаимовлиянию отдельных национальных форм, развитие которых продолжается и в наши дни, постепенно складываются более широкие межнациональные формы социалистической культуры, характерные для двух, трех и т. д. территориально и этнически близких народов. Уже теперь наметилось несколько таких районов, вокруг которых происходит сближение родственных, но вполне самостоятельных национальных культур. Среди них наиболее четко выделяются два. Центром первого является Восточный и Центральный Узбекистан и Северный Таджикистан, население которых издавна имеет чрезвычайно много общих черт в культуре. В центре второго района находится Юго-Восточный Казахстан и Северная Киргизия.

Если в развитии общих элементов культуры в первом из названных районов большую роль сыграла культура узбеков и таджиков, то на формирование общности второго района влияние русской и родственной ей украинской культуры было несравненно более сильным. Большую роль в дальнейшем развитии общенациональных форм культуры играют взаимосвязи различных братских народов Советского Союза, идущие через город, являющийся культурным центром определенного района, а затем уже распространяющиеся в села.

Следует сказать еще несколько слов о семейных отношениях в период развернутого строительства коммунизма, когда все те процессы, о которых говорилось выше, получат дальнейшее развитие. Дело идет к тому, что в недалеком будущем советская семья у народов Средней Азии и Казахстана, как и у других народов СССР, утратит свои функции хозяйственно-экономической единицы. «На определенном этапе общественное хозяйство колхозов,— говорится в Программе Коммунистической партии,— достигнет такого уровня развития, когда станет возможным за счет его ресурсов полностью удовлетворять потребности колхозников. На этой основе личное подсобное хозяйство постепенно себя изживет экономически. Когда общественное хозяйство колхозов сможет полностью заменить личное подсобное хозяйство колхозников, когда колхозники сами убедятся в том, что им невыгодно иметь приусадебное хозяйство, они добровольно откажутся от него»¹³.

Благоустройство быта облегчит домашний труд женщин.

«Экономический подъем колхозов позволит совершенствовать **внутриколхозные отношения**, в частности «шире развивать общественные услуги (общественное питание, детские сады и ясли, бытовые учреждения и т. д.)»¹⁴. Таким образом, отпадет большая часть домашних работ в семье, и женщина, полностью освобожденная от непроизводительного домашнего труда, избавится от неравного положения в быту.

Дальнейшее повышение культурного уровня, изживание влияния ислама, еще пытающегося воздействовать именно на самые интимные стороны семейного быта и на духовную жизнь населения, приведут семью к окончательному освобождению от старых обычаем и предрасудков, о которых говорилось выше.

Вместе с тем необходимо создавать и укреплять новые обряды и празднества, связанные с важнейшими моментами семейной жизни, уже получившие широкое распространение у многих народов СССР. Необходимо, чтобы общественность колхозов, заводов, фабрик

¹³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 382.

¹⁴ Там же.

и других предприятий принимала непосредственное участие в семейных торжествах колхозников и рабочих, что, несомненно, будет способствовать укреплению чувства колLECTивизма. Было бы хорошо, если бы колхозная, фабричная или заводская общественность противопоставила старым религиозным праздникам новые, советские, в частности возродила бы народный праздник весны «гулисурх», а также организовала празднование достижения детьми школьного возраста, окончание школы и т. п.

В вопросах изживания предрассудков и создания новых коммунистических праздников большая роль принадлежит самой общественности. «Чем выше сознательность членов общества,— говорится в Программе Коммунистической партии,— тем полнее и шире развертывается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми...»¹⁵.

SUMMARY

Despite their rich, original cultures of early times, the peoples of Central Asia and Kazakhstan, by virtue of specific historical conditions, were extremely backward on the eve of the Great October Socialist Revolution. Patriarchal-feudal relations were predominant almost throughout the entire area, with Islam and pre-Islamic religious beliefs playing a prominent part. Women were deprived of all rights in the sphere of both social and family life.

Immediately after the October Revolution planned activities began to be carried on everywhere, aimed at the emancipation of the women. Tremendous efforts were expended in order to change the backward customs and forms of family life. The main part here was played by the changes in the people's social and economic life, effected during the reconstruction of the national economy and also in the postwar years. As a result of these changes, the way of life of the indigenous population of Central Asia and Kazakhstan was radically transformed, and their culture raised to an immeasurably higher level. The women became fully-fledged members of society.

In our own time — the period of the building of Communism — new intra-national forms of material culture are gradually taking shape; the functions of the family as an independent economic unit are gradually withering away.

Public bodies and public opinion are coming to play an increasing part in doing away with prejudice, in educating the younger generation and establishing new, Soviet holidays.

¹⁵ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 408.

А. С. МОРОЗОВА

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА КАЗАХСТАНА

(По материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР, 1959 г.)

Этнографическим изучением рабочего класса Казахстана занимались очень мало. Специальных экспедиций для изучения быта и культуры рабочих-казахов не предпринималось ни центральными, ни местными этнографическими учреждениями, если не считать кратковременной командировки в Караганду Н. А. Оразбаевой, результаты работы которой не были опубликованы. Поэтому нам кажется, что материал о казахских рабочих, собранный экспедицией Государственного музея этнографии народов СССР в 1959 г. среди шахтеров Караганды, будет представлять известный интерес.

В предлагаемой статье мы не можем дать широких выводов и обобщений, так как работа по этнографическому изучению рабочего класса Казахстана нами только начата и для подобных выводов еще недостаточно материала. Хотелось бы только поделиться опытом изучения национального рабочего класса и привести некоторые сведения.

Работа велась нами на 12 шахтах Караганды двумя путями:

а) путем посещения семей и непосредственного наблюдения их быта, опроса старых и молодых производственников и членов их семей, записей рассказов, заполнения посемейной анкеты и б) путем раздачи анкет шахтерам-казахам — только по вопросам формирования современных рабочих кадров. Первым путем были обследованы 30 семей шахтеров, вторым — 349 рабочих и инженерно-технических работников.

Полученный нами материал касается следующих вопросов:

- 1) пути формирования и состав рабочих-шахтеров Караганды до Великой Октябрьской социалистической революции;
- 2) положение шахтеров Караганды до революции — с конца 1890-х годов до 1917/18 г.: условия найма, организация труда, производственные условия, быт рабочих, их жилищные условия, бюджет семьи рабочего, одежда, питание и др.;
- 3) современное положение шахтеров, производственные и бытовые условия, новые черты быта, состав и структура семьи, сохранение в быту национальных черт;
- 4) формирование современных кадров рабочих.

* * *

Карагандинское каменноугольное месторождение является одним из старейших центров добывающей промышленности Казахстана. В 1830-х гг. здесь был случайно обнаружен уголь пастухом-казахом Апаком Бажановым. Существует предание, будто молодой пастух Апак, охотясь за сурком, затянул его в нору, забросал ее кизяком и поджег, чтобы выкурить зверька. Когда на другой день он пришел к норе, то увидел горящие черные камни. Апак взял их и показал отцу, а тот —

русскому инженеру, который определил эти черные куски как каменный уголь. За находку месторождения Апак получил 100 руб.

В 1850-х гг. русский купец Ушаков купил у бая Иглиха Утепова и его сыновей эту местность площадью в 100 кв. верст за 250 руб. С 1857 г. начали закладывать шахты и добывать уголь. Первоначальное число рабочих было незначительным. В первый год на первой выработке «Ивановский разрез» работал 61 человек и было добыто 59 тыс. пудов угля. Через десять лет (1867 г.) на шахтах Караганды работало 110 чел., в 1877 г.— 173 чел., в 1880 г.— 226 человек.

Но работа в шахтах часто носила сезонный характер: на зиму, как правило, большинство шахт закрывалось и рабочие-казахи уходили в аулы, русские рабочие — в другие места на заработки или шли по домам.

В 1904 г. владелец Карагандинских копей, Спасского медеплавильного завода и Успенского рудника промышленник Рязанов продал их сыну французского президента Карно. В 1907 г. эти предприятия и копи перешли в собственность английского «Акционерного общества Спасских медных руд», которому они и принадлежали до самой революции.

Карагандинское угольное месторождение находилось в центре района, богатого ископаемыми, прежде всего медной рудой. Поэтому открытие и добыча угля в Караганде дали толчок к добыче и обработке меди и, следовательно, постройке медеплавильных заводов. Таким образом, уже в то время Караганда была крупным промышленным центром и, следовательно, одним из первых и старейших очагов формирования и концентрации рабочего класса Казахстана.

Состав рабочих Караганды был многонационален: казахи, русские, украинцы, татары и др.

Полевые материалы, дополняя и подтверждая литературные источники по этому вопросу, говорят, что среди шахтеров Караганды казахи составляли значительную часть. Это были жители ближайших к Караганде областей — Семипалатинской (главным образом из Каркаралинского уезда), Акмолинской и др.

В родоплеменном отношении среди шахтеров Караганды было больше всего представителей рода каракесек, несколько меньше из родов сайдалы, каржас, куандык, сармантай, и лишь единицы — из тобокта, шарахты, суюндык, мурат и др. Все эти роды входили в состав Среднего жуза.

Характерно, что среди современных шахтеров-казахов родовую принадлежность помнят только люди старшего возраста, молодежь может ответить на этот вопрос лишь с помощью родителей.

В социальном отношении кадры шахтеров Караганды в прошлом формировались из бедняков-скотоводов, не имеющих возможности прокормить семью средствами своего хозяйства и вынужденных уходить на заработки, а также из батраков, пастухов и т. д.

Рабочие кадры в значительной мере пополнялись из среды «кедеев», промежуточной группы крестьян между неимущей беднотой — «байгушами» и «консы» и самостоятельными скотоводами — «жай-шаруя». Они имели небольшое количество скота, чаще молочного (коров), жили оседло, на зимовках имели глинобитный или деревянный дом, нередко возделывали небольшие участки земли. Обычно они нанимались сезонными сельскохозяйственными рабочими к баям, русским кулакам-переселенцам и казакам, батрачили в качестве пастухов и т. д. Выходцы из этой среды не порывали связей с аулом, семьи их, как правило, жили там. По окончании сезона работы рабочие на зиму часто возвращались с шахт в родной аул к семье. Из опрошенных нами 24 шахтеров старшего поколения 15 человек оказались выходцами из крестьян — скотоводов и земледельцев, четверо из них, как сообщают информаторы, принадлежали к категории кедеев. Так, Джусунбеков Токиш, ныне почетный шахтер-пенсионер, 1896 г. рождения, — выходец из кедеев; в хозяйстве

его семьи были две коровы, лошадь, дом из шима (дерна). Его отец и он сам до революции вынуждены были наниматься к баям в качестве косцов и пастухов¹. В хозяйстве у отца Абдрахманова Джанасееда, Героя Социалистического Труда, в дореволюционное время имелись: одна корова, одна лошадь, до десятка коз и около 0,5 га земли. В условиях кочевого натурального и полунатурального хозяйства, когда скот давал основные средства существования семьи — и продукты питания в течение круглого года, и материалы для одежды, обуви и оснастки кочевого жилища (кошмы для юрты), либо был предметом товарообмена и продажи, такое количество скота не могло обеспечить даже простого воспроизведения хозяйства и нормального существования семьи. Средств для жизни не хватало, и отец с сыном нанимались в батраки к зажиточным казахам. То же можно сказать и относительно Ибакоева Джанайдара — навалоотбойщика шахты № 3-бис, ныне пенсионера, а также Сулейманова Кокона. У первого в хозяйстве отца было: 4 лошади, 2 коровы, овцы, у второго — 2 коровы и несколько лошадей². 13 рабочих происходили из крестьян-бедняков, семьи некоторых из них постоянно жили в аулах; шахтеры возвращались в аул после сезона работы и наезжали в период работы — привозили заработанные деньги и гостины семье³. Семь человек были потомственными рабочими, являясь представителями второго и третьего поколений шахтеров или заводских рабочих. Так, у почетного шахтера, ныне пенсионера Нуруба Ибрая, 1889 г. рождения, дед Алпыспай и отец Алпыспаев Нуруб были забойщиками в старой Караганде, здесь и умерли. У Серсенбекова Шаймагана с шахты № 8/9 им. Горбачева и у Картыбаева Кенжебека с шахты № 18 отцы были рабочими Спасского медеплавильного завода. У Нурмаганова Габдуллы, Героя Социалистического Труда, Асанинова Шайта, помощника начальника шахты № 8/9, Шакирова Мухая, почетного шахтера — отцы, старшие братья и дяди были шахтерами и рабочими предприятий Караганды, Экибастуза, Кзыл-Эспе и др.⁴

По нашим материалам выявляется, что большинство из этих потомственных рабочих детство и юность все же проводили в ауле со своими семьями, занимаясь сельским хозяйством, или работали по найму в качестве пастухов и батраков у баев и кулаков. Затем вместе со своими отцами или после их смерти нанимались на работу в шахты. Это сочетание рабочих и крестьянских черт в быту, сохранение связей с аулом является характерной особенностью казахского рабочего класса вплоть до начала XX в.

Наем рабочих на шахты происходил двояко: вербовкой на местах через специальных агентов и наймом на шахтах. Большинство приходило наниматься непосредственно на шахты к подрядчикам, которые собирали артели рабочих для различных подземных работ. В артель входили и русские, и казахи, и татары. Численность рабочих в артели колебалась от 5—6 до 10—12 человек и зависела от условий подземной работы. В артель входили 2—4 забойщика, 1—2 разбивальщика угля, 1—2 саночника-откатчика, отгрузчики и вагонеточники. В артели существовало четкое разделение труда. Крепильщики всегда составляли отдельную самостоятельную артель. Большинство крепильщиков были русские.

Подрядчики выкупали подряд на добычу угля у англичан — владельцев шахт. Непосредственно общались с рабочими, давали им задания, записывали норму выработки десятники или нарядчики, смотрители.

Никаких письменных или устных договоров или обязательств подрядчик с рабочими не заключал и в любое время мог их уволить, пере-

¹ Полевая запись 1959 г., № 20. Все полевые записи автора хранятся в Гос. музее этнографии народов СССР в отделе Средней Азии.

² Полевые записи 1959 г., № 10 и 12.

³ Там же, № 1.

⁴ Полевые записи 1959 г.

вести на другую работу. Рабочие находились в полной власти хозяев и подрядчиков и зависели от их произвола. Особенный произвол царил на мелких шахтах. Там были очень высокие нормы выработки и низкие расценки, налагалось большое количество штрафов и т. п. Особенно это практиковалось в те периоды, когда был избыток рабочей силы, предприниматели-англичане прекращали набор на свои шахты и людям некуда было податься.

При найме отбирали наиболее здоровых мужчин, старики не брали, а мальчиков использовали на наземных работах — коногонами на вороте, на подсобных работах. Женщины-казашки до революции в шахтах не работали.

Рабочий день шахтеров продолжался 12—14 часов — от зари до зари, от темна до темна, как говорили наши информаторы. Условия работы в шахтах были тяжелые: вентиляции не было, часто скоплялся газ, освещение было совершенно недостаточное. У рабочих были жестяные лампочки-коптилки, прикрепляемые к поясу во время ходьбы и заправленные мазутом, животным жиром или конопляным маслом. От мазута и жира в забое и штреках стояла сильная копоть — человека не было видно; конопляное масло давало меньше копоти, но было дорого, его употребляли значительно реже. В некоторых шахтах забойщикам выдавали большие стеариновые свечи, которые прикреплялись, как и лампочки, на выступах и в углублениях стен в забое⁵. Старые шахтеры сообщали, что нередко голодные рабочие выливали из лампочек животный жир и ели его, за что подвергались штрафам⁶.

Позднее были введены металлические лампы с крючком для подвешивания; на лампах было выштамповано: «бог в помощь». Оттого, что огонь в лампочках был открыт, в периоды скопления газа часто бывали взрывы и обвалы, влекущие за собоюувечья и человеческие жертвы.

В штреках и забоях было много воды, дощатых настилов не было и возить тачки и вагонетки с углем было очень тяжело⁷. Креплений было мало, особенно в забое. Во многих шахтах спуск происходил по деревянным лестницам, поставленным внутри узкого, 80—100 см в сечении, общитого досками ствола; в редких случаях спускались и подымались в клети. В бадьях хозяева опасались спускать рабочих, так как бадья раскачивалась и ударялась о стены и находящийся там человек мог быть убит. Лестницы шли под углом уступами. Рабочие после наряда спускались в шахту один за другим, криками предупреждая друг друга, чтобы не столкнуться. Специальной производственной одежды, предохраняющей от ушибов и травм, шахтерам не выдавалось, на работу в шахту они надевали обычную старую, поношенную одежду и обувь, на голову — меховую или войлочную шапку «борик», на голое тело надевали овчинную куртку «тон» и такие же штаны «шалбар». Ноги обворачивали куском кожи, овчины или портняками, обматывали веревками, чтобы не попадал уголь; носили кожаные сандалии или прикрепляли к ступням деревянные дощечки. Из снятой с ног лошадей или коров шкуры шахтеры сами шили себе род кожаных чулок и рукавицы. Если в забое было жарко, куртку снимали.

Все наши информаторы говорили об очень высоких нормах выработки, устанавливавшихся хозяевами и подрядчиками, очень часто не выполнимых для рабочих⁸. На разных шахтах и у разных хозяев нормы были не одинаковые. Так, забойщик или кайловщик должен был, по словам Сихимбаева Бекбосына, вырубить за смену 1 кубометр,

⁵ Полевая запись 1959 г., № 17.

⁶ Там же, № 7.

⁷ Там же, № 29.

⁸ Там же, № 38.

г. е. 1200—1500 кг угля. Егизельдынов Абдрам называл цифру 0,7 куб. метра, Шакиров Мухан — 0,6 куб. метра⁹. Саночники, откатчики, обслуживая одного-двух забойщиков, обязаны были вывезти из забоя весь вырубленный уголь; расстояние от забоя до штрека, где уголь грузился в вагонетки, составляло 150, иногда 300 и более метров. Это расстояние, смотря по условиям в забое, рабочий должен был проползти с санками или пройти с тачкой, вмешавшей 50—60 кг угля. За смену откатчику нужно было делать 25—30 концов в забой с пустой тачкой и обратно — с груженой¹⁰. Вагонетки от штрека до ствола и до клети катились вагонеточниками вручную, позднее — лошадьми. Что касается крепильщиков, работавших по разным штрекам и забоям, то, по сообщениям старых шахтеров, каждый крепильщик должен был поставить 5 пар креплений и дополнительно добыть две вагонетки угля.

Заработка плата для основных профессий шахтеров, по нашим материалам, выражалась в следующих цифрах: забойщик при двенадцатичасовом рабочем дне зарабатывал 50—70 коп. в день, или 15—16 руб. в месяц. Саночник получал в день 30—40 коп. в зависимости от расстояния, на которое он возил уголь. Погрузчик угля зарабатывал по 6—7 руб. в месяц; вагонетчик — 7—8 и до 9 руб. Детям и женщинам, работавшим на откачке воды, на вороте, платили 20—30 коп. в день.

Заработка плата выдавалась на всю артель и распределялась между шахтерами с учетом их специальности по указанной выше шкале.

Выдавалась заработка плата чаще всего один раз, в конце месяца. Выплата шла через подрядчиков и производилась у них на дому. Фактически это был расчет с рабочими за чай, сахар, муку, мануфактуру, по-дошвы и т. п., выданные им в течение месяца в рудничных лавках, принадлежавших англичанам, подрядчикам или купцам. Зарплата шла в погашение долга рабочих, и денег на руки рабочие, как правило, не получали, часто оставаясь еще в долгур.

В Караганде практиковались три способа выплаты заработка продуктами: 1) через заборные, или литерные, книжки; 2) путем выдачи рабочему подрядчиком талона на определенную сумму, на которую он мог в лавке забрать продукты в счет своей зарплаты; 3) путем выдачи купцом или торговцем рабочему векселя на определенную сумму.

К концу месяца все эти документы учитывались, и стоимость продуктов, забранных в лавках, вычиталась из заработной платы шахтера; если шахтер не добирал продуктов на всю сумму — остаток получал деньгами, если перебирал, что случалось гораздо чаще, долг переписывался на другой месяц.

Преимущество в зарплате у русских рабочих перед рабочими-казахами или других национальностей не было, получали все одинаково, в зависимости от специальности.

Даже при сравнительной дешевизне продуктов питания и других товаров зарплаты рабочих не хватало на более или менее сносное существование, так как действовала разветвленная система штрафов, уносившая значительную часть, иногда от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ заработка рабочего.

Холостой рабочий жил в основном на зарплату, из которой он должен был, хотя бы изредка, уделять средства и на посылки родителям, жившим в ауле (чай, сахар, мануфактура); зато на какое-то время он в семье запасался продуктами питания (сухой сыр — «курт», сало, иногда мясо) и некоторыми предметами одежды или материалом на одежду (армячина, овчина). С помощью семьи он перебивался, не вылезая, однако, из долгов хозяину и лавочнику.

Положение семейного рабочего было еще более тяжелым, чем холостого. Поэтому, как правило, шахтеры очень поздно обзаводились семьями.

⁹ Полевая запись 1959 г., № 38.

¹⁰ Там же, № 7.

Большинство наших информаторов старшего поколения женились в возрасте за 30 лет. Так Егизелдынов Абдраим женился 35 лет, когда скопил калым — 25 голов разного скота. Нуруб Ибраим женился 43—45 лет, когда трудился уже в советской Караганде, так как до этого был настолько беден, что не мог содержать семью. Поздно, 38—39 лет, женился и Сихимбаев Бекбосын, забойщик. Джусунбеков Токиши женился 37—38 лет и т. д.¹¹

Если у шахтеров или у их жен были родственники и какое-то хозяйство в ауле, семьи во многих случаях оставались там.

Следовательно, бюджет семьи шахтера в таких случаях слагался из заработка главы семьи и в значительной степени из средств, получаемых от сельского хозяйства. Только таким образом семейный шахтер мог прокормить свою семью.

Однако некоторая часть шахтеров после женитьбы порывала с аулом или не имела экономических и родственных связей с ним, и семья жила в шахтерском поселке. В таких случаях из аула переселялись не только члены семьи рабочего, но на новое место жительства переводилось все движимое имущество — имеющийся скот, а также юрта, утварь. Коров и коз имели многие шахтерские семьи, это обеспечивало семью молоком и в некоторой мере мясом.

Питание значительной части рабочих и их семей состояло главным образом из молочных продуктов — курт, еремшик, айран, получаемых в своем хозяйстве; мясо и сахар употребляли редко.

Холостые рабочие приготовляли пищу сами. Горячую пищу потребляли один раз в день — после работы, и то не ежедневно. Семейные рабочие питались более регулярно и чаще имели горячую пищу.

Жилье холостых рабочих было больше чем наполовину крытый в землю барак-землянка «жербарак», представляющий собой длинное в 12—15 м помещение из камня, дерна и караганика (кустарника), с плоской земляной крышей и проделанными в ней световыми отверстиями. Внутри барака по обе стороны сооружались деревянные нары, на которых спали рабочие, посредине была русская печь, служившая для приготовления пищи и обогрева барака.

Семейные жили в юртах или строили себе землянки: рыли продолговатую яму глубиной 1,5—2 м, длиной 8—9 м, шириной 3—4 м. Стены обкладывались мелким камнем и несколько возвышались над землей, крыша была плоская, с отверстием для света, делалась из досок, караганика, земли и обмазывалась глиной. Землянка состояла из небольших сеней — «аузы», размером 1×1,5 м, хозяйственного помещения — «коры» или «кишкентай-коры» 4×4 м (маленький крытый двор) под одной крышей с жилым помещением — «тори». В коры помещался скот — корова, козы, ягнята, если он имелся¹². Если не было скота, жилище состояло только из сеней и жилой комнаты, в левом углу которой сооружался глиняный «казанджик» для приготовления пищи и обогрева жилища в холодное время года с дымоходом, выходящим на крышу.

Таким образом, в жилище рабочих имелись некоторые традиционные черты оседлого зимнего жилища скотовода. Из таких хаотично расположенных землянок, юрт и бараков состоял шахтерский поселок.

Обстановка жилища состояла из деревянной кровати, низкого круглого стола, разостланных на полу кошм и циновок. Пищу готовили в казане, чай кипятили в металлических чайниках, ставя их на отверстие очага, позже в самоварах; вместо чашек и пиал пользовались жестяными банками. Была в употреблении кожаная и деревянная утварь для жидких продуктов и воды.

¹¹ Полевые записи 1959 г., № 1, 7, 17, 20.

¹² Посемейные карточки, № 5, 7, 11, 13, 30, 1959 г.

Одежда шахтеров, как и убранство жилища и домашняя утварь, сохраняла национальные черты. Мужчины и женщины носили такую же по покрою и составу одежду, как и у себя в ауле, но беднее и проще, сшитую чаще из покупных дешевых тканей — ситца, бязи, кумача.

Регулярного и систематического отдыха шахтеры не имели, и только по большим праздникам (рождество, пасха) хозяева прекращали работу и рабочие отыхали.

Как говорилось выше, шахтеры женились поздно, в жены брали девушек, как правило, из своего аула, из бедняцких семей или сирот, выплачивая минимальный калым — 25 голов разного скота, или женились совсем без калыма. Мусульманский обряд бракосочетания часто и не совершался. Многие шахтеры сговаривались с девушками и увозили их к себе, женились «увозом». При анализе материалов посемейных карточек оказалось, что в 5 случаях из 21 браки совершались «увозом» по договоренности с невестой¹³, в двух случаях — с выплатой калыма¹⁴ и в остальных 14 случаях (у шахтеров старшего поколения, старше 50 лет) — являлись фактическими браками, без религиозного обряда, а в советское время были зарегистрированы в ЗАГС'е.

Среди шахтеров в советское время нередки случаи повторных браков, вызываемых смертью жены или мужа, иногда разводом. В наших материалах имеются факты шести-, трех- и двукратных повторений браков, но не зарегистрировано ни одного случая многоженства. При повторных браках жены намного, иногда вдвое моложе мужей.

Семья раньше состояла в основном из двух поколений — родителей и детей. Как правило, стариков — родителей супругов — в шахтерских семьях не было, так как многие шахтеры с детства были сиротами; в тех случаях, когда старики имелись, они чаще всего оставались в аулах из-за невозможности прокормиться только на заработок шахтера.

* * *

За годы советской власти и социалистического строительства Караганда превратилась в крупную угольную базу Советского Союза, в высоко технически развитый экономический район с добывающей и обрабатывающей промышленностью.

В 1931 г. состоялось специальное решение правительства СССР о строительстве в Караганде новых шахт, современных наземных сооружений, необходимых для добычи угля. В строительстве третьей угольной базы принимал участие весь советский народ. Братскую помощь оказали горняки Донбасса, прислав 400 квалифицированных рабочих-шахтеров и инженерно-технических работников для обучения шахтеров Караганды новым методам угледобычи и строительству новых шахт. Старые шахтеры Нуруб Ибраи, С. Ф. Бубнов вспоминают, что большинство рабочих в 1930-х годах были из крестьян, их учили строить шахты, добывать уголь¹⁵.

На первых порах в добыче угля было еще много старых приемов и орудий труда. Наряду с отбойным молотком, который появился в 1932 г., еще применялись кайло, ручная тачка и санки для вывоза угля из забоя и ворот, приводимый в движение лошадью, для подъема угля на-гора.

Теперь Караганда стала одной из наиболее передовых в области механизации и усовершенствованных методов добычи угля.

В корне изменились и положение шахтеров на производстве, их жизнь и быт. Современные шахтеры — это многонациональный коллектив тру-

¹³ Посемейные карточки, № 5, 7, 11, 13, 30.

¹⁴ Там же, № 22, 28.

¹⁵ Полевая запись 1959 г., № 4.

жеников, в котором рука об руку работают русские, казахи, украинцы и др., прибывшие из разных концов Советского Союза.

По анкетным данным, собранным в четырех шахтах треста «Кировуголь», основная масса карагандинских шахтеров люди молодые, в возрасте 20—40 лет. Шахтеры, достигшие пенсионного возраста (50 лет), обычно уходят на пенсию, и лишь незначительная часть остается работать дольше. Рабочие более двадцати профессий участвуют в добыче угля и в подсобных, сопровождающих операциях. Среди них ведущими являются профессии комбайнеров — машинистов угольных комбайнов, помощников машинистов, проходчиков и др. Все эти сложные специальности приобретаются рабочими с отрывом и без отрыва от производства в учебно-курсовом комбинате, в который входят различные курсы по специальностям, учебные пункты, ФЗО, техникумы и т. п.

Все основные трудоемкие операции — от проходки до транспортировки добытого угля — механизированы. Но дальнейшая механизация и усовершенствование в угледобыче продолжаются, вводятся новые, более совершенные комбайны, механизмы для навалки угля в лавах, сложные комплексы, освобождающие шахтеров от буро-взрывных операций, все больше используются металлические крепления и т. д. При таких условиях, созданных современной техникой, труд шахтеров неизмеримо облегчен и обезопасен по сравнению с прошлым.

Рабочий день советских шахтеров — шесть часов; теперь созданы все необходимые условия для охраны здоровья шахтеров — усиленное питание, души, производственная одежда, дома отдыха, санатории и т. п. Наиболее рациональными и прогрессивными методами труда характеризуется работа комплексных бригад, где каждый имеет по нескольку специальностей и в нужный момент может заменить любого работника, не ожидая вызова специалистов.

В корне изменились жизнь и быт карагандинских шахтеров. Будучи высококвалифицированными специалистами, они получают за свой труд соответствующую заработную плату, способную удовлетворить современные требования советских людей.

Шахтеры основных профессий — комбайнеры, помощники комбайнеров зарабатывают в среднем 250—450 руб. в месяц, мастера участка — от 250 руб. и выше, запальщики — 180 руб., электрослесари — 160—180 руб. и т. д. Шахтерские поселки, с новыми жилыми домами, общественно-культурными зданиями, благоустроены: там имеются водопровод, электрическое освещение, улицы асфальтированы, озеленены и являются по существу частями большого современного города Караганда, соединенными между собой различными видами транспорта — трамваем, автобусом, такси.

Современное жилище и поселки шахтеров Караганды относятся к двум периодам развития самой Караганды: 1) к 1930-м годам — к началу социалистического строительства и реконструкции шахт; 2) ко времени послевоенного строительства и развития Карагандинского угольного бассейна.

К первому периоду относятся шахтерские поселки, расположенные непосредственно около шахт. Для них характерны деревянные одно- и двухэтажные дома — бараки с комнатной и квартирной системой, принадлежащие шахтоуправлению, а также индивидуальные дома — глинообитные, построенные на деревянном каркасе, из сырцового кирпича или даже из дерна — «шима» (их называют «землянки»).

Такие дома, построенные самими шахтерами, носят следы индивидуальных запросов и вкусов хозяев и в значительной мере сохраняют традиционные национальные черты как в строительной технике и приемах, так и в планировке.

Послевоенное жилищное строительство в Караганде характерно прежде всего тем, что поселки расположены вдали от шахт, оттуда шах-

теры подвозятся на работу в специальных автобусах; эти поселки благоустроены, озеленены, улицы асфальтированы, хорошо освещены. Да, ма все кирпичные, двух- и трехэтажные, в виде коттеджей, на несколько семей, со всеми удобствами.

Дореволюционных жилищ шахтеров не сохранилось.

В зависимости от состава и размера семьи шахтеры располагают квартирами в 2—3 и более комнат, обставленными современной мебелью — кроватями, диванами, буфетами, шкафами для одежды и книг;

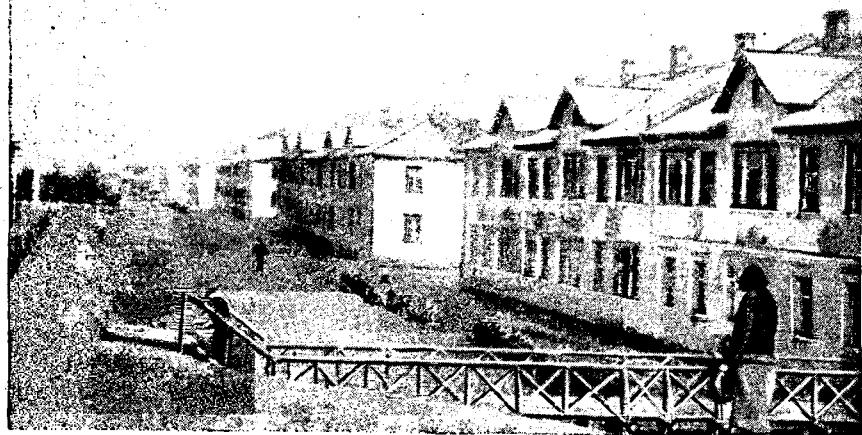

Рис. 1. Коттеджи рабочих в поселке шахты № 3-бис, 1959 г.

у многих имеются радиоприемники, телевизоры и музыкальные инструменты, вплоть до пианино. На полу и стенах — современные машинной и ручной работы ковры отечественного производства, а также привозные — китайские, болгарские и др., вышивки — рукоделие хозяек. На окнах тюлевые занавески, в комнатах много живых многолетних цветов.

Назначение комнат — спальня, столовая, гостиная или комната для отдыха, кухня. В семьях, где много детей, имеется детская комната.

Во всех квартирах, кроме квартир самых молодых производственников, имеется «тори» — комната для приема гостей и отдыха хозяина, обставленная по традиции: она почти без мебели, пол ее устлан П-образно цветными кошмами — текеметами или сырмаками или хорошими современными коврами, ковровыми дорожками с подушками. Передняя стена завешана цветным полотнищем — тускизом или ковром.

Современная одежда шахтеров и членов их семей относится к общегородскому типу с сохранением некоторых национальных черт. Так, старые шахтеры повседневно носят головной убор типа тюбетейки — «такью». В праздничной одежде старых шахтеров национальных черт сохраняется больше. У многих имеется довольно полный комплект национальной одежды: «борик» — шапка, с опушкой из лисьего меха, «кымал» — плечевая одежда из вельвета темных цветов, «шалбар» — штаны из такого же материала, заправляемые в мягкие сапоги, «тмак» — остроконечная шапка-ушанка из лисьего меха, «кымал-шапан» — теплая одежда, и др.

У женщин старшего поколения в обычной одежде также частично сохраняются национальные черты. У некоторых представителей старшего поколения имеются «кайлек» — платье старого покроя, «камзол» — безрукавка, «кимешек» — головной убор.

Молодежь, как мужчины, так и женщины, одевается по-современному, покупая одежду в магазинах или заказывая в ателье. Высокий материальный уровень дает возможность одеваться хорошо, шить одежду из дорогих тканей для разных сезонов.

Современные браки оформляются в ЗАГС'е и сопровождаются празднеством, без религиозного обряда¹⁶.

Традиция женитьбы «увозом» — с согласия девушки частично сохраняется среди шахтерской молодежи. Но теперь дело здесь не в том, чтобы не заплатить калым за невесту (который как институт перестал существовать), а скорее как акт удалства и, может быть, как протест против взглядов старших, придерживающихся старых традиций. Современный увоз совершается молодым человеком с компанией товарищей на двух-трех автомашинах, по предварительному сговору с девушкой. Через шесть месяцев родители молодого идут к родителям его жены извиняться и улаживать дело, после чего молодожены отправляются к ним с подарками, происходит примирение родителей с молодыми, устраивается угощение, затем дочь забирает свое приданое от родителей и устанавливаются нормальные отношения.

В современных семьях шахтеров-казахов в 15 случаях из 30 обследованных главами семей являются отцы — старые шахтеры, ушедшие на пенсию, даже при наличии взрослых женатых сыновей, имеющих высокие заработки. Это объясняется, во-первых, тем, что старики пользуются большим уважением и авторитетом и у взрослых самостоятельных детей, уходя на покой, они продолжают руководить всеми семейными делами; во-вторых, тем, что высокие пенсии кадровых шахтеров (120 р. в масштабе новых цен) составляют в ряде случаев существенную долю бюджета семьи.

Работающие отдают свою заработную плату главе семьи, который распоряжается всеми расходами; приобретение предметов одежды, мебели и др. производится при совместном участии взрослых членов семьи. Но не только хозяйственное руководство остается за отцом: выбор профессии, учебы членов семьи происходит при активном и решающем участии отца. Поведение молодых людей находится всецело под контролем отцов. Это не значит, что над ними довлеют старые взгляды или ограничения, но всякие отклонения от современных норм морали строго осуждаются. Молодые женщины и девушки работают на шахтах в качестве сигнальщиц, газомерщиц, запальщиц, табельщиц, в ламповой, а также в швейных мастерских, фельдшерицами, медсестрами, бухгалтерами, педагогами и служащими. Заработка их во многих случаях одинаков с заработком мужчин; он поступает в общую кассу, но у девушек значительная часть его расходуется на приобретение приданого.

Современные казахские шахтерские семьи принимают живейшее участие в культурной и общественной жизни. Если среди старшего поколения встречаются еще неграмотные и малограмотные, то среднее и молодое поколения имеют образование не ниже 5—7 классов, кроме того посещают специальные курсы и школы; многие шахтеры, имея среднее образование, учатся в заочных отделениях техникумов и институтов.

Почти в каждой семье имеется небольшая библиотечка на казахском и русском языках. Во всех семьях выписывают газеты и журналы — местные и центральные, на двух языках.

Многие дети шахтеров обучаются в русских средних школах и прекрасно говорят по-русски, как, впрочем, и большинство взрослых рабочих.

Молодежь увлекается спортом — футболом, волейболом, легкой атлетикой, теннисом, коньками; многие имеют спортивные разряды, являются

¹⁶ Полевые записи 1959 г., № 1, 2.

ся участниками соревнований, входят в сборные республиканские команды, имеют грамоты.

Досуг и развлечения рабочих проходят так же, как и у всех советских людей. К услугам шахтеров кино, театры. В новом городе Караганда имеются дворец культуры шахтеров и районные клубы, где работают различные кружки, изостудия, детский хореографический ансамбль; участники кружков выступают на клубной сцене и непосредственно на шахтах — в нарядных.

Рис. 2. Семьи почетных шахтеров тт. Егизгельдынова и Шакирова, 1959 г.

При клубах — большие библиотеки, технические кабинеты, обслуживающие рационализаторов и изобретателей. Рабочие и служащие все шире вовлекаются в дела общественного контроля и помощи райсоветам по благоустройству, озеленению, работе транспорта, магазинов и проч. Новым в общественной жизни горняков является активное участие в ней пенсионеров, деятельность которых возглавляет Совет пенсионеров, избираемый на общем собрании пенсионеров того или иного района.

Самоотверженно трудятся карагандинские шахтеры, выполняя и перевыполняя планы, осваивая передовую технику и методы труда. Среди молодых производственников известны имена машинистов-комбайнеров Таушкина Еркеша, добившегося в 1957 г. всесоюзного рекорда добычи угля, Сусякова Ивана Алексеевича, перекрывшего этот рекорд, и др.

Карагандинские шахтеры свой опыт охотно передают работникам других бассейнов, а также шахтерам стран народной демократии, перенимая в то же время все лучшее в их работе. Молодые шахтеры Альбатыров Максуд, Таушкин Еркеш, Нуруб Аклас, Нурмаганов Акяш и другие побывали у шахтеров Чехословакии, Польши, Китая. Горняки стран народной демократии также приезжали к шахтерам Караганды.

* * *

Изучение быта рабочих Казахстана, в частности Караганды, только началось. Но нам кажется, что и приведенный материал выявляет некоторые особенности в формировании рабочего класса и специфические черты в дореволюционном быте шахтеров-казахов, а также то новое, что характерно для современности.

SUMMARY

Very little attention has been paid to the ethnographic investigation of the Kazakh workers, and specifically miners. The present article sets forth some of the results obtained in 1959 by an expedition which studied the Kazakh miners of Karaganda. The author cites information collected from the veteran miners about the extremely hard conditions of life and work in pre-revolutionary Karaganda. There is a brief outline of the present-day life of miners in socialist Karaganda, which ranks third among the coal basins of the USSR and is provided with the most up-to-date equipment facilitating the workers' labour. The workers are earning good wages, which enables them to satisfy their steadily growing material and cultural requirements. Characterized in the article are also some of the aspects of the miners' life today — their homes, clothing, family life — which testify to the new, high cultural standards of the Kazakh workers.

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

О ПЕРЕЖИТОЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ РОДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ *

(Из полевых наблюдений)

Вопросы социальной организации эскимосского общества до сих пор не нашли законченного решения. Крупные зарубежные этнографы считали и продолжают считать, что основной ячейкой общественного устройства эскимосов была и оставалась малая семья. Однако, как показали последние исследования¹, это является значительным упрощением социальной организации американских эскимосов.

Американский этнограф Ч. Хьюз, описав эскимосов о-ва Св. Лаврентия, отметил у них ряд признаков, присущих родовой организации общества. До последнего времени это был единственный описанный случай существования у эскимосов в XX в. родового строя в его пережиточных формах.

Однако, как показывают собранные нами на Чукотском п-ве за последние двадцать лет полевые материалы по эскимосской этнографии, языку и фольклору, пережиточные формы родовой организации до недавнего времени имели место и у азиатских эскимосов.

* * *

Еще зимой 1940/41 г. автор настоящей статьи, записывая сказки и исторические предания со слов старейших эскимосских сказителей, обнаружил, что они часто упоминают названия отдельных групп людей не по принадлежности к местности, а по принадлежности к определенному коллективу. Эскимосы Матлю, Майна, Айвухака и Алитку в поселке Чаплино (Ун'азик') сообщили интересные сведения о делении всех жителей поселка на ряд групп, которые имели свои названия, во многих случаях, вероятно, уходящие в глубокую древность. В результате бесед с информаторами выяснилось, что в самом Чаплино имеется восемь родовых групп, члены которых считаются аборигенами этого поселка, и две группы, члены которых являются пришельцами из других мест. Эскимос Майна, бывший тогда учителем, начертил схему территории поселка, на которой каждая родовая группа имела свой участок. Между жилищами различных групп проходили явно выраженные границы, которыми служили особенности рельефа (бугры, ложбины) или же просто специально оставленные промежутки. Каждая семья в родовой группе имела свое жилище.

* Статья Г. А. Меновщикова, как и публикуемая ниже (стр. 35) статья Д. А. Сергеева, обнаруживших независимо друг от друга пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов, представляет интерес как для специалистов в области этнографии эскимосов, так и для решения общих проблем развития первобытнообщинного строя. Разнотечения в терминологии объясняются тем, что Г. А. Меновщикова дает более точную фонетическую транскрипцию терминов. — (Ред.).

¹ Л. А. Файнберг. К вопросу о родовом строе у эскимосов. «Сов. этнография», 1955, № 2, стр. 82—99; его же, Рецензия на статью Ch. Hughes, An Eskimo deviant from the Eskimo type of social organisation, «American Anthropologist», 1958, ч. 1, № 6 («Сов. этнография», 1961, № 3, стр. 134).

На рис. 1 изображены участки десяти родовых групп чаплинских эскимосов. В группе № 1 под названием *Сяниг'мылн'ут* (буквально «Поперечные») в 1940 г. было 6 семей: Матлю, Нанух'так', Апыта, Утатаун, Панауге, Мумытак'; в группе № 2 под названием *К'игимит* («Островные») — 5 семей; Уики, Умкырыгын, Акулик, Ухпугутак', Куватхин; в группе № 3 *Лякаг'мит* («Ямские») — 11 семей: Майна, Сиг'у, Татк'у, Кака, Утх'а, К'уйн'ильх'ин, Илютак', Кавита, Ах'к'ива, Атата,

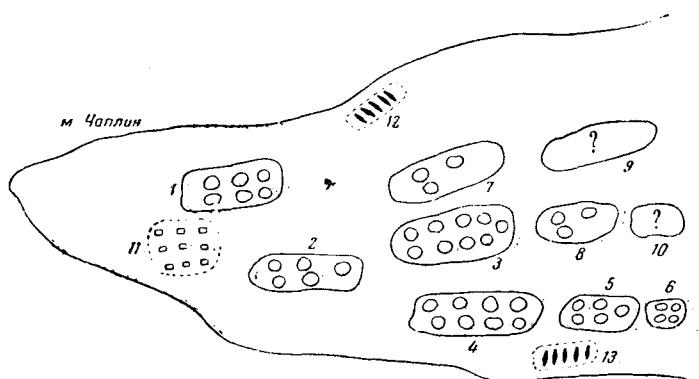

Рис. 1. Названия родовых групп поселка Чаплино (Ун'азик') (по состоянию на 1 янв. 1941 г., по чертежу эскимоса Майна): № 1 — Сяниг'мылн'ут; № 2 — К'игимит; № 3 — Лякаг'мит; № 4 — Сигунпагыт; № 5 — Нын'ловагыт; № 6 — Акулг'аг'вигыт; № 7 — Армарамкыт; № 8 — Увалит; № 9 — Уныхкумит; № 10 — Пакагмит; № 11 — место мясных ям (складов); 12, 13 — причалы и места для байдар

Апальюк; в группе № 4: *Сигунпагыт* («Большерогие») — 8 семей: Аян'а, Ай'я, Наптак', Тагитутак', Кан'усяк', Аглю, Напан'а, Атаку; в группе № 5 *Нын'ловагыт* («Большеземляночные») — 5 семей: Налог'як, Ушкояк, Ая'ю, Амьялык, Амкаун; в группе № 6 *Акулг'аг'вигыт* («Панцирные») — 4 семьи: Ивакак, Галмуг'ыи, Ка'люя, Авакак'; в группе № 7 *Армарамкыт* («Мощнолюдные») — 3 семьи: Тина, Тин'у, Укылг'и; в группе № 8 *Увалит* («Восточные») — 3 семьи: Пигля, Ук'и, Хтык'ак'. Число и название семейств, входивших в группы № 9 *Уныхкумит* (?) и *Пакагмит* («Подскальные»), не было точно определено².

Следует заметить, что многие семьи из перечисленных групп еще в начале 1920-х гг. переехали в район залива Кресты и образовали там эскимосский поселок Уэлькаль. Часть эскимосских семейств из этих групп в 1926 г. переселилась на о. Врангеля, а часть — в бухту Проридения.

Во время лингвистических экспедиций к азиатским эскимосам в 1948 г., а затем в 1954/55 и 1960/61 гг. автору удалось уточнить и дополнить данные о названиях родовых групп эскимосов, полученных в 1940/41 гг., и собрать ряд дополнительных сведений, указывающих на пережитки родовой организации у азиатских эскимосов.

В 1948 г. деление на группы с родовыми названиями было обнаружено автором у эскимосов старинного поселка Наукан (в Беринговом проливе). Науканские эскимосы Утояк, Асыколян, Ытаин и другие пере-

² По преданиям, самым древним родом в Чаплино был род *Сяниг'мылн'ут*. Другие родовые группы имели свои поселки, но в целях защиты от танн'итов — иноплеменников, объединились с сяниг'мылн'утцами. Таким же образом и по тем же причинам объединились и науканские родовые группы, каждая из которых имела свой поселок. Группы *Маёг'ог'мит* и *Нунаг'мит* переселились в Наукан лишь в 1920-х гг. Причинами объединения мелких поселков в крупные могла быть и коллективная охота на китов, требующая большого количества байдар для транспортировки, и обилие морского зверя на выдающихся в море мысах (Наукан, Чаплино и др.).

числили названия всех родовых групп и относящиеся к каждой из них семейства. В Наукане с незапамятных времен, как и в Чаплино, строго сохранялись не только названия групп, но и семейный состав их. Каждая группа имела свой участок, и ни один член данной группы не имел права строить свое жилище на территории другой родовой группы. Границами между наиболее многолюдными и (по преданиям) самыми мощными родами служили естественные ущелья, по которым протекали

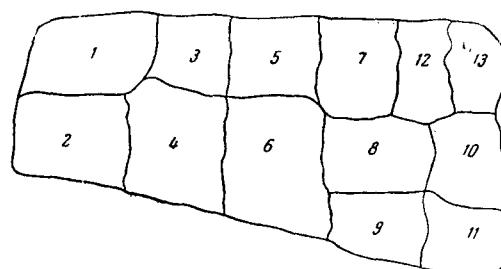

Рис. 2. Названия родовых групп поселка Наукан (Ныув'ак'): № 1 — Мамрохпагмит; № 2 — Нунағ'мит; № 3 — Ситкун'аг'мит; № 4 — Уных'к'оғ'мит; № 5 — Ах'к'уғ'мит; № 6 — Куйгаг'мит; № 7 — Алихпагмит; № 8 — Акилагмит; № 9 — Кыког'мит; № 10 — Имтуғ'мит; № 11 — Уякаг'мит; № 12 — Туграг'мит; № 13 — Маёғ'егмит

горные ручьи (Наукан был расположен на крутом подножье скалистых гор). Эскимосы Утояк и Ытаин помогли установить схему расположения родов в Наукане (рис. 2). Из родовых названий групп, указанных на рис. 2, удалось этимологизировать лишь следующие: № 2 — «Сельчане»; № 3 — «Нижние», «Береговые»; № 6 — «Поречане»; № 7 — «Сильно видные»; № 8 — «Обменивающиеся», «Торгующие»; № 10 — «Косноязычные»; № 11 — «С ремнями на шее»; № 13 — «Поднявшиеся».

Следует отметить, что впервые сведения о наличии названий родовых групп у азиатских эскимосов были даны нами в предисловии к книге «Эскимосские сказки»³, на что дополнительно сделана ссылка в книге «Эскимосы»⁴.

В устных героических преданиях эскимосов имеется много указаний на то, что в далекую старину каждая родовая группа была так велика, что могла самостоятельно защищаться от врагов или нападать на них. Это ярко отражено в науканской сказке «Кит, женщиной рожденный»⁵, где в фантастической завязке дается картина реальной борьбы между самыми могущественными науканскими родами — Мамрохпагмит и Имтуғ'мит, потомки которых (родовые группы № 1 и № 10 на рис. 2), объединенные в эти же родовые группы, продолжали жить на своих участках вплоть до того, как Наукан был в 1958 г. переведен на новое место (мыс и поселок Нуния в бухте Лаврентия).

В книге «Эскимосы» (стр. 22—24) указывалось, что основной формой производственного объединения азиатских эскимосов в XIX и начале XX в. была так называемая байдарная артель, при этом байдарная артель приравнивалась к семейной общине (или родовой группе). Это положение не точно. Родовая группа лишь в том случае могла составить байдарную артель, если имела нужное число мужчин-охотников. Во всех других случаях байдарная артель могла состоять из чле-

³ Г. А. Меновщиков, Эскимосские сказки, Магадан, 1958, стр. 6.

⁴ Г. А. Меновщиков, Эскимосы, Магадан, 1959, стр. 23.

⁵ Г. А. Меновщиков, Эскимосские сказки, стр. 67.

нов разных родовых групп, если в одной из них недоставало людей для коллективной охоты, или же из членов одной большой родовой группы формировалось несколько байдарных групп. Например, чаплинская родовая группа Лякаг'мит, в которой, кроме глав 11 семейств, были еще их взрослые сыновья, могла всегда иметь две или даже три байдарные артели, а группа Увалит не имела возможности составить даже одну байдарную артель, и ее члены входили в состав других артелей. Следовательно, байдарная артель и постоянная родовая группа не всегда совпадали и являлись у азиатских эскимосов различными общественными ячейками.

Кроме традиционных названий родовых групп и постоянных участков для жилищ каждой из них можно отметить следующие дополнительные признаки, характеризующие пережитки родовой организации у азиатских эскимосов.

1. До недавнего времени в крупных эскимосских поселках Чаплино, Наукан, Сиреники строго сохранялся экзогамный однолинейный род. Браки заключались только между представителями разных родовых групп преимущественно живших в разных поселках. Внутри родовой группы, какой бы большой она ни была, браки не допускались. До начала 1920-х гг. чаплинские эскимосы часто привозили себе жен даже с о-ва Св. Лаврентия (США), а наукаанские — с о-ва Крузенштерна или с Аляски⁶.

2. Каждый член группы свою принадлежность к роду определяет по отцовской линии.

3. Азиатские эскимосы четко различают кузенов по отцу и по матери, причем параллельные кузены, как и у лаврентьевских эскимосов, называют друг друга братьями и сестрами. К брату отца относятся так же, как к отцу. Этот тип родственных отношений был прослежен нами на целом ряде случаев воспитания детей в семье брата отца, при этом жена брата выступала второй матерью воспитанника. Во всех эскимосских поселках нами были отмечены факты, когда многодетный или потерявший жену человек отдавал своего ребенка, а иногда и двух, в семью своего брата, имеющего жену.

4. Всем перечисленным выше родовым группам до периода организации промысловых артелей (начало 1930-х гг.) было присуще совместное, коллективное сооружение летних и зимних жилищ, повторявшееся ежегодно, так как зимние жилища летом разбирались для просушки.

5. Охота на морского зверя, особенно на кита, требовала не только большого коллектива, но и строгой организованности и специализации труда каждого члена, что могло быть осуществлено только в рамках постоянного, спаянного едиными интересами коллектива, каким являлась родовая группа, хотя не всегда байдарная артель точно совпадала с родовой группой (см. выше).

6. Каждая родовая группа азиатских эскимосов совершала свои обряды магического воздействия на промысловых животных в целях их сохранения и размножения. Такие традиционные родовые обряды, длившиеся иногда по нескольку дней, у азиатских эскимосов можно было наблюдать еще в 1930-х гг.

7. Сохранившиеся до 1930-х гг. архаичные пережитки брачных отношений у азиатских эскимосов были отмечены нами в поселках Чаплино и Сиреники⁷. Так, например, «товарищами по браку» до начала 1930-х гг. были знаменитые охотники Нутауге из Сиреники и Матлю из Чаплино. Нутауге возглавлял сиреникский род Имтуг'мит, а Матлю был главой самого старинного чаплинского рода Сяниг'мылн'ут. Обычай этот, как пережиточное явление, был широко распространен в эскимосских поселках.

⁶ Г. А. Меновицков, Эскимосы, стр. 80—81.

⁷ Там же, стр. 81.

8. На месте древних развалин земляных жилищ (нын'лю), которые вмещали до 7—8 семейств, члены родовой общины до недавнего времени справляли поминальные обряды по умершим предкам. Так, автор настоящего сообщения в 1954 г. был свидетелем такого обряда в селении Сиреники, где семьи эскимосов Нумтагнена, Нумылена, Пиуры, Ятылена и Утыхтыкака на развалинах большой нын'лю совершили обряд поминания, сопровождавшийся тихой игрой в бубен, беседой старейших людей с умершими предками, приношением жертвы в виде еды, приготовленной из моржовых губ. Обряд заканчивался общей трапезой. В 1961 г. дочь Нумтагнена Парина рассказала мне, что по старинным преданиям души умерших членов их родовой общины собираются в нын'лю, где жили древние предки.

Весьма возможно, что каждая из родовых общин имела также свое место для захоронения, так как поминки на кладбище до недавнего времени справлялись совместно членами отдельных общин.

Все отмеченные признаки остаточных форм родовой организации эскимосского общества указывают на то, что в период территориальной общности раздробленных ныне эскимосских локальных групп имела место социальная организация в виде родовых общин. В силу различия исторических условий дальнейшего развития у некоторых групп эскимосов родовая община исчезла уже на ранних этапах. Так, у континентальных эскимосов Аляски и Канады, ведущих образ жизни тундренных охотников и речных рыболовов, которым легче было обеспечить едой небольшой коллектив людей, в течение нескольких столетий родовые отношения постепенно утратились и основой общества стала семья. Этого нельзя сказать о приморских эскимосах Аляски, о-ва Св. Лаврентия и азиатских эскимосах, у которых издревле преобладал промысел крупного морского зверя, требующий организованного коллективного труда многих людей: на смену родовому укладу, сохранявшемуся у этих групп длительное время, пришла соседская община, как более мощный и экономически более устойчивый по сравнению с малой семьей коллектив, хотя пережитки родовой организации (главным образом — в области духовной жизни) продолжали сохраняться. В связи с появлением и развитием обмена продуктами промысла между различными племенами возникла тенденция к зарождению частной собственности и присвоению продуктов чужого труда. Общинно-родовая организация эскимосов постепенно угасает.

Сходство признаков социальной структуры эскимосского общества на о-ве Св. Лаврентия, отмеченное Ч. Хьюзом, и на азиатском побережье (Чукотский полуостров) объясняется еще и тем, что эскимосы о-ва Св. Лаврентия в этническом отношении составляют единую группу с азиатскими эскимосами, особенно с чаплинской группой. Язык чаплинцев (ун'азиг'мит) и лаврентьевцев (сивукаг'мит) совершенно одинаков. Между этими двумя группами до конца 1920-х гг. существовали тесные экономические, культурные и родственные отношения.

В настоящее время чаплинские и научанские эскимосы переселились в новые поселки с жилищами европейского типа. Старинный уклад жизни азиатских эскимосов в значительной степени изменился. Но специалисты-этнографы могут еще в ближайшие годы, пока живы старейшие жители эскимосских поселков, получить дополнительные и более достоверные сведения по истории эскимосского общества.

SUMMARY

Discussed in the article are elements of clan structure among the Siberian Eskimos. The questions of the earliest type of social structure of Eskimo society are expounded on the basis of concrete material, collected by the author in Eskimo settlements on the Chukotsky Peninsula in the past 20 years. Cited in the article is new data on the existence

among the Siberian Eskimos, up to the 1940's of the carry-overs of the exogamic unilinear clan; the existence of clan plots within a settlement; the preservation of the ancient names of every clan (their etymology is adduced); marriages among the representatives of different clan groups only; the differentiation of cousins on the father's and mother's side; collective work in building dwellings and hunting large sea mammals; the performance of communal-clan rites exclusively by the members of a given clan; the survivals of group marriage, etc.

The author notes that the likeness between the elements of social structure of Eskimo society on St. Lawrence Island (after Ch. Hughes) and on the Asian coast is to be explained by the ethnic unity of these territorially isolated groups of Eskimos, between which close economic, cultural and kinship relations existed up to the 1920's.

Д. А. СЕРГЕЕВ

ПЕРЕЖИТКИ ОТЦОВСКОГО РОДА У АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

При всей обширности литературы, рассматривавшей эскимосскую проблему, при наличии значительных работ по этнографии американских и гренландских эскимосов, вопросы социальной организации эскимосов освещены недостаточно.

Одним из первых, кто заинтересовался социальным строем эскимосов, был Льюис Генри Морган. Располагая данными об эскимосской системе родства, Морган пришел к заключению, что система родства у этого народа по форме описательная¹. Позже Морган писал: «Эскимосы не принадлежат к гановянской семье. Их возвращение на американском континенте произошло, по сравнению с гановянской семьей, лишь недавно или в новейшее время. У них... нет родов»².

В. Г. Богораз также не нашел рода у азиатских эскимосов³, он отметил лишь, что эскимосское общество являлось обществом первобытнообщинным. Материалы по азиатским эскимосам были, в основном, собраны В. Г. Богоразом в 1901 г. во время его трехмесячного пребывания преимущественно в эскимосском поселке Чаплино. Он записал много текстов легенд, поверий, а также собрал материалы по религиозным обрядам и по грамматике эскимосского языка.

В. Г. Богораз по фольклорным материалам проследил в эскимосской космогонии преобладание женских духов над мужскими. Это подводная владычица — «Большая женщина» (Nulirahak — у азиатских эскимосов и Sedna — у американских). В. Г. Богораз отметил ту исключительно важную роль, которую играли женщины в области магии и религии⁴.

Основываясь на ряде фольклорных материалов и космогонических представлений эскимосов побережья Берингова моря (как западных, так и восточных), некоторые исследователи пришли к заключению, что указанная выше роль женщины в эскимосской религии и представление о «Большой женщине» восходят к очень древнему прошлому эскимосского общества, к культу женщины-праородительницы эпохи матриархально-родового строя⁵. Этую же точку зрения поддержал впоследствии С. И. Руденко, который также упоминает и «Большую женщину» (Sedna), и женщину-владычицу ветра и молний. Основываясь на упомянутых материалах, а также на тех случаях, когда дети после смерти матери при живом отце переходили к родственникам матери, С. И. Руденко считает, что «в далеком прошлом у эскимосов преобладал материнский род... Преобладание женщин в условиях матриархата у эс-

¹ L. G. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, «Smithsonian Contributions to Knowledge», 1871, т. 17, стр. 267.

² Л. Г. Морган, *Древнее общество*, Л., 1934, стр. 104.

³ В. Г. Богораз, Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. XXI; его же, *Материалы по языку азиатских эскимосов*, Л., 1949, стр. 45.

⁴ В. Г. Богораз, Чукчи, ч. II, *Религия*, Л., 1939, стр. 30, 32.

⁵ Н. Шнакенбург, *Эскимосы* (рукопись, 1939 г., архив Ин-та этнографии АН СССР, К-1, опись 1, № 557, стр. 84).

мосов можно предполагать на наиболее ранних известных нам стадиях их культуры»⁶.

Б. О. Долгих и М. Г. Левин, говоря о социальной организации эскимосов, отметили, что у эскимосов до сих пор родовая организация в ее привычных для исследователей формах обнаружена не была⁷.

* * *

Автору настоящей статьи во время работы на Чукотке в 1953—1956 гг., а затем во время длительных (по пять-шесть месяцев) командировок в 1958—1961 гг. удалось собрать материалы по пережиткам родового строя у сиреникских, чаплинских и науканских эскимосов. Поселки Сиреники, Чаплино и Наукан были постоянными эскимосскими поселениями⁸. Судя по археологическим данным, они были заселены эскимосами еще на этапе древнеберингоморской культуры, датируемой первыми веками нашей эры. В древних памятниках селений Сиреники и Наукан особенно хорошо представлены предметы материальной культуры, относящиеся по времени к древнеберингоморскому, бирниркскому и пунукскому этапам эскимосской культуры. Фольклорные данные также подтверждают, что эти поселки были чисто эскимосскими и существуют очень давно. В них проживало около 700 эскимосов.

Во всех этих поселках нами были обнаружены группы, которые нельзя квалифицировать иначе, как отцовские роды; записаны также названия родов в ныне покинутых эскимосских поселках Имтук и Эстигет (Авань).

Всего на Чукотке удалось проследить тридцать родов: в поселке Сиреник — 5 родов: Вальвурагмит, Ильвантагмит, Силяштагмит, Сяйгомгит, Ускогнагмит; в поселке Имтук — 3 рода: Имтухагмит, Навынгмит, Сянегмильнугмит; в поселке Авань (Эстигет) — 5 родов: Аася, Агихсяхтумгит, Ахкулюгмит, Кавынгок, Ингигвах; в поселке Чаплино — 8 родов: Акульгагвигыт, Армарамкыт, Кигмит, Лякагмит, Нынгтювагыт, Си-гунгагыт, Сянигмильнугмит, Увалит; в поселке Наукан — 9 родов: Аляхпагмит, Имтугмит, Кыкогмит, Маёгемгит, Нулагмит, Мамрохпагмит, Ситкунагмит, Туграгмит, Уягагмит.

Счет родства у эскимосов велся и ведется по отцовской линии. Каждый из науканских родов занимал в поселке свою строго определенную территорию, где располагались их жилища. Кроме того, места, где находились сушила («ахлюит») с байдарами, а также места, где располагались мясные ямы, строго разграничивались между родами. Так, в Наукане лучшую территорию занимали те роды, которые считалисьaborигенами: Имтугмит, Кыкогмит, Аляхпагмит, Уягагмит, Ситкунагмит и Туграгмит. Пришедшие в Наукан несколько позднее роды Нунахгит, Маёгемгит и Мамрохпагмит поселились на менее удобном месте⁹.

⁶ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947, стр. 106.

⁷ Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XIV, М., 1951, стр. 95.

⁸ В 1930-х годах, после объединения в промысловые артели, а затем в колхозы, азиатские эскимосы в основном жили в следующих крупных поселках: Уэлькаль (который был основан в начале XX в., когда часть эскимосов из южных поселков Чукотки переселилась в район бухты Креста), Сиреники, Урелик, Эстигет, Кивак, Чаплино. Наукан и на о. Врангеля (в 1925 г. группа эскимосов — шесть хозяйств — 45 чел. выехала на о. Врангеля). В начале Великой Отечественной войны эскимосы из Урелика, Эстигета и Кивака переехали в Чаплино и Сиреники. В 1958 г. науканские эскимосы переселились в поселок Нунаямо. Многие эскимосские семьи из перечисленных выше поселков переехали и работают в районных центрах — в Провидении и Лаврентии, а также в Мечигменском зверокомбинате в поселке Пинакуль.

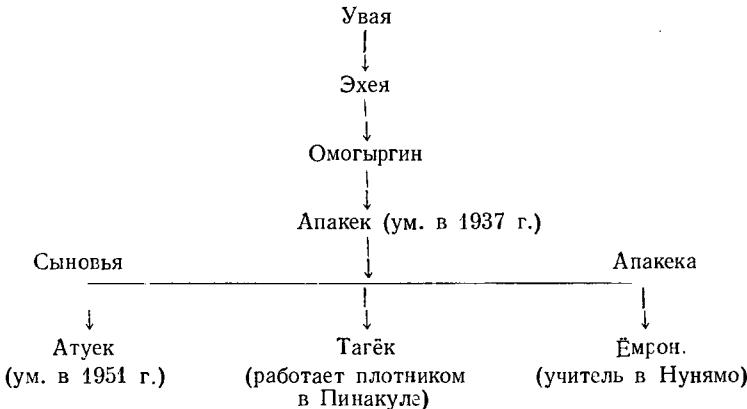
⁹ Род Мамрохпагмит когда-то жил между Науканом и Уэленом. Переселение мамрохпагмитцев в Наукан произошло, по преданию, в очень давние времена. Род Нунахгит окончательно перешел в Наукан в 1928 г. из селения Нунак, которое находилось

Следует отметить, что охотничья территория у всех науканских родов была общей: ее граница на юге проходила у селения Нунак, на севере — у древней чукотской крепости Синлун.

Каждый род состоял из ряда малых семей. Во главе рода еще в начале XX в. стоял родовой старейшина — «нуналихтак». Это был обычно старик или пожилой мужчина. В его обязанность входило регулирование общественно-производственной жизни рода. Он открывал и закрывал промысловый сезон, определял время поездок к оленеводам в целях обмена, руководил выполнением праздничных церемониалов. Вместе со стариками своего рода и родовыми старейшинами других родов он разбирал ссоры и тяжбы своих односельчан. Родовые старейшины не были выборными, их обязанности переходили по мужской линии, обычно от отца к сыну. Так, аванский старейшина — нуналихтак (хозяин земли) — Нанивгакия из рода Ахкулюгмит передал свою власть сыну Ататуве, а тот в свою очередь передал свои права своему сыну Напауну.

Зачастую родовой старейшина одного из наиболее сильных и уважаемых родов осуществлял руководство всем поселком.

Как уже упоминалось, в поселке Наукан было девять родов, во главе каждого рода еще в середине XIX в. стоял родовой старейшина. Наиболее влиятельным и сильным был род Имтугмит, о котором в предании говорится, что он первым заселил Наукан. Главой поселка считался родовой старейшина из этого рода. Нам удалось записать имена родовых старейшин из рода Имтугмит начиная с половины XIX в.:

Состав основной производственной единицы — байдарной артели — у азиатских эскимосов до 1934 г. основывался на родовом принципе. До коллективизации каждый род имел одну, две, три или более байдарных артелей. В Наукане в начале XX в. было одиннадцать артелей по 10—12 человек в каждой.

Кроме обычных охотничьих байдар, каждый род делал специально для себя большую транспортную байдару для дальних поездок с торговыми и военными целями. Так, еще в 1927 г. род Имтугмит из приготовленных заранее материалов сделал большую байдару на 12 гребцов¹⁰.

между поселками Дежнево и Науканом. В начале прошлого века в Нунаке жило около ста семей. Впоследствии они переселились частично в Наукан, а частично на о. Ратманова. Несколько раньше рода Нунагмит из Нунака в Наукан переселился род Маёгемит.

¹⁰ Руководил постройкой эскимос Ияку из рода Ситкунагмит. Он был приглашен родом Имтугмит как известный и опытный специалист по изготовлению байдар. Вместе с Апакеком Ияку при помощи остальных членов рода Имтугмит закончил эту байдару за полмесяца. Материалы для строительства остава были доставлены с мыса Принца Уэльского, откуда родом была жена брата Ияку. За свою работу Ияку получил от рода Имтугмит три оленьих шкуры (неблюй), одну собаку, материал на камлайку себе и жене, рабочий комбинезон и, кроме того, все пятнадцать дней работы его снабжали табаком.

В состав байдарной артели рода Имтугмит до 1934 г. входило 12 чел. Старшим был Ванын, а родовой старейшина рода Имтугмит, он же глава всего поселка Наукан,— Апакек — был рядовым стрелком на байдаре. Все члены байдарной артели были родственниками по отцовской линии, что видно из приводимых таблиц.

Состав байдарной артели рода Имтугмит до 1934 г.

Имена	Родственные отношения к старшему артели	Примечание
Ванын Уэкен Ненлютегин Апакек	его брат его старший сын сын брата отца	старший артели родовой старейшина рода Имтугмит и глава поселка Наукан
Пехун Питекен	то же то же	Апакек, Пехун и Питекен — родные братья
Иляна Тухылен	то же сын двоюродного брата по отцовской линии	Тухылен и Уекая — сыновья Иляна
Уекая Хульхуге Имекан	то же зять Ванына его внук	Имекан и Хульхуге — сыновья Хульхуге
Хухылькаун	то же	

Состав двух байдарных артелей рода Ситкунагмит до 1934 г.

Артель Тагьена

Артель Пэтувака

Имена	Родственные отношения к старшему артели	Примечания	Имена	Родственные отношения к старшему артели	Примечания
Тагьен		старший артель, владелец вельбота и байдары; дядя Пэтувака	Пэтувак		старший артель, сын брата Суная, владелец байдары и вельбота
Аситак Суная	старший брат сын брата отца	отец Кыргытегина и Тлоауна из артели Пэтувака	Ияку Наюна Нутетегин Анивак Нанакок Кыргытегин	брать то же то же сын брата отца то же	
Талекук Атасук Енан Хукутегин Кыльгын	то же то же сын брата то же родственник по отцу	отец Анивака отец Угъегына	Тлоаун	то же	владелец вельбота и байдары
Умка Лекын	то же сын двоюродного брата по отцовской линии	сын Наюна сын Талекука	Угъегын	то же	Кыргытегин и Тлоаун — родные братья
Рультын	из другого рода	сын сестры Суная и Ванына. Перешел в род Ситкунагмит из рода Имтугмит	Утоюк Уйгак	сын сын брата отца	сын Кыльгына

В роде Ситкунагмит до 1934 г. у двух бригад было три байдары и три вельбота. В зависимости от условий промысла эти две бригады, состоявшие из 11 человек каждая, делились на более мелкие по 5—6 чел.

В результате развития на Чукотке товарно-денежных отношений, особенно со второй половины XIX в., байдары и вельботы перешли в собственность отдельных наиболее зажиточных членов рода. Однако байдарная артель формировалась по-прежнему на основе родового принципа.

Из приведенного материала по составу байдарных артелей у родов Имтугмит и Ситкунагмит видно, что еще в 1933 г. состав членов артели формировался по родовому принципу. Интересно отметить, что Хульхуге из рода Уягагмит, женившись на дочери старшего в артели Ванына — Тутуне, перешел в род Имтугмит, так же, как Рультын из рода Имтугмит, женившись, перешел в род Ситкунагмит.

Человек из другого рода, женившийся и оставшийся в роде жены, усыновлялся ее родом, его называли «игныхкак» — приемный сын (от «игнык» — сын). Если же членом рода усыновлялся ребенок — сирота из этого же рода, то его называли «анлисягак» — приемный сын-воспитанник.

В прошлом распределение добычи морского зверобойного промысла производилось между всеми членами рода поровну. Детям умершего члена рода выдавалось такое же количество мяса, жира и шкур, как и остальным членам рода.

С середины XIX в., когда продукция морского зверобойного промысла (ус, клык, жир) приобрела товарное значение в связи с проникновением на Чукотку товарно-денежных отношений, характер распределения добытой продукции изменился. Обычно родовые старейшины, в семьях которых было много охотников, постепенно становились владельцами вельботов. Распределение добычи сделалось неравным. Хозяева вельботов получали большую долю добычи. Началось интенсивное разложение родового строя. Однако родственные связи оставались все еще довольно прочными, так как байдарная или вельботная аргель, как и раньше, формировалась на основании родственных отношений.

У азиатских эскимосов до недавнего времени сохранялись родовые кладбища. На сопке над поселком Наукан расположено кладбище, где каждый род имел свое определенное место для захоронений. Здесь наиболее удобные для погребения места были заняты родами, считавшимися аборигенами данного поселка. Родовые кладбища родов Аляхпагмит и Маёгемит располагались с юга на север у южного склона сопки Наси, кладбища родов Имтугмит и Туграгмит — на северном склоне Наси. Несколько ниже по склону находилось кладбище рода Ситкунагмит. Так как места на сопке Наси уже не хватало, имтугмитцы были вынуждены найти новое место для захоронений; таким образом, у них появилось второе кладбище — в распадке между сопками Наси и Кына. Род Уягагмит хоронил своих умерших на южном склоне сопки Кына. Несколько западнее по склону Наси хоронили своих покойников роды Кыкогмит, Мамрохпагмит и Нунагмит.

У каждого рода были свои особые праздники и родовые предания. Существует, например, легенда¹¹ о том, что у охотника из рода Нунагмит жена родила китенка. Когда ребенок-китенок стал взрослым, его отпустили в море, и он ежегодно приводил к берегу, где жили охотники из рода Нунагмит, морских зверей. Это возбудило злобу охотников из рода Мамрохпагмит, и они убили этого кита. Легенда отражает существовавшую некогда вражду между родами Нунагмит и Мамрохпагмит. В дальнейшем эта вражда прекратилась.

У рода Имтугмит был особенно сложный праздничный ритуал с различными заговорами, песнями, танцами, с соблюдением многих запретов на празднике «поля», который проводился в декабре в честь убитого гренландского кита. В конце праздника артель, добывшая кита,

¹¹ Г. А. Меновщикова, Эскимосские сказки, Магадан, 1958, стр. 67—70.

стриглась особым образом, и только после этого охотники приступали к общей трапезе дружбы. Дальше следовал обряд очищения. До завершения этих обрядов в продолжение всего праздника охотникам рода запрещалось не только выходить на промыслы, но даже появляться на берегу. Во время праздника женщины в специальном праздничном жирнике зажигали родовой огонь; по яркости и ровности пламени определялись возможные успехи или неудачи в предстоящем промысле. Печедача огня из одного рода в другой категорически запрещалась. Запрещалась также переносить горячую пищу, приготовленную на родовом огне, из жилища в жилище.

Аналогичный запрет существовал и на промысле: здесь даже во время охоты на кита нельзя было передавать оружие, весла, а также любые предметы с байдары одного рода на байдару другого. В своем роде подобная передача разрешалась.

В роде Мамрохлагмит раз в два года устраивался праздник моржа с ритуальным подбрасыванием празднующих на моржовой шкуре. По окончании праздника шкура разрезалась на подошвы, которые распределялись между участниками праздника.

Такой важный признак рода, как экзогамия, пережиточно существует и до настоящего времени.

В селениях Сиреники, Чаплино и Наукан для выяснения семейно-брачных отношений между родами и внутри каждого рода была проведена посемейная запись всех эскимосов, проживающих в этих поселках по 1960 г. В результате этой работы выяснилось, что большинство брачных пар и в настоящее время происходит из разных родов. В рамках одного рода брак между его членами раньше категорически запрещался. В эскимосском предании рассказывается, что юноша, вступивший в брачные отношения со своей двоюродной сестрой — дочерью младшего брата его отца, был убит своим отцом¹².

В настоящее время браки между лицами, принадлежащими к одному и тому же роду, обычно не заключаются¹³.

В качестве примера экзогамии ниже приведены данные о нескольких эскимосских семьях из поселка Наукан в том составе, в каком они зафиксированы на 1960 г.

На приведенной таблице четко прослеживается экзогамия у азиатских эскимосов в сравнительно недавнее время. На примере семьи Сыхейн (№ 10) виден пережиток обычая левирата.

Наличие экзогамии четко прослеживается не только у науканских, но также у сиреникских и чаплинских эскимосов.

Преобладающей формой был брак с отработкой за невесту. Бытовали случаи заключения брачного договора по взаимному соглашению между родителями малолетних детей, а иногда и до их рождения. Еще в недавнем прошлом существовал обычай обмена женами, а также многоженство. Так, у чаплинского торговца Кувара в начале XX в. было три жены. У торговца Танинга было даже шесть жен, из которых три были живы еще в 1921 г. У шамана поселка Авань (Эстигет) Яраси еще в 1935 г. было две жены; первая — Ровтына и вторая Укевутках. Следует отметить, что многоженство среди эскимосов было сравнительно редким явлением и зависело от материального благосостояния семьи. Однако в случае смерти старшего брата его жена обязательно становилась женой младшего брата, если же последний был уже женат, вдо-

¹² Е. С. Рубцова, Материалы по языку и фольклору эскимосов, М.—Л., 1954, стр. 333—337.

¹³ По рассказам стариков, в прошлом имели место отдельные случаи вступления в брак членов одного рода, но это исключение объяснялось тем, что молодые люди очень любили друг друга и, кроме того, хотя и принадлежали к одному роду, в близком кровном родстве не находились. Нередко азиатские эскимосы женились на женщинах с Аляски, с островов Диомида и Св. Лаврентия, а также на чукчанках.

Номер семьи	Имя	Отношение к главе семьи	Год рождения	Место рождения	Род отца	Род матери
1.	Кальнетеин Вальтытвалин	глава жече	1908 1917	Наукан Наукан	Нунагмит Уягагмит	Мамрохпагмит Туграгмит
2.	Уйгак Тулюек Уйгак Валентина Уйгак Иван Уйгак Лолик	глава жена дочь сын »	1912 1927 1948 1954 1958	Наукан Наукан » » »	Ситкунагмит Имтугмит Ситкунагмит Ситкунагмит Ситкунагмит	Туграгмит Маёгемит Имтугмит Имтугмит Имтугмит
3.	Нутетеин Рахтинаун	глава жена	1907 1910	Наукан Наукан	Ситкунагмит Аляхпагмит	Мамрохпагмит Нунагмит
4.	Тулюна Мукулук Тулюн Миша Тулюн Елена Тулюн Анатолий	глава жена сын дочь сын	1922 1924 1944 1954 1959	Наукан о. Ратманова Наукан » »	Ситкунагмит — Ситкунагмит Ситкунагмит Ситкунагмит	Туграгмит — — — —
5.	Утоюк Кейчынеун	глава жече	1911 1912	Наукан Наукан	Ситкунагмит Мамрохпагмит	мать с мыса Принца Уэльского (Аляска) Уягагмит
6.	Имекан Инеун	глава жена	1906 1912	Наукан Наукан	Имтугмит Мамрохпагмит	Ситкунагмит Уягагмит
7.	Тиетегин Альпын Совхана	глава жена сын	1900 1901 1930	Наукан Наукан »	Мамрохпагмит Уягагмит Мамрохпагмит	Кыкогмит Маёгемит Уягагмит
8.	Ирулян Рультена Ирулян Галина Ирулян Владимир	глава жена дочь сыч	1910 1941 1949 1952	Наукан Наукан » »	Имтугмит Мамрохпагмит Имтугмит Имтугмит	Уягагмит Кыкогмит Мамрохпагмит Мамрохпагмит
9.	Тнаун * Тымнинаун	глава жена	1912 1920	Наукан Наукан	Уягагмит Мамрохпагмит	Ситкунагмит Имтугмит
10.	Сыхейн Тагрен ** Сыхейн Василий Сыхейн Сергей Сыхейн Валентин	глава жена сын » »	1931 1918 1956 1957 1960	Наукан Наукан » » »	Мамрохпагмит Ситкунагмит Мамрохпагмит Мамрохпагмит Мамрохпагмит	Туграгмит мать с мыса Принца Уэльского (Аляска) Ситкунагмит Ситкунагмит Ситкунагмит
11.	Хульхуге Акукын Хульхуге Ирина Хульхуге Георгий	глава жена дочь сын	1921 1929 1952 1954	Наукан Наукан » »	Маёгемит Имтугмит Маёгемит Маёгемит	Уягагмит Маёгемит Имтугмит Имтугмит
12.	Хухутан Усхына	глава жена	1904 1912	Наукан Наукан	Мамрохпагмит Уягагмит	Имтугмит Имтугмит
13.	Умка Эмун Эмутеин *** Умкиной Бронислава Умкин Александр	глава жена пасынок дочь сын	1913 1910 1932 1940 1959	Наукан Наукан » » »	Ситкунагмит Уягагмит Мамрохпагмит Ситкунагмит Ситкунагмит	Туграгмит Ситкунагмит Уягагмит Уягагмит Уягагмит

* В семье Тнаун семь детей.

** Тагрен стала женой Сыхейна после смерти его старшего брата Сиоткин.

*** Эмутеин сын Эмун от первого брака с Хухутаном.

ва умершего становилась второй женой. Забота о детях умершего целиком ложилась на младшего брата и на весь данный род.

В терминологии родства указаны точные различия между дядей с отцовской стороны и дядей со стороны матери (так, дядя по отцу — «атата», дядя по матери — «канак»)¹⁴. Эта черта родственной терминологии отражает экзогамную структуру общества.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что у азиатских эскимосов в начале XX в. еще сохранялись пережитки первобытнообщинных патриархально-родовых отношений.

Существование в недавнем прошлом отцовского рода у азиатских эскимосов подтверждается следующим: счет родства велся по отцовской линии; наследование носило чисто патрилинейный характер; во главе рода стоял родовой старейшина; каждый род имел в поселке свою определенную территорию; на базе отцовско-родовых отношений формировалась основная производственная единица — байдарная артель.

В поселке Сиреники до сих под сохранились развалины двух громадных «нынлю» (землянок), в которых еще в конце XVIII в. жили роды Силякшагмит и Сяйгогмит. По преданиям, рассказанным автору стариками-эскимосами Панауге и Тагруге, из нынлю рода Силякшагмит выходило в море на промысел семь, а из нынлю рода Сяйгогмит — восемь байдарных артелей. В каждой байдарной артели было по двенадцать охотников. По словам информаторов, в одной землянке жило от 250 до 400 человек.

У каждого рода был свой родовой огонь, особые праздники, родовые предания и родовые кладбища. Строго соблюдалась экзогамия.

S U M M A R Y

In the early 20th century the Siberian Eskimos still retained some remnants of the primitive-communal, patriarchal-clan relationships.

The existence of the patriarchal clan among the Siberian Eskimos in the recent past is borne out by the following: kinship was traced on the paternal side; inheritance was purely patrilineal; at the head of a clan was a tribal elder; every clan had its own, precisely delimited territory.

The basic production unit — the whale boat team — was formed on the basis of patriarchal-clan-relations.

Every clan had its own fire, special celebrations, clan legends and burial places. Exogamy was strictly observed.

¹⁴ Чаплинский диалект.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

«ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД» МАРСЕЛЯ ГРИОЛЯ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В современной французской этнографии большое место занимают труды Марселя Гриоля, его учеников и последователей. И хотя объектом исследований его самого и его учеников была и остается только Африка, значение научной деятельности этой группы выходит за пределы африканистики, так что можно говорить о школе Гриоля в современной этнографической науке.

Марсель Гриоль (1898—1956), профессор Сорбонны и неутомимый исследователь Африки, известен также и как общественно-политический деятель. С 1928 г. и до самой смерти М. Гриоль вел полевые исследования. В течение 1928—1939 гг. он организовал и возглавил пять больших экспедиций, охвативших своей работой огромную территорию от атлантических берегов Африки до Красного моря (от Дакара до Джибути) и обогативших африканские коллекции этнографического «Музея Человека» в Париже несколькими тысячами предметов. Особенное внимание уделял М. Гриоль изучению быта и духовной культуры одного из народов внутренней части Западного Судана — догонов, обитающих среди скал Бандиагары близ излучины Нигера. Ему удалось установить столь тесный контакт с догонами, что после его неожиданной смерти они «усыновили» его и устроили в его память траурные церемонии, цикл которых продолжался целый месяц.

До самой смерти М. Гриоль не прерывал также и своей преподавательской работы. Он руководил кафедрой этнологии при Парижском университете со времени ее открытия (1942 г.), читал лекции по методике полевой этнографии, был директором лаборатории этнологии при Практической школе высших знаний и руководил коллективом молодых этнографов в их полевых исследованиях. В продолжение 15 лет (1931—1946) М. Гриоль был бессменным секретарем и руководителем Общества африканистов при Институте этнологии в Париже.

Участник двух войн в качестве специалиста по аэрофотосъемке, М. Гриоль был избран членом Ассамблеи Французского союза, где он примкнул к реакционной католической группировке — МРП (Народно-Республиканское Движение). Этой группировкой он был выдвинут на пост председателя Комиссии по делам культуры и цивилизации заморских стран при Ассамблее. Столкнувшись в качестве колониального администратора и полевого этнографа с бедственным положением догонов из-за недостатка воды для орошения их полей, М. Гриоль содействовал мероприятиям по ирригации района Бандиагары.

М. Гриоль был весьма плодовитым автором. Его перу принадлежит около 175 работ, посвященных различным вопросам искусства и религии народов Эфиопии и Западной Африки. Некоторые из его трудов получили горячее признание среди определенных кругов африканской интеллигенции, многие представители которой идейно формировались под непосредственным влиянием Гриоля и его сподвижников.

Чтобы разобраться в действительном значении научной и общественной деятельности М. Гриоля, чтобы отделить в оценках поклонников Гриоля правду от преувеличений, обратимся к основным работам этого бесспорно крупнейшего французского этнографа.

В 1957 г., уже после смерти М. Гриоля, вышел его труд «Метод этнографии», подготовленный к печати дочерью и сотрудникой ученого Женевьевой Калам-Гриоль. Труд этот, представляющий собой курс лекций, который М. Гриоль читал в Сорbonne, является не только методическим руководством для студентов, но и наиболее полным, хотя и сжатым, изложением теоретических и методологических воззрений ученого и возглавляемой им этнографической школы; он представляет научную программу последней.

Этим университетским курсом Гриоль продолжил деятельность своего учителя и предшественника Марселя Мосса; труд Мосса «Руководство по этнографии»¹ вышел ровно за 10 лет до книги Гриоля. Будучи крупнейшим представителем так называемой социологической школы в этнографии, возглавлявшейся Эмилем Дюркгеймом, Мосс в своем «Руководстве» исходил из основного положения, что объектом этнографического исследования является общество в целом. Однако, как известно, теоретики социологической школы, вопреки её названию, не выработали научного определения самого понятия *общества*. Дюркгейм исходил из сугубо идеалистического представления об обществе как о некоем начале особого рода, в котором составляющие его индивиды обоготворяли это коллективное начало. Хотя Дюркгейм называл общество «основной реальностью», он представлял эту реальность как метафизическую абстракцию, как мистическое начало. Это привело Дюркгейма к чрезвычайному преувеличению роли религии, к изображению жизни общества как исключительно «религиозной жизни»². Этнографическое исследование у Дюркгейма фактически сведено к изучению только духовной жизни, интерпретируемой с позитивистских, т. е. в конечном счете идеалистических позиций. Этим снижается ценность его вклада в этнографию.

Мосс пытался дать более конкретное определение общества как объекта этнографического изучения. По его словам, общество — это «социальная группа, живущая обычно в одном определенном месте, имеющая один язык, одно устройство и присущие только ей традиции»³. Эта формулировка не дает научного определения общества, так как в ней не отражена основная специфика общества как совокупности людей, связанных производственными отношениями. Но Мосс намечает пути этнографического исследования, исходя из этого определения. Предлагая пользоваться социологическим методом, Мосс подчеркивает, что он заключается «прежде всего в составлении истории данного общества»⁴. Мосс учит исследовать и описывать подразделения народа как социального целого: племена, фратрии, роды; он призывает изучать историю отдельных родов, генеалогию семей, биографии отдельных членов. Собранные конкретные данные, говорит Мосс, позволяют извлекать из них выводы общего порядка. В своем «Руководстве» Мосс также систематически изложил методику сбора этнографического мате-

¹ M. Mauss, *Manuel d'Ethnographie*, Paris, 1947.

² E. Durkheim. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*, Paris, 1912.

³ M. Mauss, Указ. раб., стр. 17.

⁴ Там же, стр. XI.

риала с использованием разнообразных способов фиксации. В целом надо признать, что, несмотря на общую идеалистическую концепцию и слабость методологии, Мосс правильно определил основной предмет этнографии, видя его в изучении живого общества, конкретного народа или его части. Мосс учил систематизировать наблюдаемые факты и делать общесоциологические выводы.

Что же представляет собой «Метод этнографии» М. Гриоля и как он решает задачи, поставленные Моссом в его «Руководстве по этнографии»?

Гриоль дает в своем труде ряд ценных методических указаний для ведения полевых исследований: относительно состава экспедиции, продолжительности и времени года выезда в поле, составления вопросников и этнографических картосхем, способов фиксации народных обрядов, массовых церемоний, празднеств, ритуальных действий и т. п., проверки собранных сведений, выявления исторического ядра устных преданий, эпических и ритуальных традиций. Даются конкретные советы относительно формы фиксации этнографических фактов с применением кино и звукозаписи и даже зарисовок движений танцоров. Многие из этих методических приемов представляют большой интерес своей новизной и оригинальностью, и использование их несомненно поднимает технику этнографического исследования на более высокую ступень. Указания Гриоля цепны тем, что они проверены на богатом опыте им самим и руководимым им коллективом.

Но что поражает в этой основной теоретической работе М. Гриоля, так это, как ни парадоксально, именно боязнь всякой теории. Тщетно было бы искать в «Методе этнографии» какую-либо «общую идею», методологическую концепцию. Больше того, М. Гриоль вообще отрицает здесь право современной этнографии на обобщения. Так как сравнительный метод, которым часто пользовались старые этнографы, задерживал, по мнению Гриоля, развитие этнографической науки, уводя ее в тупики схематизма и мертвых абстракций, то современная этнография должна добиваться получения вместо «фрагментарной сравнительно-этнографической мозаики» исчерпывающих монографий о каждом из всех народов земли, каким бы малым и отсталым он ни был.

«Нельзя дальше,— утверждает М. Гриоль,— довольствоваться в этнологии общими трудами, именуемыми полными описаниями, в которых представлены лишь наиболее значительные институты, да и то лишь в ограниченных рамках. Теперь дело идет о том, чтобы вести углубленные и точные исследования в пределах определенного объекта изучения строго научными методами, а не приводящими только к собранию специально отобранных, исключительных или любопытных социальных фактов, из которого социологам удобно черпать иллюстрации для своих примеров. Теперь речь идет о том, чтобы создать исчерпывающие архивы, собрать полностью все данные о человечестве путем монографического описания народов, а не довольствоваться подборкой фактов, служащих лишь для демонстрации общих положений. Только тогда социология сможет выполнить свое назначение — выработать обобщения для выведения законов... До того времени, пока исследования этнографов не будут удовлетворять стоящим перед ними требованиям как по количеству, так и по качеству,— до этого времени распространенное ныне пристрастие к дедуктивным построениям и к поискам истин, приложимых ко всему человечеству, приходится рассматривать как своего рода бедствие для современной этнографии»⁵.

Таким образом, «истины, приложимые ко всему человечеству», сформулированные Морганом, Тэйлором, Энгельсом и многими другими исследователями, не пожелавшими дожидаться того времени, когда

⁵ M Griaule, *Méthode de l'Ethnographie*, Paris, 1957, стр. 5.

полевые этнографы составят полный перечень всех народов земли и исчерпывающие монографии о них, истины о формах родовой организации и собственности в первобытном обществе, пережитках в истории культуры, социальной обусловленности явлений духовной культуры и т. п.— истины эти оказываются, по Гриолью, незаконнорожденными и должны быть лишены права гражданства в науке.

В приверженности к «фактографии» М. Гриоль обогнал многих представителей позитивистской школы, из недр которой он вышел. Масс призывал к объяснению описываемых фактов путем обобщения и сравнения. Гриоль же провозглашает главной задачей этнографии описание как таковое.

«Когда этнограф излагает результаты своих работ, он не делает ничего другого, как описывает: он объясняет — или, скорее, его описание само по себе есть объяснение, исходящее изнутри изучаемого общества. Это значит, что его работа по описанию, которую некоторые имеют тенденцию недооценивать, параллельна работе социолога; только последний подходит к этим фактам извне и оперирует сравнениями с фактами из жизни других обществ»⁶.

Разумеется, объективность, добросовестность, точность, полнота в регистрации и описании фактов являются совершенно необходимыми условиями доброкачественного этнографического исследования, но это было хорошо известно и до Гриоля. Требование же Гриоля «описывать и только описывать», если бы оно буквально выполнялось на практике, могло бы привести только к превращению этнографического исследования в голое коллекционирование пестрых и разрозненных фактов.

Методологическая беспомощность, боязнь категорий и обобщений, уклонение от поисков закономерности сказались в том, что «Метод этнографии» М. Гриоля, содержащий ряд ценных практических указаний, помогающих полевым исследователям видеть и регистрировать этнографические факты, не дает им никаких ориентиров для отбора, классификации, систематизации и осмысливания этих фактов. Полевому этнографу вменяется в обязанность использовать и картографию, и фотографию, и звукозапись и даже аэрофотосъемку. И вот, когда исчерпывающие этнографические описания охватят все народы нашей планеты, подобному как описания натуралистов охватывают весь животный и растительный мир, вот тогда только, полагает М. Гриоль, собранные этнографами факты могут быть использованы соответствующими специалистами (социологами, юристами, историками религии и т. д.) для выводов и обобщений.

Но ведь всякому ясно, что даже простое коллекционирование зафиксированных наблюдением фактов невозможно без какой-то классификации. При всем своем отвращении к обобщениям, при всем пристрастии к свободной от всяких предвзятостей фиксации фактов М. Гриоль пытается дать полевому этнографу своего рода классификацию. Именно «своего рода», так как то, что предлагает М. Гриоль, является лишь суррогатом научной классификации. Вместо того чтобы положить в основу группировки фактов и явлений какой-нибудь существенный признак, определяющий их место и объективные взаимосвязи, М. Гриоль кладет в основу своей классификации способность этнографических фактов поддаваться коллекционированию.

«На практике мы убеждаемся,— говорит М. Гриоль, что человеческая деятельность имеет своим результатом факты двоякого рода. Это факты стабильные и факты в движении»⁷. К первым относятся всякого рода предметы: орудия, оружие, утварь, жилище и т. п. «Факты в движении

⁶ M. Griaule, Указ. раб., стр. 100.

⁷ Там же, стр. 43.

отличаются от стабильных фактов тем, что они не могут быть коллекционированы»⁸.

Предлагаемое Гриолем определение результатов человеческой деятельности как «фактов стабильных» и «фактов в движении» носит чисто формальный характер. А главное — ведь «фактов стабильных» вообще не существует. Это признает и сам Гриоль, когда говорит, что предмет материальной культуры связан прежде всего с процессом его изготовления, а затем и с его использованием. «Поэтому,— вынужден констатировать Гриоль,— его стабильность, неподвижность — только кажущаяся. И большая ошибка многих музеев, что они забывают об этом свойстве вещей. Надо следовать в изучении предмета тем процессам, с которыми он связан, и описывать также действующих лиц, которыми он окружен»⁹.

Но ведь главные процессы, с которыми связаны предметы,— это производственные процессы, а действующие лица, которыми они окружены, находятся в определенных производственных отношениях, и эти процессы и отношения обусловлены общественно-экономической структурой общества. Гриоль же ограничивает «факты в движении» главным образом сбражиями, обрядами, церемониями. Во всяком случае наиболее существенные моменты, определяющие ход общественной жизни, не подходят под эту формальную классификацию; вернее, эта классификация теряет наиболее важные факты и явления в жизни человеческого общества. Приходится признать, что предлагаемая Гриолем классификация и практически неприменима, и методологически несостоятельна.

Не лучше обстоит дело в «Методе этнографии» с вопросом о предмете этнографии, об объектах и рамках этнографического исследования. М. Гриоль в своем руководстве не раз останавливается на этом вопросе. «Этнография, говорит он, познает материальную и духовную деятельность народов. Она изучает технику, религию, право, политические и экономические учреждения, искусство, язык, нравы и обычаи. Она рассматривает их как реальности, а не произвольно подвергающиеся изменениям прихоти человеческой фантазии. Она рассматривает общество как единое тело, отдельные части которого сочленяются в пространстве и времени. Из этого следует, что она является наукой о фактах существования, повторения, последовательности»¹⁰.

М. Гриоль подчеркивает, что этнография — наука не только общественная, но и историческая. «Это, прежде всего, наука о существующих фактах и явлениях... Она стремится построить некий ансамбль, который был бы наиболее точным и наиболее полным, какое только возможно, описанием рассматриваемого общества. Таким образом, можно сказать, что этнография — это история настоящего, описание нормы в ее статике»¹¹. Но поскольку этнография описывает такие явления общественной жизни, которые повторяются, а значит, при этом как-то изменяются, постольку, умозаключает Гриоль, этнография оказывается описанием явлений в их динамике. Поскольку же, наконец, «в некоторых случаях этнография стремится определить эволюцию того или иного общества за какой-нибудь ограниченный период, она тем самым сближается с историей и подготовляет работу социологов»¹².

Но что же все-таки представляет собой этнография как наука, чем она отличается от других общественных (и исторической, в частности) наук, тем более что М. Гриоль неоднократно говорит даже об особом «этнографическом методе» изучения общества? В своем руководстве М. Гриоль настаивает на том, что современная этнографическая экспе-

⁸ Там же, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 46.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

диция должна включать в себя, кроме этнографа, также социолога, юриста, лингвиста, историка религий, психолога, натуралиста, врача, географа-топографа и картографа¹³. В чем же заключается специфика применения «этнографического метода» социологом, лингвистом, историком религии и т. д. при изучении одного и того же объекта?

При самом внимательном чтении «Метода этнографии» так и не удается получить ответ на эти вопросы. Что дело здесь не только в терминологической сбивчивости или отсутствии четких дефиниций, а гораздо глубже — в методологической беспомощности, свидетельствует тот факт, что с самим объектом и рамками этнографического исследования у Гриоля получается какая-то странная неувязка.

Во введении к своим лекциям М. Гриоль заявляет: «В наши дни не дозволяется больше игнорировать существование иных народов, кроме благородных обитателей стран Средиземноморья. Никто не вправе оставаться дальше под воздействием определенной высокомерной философии, которая как будто иногда старается уклониться от долга — сравнить богатых и почитаемых классиков (т. е. тех же «благородных обитателей Средиземноморья»). — Б. Ш.) с теми, кого несколько преизбражительно именуют первобытными. Ни одному биологу или зоологу и в голову не пришло бы пренебречь наиболее скромными формами жизни под тем предлогом, что они квалифицируются как низшие. Никакой социолог или этнолог не должен навлекать на себя упрека в неумении или неспособности охватить все культуры всех народов под тем дурным предлогом, что хаос этих народов еще не подвергся в полной мере классификации и наблюдению»¹⁴.

Кажется, ясно. Современная этнография должна отказаться от бывшего европоцентризма и охватить все народы, все культуры. Но вот дальше оказывается, что «этнография — это не простая наука. Это — целый конгломерат наук и методов, которые, как черепица, захватывают друг друга, подобно тому как это происходит с самими фактами в человеческом обществе. Таким образом, можно различать этнографию, этноботанику, этнозоологию, этнографию религиозную, моральную, психологическую, юридическую, экономическую, лингвистическую, технологическую, эстетическую. Каждая из них имеет свое место. Этнография является таким конгломератом дисциплин потому, что большая часть этих дисциплин — история религии, мораль, психология — доныне интересовалась преимущественно, если не исключительно, развитыми народами, предоставляя именно этнографии заботу по разрешению разнородных и даже запутанных проблем, выдвигаемых народностями, не знающими машин»¹⁵.

Так что же, этнография — особая наука, имеющая свой предмет и свои рамки, или это конгломерат отдельных дисциплин, который возник и существует лишь вследствие того, что эти дисциплины «высокомерно пренебрегали» отсталыми обществами, и который рассыпается, когда лингвистика, психология и т. д. вплотную займутся всеми народами без всякой дискриминации?

Редакция «Метода этнографии» поместила вместо заключения следующее высказывание М. Гриоля о границах этнографической науки, взятое из его незаконченной работы: «Сколько далеко этнограф должен заходить в лингвистику? До каких пределов он вправе забираться в этнологию? — Этнологам и лингвистам следует определить это. Этнограф — щедрый князь, он богат, он ждет ампутации, как дерево ждет подрезки, готовое после этого еще с большей силой устремиться к новым просторам, дать еще больше плодов, раскинуться еще пышнее, готовое

¹³ M. Griale, Указ. раб., стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 4.

¹⁵ Там же, стр. 8.

подавить своей листвой самого садовника, внушив ему невольное уважение »¹⁶.

Таким образом, вследствие путаницы и противоречий в теоретических положениях М. Гриоля, сущность его «этнографического метода» так и остается нераскрытым.

Как мы видим, «Метод этнографии», представляющий определенную ценность как руководство по методике полевых исследований, не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к теоретическому труду по методологии этнографической науки. Но что же представляет собой «этнографический метод» Гриоля в действии, какова методология его конкретных этнографических исследований?

Наиболее значительные труды М. Гриоля и работавшего под его непосредственным руководством коллектива посвящены культуре народов Западного Судана, в частности — небольшого народа догонов, обитающего в нынешней республике Мали, в гористом районе Бандиагара. Центральное место среди многочисленных работ М. Гриоля о догонах занимает его монументальный труд «Маски догонов». Содержание этой отлично изданной монографии, снабженной обильными иллюстрациями в тексте и на приложенных 32 таблицах, несколько шире ее заглавия. Главное внимание автора направлено на ритуальные церемонии с ряжением, которые еще в недалеком прошлом представляли собой неотъемлемый и очень существенный элемент всего быта догонов. Однако Гриоль дает не только самое подробное описание сакральных масок и связанного с ними ритуала, не только детальное, а порой даже и скрупулезное (как это и подобает образцовому этнографическому описанию) воспроизведение всех обрядов, жестов, танцевальных движений, костюмов, связанных с каждой маской, но и тексты мифов в двух вариантах (им посвящена вся первая часть книги): в общераспространенном варианте с вольным переводом на французский язык и в варианте на тайном сакральном языке *сиги со*, с воспроизведением подлинного текста и подстрочным переводом.

Каково же научное значение того огромного материала, который столь усердно собрал М. Гриоль в своих «Масках догонов»? Можно ли глубже, чем это сделал М. Гриоль, ограничившийся ритуалом масок и связанных с ним мифов догонов, проникнуть в происхождение, смысл и роль тех причудливых фигур, плясок, наскальных изображений, которые на первый взгляд представляют только экзотический интерес? Что нового дают они историку, социологу, исследователю религии по сравнению с тем материалом, который уже был известен до появления «Масок догонов»?

В своем труде М. Гриоль на эти вопросы не дает ответа. Он остается здесь верным своему девизу «описывать и только описывать». Даже там, где обобщения, сопоставления, выводы напрашиваются сами собой, он либо воздерживается от них, либо загоняет их в примечания. Вот один из многочисленных примеров.

В «Масках догонов» часто фигурирует *ньяма* — некая сверхъестественная сила, которая, по представлению догонов, наличествует всюду, но в особенно сильной степени — в «Великой маске», считавшейся воплощением одного из мифических первопредков, наделенного змейным обликом. М. Гриоль дает следующее определение этой силы: «Ньяма — мгновенно действующая, безличная, бессознательная энергия, пребывающая во всех людях, животных, растениях, в сверхъестественных существах, в предметах и в природе, придающая устойчивость и прочность своей временной или вечной опоре»¹⁷. Сведущему

¹⁶ M. Griaule, Указ. раб., стр. 107.

¹⁷ M. Griaule, *Masques dogons*, Paris, 1938, стр. 161.

читателю ясно из этого определения, как и из всех фактов, приводимых М. Гриолем в связи с понятием *ньяма*, что мы имеем здесь дело с присущим всем без исключения религиям представлением, которому в этнографии присвоено название *мана*. Да и сам М. Гриоль мимоходом признает это. Говоря в приложении, что он уверен в родстве *ньяма* с нилотским *джок* и восточноафриканским *зар*, Гриоль в примечании тут же заявляет: «Автор может только высказываться здесь за исследование понятия *мана*, рекомендованное Моссом, который говорил, что редкость известных нам примеров этого понятия не должна заставить нас сомневаться, что оно имеет всеобщее распространение»¹⁸.

В целом в «Масках догонов» М. Гриоль не делает попыток исторически подойти к собранному им и его сотрудниками материалу, рассмотреть этот материал в его социальной обусловленности и в комплексе с остальными сторонами культуры догонов, сопоставить его с данными о других существующих в мире обществах, по уровню развития близких к догонам.

Сведения об общественной организации догонов приходится почерпнуть из работ об этом народе, не принадлежащих Гриолю, например из работы Пало Марти¹⁹ и других. До самых последних лет основной социальной ячейкой у догонов была «гинунга», или, сокращенно, «гинна» — группа кровных родственников со счетом родства по отцовской линии, включающая до 50 членов. Гинна подразделяется на две меньшие группы, так называемые «тире тогу». Д. А. Ольдерогге называет гинну «основанной на отцовском родстве большой семьей, члены которой совместно ведут хозяйство»²⁰. Общее владение землей с переделом по старшинству, совместное проживание в обособленном квартале, односторонний счет родства, экзогамия и некоторые архаические пережитки родовой организации в виде обычаем так называемого «шуточного родства» — все это свидетельствует о том, что гинна сохранила еще многие черты патриархально-родовой общины с подразделением на семьи. Никакой централизованной политической организации догоны до эпохи колониализма не имели. Но, по-видимому, до прихода европейцев у них существовала своего рода иерократия жрецов-огонов во главе с главным огоном.

Из сопоставления известных нам данных об обществе догонов с описанием М. Гриоля можно сделать определенные выводы. С одной стороны, процессы и пляски масок у догонов являются пережитком тотемизма; это подтверждается преобладанием зооморфных образов среди масок. Разумеется, многое в плясках масок у догонов изменилось и переосмыслилось по сравнению с чисто тотемическими церемониями²¹. Мифы догонов, служащие одновременно и объяснением, и сценарием этих церемоний, гораздо сложнее тотемических мифов австралийцев и бушменов. Стоящая в центре церемоний Великая маска воплощает уже не предка какого-либо отдельного рода, а мифического первого предка целого народа, консолидировавшегося из отдельных племен. Однако истоки этих церемоний уходят в доисторическую древность. С другой стороны, организация общества масок, положение и роль его членов по отношению к рядовой массе общинников — все говорит о том, что у догонов сложилось ритуальное тайное общество —

¹⁸ M. Gréaule, *Masques dogons*, стр. 82.

¹⁹ M. Palau Martí, *Les Dogons*, Paris, 1957.

²⁰ Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., М.—Л., 1960, стр. 134—135.

²¹ В наши дни сакральный смысл масок догонов и их плясок уже утерян. Церемонии масок все больше превращаются в балаганные представления ряженых. Сейчас в шествиях и танцах фигурируют персонажи, лишенные всякого ритуального характера; отмечено даже появление маски, изображающей европейскую женщину, задающую вопросы и делающую заметки в своем блокноте, — забавная пародия на женщину-этнографа, ведущую полевые записи.

институт, характерный для стадии перехода от патриархально-родового строя к классовому обществу и государственности, на которой догонов застало колониальное порабощение.

Было бы, разумеется, наивно ожидать от М. Гриоля подлинно научного подхода к собранному им и его сотрудниками этнографическому материалу, тем более что материал этот относится главным образом к религии. «...Много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»²². Этнограф должен не только видеть, регистрировать и описывать факты, но и научно осмыслять их, выявлять и понимать их генезис, их место и значение в окружающей жизни. Но мы уже знаем, что М. Гриоль предписывает этнографу не выходить из рамок описания. Удивительно ли, что основной труд М. Гриоля, несмотря на свой объем, несмотря на огромную эрудированность его автора, представляет собой шаг назад даже по сравнению с предшественниками Гриоля — крупными полевыми этнографами: Фон-ден-Штейненом, Штреловым, Спенсером и Гилленом и даже М. Моссом, которые, при всей своей буржуазной ограниченности, умели по крайней мере выявить «земное ядро туманных религиозных представлений». «Маски догонов» даже в этом отношении дают слишком мало. Это вовсе не означает, что у М. Гриоля нет никакой «руководящей идеи», никакой общей концепции. Однако чтобы уловить эту концепцию и по достоинству оценить ее, необходимо обратиться не к «Маскам догонов», а к тем его трудам, где она сформулирована достаточно отчетливо и развернуто, и прежде всего к наиболее известному из них — к «Богу воды». Это поможет нам также раскрыть, что же все-таки скрывается под «этнографическим методом» М. Гриоля.

В книге «Бог воды» М. Гриоль воспроизвел свои беседы с мудрецом Оготеммели, которые содержат мифы догонов об Амме, боге воды, о других божествах, о сотворении мира, о первопредках, о возникновении земледелия, кузнечного дела и ткачества, о происхождении обычаев и обрядов догонов.

Ознакомившись с этой книгой Гриоля, любой этнограф не может не задать себе вопроса: что же в мифах — да и вообще в религии догонов — такого, что, как утверждает Гриоль, должно потрясти до основания все прежние представления науки о мышлении не только африканцев, но и вообще людей первобытных обществ? Ведь схожие мифы о начале бытия, о героях-цивилизаторах имеются у земледельческих народов Индии и Индонезии, в Америке и в самой Африке. Существовали они и в древней Элладе.

Однако М. Гриоль утверждает, что мифология догонов — это не только новое открытие в этнографии, но что это и не мифология вовсе. По мнению Гриоля, «миф у черных»²³ — это экзотическое, т. е. предназначеннное для непосвященных повествование, под которым скрывается экзотическое, т. е. известное только посвященным, приведенное в систему, философское и метафизическое учение. То, что Оготеммели рассказывал Гриолью, является будто бы «легким знанием» (*connaissance légère* — выражение это взято у бамбара, соседей догонов), под которым кроется философия и метафизика догонов. Гриоль неоднократно подчеркивал, что у догонов была развита космогония, столь же богатая, как у Гесиода, и что их философия стояла не ниже философии классической Греции. Эти утверждения вызывают возражения.

²² К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 378, прим. 89.

²³ M. Gréaule, *Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemmeli*, Paris, 1948, стр. 8—9.

Сущность мифа, его конститутивный момент, его специфика заключаются в том, что это не только фантастическое, выдуманное повествование о сверхъестественных существах, но и важный элемент сакрального действия, ритуала, богослужения. Миф — это повествование, но повествование, имеющее магическую силу, которое не только служит сценарием для богослужебных церемоний, но и, якобы, устанавливает в процессе его рецитирования во время религиозной церемонии сверхъестественную связь между мифическим прошлым и настоящим. Как инсценировка мифа в ритуале, так и рецитация мифа на сакральном языке — это прежде всего и главным образом не простая символика, это — магический акт. Сущность мифологии состоит также в том, что в ней заключаются зародыши поэзии, философии и метафизики, если под метафизикой разуметь оперирование фикциями. Вероятно, даже перед палеолитическими людьми вставал вопрос — «откуда все это взялось». До тех пор, пока философия, поэзия, эмпирические знания были тесно переплетены с религиозными представлениями, в мифах получали свое выражение существовавшие уже тогда зачатки философии, онтологии, метафизики.

Как известно, философия в своей наиболее древней форме, образцом которой может служить классическая греческая натурфилософия, дифференцировалась, отчленилась от религии лишь в классовом обществе. Что касается науки в точном смысле этого слова, то она сформировалась еще позднее.

Если еще можно согласиться с М. Гриолем, что у догонов существовала космогония столь же богатая, как у Гесиода, то его утверждение, будто у догонов под мифами скрывается стройная философская система, является лишенным всякого основания преувеличением. В любом рассказе Оготеммели перед нами оказывается не философема, а мифологема, типичная для того периода истории религии, когда последняя еще представляла собой «...культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию»²⁴. Любопытно, что, признавая наличие у догонов монотеизма, М. Гриоль озаглавил беседы с Оготеммели не «Бог догонов» или «Монотеизм догонов» или как-нибудь еще в этом духе, а «Бог воды». По-видимому, здесь сказалось чутье опытного этнографа. Ведь и Амма, и Лебэ и другие персонажи мифологии догонов еще не совсем оторвались от олицетворявшихся ими стихий и в особенности от воды, которая имела первостепенное значение для существования догонов.

Дело, однако, не только в том, что Оготеммели будто бы открыл М. Гриолью некую эзотерическую философскую и метафизическую систему, таящуюся в мифологии догонов. М. Гриоль заверяет, что беседы с Оготеммели помогли ему выявить еще одну особенность «мышления черного мира», особенность, которая будто бы заключается в том, что указанная система лежит в основе всей культуры и цивилизации африканцев и что в ней-то и кроется тайна «души черного человека». По утверждению М. Гриоля, «символизм черных пронизывает и направляет всю их жизнь, весь их общественный строй, всю их технику, все их обряды, как и все деяния отдельного человека от рождения до могилы»²⁵.

М. Гриоль имеет здесь в виду не только тот давно уже установленный этнографией факт, что вся жизнь отсталых обществ опутана всяческими суеверными обычаями и поверьями и что любой религиозно-маги-

²⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1948, стр. 104. Эти слова Ф. Энгельса относятся к ирокезам. Догоны в своем развитии ушли дальше ирокезов, но и у них мы находим еще только формирующийся политеизм.

²⁵ M. Griaule, *Reflexions sur des symboles soudanais*, «Cahiers internationaux de sociologie», т. XIII, 1952, стр. 9.

ческий обряд имеет свой этиологический миф, порою уже забытый или переосмысленный на протяжении многих поколений, а нечто большее. М. Гриоль уверяет, что беседы с Оготеммили свидетельствуют о тотальном, как он сам выражается, примате мифа или, точнее, скрывающейся под мифологической оболочкой философской и метафизической системы, во всей жизни африканцев.

Если верить Гриолю, то получается, что не только религиозные обряды, но и все поведение догонов в быту подчинено мифу, в центре которого так или иначе стоит секс и все, что с ним связано. Круглый горшок, который лепит из глины женщина-горшечница,— это символ женских гениталий²⁶. План жилища у догонов символизирует мужчину и женщину в коитальном положении. Селение должно быть раскинуто с севера на юг, как тело мужчины, лежащего на спине, воспроизведя эпизод из любовных похождений мифологического персонажа Номмо²⁷. Одежда и украшения тоже строго соответствуют различным сексуальным деталям мифа. Набедренная повязка женщины содержит в себе «речь» или «слово» Номмо, без этой повязки она не будет желанной. «Быть нагой — значит быть без слова»²⁸. Различные обряды, связанные с молотьбой окруженного сакральным ореолом местного злака «дигитария экзилис», символизируют то, что этот злак олицетворяет менструальную кровь,²⁹ и т. д. и т. п. Даже то, что при работе мотыгой в поле при каждом шаге вперед перебрасываются руки на ее рукоятке, служит якобы не просто техническим приемом, который подсказан опытом, а является воспроизведением зигзагообразной вибрации в первозданном мировом яйце³⁰.

На одной научной конференции в Женеве М. Гриоль задали вопрос, все ли догоны отдают себе отчет в метафизической подоплеке своего поведения в хозяйстве и домашнем быту. Он ответил, что всю «систему» знают лишь «учители», т. е. жрецы и знахари, что старикам известна лишь часть учения, тогда как основная масса населения ее совсем не знает. «Так поступали наши предки» — вот что могут ответить в массе своей догоны, если их спросить, почему они в разных случаях жизни действуют так или иначе³¹.

Почему же возникла такая «система» и на чем она веками держалась у догонов?

Бесполезно искать в работах М. Гриоля и его школы ответа на эти вопросы. Реальные земные корни религии догонов — экономическая и техническая отсталость, страх и бессилие в борьбе с природой, невежество и косность — все это исчезло в концепции М. Гриоля.

Вместо этого в культуре народов Тропической Африки и даже всех народов «без машинизма», на которых Гриоль распространяет свою интерпретацию культуры догонов, гипертрофируется роль сексуального начала. Гриоль и его последователи, выдавая мифологию за философию, вместе с тем дают мифологии толкование, присущее фрейдизму в позднейшей интерпретации К. Юнга. Ж. Калам-Гриоль утверждает, что, независимо от фрейдизма, у африканцев существовало представление об «анимистическом комплексе Юнга»; она доказывает это следующим рассуждением: «Черный человек проицирует свою сексуальность во вселенную; мир осознается им как сексуально подчеркнутое в человеке начало, как элемент совокупляющейся пары, двойственное единство... Черный, действительно, уже издавна знает то, что нам открыл психо-

²⁶ M. Griaule, *Dieu d'eau*, стр. 108.

²⁷ Там же, стр. 115—117, 119.

²⁸ Там же, стр. 100.

²⁹ Там же, стр. 178.

³⁰ Там же, стр. 93—94.

³¹ M. Griaule, *Connaissance de l'homme poig*. В кн.: «La Connaissance de l'homme au XX-e siècle», Texte des conférences et des entretiens organisés par les Rencontres Internationales de Genève 1951, Neuchatel, 1952, стр. 150.

анализ: существование в одном и том же существе двух душ: *animus* и *anima*. В плане же матафизическом и физическом эти установления уравновешивают личность и способствуют распределению в ней духовных начал»³².

Согласно теории К. Юнга, в подсознательной сфере человека кроются комплексы, влияющие на сознание, в том числе и противоречивый по своему характеру анимистический комплекс. Каждый человек имеет мужских и женских предков; он наследует от них и мужские, и женские свойства. Мужчина от природы имеет в себе некоторые особенности женской души (*anima*), а женщина — мужской (*animus*). В каждом человеке, таким образом, борются две души. Вытекающее отсюда сложное идеалистическое объяснение ряда обрядов, распространенных у всех народов на ранней стадии развития, не удовлетворяет требованиям научно-исторического подхода к обычаям, нормам обычного права, вообще общественным институтам.

Сам М. Гриоль, а после его смерти Ж. Дитерлен, Ж. Калам-Гриоль, С. де Ганэй, Д. Заан и др. в многочисленных публикациях и устных выступлениях всячески старались подкрепить этнографическими данными «догонский мираж», обязанный своим возникновением беседам М. Гриоля с Оготеммели. Однако никакого переворота в этнографии беседы с Оготеммели, вопреки предсказаниям М. Гриоля, не произвели, как не удались попытки М. Гриоля, сконструировать некую стройную, гармоническую, во всех деталях отработанную метафизическую «систему мира», лежащую якобы в основе всей культуры догонов. Слишком уж далека от науки общая концепция М. Гриоля, согласно которой оригинальность, своеобразие духовной культуры народов Тропической Африки в том и заключается, что все их поведение целиком подчинено выработанной «учителями» метафизической системе и что по их представлению каждый жест человека имеет последствия космического порядка. Слишком уже очевидна порочность «методологии» М. Гриоля, отчетливо заявляющего, будто духовная культура догонов доказывает, что «духовная культура для своего расцвета не нуждается в том, чтобы идти вровень с материальной культурой»³³.

Даже из сжатого рассмотрения основных работ М. Гриоля достаточно ясно, что собой представляет и куда на деле ведет его «этнографический метод», заключающийся в отходе даже от того ограниченного и непоследовательного детерминизма, который мы находим в работах породившей Гриоля французской социологической школы. Как бы ни оценивать значение конкретно-этнографических исследований М. Гриоля и его школы, приходится признать, что их интерпретация духовной культуры народов Тропической Африки смыкается с теми клерикальными и реакционными влияниями, которые столь заметны ныне в зарубежной этнографии и которые иногда у отдельных ученых парадоксальным образом уживаются с большой эрудицией, с тщательной регистрацией и добросовестным описанием отдельных этнографических фактов.

SUMMARY

The article presents an analysis and a critical appraisal of the theoretical and methodological views of Marcel Griaule, the well-known French ethnologist specializing in African studies, as set forth in his «*Méthode de l'Ethnographie*» and certain other works.

³² G. Calam-Griaule, *Culture et humanisme chez les Dogons*, в кн.: «*Aspects de la culture noire*», Paris, 1958, стр. 15—16.

³³ «*La Connaissance de l'homme au XX-e siècle*», стр. 22.

И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

ИНДЕЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ США

Вопрос о культурных достижениях того или иного малого народа в капиталистических странах, так же как и народов колониальных стран, принадлежит к числу мировоззренческих: он непосредственно связан с защитой или с разоблачением империалистической политики. При оправдании колониальной эксплуатации и удушения национальной культуры, в попытках объяснить культурные различия между народами биологическими и психологическими причинами, намеренно закрывают глаза на то, что технические изобретения на первых порах развития человеческой культуры требовали от человека не меньшего напряжения ума, таланта, воли, затраченного труда, чем изобретения сегодняшнего дня — от нашего современника.

Поэтому для нас представляют интерес все стороны развития человеческой культуры, тем более, что достижения человека, жившего в перво-бытно-общинном строе, легли в основу культуры последующих формаций.

Однако культурное наследие народов целого ряда стран и даже континентов, наследие, которым сейчас пользуется все человечество, или не известно, или намеренно, в силу политических соображений, не принимается в расчет.

Коренное население Америки в этом отношении разделило судьбу угнетенных народов Азии, Африки и Океании. В современных исторических трудах о Латинской Америке можно прочесть, что местный индейский элемент не участвовал в создании современных государств и наций или, в лучшем случае, принимал пассивное участие как составной компонент в современной метисной прослойке. Индейцы Северной Америки рисуются в такого рода трудах как помеха на пути европейской колонизации и строительства американского государства, а в современной жизни — как вымирающий элемент общества, единственным выходом для которого является полная ассимиляция. Тем большее значение имеют труды американских историков-марксистов — У. Фостера, Г. Аптекера, высоко оценивавших культурные достижения коренного населения Америки и впервые в литературе обративших внимание на силу индейских влияний в культуре современных американских народов.

«Хотя индейские племена были совершенно изолированы от широкого азиатско-африканско-европейского потока культурного развития, все же они сумели за много веков до Колумба создать свою науку, искусство и общий склад духовной жизни, которыми до сих пор не перестает восхищаться весь культурный мир,— писал Уильям Фостер.— Высокоразвитые цивилизации инков и майя были в полном расцвете, когда Франция, Англия и Германия еще представляли собой дикие дремучие леса. Бесмысленное уничтожение всей этой великолепной культуры, уничтожение и расхищение их драгоценных исторических памятников и сокровищ искусства невежественными, жадными и фанатичными европейскими

завоевателями было одной из самых тяжелых катастроф в культурной истории человечества. Та же политика жестокого подавления национальной культуры проводилась и после завоевания Америки, на протяжении всего колониального периода и почти всей дальнейшей истории республик Западного полушария. Точно так же, как они поступали с культурой негров, власть имущие стремились вырвать с корнем богатую самобытную культуру индейцев, навязав им культуру класса белых рабовладельцев»¹.

В неравных битвах отстаивали и отстаивают коренные жители Америки вместе с самой жизнью и право на свою культуру, которая широко внедрилась в жизнь практически всех американских народов. Но именно это последнее обстоятельство, несмотря на всю очевидность, до последнего времени, как правило, замалчивается или прямо отрицается.

Сознательная и многовековая клевета на народы, подарившие миру величайшие культурные ценности, особо отвратительна сейчас, на подъеме национально-освободительного движения, который переживают народы Латинской Америки, борющиеся с засилием американского империализма. В этой борьбе огромную роль, как известно, играет стремление освободиться не только от экономической и политической зависимости, навязываемой странам Латинской Америки Соединенными Штатами, но и от духовного порабощения, которое несло с собой господство США.

Желание воссоздать правдивую историю своего народа, очищенную от предвзятости истории культуры, тесно связано с ростом национального самосознания. Обращение к национальным традициям в искусстве, архитектуре, к народному эпосу в литературе, ко всему тому, что может составить национальную гордость народа, борющегося за свое равноправие, характерно и для современного национально-освободительного движения Латинской Америке, и для индейских народов в Соединенных Штатах.

Возрождение традиционной культуры в целом ряде «индейских» стран в Латинской Америке, а также среди немногочисленного индейского населения в Соединенных Штатах повлекло за собою попытку оценить вклад коренного населения Америки — индейцев и эскимосов — в сокровищницу мировой культуры. Однако до последнего времени эти попытки сводятся к перечислению тех культурных ценностей, которые были созданы индейцами и эскимосами, без серьезного анализа того, какое место индейские элементы занимают в современной производственной и культурной жизни народов Америки, какую роль сыграла индейская культура в формировании культур современных американских наций. Кроме того, к сожалению, этими вопросами занимались до последнего времени не этнографы или историки, а специалисты в самых различных областях науки — историки земледелия, искусствоведы, лингвисты, географы и др.

Проблемы индейских влияний в культуре народов Америки, заимствований другими народами культурных ценностей, созданных индейцами и эскимосами, естественно, не могли пройти мимо внимания советских ученых. В 1960 году Институт этнографии подготовил сборник, посвященный этой теме, в который вошли статьи, предназначающие познакомить советского читателя с тем, что дало коренное население Америки человечеству в таких важнейших областях, как сельское хозяйство, архитектура, литература, искусство, и какой вклад внесли самые северные жители Америки — эскимосы в освоение Арктики, какой след оставила культура индейских племен в современных языках Америки и многих стран Европы, в том числе и в русском языке.

¹ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1953, стр. 800—801

Достижения коренного населения Америки в различных областях хозяйства и его вклад в мировую культуру весьма значительны. Многое из того, что нас окружает в повседневной жизни и стало привычной принадлежностью быта, хозяйства; множество слов, над происхождением которых мы не задумываемся, любимые нами литературные образы — заимствованы от индейцев Америки. Трудно переоценить значение вошедших в мировое хозяйство культурных растений, выведенных индейцами: кукуруза, картофель, бобы, томаты, перец, тыква, кабачки, фасоль, какао, подсолнечник, технические растения — хенекен, каучук и др. заняли в мировой экономике свое место после того, как европейцы узнали от индейцев о существовании этих растений и о методах их выращивания и использования. Индейцам человечество обязано открытием таких лекарственных растений, как хинин, некоторыми методами лечения болезней.

Созданные индейцами шедевры архитектуры и искусства стали, как и памятники древнего Египта, Греции и Рима, достоянием мировой культуры. Традиции древней скульптуры и зодчества, настенной живописи питают современное искусство народов Америки.

В литературе, музыке, танцах, фольклоре народов Америки — всюду можно видеть индейские источники, индейские влияния. Инки подарили современным перуанцам, а через них и всему человечеству героическую драму «Апу-Ольянттай», которая по своим гуманистическим идеям, верности изображения, художественной силе может быть поставлена в один ряд с такими памятниками литературы, как «Слово о полку Игореве», «Песнь о Роланде» и др. Индейская музыка, танцы занимают большое место в творчестве современных латиноамериканских деятелей искусства.

О значении и роли коренного населения в жизни стран Америки свидетельствует обилие слов, взятых из индейских языков. Это географические названия, названия растений, с которыми европейцы познакомились впервые в Америке, названия животных, рыб и птиц, предметов, воспринятых у индейцев, отдельные выражения и проч. Индейские языки оказали немалое влияние на речь современных народов Америки, особенно там, где индейский элемент вошел в состав нации как одна из ее частей (парагвайцы, перуанцы, мексиканцы и другие).

Как известно, многие латиноамериканские нации создавались на индейской основе. И все богатство, накопленное индейцами за тысячелетия самостоятельного развития и за годы трудового общения с пришлым населением, стало неотъемлемой частью культуры народов Америки. Индейцы участвовали в создании современных наций, не только отдавая свой труд и навыки, свои знания, но и свои традиции борьбы за независимость. Восстания индейцев Латинской Америки, не прекращавшиеся практически во все времена колонизации, расшатывали колониальную систему и, как указывает Уильям Фостер, были предвестниками революционных войн за освобождение испанских и португальских колоний в XIX в. Характерной особенностью этих войн было активное участие в них индейцев в тех странах, где они еще не были уничтожены.

Если большинство стран Латинской Америки обнаруживают совершенно бесспорные очевидные индейские влияния, как бы они ни замалчивались в буржуазной реакционной литературе, то в Соединенных Штатах, где коренное население очень невелико по численности и поставлено в исключительно трудные условия искусственной изоляции и вместе с тем подвергается насилиственной ассимиляции в течение двух столетий, казалось бы, найти эти влияния, особенно в современной жизни страны, почти невозможно. Однако внимательное и непредвзятое обращение к истокам современной американской культуры помогает найти и здесь индейские влияния в самых различных областях хозяйства, в культурной и общественной жизни страны.

«Соединенные Штаты являются одной из тех стран Западного полушария, в которых индейцев очень мало, и все же какой огромный пробел существовал бы в культуре США, не будь в ней индейского элемента!»² — писал Уильям Фостер в своем труде «Очерк политической истории Америки».

Американский этнограф Ирвинг Халлоуэлл, первым в этнографической литературе США поднявший вопрос об историческом вкладе индейцев в культуру американцев, писал: «Общение с индейцами повлияло на нашу речь, на нашу экономическую жизнь, одежду, на спорт и развлечения, на некоторые местные религиозные культуры, на методы лечения болезней, народную и концертную музыку, на роман, новеллу, поэзию, драму и даже на некоторые стороны нашей психологии, а также на одну из общественных наук — этнографию»³.

В Соединенных Штатах Америки в настоящее время проживает не более 600 тысяч индейцев и эскимосов, которые разобщены территориально⁴.

Большая часть индейцев продолжает жить в резервациях, к которым многих прежде всего привязывают условия дискриминации и земля, не облагаемая налогами в соответствии с «индейским» законодательством США. Часто, не отличаясь по рэду занятий и по всему образу жизни от других американцев из наименее обеспеченных слоев, индейцы не уходят из резервации, чтобы не лишиться своего участка земли — прибежища на случай потери работы. Среди жителей резерваций можно найти группы самой различной степени «ассимилированности» — от американализированных по образу жизни ирокезов штата Нью-Йорк до очень самобытных и сохраняющих многие формы материальной и духовной культуры прошлого семинолов Флориды или хопи и навахов на юго-западе США (см. рис. 1).

Значительное число индейцев вкраплено небольшими общинами среди остального населения страны и сохранило лишь некоторую культурную и административную автономию (штат Оклахома).

Все перечисленные группы индейцев, связанные с определенным племенем, резервацией, с землей в резервации или ведущие образ жизни обычновенных американских фермеров или городского пролетариата, объединяются общностью исторической судьбы. И хотя индейцы в прошлом были этнически пестры и не представляли культурного единства, условия экономического и национального угнетения, в которых им приходится жить сейчас, заставляют их держаться друг за друга, как бы различно ни было положение отдельных индейских групп.

Характер влияния индейцев на пришлое население Северной Америки в прошлом и настоящем был различен. В годы колонизации это влияние было непосредственным и выражалось главным образом в сфере производства материальных благ.

Переселенцев из европейских стран связывали с местными жителями противоречивые отношения.

«В течение всего периода колонизации индейцы подвергались жестокому ограблению и истреблению со стороны белых захватчиков разных национальностей. Но индейцы сопротивлялись исключительно умело и самоотверженно. Одним из самых значительных моментов в национальной истории США была борьба индейского народа в защиту своей родины — героическая, но безнадежная. Сопротивление индейцев

² У. З. Фостер, Указ. раб., стр. 801.

³ I. Hallowell, The backwash of the Frontier: the impact of the Indian on American culture, «Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution», Publ. 4354, Washington, 1959, стр. 488.

⁴ N. Lurie, The voice of the american indian: report on the american indian conference, «Current anthropology», декабрь, 1961.

было тем более примечательно, что они вели борьбу, несмотря на то, что были малочисленными, находясь на более низкой ступени общественного развития, располагали лишь сравнительно примитивным оружием», — писал в предисловии к книге американского историка-марксиста Г. Аптекера «Колониальная эра» Уильям Фостер⁵.

Рис. 1. Семья семинолов Флориды

Вместе с тем, без индейцев переселенцам на первых порах было трудно освоить землю американского континента. Отсюда вытекала необходимость делового и культурного обмена с индейскими народами. «От индейцев колонизаторские державы получили не только их земли и богатства, — пишет Г. Аптекер, — но также мастерство и технику, без которых колонизаторское предприятие должно было бы кончиться провалом», и продолжает: «Большой частью вклад индейцев был внесен в порядок добровольных актов помощи»⁶. Индейцы Новой Англии совершенно добровольно передали переселенцам свой опыт по выращиванию кукурузы, бобов, подсолнуха и других известных им издавна культурных растений.

Приведем лишь один пример того, насколько жизненно важной была эта помощь индейцев колонистам. Известно, что День Благодарения — национальный праздник американцев — связан с первым урожаем кукурузы, полученным в колонии Нью Плимут. Пшеница, привезенная колонистами, не принялась. Переселенцам грозила неминуемая го-

⁵ У. З. Фостер, На заре американской истории. Предисловие к книге Г. Аптекера «Колониальная эра. История американского народа». М., 1961, стр. 8.

⁶ Г. Аптекер, Указ. раб., стр. 35.

лодная смерть, если бы местные индейцы — алгонкины не показали им, как возделывать кукурузу. Известно, какое место занимают воспринятые от индейцев сельскохозяйственные культуры в экономике США. Мы знаем, какую роль, например, сыграла кукуруза в поднятии благосостояния страны.

Переселенцы в новых, непривычных для них условиях перенимали трудовые навыки, пользовались выработанными индейцами приемами в охоте, рыболовстве. И сейчас опыт индейцев Северо-Западной Америки, как и их рабочая сила, широко применяются рыболовными компаниями США и Канады.

Восприняли колонисты у индейцев и остроумный способ сохранения мяса и ягод впрок в виде пеммикана, который занимает немаловажное место в консервной промышленности США и Канады.

Беря у индейцев в первую очередь самое необходимое, европейские переселенцы не могли не обратиться к их одежде. Находившиеся примерно в тех же условиях, что и индейцы, переселенцы, жители границы, как правило, предпочитали европейской удобную и более доступную им одежду лесных племен из замши и шкур.

Первое время колонисты пользовались также индейской глиняной посудой. Не так давно американские археологи обнаружили, что жители колонии Виргиния (XVII в.) выменивали глиняную посуду у индейцев, причем те постепенно приспособливались к вкусам покупателей и лепили ее по европейскому образцу⁷.

Применение труда индейцев в земледелии, на серебряных и свинцовых рудниках, на строительстве фортов, церквей и жилых зданий было одним из каналов проникновения индейского влияния в производство и быт пришлого населения.

Особого упоминания заслуживает роль индейской медицины. Положительные знания, накопленные народной медициной, с первых же лет европейской колонизации способствовали тому заслуженному уважению, которым пользовались индейские врачи и индейская фармакопея. Даже в XIX в. в США выходили справочники и книги, знакомящие с методами лечения и средствами, применявшимися индейцами⁸.

Важным для колоний было участие индейских племен в войнах, которые в большой степени велись силами индейцев. Колонизаторы разжигали рознь между отдельными племенами, заставляя их бороться за чуждые индейцам интересы, искали поддержки сильнейших племенных союзов для уничтожения своих соперников по колонизации Северной Америки. Мы знаем, что колонисты восприняли от индейцев рассыпной строй, который сыграл огромную роль в борьбе за независимость. Впоследствии этот строй был использован революционным народом Франции в период Французской революции.

Трудно перечислить все то, что восприняли переселенцы от коренных жителей Америки. Даже самая структура государства США, по утверждению Б. Франклина, была скопирована с Лиги ирокезов.

Очень рано индейские влияния сказываются и в духовной жизни пришлого населения Северной Америки. В американской литературе всегда в той или иной форме присутствовала «индейская» тема. Можно не преувеличивая сказать, что без «индейских» романов Фенимора Купера, Майн Рида, без — «Песни о Гайавате» Лонгфелло она была бы намного беднее. Только за 1824—1834 гг., — бурный период, когда индей-

⁷ См. о докладе Ирвинга Халлоуэла «Индеанизация: локальный пример взаимодействия культур» и о докладе Ноэля Хьюма «Гончарная посуда индейцев Виргинии» на очередной конференции по этнической истории индейцев в статье И. А. Золотаревской «Два научных совещания в Вашингтоне», «Сов. этнография», 1959, № 4, стр. 132.

⁸ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 457.

цев переселяли в резервации из восточных штатов, в США вышло около 40 романов и около 30 пьес на индейскую тему. 50 тысяч экземпляров «Песни о Гайавате» разошлись за пять месяцев. Был издан эпос индейских племен. Повсюду исполнялись песни на индейские темы, а первой американской оперой был «Вальс Пакахонтас» Гейриха⁹.

Писателей привлекала в индейцах необычайная воля к победе и гордое мужество, поражала и пугала их неустрешимость. Образы индейской мифологии, исторические события, связанные с индейцами, быт коренного населения становились известны американцам, а благодаря переводам и всему человечеству.

Творчество американских художников также издавна питалось индейской тематикой. Лемуан и Шалло, Мюллер, Курц, Кэтлин, Бодмер, Кросс и многие другие оставили человечеству этнографические зарисовки и картины документального характера, которые и сейчас не теряют значения и представляют собой прекрасные этнографические источники и одновременно памятники изобразительного искусства XVII—XIX вв.

Индейцы, их история и культура всегда занимали большое место в научной жизни США. Этнография, антропология и археология возникают здесь прежде всего как науки, занимающиеся прошлым и настоящим коренного населения Америки. Это и понятно: правительство Соединенных Штатов нуждалось в систематических знаниях об индейцах, об их численности, расселении, обычаях, чтобы в соответствии с этим направлять свою политику.

Для прикладной американской этнографии, вызванной к жизни потребностями американского империализма, современное индейское общество является своего рода лабораторией. В этой лаборатории часть этнографов и социологов, работающая по определенному социальному заказу, изучает процессы так называемой аккультурации и ассимиляции, которые в условиях капиталистической системы приводят не к поднятию культурного уровня народа, а к исчезновению его самобытной культуры. Выводы, полученные на индейском материале, используются для изучения других обществ, находящихся в сфере интересов США¹⁰.

Сами индейцы всегда умели оценить по заслугам деляческое, утилитарное, и гуманное, сочувственные, отношение к своему прошлому, к своей культуре. Историческим примером сотрудничества индейских интеллигентов с прогрессивными исследователями может служить работа Л.-Г. Моргана в резервации Тонаванда (индейцы племени сенека). Индейцы США могут справедливо гордиться тем, что реконструкция ирокезского общества привела Л.-Г. Моргана к всемирно-историческому открытию универсальности родового строя. Известно, что Морган начал изучение ирокезов под влиянием своего друга, ирокеза Эли Паркера¹¹ — славного сына ирокезского народа, участника войны Севера с Югом, генерала армии северян, одного из ближайших помощников главнокомандующего У. Гранта. Ирокезы сенека не только помогали Моргану в его работе, но, оценив дружеский глубокий интерес ученого к индейской культуре, сделали Моргана членом племени (1847 г.). И в дальнейшем ирокезы продолжали участвовать в восстановлении социальной истории своего народа. Можно назвать довольно много имен этнографов и археологов индейского происхождения, посвятивших себя изучению коренного населения Америки, в том числе специалиста по индейцам Юго-Запада Э. Дозье (уроженец резервации Санта Клара, группа индейцев

⁹ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 461.

¹⁰ См. Ю. П. Аверкиева, Служебное значение этнографии в США, «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 67—74; Гордон Макгрегор, Этнография в правительственные учреждениях США, там же, стр. 75—85.

¹¹ A. Park e r, The life of general Ely S. Parker, Buffalo, New York, 1919.

пуэбло); основателя Национального конгресса американских индейцев; служащего Бюро по делам индейцев и автора работ о современном положении индейцев США Дарси Мак Найкла (племя флатхед из языковой семьи селишей); историка Мюриел Райт — знатока индейцев Оклахомы, ведущей свое происхождение от племени чоктавов, а также много других.

Рис. 2. Секвойя — изобретатель чирокского алфавита

скоро чироки стали поголовно грамотными, вслед за ними овладели грамотой и другие восточные племена — крики, чоктавы, чикасавы, семинолы, получившие с тех пор официальное название цивилизованных.

Газеты и журналы этих племен, выходившие на одном из индейских и на английском языке, сообщали не только новости местного значения, цены на зерно, скот, но и освещали международное положение, писали не только о положении в резервации, но и о литературных новостях, что представляло немаловажное событие в культурной жизни этой части Соединенных Штатов.

Современное индейское население США все более активно участвует в общественной и культурной жизни страны. Более того, ряд областей культуры и искусства в нынешних Соединенных Штатах испытывает определенное влияние со стороны индейцев, которые продолжают обогащать американскую культуру, внося в нее некоторые свои традиции, свой талант, свой творческий труд.

С развитием капиталистических отношений индейские влияния уже не столь проявляются в производственной жизни, сколько проникают в американскую культуру через такие каналы, как наука, искусство, литература и даже развлечения.

В этой связи встает вопрос о судьбе национальной культуры малых народов в условиях капитализма, да еще такого, как капитализм американский. Ассимиляция индейского населения идет очень быстро. Индейские группы постоянно размываются, хотя абсолютная численность их

индейские племена, переселенные в резервации за Миссисипи, сделали Индейскую территорию политическим и культурным центром для всех местных индейцев и того немногочисленного белого населения, которое жило там до образования штата Оклахома (1867 г.).

Большую роль в этом сыграло появление у некоторых племен письменности на родном языке. Сама по себе потребность в письменности может свидетельствовать о высоком культурном уровне некоторых индейских народов уже в те времена. Первым создателем силлабического алфавита, наиболее соответствовавшего грамматическому строю индейских языков, былmetis чирок Секвойя (рис. 2)¹². Очень

¹² A. Margiott, Sequoyah: leader of the Cherokees, New York, 1956.

не уменьшается. Растет численность индейского сельского и городского пролетариата. Вместе с тем сравнительно много среди метисов и индейцев людей интеллигентных профессий или имеющих квалификацию. Тяга к образованию у индейцев в настоящее время чрезвычайно велика. И многие, имеющие специальность врача, учителя, юриста, стремятся обратить свои знания на пользу своего народа.

Рис. 3. Фермер из чирокской резервации (Сев. Каролина)

Современные индейцы США по языку, образу жизни мало отличаются от американских бедняков иного национального происхождения (см. рис. 3). Только немногие группы, живущие в наиболее глухих районах страны, еще сохраняют некоторые остатки первобытно-общинных отношений, некоторые религиозные обряды, элементы материальной культуры (главным образом в одежде—у индейцев пуэбло, в жилище—у семинолов и некоторых др.). Но подавляющее большинство индейцев овладевает современными техническими знаниями и имеет уже современные формы быта. Это относится к индейцам, живущим в резервациях и вне их. И все же даже для наиболее ассимилированных групп характерно желание сохранить свои национальные традиции в тех областях, где это только возможно, в частности в области культуры, искусства, в развлечениях.

Насильственные меры ассимиляции, проводимые правительством США через самые различные каналы, естественно, вызывают у индейцев стремление сохранить свои обычай, создать свой мир, куда не может вторгнуться ни миссионер, ни чиновник Бюро по делам индейцев, ни турист. Вот почему приходится различать те формы культуры, которые индейцы сохраняют для себя как символ своего существования в качестве особой этнической группы, и то показное, что создается специально на потребу коммерческого спроса.

Интерес к культуре индейцев, проявляемый сейчас в США, направлен прежде всего на прошлое, на пережитки, отжившие или сохранившиеся в силу неравномерности развития отдельных районов страны. В показе, в популяризации культуры индейцев неизменно присутствует элемент аттракциона. Коммерческий интерес виден во многих

начинаниях, связанных с «возрождением» индейских традиций, в искусстве, художественных промыслах. Без этого элемента вряд ли можно было привлечь деньги для устройства разнообразных выставок, ярмарок, кустарных мастерских.

В некоторых случаях все эти неприятные черты коммерческого подхода к старой культуре индейцев стараются преодолеть, придавая «ярмаркам» и празднествам как можно более научный характер. В этом большую роль играют этнографы.

В городке Анадарко в центре одного из самых «индейских» штатов страны — Оклахомы — создан музей на открытом воздухе. В нем представлены в натуральную величину жилища различных племен центральной части Северной Америки. Постройка и убранство жилищ производились этнографами с помощью индейцев из соответствующих племен. Ежегодно в августе дирекция музея организует ярмарки, на которых индейцы показывают свои обряды, пляски, демонстрируют национальную одежду и украшения. Тут же ремесленники продают свои изделия, знакомят желающих со своими ремеслами, а знатоки рассказывают детям индейские легенды.

В штате Нью-Мексико местом такой же ярмарки является город Галлап. Также в августе сюда съезжаются индейцы из западных областей страны и туристы. Для последних печатаются специальные бюллетени, сообщающие о порядке празднества, а также о некоторых обычаях местных индейцев. Пышные парады, родео, пляски, воспроизведения исторических сцен сменяют друг друга в течение четырех дней.

Такие же «индейские» празднества устраивают и в других штатах, где живет значительное число индейцев.

Празднества меньшего масштаба — «Бизонья пляска» индейцев прерий, «Змеиная пляска» холи, обряд «Ночного ястреба» у восточных чироков и другие (рис. 4), как и описанные выше ярмарки, хотя и дают подчас очень далекое от истины представление о старых обычаях разных племен, но все они вошли в обиход американцев точно так же, как «французские» и «итальянские» карнавалы в Нью-Орлеане, мексиканские празднества в Сан-Антонио, певческие фестивали американцев норвежского происхождения, новогодние шествия в китайских кварталах Нью-Йорка и Сан-Франциско и многие другие. Стремясь выжить из индейских кустарных промыслов, театра, всякого рода традиционных праздников, живописи и т. д. как можно больше выгоды для себя, капиталистические предприниматели вместе с тем глушат всякую инициативу индейцев, когда, например, речь идет о решении земельного вопроса, о создании реальных условий для культурного роста и т. д.

Посмотрим с этой точки зрения на некоторые, еще сохраняющиеся формы самобытной культуры индейских народов США, на те формы, которые на современном этапе заслуживают самого благожелательного внимания. К ним прежде всего, пожалуй, относится живопись, достигшая определенных успехов и несомненного признания.

Не беря на себя задачу характеризовать древнее искусство индейских племен, скажем лишь, что оно развивалось по нескольким направлениям. Одно из них — живопись была представлена у многих народов. Так, индейцы Северо-Западного побережья покрывали деревянную утварь и обрядовые резные предметы красками, индейцы прерий разрисовывали покрышки своих жилищ (типи), плащи, щиты пиктографическими знаками, сообщавшими о подвигах их владельцев. У юго-западных племен существовали интересные «насыпные» рисунки из цветного песка, которые создавались при захарских обрядах и немедленно уничтожались как только обряд заканчивался. Рисунки были символическими и очень сложными. Многие племена знали искусство художественной лепки (из глины лепили курительные трубки, изображения животных, антропоморфные и зооморфные сосуды), а также резьбы по кам-

Рис. 4. Танец орла перед туристами (резервация индейцев хопи)

ию. Племена Северо-Западного побережья Северной Америки создали весьма развитое искусство резьбы по дереву, кости, рогу, нефриту. Вещи обрядового и бытового назначения украшались индейскими мастерами одинаково тщательно и с большим мастерством.

Индийские традиции иной раз спекулятивно используются американскими художниками, скульпторами, архитекторами, музыкантами, которые ищут в них поддержку и оправдание модернистских, обесчеловеченных течений в искусстве. Испытывая кризис идей, господствующая буржуазная культура обращается к архаическим формам, искажает их, извращая первоначальный смысл, искусственно отрывая от питавшей их некогда среды. Обращение к индейским традициям направлено не на то, чтобы дать толчок к дальнейшему естественному их развитию или усилить в них гуманистическое и реалистическое начало, а на то, чтобы особенностями примитивного искусства, связанными с определенной стадией в развитии человеческого общества, оправдать свой собственный отход от реализма. Интерес к художественным традициям ин-

дейских племен направлен не на развитие этих традиций применительно к запросам индейцев сегодняшнего дня, а на обслуживание загнившей эстетствующей культуры.

Творчество самих индейских художников переживает большие трудности, связанные с «кризисом жанра», с трудностями финансового характера.

Рис. 5. «Охотничья песнь» — картина Аллана Хаузера, внука знаменитого вождя апачей Джеронимо

И все же многие знатоки полагают, что творения индейских художников, а не спекулирующих на национальных мотивах модернистов, представляют наибольшую ценность в современной живописи США.

Начавшееся в 1920 г. движение за реставрацию индейской культуры знаменовалось открытием ряда художественных школ для одаренных индейцев. Талантливые юноши из племени кайова (первые ласточки на этом поприще среди индейцев) уже в 1928 г. получили за свои работы высокую оценку на международной выставке в Праге. С этих пор картины индейских художников, фрески, настенная живопись украшают музеи, жилые здания, государственные учреждения США. Но творчество мастеров индейского происхождения искусственно направляется по тому руслу, которое угодно правящим классам: оно обращено в прошлое по тематике и условно по манере исполнения. Господствуют канонизированные формы, привлекающие своей экзотичностью (см. рис. 5). Часто эти формы даже слабо связаны с индейскими традициями. Так, в художественной школе в Санта-Фэ, созданной специально для индейцев, по заявлению профессора искусств Р. Кина, выработали приемы и стиль, воспринятые от персидской миниатюры¹³.

Ллойд Кива, чирок по происхождению, на конференции в Таксоне, посвященной искусству и ремеслам индейцев, заявил: «Будущее индейского искусства лежит в будущем, а не в прошлом»¹⁴.

¹³ «The report of a Conference held at the University of Arizona on March 20—21, 1959», Tucson, 1959, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 28.

Что касается кустарных промыслов в индейских резервациях, то в них, пожалуй, удачнее всего сочетались древние традиции и новые запросы и вкусы мастеров. Интересно отметить, что в возрождении и развитии художественных промыслов горячее участие принимают американ-

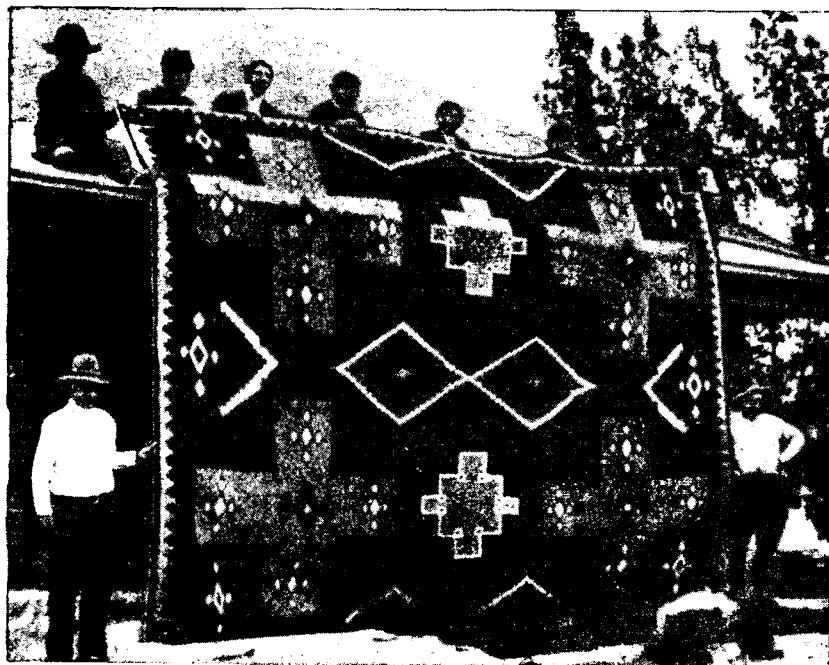

Рис. 6. Ковер работы навахских ткачих

ские этнографы, непосредственно связанные с индейцами в своей исследовательской работе. Через общественные организации прогрессивно настроенные этнографы делают работу Бюро по делам индейцев достоянием гласности и тем самым вынуждают его проводить в жизнь полезные для индейцев мероприятия. В значительной мере благодаря научной общественности во многих частях страны, где живут индейцы, а также при музеях организовано производство и продажа предметов индейского ремесла и искусства.

В кустарных промыслах меньше, чем в какой-либо другой области, представители буржуазной американской культуры могли искать материал для себя. И вмешательство в художественные промыслы индейцев ограничивается в основном спросом и вкусами рынка. Однако такому вмешательству не удалось изуродовать естественного развития этой интересной и многообещающей отрасли деятельности индейцев США.

Население США благодаря труду и таланту индейских мастеров,

Индийцам позволяют развивать кое-как те промыслы, которые не могут составить серьезной конкуренции американским компаниям и не затрагивают естественных ресурсов в резервациях, в которых заинтересовано капиталистическое предпринимательство.

Для того, чтобы получить представление о ближайших перспективах развития самобытной индейской культуры, необходимо кратко остановиться на политике США в отношении индейцев.

Если проследить историю «индейской» политики США, то она прежде всего окажется тесно связанной с земельным вопросом. Появление резерваций было вызвано в первую очередь требованием штатов изъять удобные земли у индейцев; раздел общинных земель и передача земли в частную собственность, начатые в 1880-х гг., «освободили» миллионы гектаров для американских нефтяных и других компаний, а также для капиталистического сельского хозяйства. Акты последних лет — акт о размещении индейцев 1952 г. (Relocation act) и так называемый Терминационный акт 1953 г. (Termination act), также влекут за собой дальнейшее отчуждение индейских земель.

Следует вспомнить, что земли индейцев в резервациях не обложены налогами, и это одно из преимуществ, за которое индейцы естественно борются и из-за которого многие предпочитают оставаться в резервациях.

Первый из этих актов передавал резервации в некоторых штатах из ведения федерального правительства в ведение властей штатов. Официально это означало, что индейцы этих штатов не нуждались более в опеке правительства, т. е. поднимались еще на одну ступень к достижению полного гражданства. Однако индейцы отнеслись отрицательно к этой мере. И хотя Конгресс решил провести такие же меры во всех резервациях, совершивно освободив индейцев от опеки федерального правительства (к декабрю 1961 г. небольшое число индейских групп уже было подвергнуто этому новому эксперименту), действие Терминационного акта было приостановлено вследствие протеста индейцев. Они прекрасно понимают, что с осуществлением Терминационного акта они попали бы под власть штатов, а следовательно, в полную зависимость от интересов местных капиталистических предпринимателей, действия которых общественности еще более трудно контролировать, чем действия Бюро по делам индейцев.

Что касается акта о релокации индейцев, т. е. о перемещении их из беднейших резерваций в города, то он имеет ту же экономическую основу. Как уже было упомянуто ранее, часть земли в резервациях еще находится в общинном владении. Индейская беднота держится за общину по вполне понятным причинам: общинная земля не облагается федеральными налогами, кроме того общинное землепользование является некоторым препятствием к расхищению земли капиталистическими предпринимателями.

Вместо того, чтобы помочь индейцам развить продуктивное сельское хозяйство, лесное дело, добывчу полезных ископаемых, развить в широких масштабах кустарные промыслы, придуман новый выход из положения — релокация, добровольное переселение в города, дальнейшее ослабление связи со своей этнической группой, ускорение ассимиляции индейцев господствующей нацией. Это означает также усиление пролетаризации индейского населения.

Проведение в жизнь мероприятий, связанных с актом о релокации, в массе принесло индейцам вместо улучшения их экономического положения новые осложнения.

Если для большинства переселенцев жизнь и работа в городе представлялась временной мерой, которая должна помочь повысить квалификацию, получить новые знания для применения их в резервации, куда многие хотели возвратиться, то Бюро по делам индейцев, занимающееся

релокацией, видит в ней окончательное разрешение «индийской проблемы». Переселенцам помогают при устройстве на работу, Бюро дает ссуду, находит жилье. И как только индейская семья нашла пристанище, а глава семьи — работу, Бюро снимает с себя ответственность за судьбу переселенцев, хотя, как правило, они оказываются в тяжелом положении. Индейцам, не имеющим квалификации, предоставляют самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, чаще всего временную, которую они быстро теряют. Квалифицированные рабочие также недолго держатся, так как часто не имеют денег для уплаты профсоюзных взносов, лишены защиты профсоюзов, их увольняют в первую очередь. Лишившись поддержки Бюро по делам индейцев и не имея права из-за недостаточно длительного проживания в данном городе на пособие по безработице, индейцы не могут и вернуться домой, так как их обычно поселяют как можно дальше от резервации.

Таким образом, вместо действительной помощи индейцам их выбирают в города, где они попадают в число наиболее бедствующей части населения.

Программа релокаций так же, как и уже упоминавшийся акт об окончании «олеки» правительства США над индейскими племенами, является выражением политики насильтвенной ассимиляции, вызываемой вновь к жизни экономическими и политическими причинами. Индейские земли в резервациях, естественные богатства, хранящиеся в недрах этих земель продолжают привлекать к себе интерес капиталистических компаний. Отчуждение же земли облегчается дальнейшим разрушением индейской общины, сведением к нулю самоуправления, суверенности советов индейских племен.

В угоду заинтересованным кругам коренное население США подвергается беспрерывным экспериментам, вынуждено подчиняться противоречащим друг другу законам. Его то тащат назад в прошлое, то насилино втаскивают в самую гущу капиталистического общества.

Вторая мировая война вызвала небывалую за последние 50—60 лет активность индейского населения США. Многие пошли добровольцами на фронт. Индейцы воевали на самых трудных участках, служили связистами, летчиками, выказав немалое мужество. В эти годы довольно много мужчин и женщин покинуло резервации и работало на заводах, шахтах, плантациях бок о бок с рабочими иного национального происхождения. И ветераны войны, и рабочие возвращались в резервации после войны другими людьми. Их уже не так страшила жизнь в городе, они узнали не только враждебность тупых чиновников и обывателей, но и солидарность американских трудящихся. Индейцы не хотели жить по-прежнему.

Именно после второй мировой войны, способствовавшей пробуждению всех колониальных угнетенных народов, индейцы США восстают против диктата чиновников, протестуют против расхищения естественных богатств резерваций, подымают голос в защиту своего права развивать собственную экономику, получать равное с другими образование, встать в единый ряд со всеми народами страны и перестать быть объектом благотворительности, отстаивают право самим решать судьбу своей культуры.

О возросшей активности индейского населения США мы знаем из печати. Мы помним обращение ирокезов в ООН, апелляцию индейцев Флориды, одной из самых отсталых групп, к ряду европейских государств по вопросу признания правительствами Англии, Испании, Франции, которым некогда принадлежала Флорида, права индейцев на отобранную у них Соединенными Штатами землю; иски индейских племен к правительству США о выплате долгов по договорам по продаже земли.

Об этом свидетельствует и сздание индейцами собственных обще-

ственных организаций для защиты своих прав. Движение за равноправие среди индейцев США становится неотъемлемой частью прогрессивного движения страны. Коммунистическая партия США в своей программе уделяет большее внимание индейцам, требует для них равноправия в экономической и культурной жизни.

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод, что национальная культура индейского населения страны оказывается не менее жизнеспособной, чем культура иных, может быть более многочисленных народов. Многие годы насилиственной ассимиляции и планомерного ограбления не сломили дух индейцев, и очевидно, что эта культура может в дальнейшем обогащать прогрессивную культуру американцев.

Изучение влияния индейцев на культуру народов Америки и других стран только началось. Но нам кажется, что оно имеет большие перспективы. Уже пример такой сравнительно небольшой группы населения, как индейцы США, показывает, какие огромные пласти влияний лежат в остальной Америке, особенно в Латинской Америке, где индейское **население** многочисленно и очень активно. И тема эта, нам кажется, требует большого внимания в связи с тем политическим звучанием, которое она имеет.

SUMMARY

The article traces the influence exerted by the American Indians on the life of the Americans in the past and in the present. The character of this influence has changed: whereas in the colonial period it was mostly manifested in the sphere of production (the adoption by the colonists of cultivated plants and methods of cultivation, of hunting, fishing, building and other techniques practised by the Indians), in the later period this influence was manifested in the field of culture (in art and literature, art crafts, etc.). Studies of the cultural heritage and the cultural influence exerted by the indigenous population of the American continent on the culture of the modern American nations are still in their incipient stage. Studying the Indian sources of modern American culture is of great importance for re-establishing the authentic history of the continent's indigenous population in conditions of the rising national-liberation movement in the Latin-American countries.

Д. Е. ЕРЕМЕЕВ

ОСЕДАНИЕ ЮРЮКОВ В ТУРЦИИ

Среди сохранившихся до сих пор в Турции кочевников и полукочевников значительное место занимают юрюки¹. Число их достигает 300—500 тыс. чёл.² Около 50 тысяч юрюков сохраняют чисто кочевой образ жизни³.

Все исследователи, занимавшиеся изучением современного положения юрюков, единодушно отмечают, что их кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство находится в глубоком упадке. Это вызвано, с одной стороны, экономическими причинами, общими для всех кочевников Передней Азии,— влиянием неоднократных мировых сельскохозяйственных кризисов, конкуренцией капиталистического животноводства Австралии, Аргентины, Южно-Африканской Республики⁴, вытеснением караванного извоза кочевников железнодорожным и автомобильным транспортом, а с другой— специфическими экономическими и политическими причинами, действующими внутри Турции, о которых и пойдет речь в данной статье.

Если прежде, еще в XIX в., каждое племя, род или отдельная кочевая группа пасли свой скот, как правило, на определенных традицией «ничейных» пастбищах и лишь в редких случаях арендовали землю под пастбища у оседлых жителей⁵, то в наше время, начиная с первых десятилетий XX в., юрюки лишились возможности пользоваться большей частью своих традиционных пастбищ, так как в связи с ростом ценности земли бывшие пастбища юрюков стали захватывать местные землевладельцы. Захват пастбищ облегчался тем, что у юрюков не было документов, подтверждающих их права на пастбищные земли. Подобное отношение к пастбищам характерно вообще для всех кочевников, которые как отмечал К. Маркс, «относятся к земле как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности»⁶. Такое отношение вытекает из специфики кочевого скотоводства. «Для

¹ О расселении, хозяйстве и общественном строе юрюков см.: А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 108—129. К статье приложена карта расселения юрюков.

² Официальных турецких данных о численности юрюков нет. А. Д. Новичев, на основе косвенных подсчетов, определяя их численность в 1951 г. в количестве около 300 тыс. чёл. (А. Д. Новичев, Указ. раб., стр. 112); по мнению О. Мерри и К. Жером, юрюков насчитывается 500 тыс. чёл. (О. Мерри, К. Жером, *Le nomadisme en Anatolie*, «Сопнаissance du monde», 1961, № 31, стр. 63).

³ X. de Planhol, *Géographie, politique et nomadisme en Anatolie*, «Revue internationale des sciences sociales», UNESCO, 1959, т. XI, № 4, стр. 551. К. де Планоль — французский этнограф, в 1947—1950 гг. вел полевые исследования среди кочевников и крестьян юго-западной Анатолии.

⁴ В Австралии, например, Турция покупает шерсть высокого качества. См.: Б. Даркот, География Турции, М., 1959, стр. 170 (пер. с турецкого).

⁵ См.: М. П. Воронченко, Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В., СПб., 1839—1840, ч. II, стр. 198, 200.

⁶ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940, стр. 23—24.

кочевника... важно не обладание большим или малым, но определенным участком земли, земельным наделом, а возможность использовать большие пространства для периодических перекочевок в зависимости от времени года, возможность выбирать лучшие и удобные стоянки»⁷

Процесс захвата пастбищных земель, издавна использовавшихся юрюками, особенно усилился в 1930-х — 1940-х гг. в связи с внедрением капиталистических отношений в сельское хозяйство Турции⁸. Турецкий этнограф А. Р. Ялгын писал, что юрюки постоянно жаловались ему на недостаток пастбищ, на захват их оседлыми землевладельцами⁹. Местные власти лишь поощряли подобные действия землевладельцев, являвшихся, в основном, помещиками и кулаками. Больше того, государство иногда само захватывало земли у юрюков. Немецкий ученый В. Рубен, занимавшийся в 1946 г. этнографическим изучением центральной Анатолии, сообщает, что государственные имения не только отобрали у юрюков, живущих в районе озера Туз, много пастбищной территории, но и захватили часть уже распаханной земли¹⁰. Здесь налицо типичный капиталистический способ производства, когда ради более высокой прибыли предпринимателя (в данном случае им являлось государство) сгоняли с земли мелких производителей.

Итак, кочевое скотоводство юрюков было в корне подорвано нехваткой свободных пастбищных территорий, ибо, как указывал К. Маркс, «для скотоводства (кочевого.—Д. Е.) большие необитаемые пространства являются главным условием»¹¹. Лишенные прежних пастбищ, юрюки в большинстве случаев были вынуждены арендовать пастбища у крупных землевладельцев или у советов деревень, причем зачастую — свои бывшие пастбища, захваченные либо крупными земельными собственниками, либо кулацкой верхушкой деревни. Широко распространялась аренда земли под пастбища, а также — что характерно для полукочевников — под места зимних поселений. Факты аренды летних пастбищ приводят Ялгын и Рубен¹². Турецкий этнограф К. Гюнгер¹³ сообщает о таких формах аренды зимних пастбищ, как «баджак» (размер арендной платы устанавливается в зависимости от количества голов скота) и «кабала» (размер платы не зависит от поголовья скота). К. де Пляноль описывает вид аренды, распространенный в местах наиболее острой нехватки пастбищ, — «аренду с торгов»: владелец земли разрешает пасти на ней скот той группе юрюков, которая согласится на самую высокую арендную плату¹⁴.

Все исследователи хозяйства юрюков подчеркивают, что часто аренда пастбищ очень тяжела для кочевников. Во-первых, высока арендная плата, во-вторых, нередки случаи злоупотреблений со стороны землевладельцев. Иногда чрезмерно высокая плата за пользование пастбищем вынуждает юрюков покидать места, к которым они давно привыкли и на которых издавна по традиции пасли скот, и искать новых пастбищ¹⁵. К числу злоупотреблений относится неоднократный

⁷ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 110—111.

⁸ «...К 1939 г. сельское хозяйство Турции прочно встало на капиталистический путь развития». (А. Д. Новичев, Крестьянство Турции в новейшее время, М., 1959, стр. 173).

⁹ A. Rıza [Yalgin], Cenupta Türkmen oymakları, Ankara, 1933, ч. II, стр. 40; ч. III, стр. 20.

¹⁰ W. Ruben, Anadolu'nun yerleşme tarihiyle ilgili görüşler, «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», 1947, т. V, № 4, стр. 374, 388.

¹¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 210.

¹² A. Rıza [Yalgin]. Указ. раб., т. III, стр. 18; W. Ruben, Указ. раб., стр. 379.

¹³ K. Güngör, Genubî Anadolu Yürüklerinin etno-antropolîjik tetciki, Ankara, 1941, стр. 33.

¹⁴ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens, Paris, 1958, стр. 201.

¹⁵ A. Rıza [Yalgin], Указ. раб., ч. III, стр. 18.

сбор арендной платы землевладельцами без выдачи расписок¹⁶. Иногда условия аренды бывают так тяжелы, что юрюки вынуждены распродавать скот и отправляться в разные места в поисках работы¹⁷. Ялгын даже приводит записанную им в 1930-х гг. песню, в которой оплакивается судьба племени, потерявшего свое прежнее пастьбище:

Наша законная яйла захвачена чужаками...
Скот всего племени погиб от голода.
Раздвиньтесь, горы! Нам остается лишь умереть¹⁸.

В годы после второй мировой войны процесс захвата пастьбищ стал еще более интенсивным в связи с ростом капитализма в сельском хозяйстве Турции, что сопровождалось внедрением в крупных поместьях и кулацких хозяйствах современной техники, увеличением посевов технических культур и т. д. Как пишет турецкий экономист А. Т. Язман, «тракторы наступают на пастьбища». В Эгейском районе и в долине Чукур скотоводство совершенно вытеснено хлопководством. Язман называет и другие причины, которые, по его словам, ухудшают положение скотоводов: отсутствие кормовой базы и зимних помещений, что приводит к массовым падежам скота, недостаток ветеринаров и т. п.¹⁹.

Об упадке скотоводческого хозяйства красноречиво говорят цифры, показывающие размеры стад у отдельных племен. На основании этих данных можно сделать приблизительные выводы об обеспеченности широких юрюкских масс скотом. Например, племя айаш на 100 палаток и 790 душ имело всего 3800 голов мелкого рогатого скота. 150 верблюдов и 15 лошадей; другими словами, на каждую семью-палатку приходилось лишь по 38 голов мелкого рогатого скота²⁰. Даже эти средние цифры, без учета имущественного неравенства, означают крайнюю бедность, так как из материалов обследования курдских племен в России, проведенного в конце прошлого века, видно, что наличие у семьи скотовода даже 100 овец позволяет ей лишь сводить концы с концами, да и то при условии приработка на стороне примерно в размере 25% от общей суммы дохода²¹. Есть, конечно, более богатые племена. Так, в племени бойну-инджели на семью приходилось примерно 93 головы мелкого рогатого скота. Но если учесть наличие имущественного неравенства, то получится, что доля основной массы совсем небольшая²².

Приведенные выше данные Ялгына были собраны им в 1930-х гг. С тех пор общее материальное положение юрюков, по свидетельству

¹⁶ A. Riza [Yalgin], Указъ раб., ч. III, стр. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 19. «Законная яйла» — «ферманлы яйла». Некоторые юрюки утверждают, что некогда у них были ферманы — письменные документы, подтверждающие право владения или пользования тем или иным пастьбищем, выданные султаном, и что впоследствии эти ферманы были утеряны. Частично подобные предания основываются на фактах получения племенными вождями завоеванных султанами земель в качестве ленных владений. Однако в этих случаях речь шла не о владении пастьбищными территориями, а о «держании» племенным вождем определенного района под военно-административным контролем и о праве его на феодальную эксплуатацию оседлых жителей. Кроме того, со временем получения племенными вождями ленов прошло 5—6 столетий, а за этот период многие племена несколько раз меняли районы своего обитания: в XVI—XVIII вв. часть племен мигрировала с востока на запад, а с начала XIX в. — из западных районов в южные и восточные. Поэтому утверждения юрюков о «потерянных документах» на право владения пастьбищами и проникновение таких утверждений в фольклор вызваны, главным образом, стремлением как-то противостоять идущему захвату пастьбищ, юридически обосновать свое право на них.

¹⁹ A. T. Yazlap, Hayvancılıgın Mizanı İnkışfına Tarihi olan Sebericisi, «İktisadi Üygür

küs, 1952 № 285, стр. 1.

²⁰ А. Д. Новицhev, Турецкие кочевники и полукоочевники..., стр. 124.

²¹ Там же.

²² Там же.

турецких авторов, серьезно ухудшилось. Так, Гюнгёр пишет, что материальное положение юрюков пошатнулось, обострился недостаток пастбищ из-за захвата их под посевы оседлыми жителями, количество скота уменьшается, юрюки беднеют²³. Рубен, посетивший деревни юрюков в 1948 г., также приводит факты уменьшения поголовья скота: в деревне Чешмели-Зебир число овец сократилось за последние 30 лет с 30 000 до 10 000 голов, быков — с 1500—2000 до 300—500 голов. Сильно сократилось число верблюдов, так как значение их как транспортного средства резко упало.

В деревне Кады-Оглу число овец сократилось с 12 000 до 4000—5000 голов²⁴. Рубен описывает также одну кочевую группу юрюков из 10 шатров, у которых своего скота было только 120 коз²⁵. Это означает нищету.

Упадок скотоводства все более подрывает его товарность, а вместе с тем и всю экономику кочевых и полукочевых юрюков, так как в ее основе лежит натуральное хозяйство, в силу специфики кочевого скотоводства в большой степени зависящее от рынка. Вот почему единственный выход из своих затруднений кочевники видят в переходе на оседлость и всеми силами стремятся получить землю.

Знаменательно, что в самом отношении кочевников к переходу на оседлость видна резкая перемена по сравнению с прошлыми столетиями. Если еще в XVIII и XIX вв. юрюки всемерно противились политике османского правительства, направленной на оседание племен, то в XX в. наблюдается противоположное явление²⁶. Ялгын приводит несколько примеров, когда юрюки просили его помочь им получить землю и когда племена обращались к правительству с просьбой о наделении их землей для поселения. Так, одна из женщин племени кулфаллы заявила Ялгыну: «Мы умираем, у нас нет ни пяди земли! Неужели некому подумать о нас?»²⁷. Племя бахшиш также жаловалось на безземелье, заявляло о своем желании осесть²⁸. О желании юрюков осесть на землю пишет французский этнограф Ж.-П. Ру, ведший полевые исследования среди племен вилайета Анталья в 1955 и 1961 гг.²⁹. Де Планоль также пишет, что большинство кочевников находится в тяжелом материальном положении и поэтому хочет осесть, чтобы заняться земледелием. По его словам, «они превратились в париев, ищащих очага»³⁰.

Здесь мы подходим к проблеме перевода кочевников на оседлость, которая непосредственно связана с аграрной политикой правительства. Попробуем рассмотреть, как разрешилась эта проблема в Турции. Нельзя сказать, чтобы турецкое правительство ничего не делало в этом отношении, так как оно само заинтересовано в том, чтобы кочевники осели: с оседлых легче собирать налоги, легче привлекать их к исполнению воинской повинности, выполнению различных общественных работ, вообще легче держать их в административной узде³¹. В 1934 г. был даже принят закон, согласно которому предполагалось наделить землей за определенный выкуп, наряду с иммигрантами, кочевников и полуко-

²³ K. G ü n g ö g, Указ. раб., стр. 48.

²⁴ W. R u b e n, Указ. раб., стр. 376.

²⁵ Там же, стр. 379.

²⁶ Картина настоящей войны кочевых племен с османским правительством, ставившимся «посадить» кочевников на землю, живо рисуют архивные документы сultанской канцелярии, опубликованные турецким историком А. Р. Алтынаем. A. R e f i k [Altına], Anadolu'da Türk aş. retleri, İstanbul, 1930. Об этом см. также доклад А. Д. Новичева на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве «Турецкие кочевники в XV—XVIII вв.» М., 1960, стр. 7—10.

²⁷ A. R i z a [Yalgin] Указ. раб., ч. II, стр. 39.

²⁸ Там же, стр. 44; ч. III, стр. 20.

²⁹ J. P. R o u x, La sédentarisation des nomades Yürük du vilayet d'Antalya (Turquie Méridionale), «Ethnographie», 1961, № 55, стр. 78.

³⁰ X. de P l a n h o l, De la plaine Pamphylienne..., стр. 203, 204.

³¹ См.: А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукоучевники..., стр. 127.

чевников. Но этот закон, как показал А. Д. Новичев, фактически не был проведен в жизнь³².

Основной причиной того, что государство не может предоставить кочевникам достаточно земли хотя бы за выкуп, является его аграрная политика, направленная на сохранение и упрочение крупного землевладения. В районах расселения юрюков имеются крупные поместья (чифтили), часть которых — бывшие ленные владения, превратившиеся теперь в частную собственность. Скромные аграрные реформы, по словам де Планоля, совершенно не затронули эти чифтили, размеры которых нередко составляют 500—1000 га³³.

Другими существенными причинами, тормозящими наделение кочевников и полукоучевников землей, являются, во-первых, всегда сопутствующее крупному частному землевладению наличие огромных масс безземельных и малоземельных крестьян, требующих срочного наделения землей³⁴, а во-вторых необходимость предоставления земли большому числу иммигрантов. Последняя проблема имеет для Турции особую остроту. Нужно учесть, что с 1928 по 1955 г. в Турцию иммигрировало 560 600 человек, т. е. в среднем по 20 тыс. человек ежегодно³⁵. Для устройства иммигрантов требовалась, прежде всего, земля, и землю в первую очередь раздавали иммигрантам, а кочевникам почти ничего не доставалось³⁶. Так, в 1923—1934 гг. иммигранты получили 625,9 тыс. га, а кочевники — ничего: по закону от 1934 г. иммигранты получили 115,2 тыс. га, тогда как кочевники — лишь около 13 тыс. га³⁷. Стремление правительства в первую очередь дать землю иммигрантам объяснялось усиленной пропагандой за иммиграцию, важным аргументом которой было обещание материальной поддержки приезжающим, а в последние два десятилетия и политическими факторами.

Итак, в отношении турецкого правительства к кочевникам наблюдалось непримиримое противоречие: оно непрочь было бы перевести их на оседлость, но не могло этого сделать из-за своей политики в земельном вопросе. Таким образом, аграрная политика турецкого правительства препятствовала оседанию кочевников. Больше того, как уже говорилось, оно лишало юрюков прежних традиционных пастбищ, способствуя захвату последних крупными землевладельцами и государственными имениями. Получился как бы заколдованный круг: основная масса скотоводов-кочевников разоряется, их кочевое хозяйство деградирует, однако перейти на оседлость и заняться земледелием они не

³² См.: А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукоучевники..., стр. 127.

³³ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 140.

³⁴ После аграрной реформы 1945 г. до 1950 г. землю, причем за выкуп, получил только 1% нуждающихся крестьян (около 20 тыс. семей); наделение землей крестьян продолжалось и после 1950 г., однако такими черепашьими темпами, при которых для обеспечения безземельных крестьян нужно было 50—60 лет. См. П. П. Моисеев, Аграрные отношения в современной Турции, М., 1960, стр. 120—125.

³⁵ Б. Даркот, Указ. раб., стр. 55. Всего за период с 1923 по 1955 г. в Турцию прибыло свыше 1,5 млн человек. См.: П. П. Моисеев, Указ. раб., стр. 107, 125. Иммиграция началась еще в XIX в. в связи с потерей Османской империей захваченных территорий и уходом турок-колонизаторов обратно в Турцию. В 1848 г. прибывают турки-иммигранты из Венгрии; в 1878 г. после русско-турецкой войны, в результате которой был освобожден от турецкого ига ряд балканских народов, появляются первые иммигранты с Балкан; в 1900 г. иммигрируют турки с о. Крит, в 1913 г. после балканских войн снова иммигрирует часть турок с Балкан; в 1923—1927 гг. в Турцию прибывает около 500 тысяч турок из Греции в обмен на турецких греков; в 1936 г. происходит иммиграция турок с о. Кипр; после второй мировой войны прибывает много турок из Болгарии, Югославии, Румынии. Последняя волна иммиграции была вызвана широковещательной пропагандой за возвращение всех турок в Турцию, которую вели в Балканских странах представители турецких иммиграционных обществ.

³⁶ «Кочевой образ жизни юрюков искусственно задерживается, так как землю раздают иммигрантам» (X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 204).

³⁷ П. П. Моисеев, Указ. раб., стр. 109—110.

могут и вынуждены продолжать кочевой и полукочевой образ жизни, если не становиться в ряды сельского или городского пролетариата.

Исходя из всего сказанного, можно сделать такой вывод: последний этап кочевничества юрюков, стремящихся к оседанию, искусственно задержался, их переход на оседлость тормозится условиями капиталистического общества и буржуазно-помещичьей политикой государства в аграрном вопросе. На фоне общего развития сельского хозяйства Турции, в котором прочно утвердились и продолжают развиваться капиталистические отношения, кочевые юрюки с их отсталым образом жизни являются анахронизмом.

Проблему перевода юрюков на оседлость пытались решить иногда и местные власти. Многие вали (губернаторы) Антальи занимались этим вопросом. Один из них — Хасым Ысджан (1940—1945 гг.) специально перестроил три деревни полукочевников: Даг-Кёю, Ялынлы и Кара-Байыр. В этих деревнях были возведены так называемые «образцовые» дома, причем помочь государства выразилась в поставке строительных материалов (камня, кирпича и черепицы) и в предоставлении проекта, рабочая сила была набрана принудительно из местных жителей. Что же получилось в итоге? Если в деревне Даг-Кёю положение еще сносно, так как дома построены здесь в традиционном для этого района плане (двухэтажные, первый этаж — помещение для скота), то в деревнях Ялынлы и Кара-Байыр, где основное занятие населения — разведение мелкого рогатого скота на кустарниковых пастбищах, построили «тесные геометрические поселки с одноэтажными домами без всяких помещений для скота». И вот результат: население проводит зиму в шатрах, располагаясь в нескольких сотнях метров от своих образцовых кирпичных домиков³⁸. Провал попытки административным путем перевести полукочевников на оседлость некоторые авторы объясняют тем, что не были учтены местные условия. Однако причины кроются не только в местных условиях — они лежат в самой сути подобного администрирования. Такой «перевод» на оседлость ничего не менял ни в экономике, ни в социальных отношениях полукочевников. Поэтому они были вынуждены продолжать прежний образ жизни. К тому же даже такое «благоустройство» лишь слегка затрагивало, а не изменило существующее положение: все эти три деревни расположены рядом с дорогой Бурдур — Анталья, в глубинных же районах все осталось по-старому.

Тем не менее кочевые и полукочевые юрюки все же постепенно переходят к оседлости. Этот стихийный процесс тянется долго и мучительно. Первым этапом на пути к оседанию иногда является сокращение территории перекочевок, например, часть племени сары-кечели в районе гор Катранджик перестала откочевывать в горы Султан и круглый год проводит в прежней местности, как в замкнутом кругу³⁹. Однако главным условием для оседания является приобретение земли. А покупка земли доступна далеко не всем юрюкам, так как за последние 50 лет цена на землю очень возросла⁴⁰. При стихийном оседании отдельные семьи кочевников стремятся любыми способами внедриться в деревенское общество. Редко можно встретить деревню, в которой не осели бы кочевники. Но обычно это деревни, расположенные ближе к местам зимовок юрюков или вдоль маршрутов их перекочевок. Особенно много кочевников оседает на равнинах, где возделывается хлопок. Население этих равнин состоит в основном из бывших кочевни-

³⁸ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 245.

³⁹ Там же, стр. 203.

⁴⁰ Там же, стр. 204, см. также: X. de Planhol, *Géographie, politique et nomadisme...*, стр. 551.

ков⁴¹. Последнее понятно, так как в хлопководческом хозяйстве требуется много рабочей силы. Осевшие таким образом кочевники составляют беднейшие слои деревенского общества. Не имея совсем или имея очень мало земли, они, как правило, выполняют самые тяжелые и плохо оплачиваемые сельскохозяйственные работы. Поэтому все преимущества оседлого образа жизни зачастую сводятся для них к нулю⁴². Из сказанного видно, что к такому оседанию вынуждены прибегать окончательно разорившиеся кочевники.

Есть другой вид оседания, при котором отчетливо проявляется классовое расслоение бывших кочевников. Суть его состоит в том, что юрюкский ага покупает поместье (чифтлик) с хорошей землей и создает свое хозяйство. Причем работники-издольщики нанимаются им из той же этнической группы (племени, рода), к которой принадлежит сам новоявленный владелец поместья⁴³. Эти издольщики поселяются рядом с чифтликом, образуя ядро будущего селения⁴⁴, т. е. здесь речь идет о поселении отдельными родоплеменными группами, богатые главы которых становятся путем покупки поместья крупными землевладельцами, использующими труд рядовых сородичей. Таким образом, в данном случае полуфеодальная издольная система эксплуатации прикрывается родоплеменными пережитками, в частности родовой «взаимопомощью».

Третий вид оседания характерен для районов с неплодородной, мало пригодной для земледелия почвой и редким оседлым населением. В этом случае юрюки просто захватывают пустующие земли, ставя шатры рядом со своими возделанными полями. Шатры быстро трансформируются сначала в примитивные хижины, затем — в постоянные жилища⁴⁵. Такое оседание началось еще в XIX в., но оно продолжается и в XX. Например, деревня Карабал (вилайет Анталья) основана подобным образом в 1920 г.⁴⁶.

Оседают юрюки очень неравномерно. Даже внутри родоплеменных групп наблюдается неравномерность в оседании: наряду с оседлыми имеются кочевники и полукочевники. Так, в племени кара-коюнлу осело лишь меньшинство, большая часть продолжает вести кочевой образ жизни, в племени качар (гаджар) также осела только часть юрюков, в племени кешефли осела большая часть и т. д.⁴⁷ Такая неравномерность в оседании даже внутри родоплеменных групп свойственна многим кочевникам при переходе на оседлость. Например, аналогичное явление отметил у бедуинов Северной Аравии А. И. Першиц. Это отражает, по его словам, картину постепенного оседания кочевников на землю, происходящего через несколько посредствующих стадий полукочевого быта⁴⁸.

Переход к полному оседанию иногда растягивается надолго даже после приобретения земли и поселения в деревне. Например, юрюки из деревни Ахмед-Бейлер (вилайет Анталья), основанной четверть века назад, прежде чем окончательно перейти на оседлый образ жизни, от-

⁴¹ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 205.

⁴² Там же.

⁴³ X. de Planhol, *Géographie, politique et nomadisme...*, стр. 551. С издольщиками, работавшими у прежнего хозяина чифтлика, новый хозяин обычно контракта не заключает, и они вынуждены искать работу в другом месте. X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 206.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 205.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ К. Гүнгёг, Указ. раб., стр. 41, 43.

⁴⁸ А. И. Першиц, «Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии», *«Переднеазиатский этнографический сборник»*, I, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXXIX, М., 1958, стр. 121.

кочевывали на яйлы в течение нескольких лет. В другой деревне этого же вилайета — Абдуррахманлар, где группа кочевников 15 лет назад «подселилась» к оседлому населению, до сих пор 8 семей летом кочуют на яйлах в горах Анамас. В районе Кара-Дин, где богатые юрюки из племени сары-кечили купили в 1948 г. чифтлик, также сохраняется кочевание, лишь сократился маршрут кочевки: летают в местах, расположенных ближе к чифтлику, чтобы не терять надолго связи с хозяйством. Кочевание отдельных частей населения наблюдается и в ряде других деревень, недавно основанных. Есть деревни, где этот процесс длится приблизительно столетие. На первом этапе оседания кочует обычно вся деревня, на летний период остаются лишь одна-две семьи, которые сторожат имущество односельчан, иногда же деревня остается совсем пустой. На последнем этапе кочует уже меньшинство — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$ населения деревни. В тех случаях, когда на летовках не занимаются земледелием, прекращению кочевания предшествует иногда сокращение расстояния до летовки, т. е. выбор другого, более близкого места для летнего пастбища, и сокращение времени летования до периода конец июня — конец сентября.

Сохранение частичного кочевания на первых порах после оседания объясняется тем, что нужно содержать много скота, пока не налажено должным образом земледелие. Лишь после укрепления земледельческого хозяйства наступает полное оседание⁴⁹. Такой вывод представляется правильным, особенно если учесть, что землю и поместья покупают лишь богатые юрюки, т. е. крупные скотовладельцы⁵⁰. Впоследствии, с достаточным развитием земледелия, лишний для оседлого земледельческого хозяйства скот либо продается, либо обеспечивается кормами на месте.

Землю юрюки покупают, как правило, в районах зимовок. Однако из-за дороживизны земли в долинах распространены и случаи освоения под посевы летовок — на яйлах местами сохранилось еще много свободной земли, хотя и мало подходящей для земледелия. Особенно часты случаи освоения яйл под посевы в центральной Анатолии, где высокие места богаче влагой по сравнению с засушливыми районами зимовок, расположенные ниже. Тем не менее, оседают юрюки чаще на зимовках: если на яйлах и сеют хлеб, то живут там обычно лишь летом, причем в шатрах и временных хижинах. Поэтому освоение летовок под земледельческие культуры тоже ведет к откочеванию на зимний период в места зимовок⁵¹.

Имеются редкие, но интересные случаи, когда оседание происходит одновременно на летовке и зимовке, что ведет к образованию двойных деревень (например, деревня Сейдилер как бы разделена — одна часть в горах, другая в долине). Такое оседание де Пляноль считает наиболее поздним⁵². Однако данные топонимики противоречат этому: имеется очень много таких двойных деревень, основанных очень давно. Обычно горная деревня называется «верхней» («юкары»), а деревня в

⁴⁹ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 206, 207, 218, 219.

⁵⁰ Де Пляноль пишет об этом довольно определенно: «Иногда кочует лишь та часть юрюков, у которых есть скот, а свои земли на период летней кочевки они оставляют для обработки издольщикам-односельчанам. X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 218.

⁵¹ Там же, стр. 207, 211.

⁵² Там же, стр. 208—210. При таком типе оседания полукочевничество наиболее устойчиво, так как отдельные семьи имеют недвижимую собственность как на летовке, так и на зимовке, и проходит довольно много времени, пока выбор не остановится окончательно на чем-нибудь одном. Этот же факт де Пляноль отмечает и в своей работе, написанной совместно с турецким этнографом Х. Иандыком: «на яйлы откочевывают владельцы скота, поручая обработку своих земель испольщикам». X. de Planhol, H. İanlıdik, *Etudes sur la vie de montagne dans le Sud-Ouest de l'Anatolie*, *Revue de géographie alpine*, 1959, т. XLVII, вып. 3, стр. 386.

долине «нижней» («ашагы»), например, в вилайете Адана — деревни Ашагы-Бурук и Юкары-Бурук, Ашагы-Чиянлы и Юкары-Чиянлы и т. п.⁵³.

Имеются случаи оседания на полпути от летовки к зимовке. Например, 60 лет назад родоплеменные вожди кочевников подобным образом основали деревню Языр в 10 км от г. Коркутэли. Ныне они кочуют в обе стороны: летом на летовку, зимой на зимовку⁵⁴. Такое полуоседание вызвано скорее всего наличием крупного стада, нуждающегося в больших пастбищных территориях, так как здесь речь идет о родоплеменной знати, обладающей основной массой скота всего рода или племени.

Возникновение третьего пункта оседания или временной стоянки, при наличии уже двойных деревень, вызывается также необходимостью держать скот подальше от возделанных полей. Так, жители двойной деревни Кара-Байыр (вилайет Анталья) в июле, когда на летовке созревает хлеб, уходят со стадами в третье место, расположеннное на высоте около 2000 м за 40 км от летовки, и спускаются обратно лишь ко времени жатвы. Эти три пункта — зимовка, летовка и дополнительное летнее пастбище — образуют большой треугольник. Аналогичное явление наблюдается и в деревне Дойран (вилайет Анталья), но здесь все три пункта расположены на одной прямой⁵⁵.

Параллельно процессу оседания возрастает роль земледелия в хозяйстве юрюков. Оно становится скотоводческо-земледельческим с преобладанием сначала скотоводства, а затем — земледелия с тем, чтобы, впоследствии, после полного и окончательного оседания, стать почти исключительно земледельческим. Сами же юрюки из кочевых скотоводов все больше превращаются в оседлых земледельцев. Однако этот процесс очень длителен, он проходит через целый ряд стадий полукочевого — полуоседлого быта.

Де Пляноль отмечает при этом такой характерный факт: в юго-западной Турции существует отгонное скотоводство альпийского типа, однако оно ведет свое происхождение не непосредственно от полукочевого скотоводства, так как требует солидной земледельческой базы. В общих чертах процесс оседания протекает следующим образом. Кочевничество сменяется полукочевничеством, затем полным оседанием, т. е. бывшие кочевники, осев на землю, совершенно перестают перекочевывать, их скот все время остается вместе с ними в деревнях. И только тогда, когда земледелие прочно станет на ноги в оседлом хозяйстве, возникает, при благоприятных условиях, отгонное скотоводство⁵⁶.

У оседающих юрюков можно выделить несколько типов полукочевого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Первый тип: земледелием занимаются на зимовке, причем сеют главным образом озимые культуры — пшеницу, ячмень. Этот тип хозяйства распространен на равнинах, где условия почвы и слабые возможности орошения препятствуют возделыванию летних культур. При таком типе хозяйства до $\frac{1}{4}$ населения все время живет на зимовке. В период же с 15 июня по 15 июля с летовок на зимовки спускаются все, кроме пастухов, чтобы сжать и обмолотить урожай. После уборки урожая вновь поднимаются на летовки.

Второй тип: земледелием также занимаются на зимовке, однако в севообороте преобладают летние культуры — яровая пшеница и сезам.

⁵³ См. справочник турецкого министерства внутренних дел «Köylerimizin adları», Istanbul, 1928 (арабский шрифт).

⁵⁴ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 213.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ X. de Planhol, La garde du bétail dans la plaine Pamphylienne, «Bulletin de l'Association de géographes français», 1950, № 212—213, стр. 137.

При таком типе хозяйства с яйл спускаются дважды за летний период: в конце июня для уборки пшеницы и прополки сезама и в августе для уборки сезама.

Третий тип: земледелием занимаются и на летовках, и на зимовках. В этом случае подъем на яйлы происходит гораздо раньше — в марте⁵⁷. И хотя спуск на зимовки происходит в сентябре, еще в течение октября на яйлах остаются мужчины для посева озимых культур. Иногда при таком типе хозяйства на зимовках сеют просо и маис, что вызывает необходимость спускаться с летовок в апреле для посева этих культур, а в конце июня для уборки проса и прополки маиса. В сентябре убирают маис, хотя часть мужчин все еще остается на яйлах для посева озимых.

Четвертый тип: земледелием занимаются на летовках и зимовках, причем и там, и тут сеют идентичные культуры — яровые и озимые злаки. Такое земледелие распространено в районах, бедных влагой. Идентичность культур вызывает подлинное «метание» между местами зимовки и летовки. В самом деле, в марте происходит сев ячменя на летовке, в конце марта — подъем пара на зимовку, в начале мая — подъем пара на летовке, с 25 июня до конца июля — уборка урожая на зимовке. Убранный, но не обмолоченный хлеб остается под охраной сторожей в кучах (благодаря сухому климату он не портится), а основная масса полукочевников вновь поднимается на летовку, где в течение августа они убирают и обмолачивают созревший хлеб. Это очень изнурительный труд, так как нужно спешить, и все работают с лихорадочной быстротой. В сентябре спускаются на зимовку, где обмолачивают уже убранный хлеб. В октябре опять поднимаются на летовку, чтобы посеять озимые. Наконец, в ноябре спускаются на зимовку, где также сеют озимые и остаются на зиму до весны.

Аналогичные переезды между летовкой и зимовкой происходят в районах, граничащих с долинами, где развито хлопководство. Оседают здесь обычно на летовках, которые расположены в этих районах на более низком уровне благодаря вообще сравнительно небольшой высоте гор. В мае после подъема пара на летовке спускаются в долины для сева летних культур, в том числе хлопка, и остаются здесь до конца июня. В конце июня поднимаются на летовку для уборки озимых (июль — август). В октябре часть спускается для сбора хлопка, а часть остается для посева озимых. В январе спускаются еще раз, чтобы поднять пар под летние культуры.

Очевидна крайняя нерациональность такого типа полукочевого хозяйства: оно сопряжено с огромной потерей времени и большими затратами труда из-за постоянных спешных передвижений. К тому же периодичность этих передвижений не совпадает со временем подъема стад на летовку и спуска на зимовку. Крупный рогатый скот, как правило, остается все время на зимовках, козы находятся на зимовках с сентября по май, а овцы остаются на летовках до первого снега (октябрь — ноябрь)⁵⁸.

По свидетельству Гюнгёра, полукочевники южной Анатолии сеют обычно пшеницу, ячмень и хлопок⁵⁹.

Земледелие носит натуральный характер, больше того, оно не всегда удовлетворяет полностью нужды самих юрюков, и они вынуждены покупать на рынке, например, пшеницу для муки и булгура (пшеничная крупа). На рынке покупают также фасоль, бобы, горох, картофель, лук,

⁵⁷ Здесь везде речь идет о юрюках юго-западной Анатолии, у них перекочевка на яйлы обычно начинается в мае.

⁵⁸ X. de Planho., *De la route Pamphylienne...*, стр. 217.

⁵⁹ K. G ü n g ö g, Указ. раб., стр. 35.

помидоры и другие овощи⁶⁰. Часть хлопка идет на нужды домашнего ткачества⁶¹.

В горах юго-западной Анатолии сеют пшеницу, ячмень, рожь, овес и махлют⁶², в более развитых сельскохозяйственных районах, как отмечалось выше, появляются такие культуры, как маис, просо, сезам, хлопок. Выращивание технических культур (сезам, хлопок) свидетельствует о товарности земледелия, оно выделяется (на последних этапах оседания) в самостоятельную отрасль хозяйства наряду со скотоводством.

Земледелие оседлых юрюков уже ничем не отличается от земледелия крестьян-турок, живущих в тех же районах. Тем более, что вся агротехника и земледельческие орудия заимствуются юрюками у оседлых жителей, как и типы хозяйственных построек и жилищ. Уровень агротехники сравнительно низок, как и вообще в сельском хозяйстве Турции. Как правило, это монокультура, без развитых севооборотов. Агротехника крестьянских хозяйств Анатолии почти не изменилась с тех пор, как ее описал П. М. Жуковский. Севооборот, как таковой, в практике рядового крестьянина не встречается; применяется обычно двуполье: после пшеницы или ячменя следует пар, служащий в то же время пастищем для скота; часто ячмень или рожь сеют два года подряд, а на третий год поле оставляют под пар; занятые пары отсутствуют⁶³. Севообороты не применяются и в сравнительно развитых земледельческих районах. В равнинных местностях юго-западной Анатолии (в долинах, богатых влагой, и на орошаемых участках) господствуют высокотоварные, в том числе технические, культуры: хлопок, арахис (земляной орех), сезам, маис, быстро истощающие почву. В высокогорных районах преобладают злаки (ржь, пшеница, ячмень). Удобрения обычно не применяются, так как навоз идет на топливо. Только на орошаемых участках иногда перед посевом заливают поля унавоженной водой (тезек сую).

Земледельческая техника довольно примитивна. Для вспашки земли служит «кара-сапан» (деревянная соха), до сих пор занимающий основное место среди сельскохозяйственных орудий. Кара-сапан обычно тянет бык, редко — лошадь. Чаще кара-сапан применяется в горах, где тонок слой почвы и много камня, — на так называемых «серых» или «белых» (т. е. суглинистых и супесчаных) почвах («боз топрак», «бяз топрак»); на равнинах кара-сапан употребляется при подъеме пара. Четверть века назад появился и стал распространяться, особенно в зажиточных и богатых хозяйствах, «пуллук» — однолемешный плуг с передком. Он используется на равнинах с преобладанием черноземных почв — «сиях топрак» («черная земля»), а также для освоения новых земель. Для размельчения комьев земли после пахоты служит «табан» — каток-бревно с деревянными зубьями: боронят также при помощи «сюргю» — поперечный жерди, на которой тесно навязан хворостинник⁶⁴. Сеют обычно вручную. Для уборки зерновых применяют серпы и косы. Обмолот производится молотильной доской — «дювен», или «дёген». Дювен представляет собой толстую доску трапециевидной формы, причем стороны трапеции больше основания. Внизу в доску вбиты острые камни — кремни, которые обновляются ежегодно или один раз в два года. Убранный хлеб перевозится в специальное место — «харман ери». Это круглая ровная площадка, покрытая слоем глины с саманом (соло-

⁶⁰ K. Güngör, Указ. раб., стр. 35.

⁶¹ В Турции больше распространен местный сорт хлопка с коротким и грубым волокном. Б. Д а р к о т, Указ. раб., стр. 123.

⁶² Махлют — суржистая пшеница или иногда рожь с примесью пшеницы от 20 до 75%. П. М. Жуковский, Земледельческая Турция, М.—Л., 1933, стр. 271.

⁶³ Там же, стр. 145.

⁶⁴ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 143, 146, 149, 489.

менной сечкой) и плотно утрамбованная. На дювен, запряженный быками, садится мальчик или девочка и ездит кругами по разложенной пшенице или ржи. Кремни режут солому, превращая ее в саман и отделяя шелуху от зерен. Затем зерно провеивают на ветру, вскидывая пшеницу вилами или широкой лопатой⁶⁵. При обработке хлопковых полей широко применяются мотыги. Там, где есть орошение, на каналах (арык) вместо плотин ставят щиты («кюрек»), в канал более высокого уровня вода подается при помощи водочерпальных колес («долаб»)⁶⁶.

Современная агротехника и сельскохозяйственные машины применяются лишь в крупных хозяйствах. Среди оседлых юрюков таких хозяйств немного. Это в первую очередь поместья — чифтлики, приобретенные богатой верхушкой бывших кочевников. Техническая оснащенность чифтликов контрастирует с убогим инвентарем основной массы осевших юрюков. Такие контрасты, впрочем, характерны для сельского хозяйства Турции вообще: «кара-сапан нередко соседствует с трактором, арба — с американским грузовиком»⁶⁷.

Производственные отношения в сфере земледелия у оседлых и полуседлых юрюков примерно те же, что и в сельском хозяйстве Турции вообще: для них характерна, в основном, издольщина и батрачество⁶⁸. Как уже говорилось выше, есть издольщики, работающие на земле, купленной их богатым сородичем, а также издольщики, работающие на земле односельчан-скотовладельцев, когда те откочевывают на летние пастбища. В деревнях имеются, с одной стороны, безземельные жители, а с другой — крупные земельные собственники, причем безземельные либо арендуют землю у богачей, либо работают на их полях батраками⁶⁹.

Интересный материал о производственных отношениях у оседлых юрюков собрал Рубен⁷⁰. Он пишет, что еще Г. Венцель отмечал общинное владение землей в деревнях степных районов центральной Анатолии (т. е. как раз там, где имеются поселения юрюков). Земля в деревне не принадлежала частным лицам, при приближении времени сева односельчане сообща делили землю между селятелями, соответственно тягловой силе в каждой семье⁷¹. Примечательно, что земля делилась не по числу душ в семьях, а по тягловой силе, которой они владели. Таким образом, богатые семьи, имевшие больше быков или лошадей, получали больше земли, чем бедные, и общинное владение землей на деле являлось фикцией. Лично Рубен уже не наблюдал фактов передела земли (он посетил эти районы примерно 10 лет спустя после Венцеля, в 1946 г.), однако, по словам информаторов, переделы имели место в очень недалеком прошлом. Так, в деревне Кара-Быйык, населенной юрюками из племени сары-кечили, несколько лет назад по общему решению был передел земли. В 1946 г. Рубен отмечает уже земельный голод в этой деревне, объясняя это тем, что много площади из пастбищных угодий и даже из пахотной земли захватили государственные имения. Но это не единственная и не главная причина. Рубен пишет дальше, что «те, у кого мало земли, работают у богатых» в

⁶⁵ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne*, стр. 144; см. также: Д. В. Путята, *Записка о Малой Азии*, СПб., 1896, стр. 143.

⁶⁶ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 146.

⁶⁷ П. П. Монсеев, Указ. раб., стр. 191.

⁶⁸ В сельском хозяйстве Турции, несмотря на сильное развитие за последние годы капиталистических отношений, еще очень широко распространена издольщина. Даже по официальным данным она составляет 15%. См.: А. Д. Новичев, *Крестьянство Турции в новейшее время*, стр. 250.

⁶⁹ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 344.

⁷⁰ W. Ruben, Указ. раб., стр. 369, 374—376.

⁷¹ Рубен ссылается на кн.: H. Wenzel, *Die Steppe als Lebensraum*, Kiel, 1937, стр. 91.

качестве издольщиков и «полуиздольщиков»⁷². Значит, безземелье существует лишь для бедняков, у богатых земли достаточно, т. е. основная причина нехватки земли — классовое расслоение, захват земли богатеями. В тех деревнях, где нет острого земельного голода и где пастбищная земля все еще считается коллективным владением деревни, такая общественная собственность является фикцией: чтобы занять свободный участок под поле, нужно сделать об этом заявку, а решают вопрос «киментые односельчане» («кёйюн илери геленлери»), т. е. крупные землевладельцы. Стало быть, распределением «общей» земли ведает сельская верхушка.

За последние годы в юрюкских деревнях происходят большие сдвиги в производственных отношениях, вызванные переходом части крупных хозяйств к интенсивному земледелию. Наиболее крупные хозяйства покупают сельскохозяйственную технику⁷³. Это ведет к внедрению капиталистических отношений среди оседлых юрюков, к превращению основной их массы в батраков. В сфере производства полуфеодальные отношения, а тем более патриархальные пережитки постепенно уходят в прошлое.

Оседанию юрюков сопутствует и этнический процесс — они ассилируются с турками⁷⁴. Быструму слиянию с турками способствует, кроме их языковой и культурной близости, также характер расселения юрюков — они разбросаны отдельными очагами среди турецкого населения. Даже кочевые группы как бы вкраплены между оседлыми жителями, с которыми их связывают тесные экономические отношения — в основном обмен продуктов скотоводства на продукты земледелия, и эти отношения гораздо более тесны и четки, чем экономические отношения между самими юрюками⁷⁵. Иными словами, отсутствие территориальной и экономической общности юрюков ускоряет процесс их ассилияции.

Однако из-за нехватки земли в деревнях на новых пришельцев — оседающих юрюков — смотрят враждебно. Поэтому кочевники избегают селиться изолированно, они ищут по возможности такие деревни, где уже осели юрюки из их этнических групп (рода, племени), надеясь на поддержку сородичей и соплеменников. В противном случае проходит несколько поколений, прежде чем исчезает грань между пришельцами и коренными жителями⁷⁶. На основании этих данных можно заключить, что юрюки не непосредственно вливаются в состав турецкой нации, а входят в нее через образование отдельных местных групп, занимающих небольшие районы.

Таковы условия перехода кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость в капиталистическом обществе и политика буржуазного государства в этом вопросе на примере Турции. Сохранение значительных масс кочевых и полукочевых юрюков и медленно идущий процесс их оседания ставит перед турецким государством серьезную проблему — как ускорить этот процесс⁷⁷. Однако радикально решить эту проб-

⁷² Одна из наиболее тяжелых форм издольщины — четвертина («мураббаджилык»): землевладелец предоставляет крестьянину не только землю, но и рабочий скот, инвентарь, семена, за что забирает 3/4 урожая. См.: Е. Ф. Лудшумейт, Турция, М., 1959, стр. 85, 86.

⁷³ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 144.

⁷⁴ О том, что осевшие юрюки быстро ассилируются с турками и в конце концов уже не отличаются от них, хотя бы на первый взгляд, писал немецкий этнограф Э. Бранденбург еще в 1905 г. См.: А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукочевники..., стр. 117.

⁷⁵ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 16, 200.

⁷⁶ Там же, стр. 342.

⁷⁷ В Турции, кроме юрюков, кочевой и полукочевой образ жизни сохраняют большие массы курдов и часть туркмен. Поэтому проблема перевода кочевников на оседлость — одна из наиболее важных для турецкого государства.

лему оно не в состоянии. Разительным контрастом по сравнению с этими условиями и с подобной политикой является быстро осуществленный переход кочевников и полукоочевников бывшей царской России на оседлый образ жизни в СССР. Это оседание проводилось по плану, при огромной материальной и организационной помощи Советского государства и было связано с коллективизацией сельского хозяйства. Именно эти факторы позволили в очень сжатые сроки превратить прежние мелкие кочевые и полукочевые хозяйства в крупные механизированные социалистические.

S U M M A R Y

The article deals mainly with the process of the settlement of the Turkish nomads, or rather semi-nomads (Yürüks) and the parallel formation of agricultural types and relations of production. This process is characterized by great complexity and multiformity. Different transitional economic types developed in the course of this process — from nomadic cattle raising to a fully settled type of agriculture. The settlement of the Yürüks was accompanied by the ethnic process of their intermingling with the Turks.

И. ВЛЭДУЦИУ

О ГОРНО-СКОТОВОДЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
РУМЫНСКИХ МОКАН

(По материалам Цара Бырсей)

Скотоводство наряду с земледелием на протяжении многих веков было одним из основных занятий румын. Природные условия страны очень благоприятны для ведения скотоводческого хозяйства. В некоторых областях Румынии скотоводство было основным занятием всего населения или его значительной части, в других оно имело хотя и не главное, но большое хозяйственное значение; эти области и в настоящее время известны своими пастушескими традициями. К ним относятся такие зоны, как Кымпуулунг Молдовенеск, зона Кэлиманских гор, зона гор Родна, Вранча, Цара Бырсей, зона Бран, зона Фэгэрашских гор, зона гор Парынг, Ретезат, Мехединц, часть западных гор и др. Системы ведения скотоводческого хозяйства в этих зонах не были одинаковыми. Среди них этнографически очень важным и интересным было отгонное скотоводство. Наиболее известные зоны и центры отгонного скотоводства — Цара Бырсей (современной области Брашов), Мэрджи-нимя (близ г. Сибиу, обл. Брашов), Ковасна и Брецку.

Одной из наиболее важных групп румынских скотоводов были сэчельские моканы — выходцы из семи сел Цара Бырсей — Бачиу, Чернату, Туркеш, Сатулунг, Тырлунджене, Пуркэрены и Зизин, известные также под общим названием Сэчеле. В Цара Бырсей отгонным скотоводством занимались в основном именно эти сэчельцы, известные также под названием «бырсаны»; этим последним названием именовались скотоводы, происходившие из Цара Бырсей, но оно нередко давалось и тем скотоводам, которые имели овец бырсанской породы. Название «мокан» известно по архивным данным лишь с XVIII в. Сэчельскими скотоводами оно употреблялось в качестве самоназвания, обозначая их занятие — отгонное скотоводство. Однако между собой сэчельцы считают моканами только крупных, зажиточных скотоводов. По-видимому, это название, означавшее раньше этнографическую группу румынских скотоводов, в XVIII—XIX вв. приобрело и социальное значение. Небезынтересно отметить, что им стали обозначать крупных скотоводов из других сел Цара Бырсей, а также соседних брэнянских сел. Так как сэчельские скотоводы сами именовали себя «моканами», вполне допустимо обозначать этим названием сэчельских скотоводов в целом. Отметим, впрочем, что вне пределов Трансильвании население других областей нередко называло термином «мокан» трансильванских овцеводов.

Сведения о быте и культуре сэчельских скотоводов приведены в ряде работ румынских географов, историков, лингвистов и др. В прошлом уделялось большое внимание изучению путей отгона скота, которыми пользовались трансильванские скотоводы, в том числе сэчельские; изучение развития их хозяйства, быта, культуры и социальных отношений оставалось в стороне.

В работах некоторых исследователей отразились различные националистические и расистские теории¹.

В прошлом отгонное скотоводческое хозяйство сэчельских мокан не было сколько-нибудь полно изучено этнографами, нет и полного этнографического описания их хозяйства, культуры и быта.

Систематическое изучение хозяйства, быта и культуры сэчельских скотоводов началось лишь несколько лет назад. Автор изучал архивные и музейные материалы и проводил этнографические полевые исследования в селах, на горных и степных летних пастбищах. В 1956—1959 гг. отгонное скотоводство изучалось нами в Цара Бырсей, в зоне Брана, в зонах гор Прахова, Суриулуй, Пентелеулуй, в ряде районов Добруджи, в Дунайских балтах, в степной зоне Бэрэгена, а также в горах Себеш, горах Кэлимань, в северной части Восточных Карпат (Молдова) в зонах Биказа (обл. Бакэу), Пэдурень (обл. Хунедоара). В 1958—1959 гг. был собран сравнительный материал в Венгрии и Польше.

В этой статье автор ставил перед собой задачу описать лишь некоторые стороны скотоводческого хозяйства, культуры и быта сэчельских мокан в XIX и начале XX века.

* * *

Область Цара Бырсей расположена в юго-восточной части Трансильвании и в настоящее время административно входит в область Брашов. Она ограничена с трех сторон горами; ее богатые пастбища благоприятны для ведения скотоводческого хозяйства. Населяют села Цара Бырсей преимущественно земледельцы. В сэчельских селах основным занятием местного венгерского населения в прошлом и теперь является земледелие. Румынское же население этих сел в прошлом занималось преимущественно отгонным скотоводством. Лишь очень незначительная часть — особенно в Пуркэрены, Тырлунджены и Зизин — в прошлом веке занималась одновременно и земледелием. В некоторых селах Цара Бырсей — Рышнов, Зэрнешты — в прошлом были также крупные скотоводы, занимавшиеся только отгонным скотоводством.

Источники XVII — XIX вв. содержат ценные сведения о развитии скотоводческого хозяйства сэчельских мокан и позволяют заключить, что отгонное скотоводство было их главным занятием. В XIX в. можно отметить существование двух категорий сэчельских мокан: а) моканы, занимавшиеся в течение всего года скотоводством в Добруджанской степи и Дунайских балтах, т. е. в юго-восточных областях современной Румынии, и б) моканы, занимавшиеся отгонным скотоводством. Первые были немногочисленны, вторые составляли основную массу сэчельских мокан. Летом они гоняли свой скот в горы Цара Ромынеаскэ и в Молдавию, а зимой — в Дунайские балты, Добруджу, Бэрэган и другие области, где находили выгодные условия для зимовки скота.

Сэчельские скотоводы не имели общинных горных пастбищ. Поэтому они «покупали», т. е. брали в аренду, на лето горные пастбища, находящиеся на южных склонах Карпат, у их владельцев. На зиму они покупали в боярских имениях корм для скота, а в балтах Дуная и воловые ветви. В XIX в. было несколько мокан, приобретших горные пастбища в частную собственность.

Главной собственностью сэчельских мокан, кроме хозяйства в деревне, был скот — овцы и лошади. Держали также коров и в незначительном количестве коз. Основная часть продуктов скотоводства шла на

¹ Это особенно ярко отражалось в работах: J. Ghelasse, Mocanii Importanță și evoluția lor social — economică în România, București, 1944; G. Могоиапу, Chipuri din Săcele, Brașov, 1939 «D. Sandru. Mocanii în Dobrogea, București, 1946 и некоторых других.

продажу. Каждое лето до 29 июня свежий сыр, изготовленный в тырлах на горных пастбищах, продавался в так называемые «кэшэрии» — маленькие предприятия, приготовлявшие кашкавал (спрессованный сыр) для снабжения городов. Эти кэшэрии были организованы на различных горах Цара Ромынеаскэ, обычно купцами. Сюда привозили свежий сыр из многих прилегающих тырл и там приготовляли кашкавал. Бурдючную брынзу моканы продавали также и в крупные города Цара Ромынеаскэ, Молдавии или Трансильвании. Шерсть и руно в необработанном виде продавались на суконные заводы Трансильвании или, после их переработки моканками в грубую шерстяную ткань (ргасоите) и сукно, прямо на рынках. Овечьи шкуры продавались кожевникам. Ягнят и кастрированных откормленных баранов покупали купцы Галаца, Браила и других городов, откуда большая их часть направлялась в Константинополь. В середине XIX в. крупные моканы создавали около своих родных сел так называемые «залханале» — маленькие предприятия, перерабатывающие мясо старых овец на сало. Вареное мясо продавалось беднякам, а сало — купцам для изготовления свечей. Брашовские ремесленники закупали у мокан рога, копыта и кишки овец и баранов. В этих залханалах применялся наемный труд.

К XIX в. скотоводческое хозяйство сэчельских мокан достигло большого развития. Архивные данные свидетельствуют о наличии больших стад скота у мокан, о процессе дальнейшего классового расслоения: существовала небольшая группа овцеводов, владевших крупными стадами овец и табунами лошадей. Были моканы, совмещавшие скотоводство с земледелием на арендованных ими землях валашских бояр, другие же покупали боярские имения; из них выделились впоследствии крупные торговцы. В первых десятилетиях XIX в. из сэчельских сел ежегодно на летние пастбища в Цара Ромынеаскэ перегонялись сотни тысяч овец, много лошадей, коров. Так, например, в реестре Бранской, Тимишской, Бузэуской, Шанцкой и Бреазской таможен отмечено, что в последние три месяца 1826 и в 1827 гг. из одних сэчельских сел выгонялось на пастбище около 350 тыс. овец, 12 770 волов и лошадей, 14 267 коров и телят, 2774 свиньи². По подсчитанным нами данным из семи сэчельских сел в 1838 г. в румынские княжества было переганено 439 594 овцы, 11 387 волов и лошадей, 7892 головы коров и телят, 13 371 коза, 354 свиньи³.

Следует подчеркнуть, что для XIX в. архивные данные и воспоминания самих сэчельских скотоводов о богатых моканах особенно многочисленны. Эти крупные скотоводы владели многотысячными отарами овец, большими табунами лошадей, стадами коров и т. д. Они арендовали крупные боярские имения и даже владели поместьями. В XIX в. хозяйство сэчельских скотоводов носило развитый товарный характер. Имущественное неравенство и социальные различия отражались непосредственно и в материальной культуре сэчельского населения, в том числе в типе поселения, двора, жилища, в одежде и т. д.

С течением времени сэчельские поселения все более приобретали характерные для современности особенности. Они превратились в села городского типа, со многими улицами, по обеим сторонам которых расположены дома. Сэчельские села приобретали общий вид поселений немцев — жителей юго-восточной части Трансильвании. Однако на окраинах сэчельские поселения сохранили отчасти свои более древние традиционные черты.

Деревенское хозяйство сэчельского скотовода невелико. Главная часть его — это собственно дом; с задней стороны к дому вплотную

² Arhivele statutului Brașov, IV, U: 178.

³ Arhivele Statutului Brașov, Fond țărănește, Pachet LVIX, Caet 4; Pachet LXIX, Caet 13; Pachet LI, Caet 1, Pachet LVI, Caet 6; Pachet LXVII, Caet 14; Pachet LXX, Caet 15.

пристроены сарай и стойло. Во многих хозяйствах сарай и стойло образуют вместе с домом Г-образную постройку. Дворы небольшие; у более зажиточных скотоводов в них были построены кухни (căscioagă); за сараем и стойлом находится небольшой сад с огородом. Для отгонного скотовода не требовалось обширного приусадебного участка для пастбища скота, как это встречается у групп населения, содержащих зимой скот в своих хозяйствах. Этим тип моканского деревенского двора существенным образом отличался от типа усадеб, распространенных в других скотоводческих зонах страны.

Богатые скотоводы строили себе дома из кирпича на каменном фундаменте, с несколькими просторными светлыми помещениями, с добродушными черепичными крышами и дымовой трубой, с массивным крыльцом, с хорошими подвалами, где хранили бурдючную брынзу и другие продукты скотоводческого хозяйства, с большими кирпичными воротами. Середняки-скотоводы старались строить подобные дома, но меньшего размера.

Дома бедняков строились из бревен или из камня и бревен, без фундамента и подвалов; они были покрыты дранкой и не имели дымохода. Внутренние помещения были небольшие, с маленькими окнами. Ворота при таких домах строились простые, деревянные. Внутреннее убранство жилищ зажиточных и бедных скотоводов также сильно различалось. В бедняцких домах долго сохранялась старая меблировка: «тала» — широкие бревна вдоль стены на вбитых в землю столбиках вместо кроватей, деревянные кровати, стулья и стол грубой поделки, большой сундук находились в большой комнате. В сенях был расположен очаг с камином без дымохода, небольшой шкаф для посуды и т. д. Зажиточные скотоводы приобретали городскую меблировку — кровати, шкафы, столы, стулья и т. д.; вместо очага ставили кирпичные печи или печи-голландки.

Социальные различия отражались и в одежде. Зажиточная верхушка сэчельских скотоводов еще в XIX в. стала отказываться от традиционной одежды. В особенности женщины стали носить одежду из дорогих материалов, привезенных из столичных городов, как Будапешт, Вена и др. Бедняки-чабаны продолжали носить традиционную моканскую одежду — рубахи, домотканые белые крестьянские штаны, опинки (лапти), кожух, глугу (плащ-накидку с капюшоном) и др.

Самая распространенная форма хозяйственных товариществ у сэчельцев в прошлом — это объединение группы скотоводов, владевших несколькими сотнями овец. Они организовывали совместную тырлу, совместно ухаживали за скотом и совместно охраняли его летом и зимой, иногда нанимали чабана, имевшего малое число скота. Расходы всей тырлы ее члены несли сообща. Все расчеты производились в денежном выражении. После вычета расходов на содержание овец в данный период высчитывалось, сколько дохода приходится на одну овцу. Каждый хозяин получал доход в зависимости от количества его овец. Обычно такие расчеты производились два раза в год — весной за зимний период и осенью за летний период. Каждый хозяин сбывал свою долю дохода по собственному усмотрению, а скот оставлял в этой же тырле. Такие тырлы нередко существовали много лет подряд. Эти объединения не основывались исключительно на родственных связях, хотя и бывало, что несколько родственников объединяли свой скот в одну тырлу. Возможно, что в более раннее время кровнородственные связи играли в этом большую роль. Но у сэчельских скотоводов более простые и архаические формы объединений, при которых деревня содержала бы свой скот сообща, не сохранились. Следы такого рода объединений встречались вплоть до конца прошлого века в деревнях соседней зоны Брана — в Поарта, Моечиу де жос, Моечиу де сус, Фундата и др. Однако большинство населения этих сел не занималось отгонным скотоводством.

Развивающиеся капиталистические отношения проникали и в скотоводческое хозяйство, переплетаясь с пережитками феодальных отношений. В XIX в. крупные тырлаши владели стадами в тысячи овец, табунами в сотни голов лошадей, большими стадами коров. Для ухода за ними нанимали чабанов либо из своих деревень, либо из соседних, особенно из бранских сел. Зажиточные моканы платили чабанам нагу́рой — давали им от 2 до 12 овец в год, сообразно возрасту и выполняемой чабанами работе в тырлах, а также пищу и одежду — пару опинок, рубашек, домотканые штаны, кожух, сарику и глугу. Многие старики-чабаны рассказывают, что часто зажиточные моканы отказывались выдавать им полностью обещанную одежду, ссылаясь на большие расходы и на «невыгодность» скотоводческого хозяйства. К концу XIX и в начале XX в. чабанам платили и деньгами. Крупные моканы в прошлом разрешали чабанам держать своих овец в их тырлах, не оплачивая расходы по пастьбе. Однако крупный мокан оставлял себе все продукты от овец чабанов. Чабанам оставался лишь естественный приплод скота.

Чабаны нанимались на весь год. Они были обязаны постоянно находиться в тырлах своих хозяев и ухаживать за скотом круглосуточно. Многие моканы посещали свои тырлы только время от времени, чтобы взять продукты для продажи. Все работы в тырлах исполнялись чабанами и сыроваром. Зажиточные моканы — арендаторы и помещики, как Гологаны, Пырлеа, Панэ, Влад Шейтан, Джордже Влад и другие, имели на тырлах своего заместителя, так называемого скутаря. Из среды крупных сэчельских тырлаш выходило много крупных землевладельцев и купцов, особенно во второй половине XIX в.

Таким образом нет никаких оснований считать сэчельских овцеводов XIX—XX вв. единственным, недифференцированным обществом скотоводов. Некоторые буржуазные исследователи — Дж. Моройану, И. Гелассе, Д. Шандру и др. в своих работах, восхваляя именно зажиточных выходцев из сэчельских овцеводов, замалчивали факты эксплуатации бедных зажиточными и глубокие классовые противоречия в их среде.

В новых условиях развития скотоводческого хозяйства Румынии сельскохозяйственные коллективы успешно развиваются и животноводческий сектор. В культуре и быте чабанов происходят коренные изменения.

* * *

Скотоводство у мокан в Цара Бырсей носит развитые формы этого типа хозяйства со специфическими чертами материальной и духовной культуры. Оно сохраняет много традиционных черт, которые наряду с историческими и другими источниками позволяют изучать развитие хозяйства, культуры и быта скотоводов Цара Бырсей на большом протяжении времени.

Как указывалось, сэчельские скотоводы гоняли свой скот на летние пастбища в горах Цара Ромынеаскэ. Хозяева скота заблаговременно арендовали эти пастбища. В ряде случаев один и тот же мокан арендовал то же горное пастбище много десятков лет подряд. Моканы Цара Бырсей обычно гоняли свой скот на определенные участки гор Цара Ромынеаскэ — от гор Бырсей до гор Бузэу включительно. Иногда они гоняли свой скот на летние пастбища в горах Родна, Кэлиманы, Чеахлэу, Сириулуй и другие. Владея большими стадами овец и выпасая их на одной и той же горе много лет подряд, моканы стали строить постоянные тырлы на этом участке. Этим они отличались от других скотоводов, которые на одном участке горы строили по несколько тырл, как это было в Кэлиманах, Родна, Ретезат, Парынг и т. д. О том, что мока-

ны строили на одной горе только одну тырлу, свидетельствуют и архивные данные. В связи с этим следует отметить одну важную черту, которая характерна для юго-западной части восточных Карпат. Кроме сэчельских овцеводов, на этих же пастбищах обычно пасли свой скот и жители других сел Цара Бырсей или города Брашова, а также не занимающиеся отгонным скотоводством жители сел Цара Ромыненасэ, расположенных к югу от Карпат. Это свидетельствует о постоянных связях и непосредственном контакте между населением сел обоих склонов Карпат, что способствовало созданию ряда общих черт культуры и быта населения этих областей. Этим же можно объяснить и тот факт, что на протяжении всей Карпатской области, от гор Бырсей до гор Вранча, встречаются те же черты горного скотоводческого хозяйства как у сэчельских мокан, так и у жителей, пасших свой скот на этих же горах, но не занимающихся отгонным скотоводством.

Традиционный тип моканской стыны (овчарни), распространенный всюду в горах, где моканы пасли скот, состоит из трех помещений: «фиербэтоареа» — помещение, в котором обрабатывается молоко, едят чабаны и спят сыровар, «комарник», под которым чабаны доят овец, и «стына фоилор», где хранится бурдючная брынза. В моканских стынах все эти три помещения находятся под одной крышей, причем комарник стоит либо в середине, либо с краю. Стыны имеют с задней стороны загон для скота, называемый «струнга». Своей узкой частью струнга примыкает прямо к комарнику, через который овцы выгоняются на дойку. Вся хозяйственная жизнь на горных пастбищах сосредоточена вокруг стыны. Моканские стыны строились прочно и использовались длительное время. Однако именно эти традиционные черты моканской стыны заставляют нас предполагать, что данный тип стыны все же не был первоначальным типом, распространенным несколько столетий тому назад на этих же горных пастбищах, а сформировался по мере развития скотоводческого хозяйства сэчельских мокан, вероятно, в XVIII в., если не раньше. То, что в скотоводческом хозяйстве мокан в прошлом встречались все формы укрытия скота от самых примитивных, когда держали овец под елью, а чабаны пользовались ветровыми заслонами, навесами, землянками и подобными несложными сооружениями, лишь подтверждает правильность этого предположения. Дальнейшие исследования позволяют уточнить эти выводы.

Важной стороной рассматриваемой проблемы является изучение путей отгона скота, культурных и бытовых взаимосвязей с населением других областей Румынии и народами соседних стран. В данной статье невозможно подробно остановиться на этих вопросах. Мы ограничиваемся лишь указанием обычных путей отгона, которыми пользовались сэчельские моканы, державшие свой скот на летних пастбищах Южных Карпат. Моканы, проводившие лето в горах Цара Бырсей и Бучеджах, спускались в Синайю, откуда гнали свой скот через Посаду, Комарник, Гура Белий, Бреаза де сус, Бреаза де жос, Кымпина, Бэнешты и Плоешты, откуда они направлялись дальше к Лолойяска, Мизил, Монтеору, Личиу, Ларгу, Рушеци, Будиштяну, Лишькотьянка, Визир, Цибэнешти, откуда переходили в балту. Часть мокан, следуя по тому же пути до Албешти, дальше двигалась по берегам р. Яломице в направлении Кэзэнешты, Бордушелу, Гимпаци, Слобозия Веке, Хаджиени, Дылга, Влэдены, Чиоара, Цэндэрэй, Михай Браву, Стэнкуца и уже оттуда переходила в балту. Другая часть сэчельских мокан от Слобозия спускалась на юг к Кэлэраши, откуда шла в села, расположенные в болотистых местах по Дунаю — в Чулница, Бейлику, Жигэлия, Фетешты, Соқаричиу, Малтези, Бордушаны Мари и др.

Часть мокан с гор Бырсей следовала в долину р. Дофтану. Этот путь вел только до р. Тешила, оттуда — к Вэлени де Мунте и далее через Плоешты к Мизил-Буэзу, Визиру, Гропени в балту. Некоторые мо-

кайи шли через Рымнику-Сэрят в направлении Галаца, откуда следовали к Болграду. После первой мировой войны некоторые сэчельские моканы стали выгонять скот на зимовку и в Трансильванию, однако старых традиционных путей в этой области не было; они шли в такие зоны, где находили достаточно корма для зимовки скота. Сэчельские моканы, доходившие до Дуная, очень часто переходили и в Добруджу, особенно в таких местах, как Хыршова и Кэлэраши. Моканы оставляли свой скот на зимовку и в ряде имений в Бэрэган, где они покупали у местных бояр корм для скота. Небольшая часть скотоводов Цара Бырсей, Сибиу и т. д. не отправлялась в прошлом из зон зимовки в те же горы Цара Ромынеаскэ на летние пастбища, а выгоняла свой скот и в Восточные Карпаты.

В современной Румынии происходят коренные изменения в отгонном скотоводческом хозяйстве, во всей жизни и культуре чабанов. Созданы новые типы стын, отличные от традиционных. Новые стыны имеют просторные помещения с большими окнами, более соответствующие потребностям хозяйственной деятельности и жизни чабанов. Комарник строится отдельно от стыны. При переработке молока используются новые орудия фабричного производства. Вместо старой одежды распространяется спецодежда, более удобная и практичная. В современных условиях новые формы организации скотоводческого хозяйства обеспечивает владельцам скота, а также чабанам высокий доход. Совершенно отлична сегодняшняя жизнь чабанов от прежней. Они стали полноправными членами общества и активно участвуют в построении новой жизни.

Наряду с отмеченными в нашей статье особенностями хозяйства, культуры и быта скотоводов Цара Бырсей в прошлом, следует указать и на существование у них ряда черт, общих для всего румынского скотоводства. Примером могут служить знаки собственности на скот, распределение скота по отарам и видам скота и соответственное использование пастбищ, постройки для укрытия чабанов (землянка и др.), наличие некоторых общих элементов в стынах (открытый очаг, «талпа» для спанья, некоторые предметы и орудия, используемые в быту и при обработке молока) и т. д.

Скотоводство у румын развивалось в тесной связи с другими хозяйственными занятиями, прежде всего с земледелием. Даже в тех областях, где скотоводство было особенно развито, связи между скотоводами и земледельцами были постоянными. Часть населения горных и предгорных областей наряду с разведением скота занималась и земледелием; население же областей, куда скотоводы гнали свой скот на зимовку, занималось в основном земледелием. В то же время оставшиеся в своих селах члены семьи скотоводов сохраняли теснейшие связи с земледельческим населением своей области.

Пастушеский быт и культура румынского народа имеют много сходных черт с пастушеской культурой и бытом соседних народов, что свидетельствует о тесных древних связях между ними. Этнографическое изучение скотоводческого хозяйства, культуры и быта румын-скотоводов в сочетании с данными других научных дисциплин будет способствовать решению некоторых более общих проблем истории румынского народа. Тесное сотрудничество с этнографами соседних стран будет способствовать решению ряда общих вопросов развития культуры населения на Карпатах.

SUMMARY

The author describes the main features of the economy, way of life and material culture of the so-called Mokans — cattle raisers of the highland areas in the east of Roumania in the 19th and 20th centuries. The article is based on archive materials and on field materials collected by the author in 1956-59.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. Я. АНЦИТИС, А. Я. ЯНСОН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЕЛОВ

Селы являются одним из балтийских племен, принявших участие в формировании латышской народности. Они засвидетельствованы хрониками и документами, главным образом XIII в. Так как на территории нынешних Екабпилского и Илукстского районов, которую с достоверностью можно причислить к области древнего расселения селов, в последующие столетия не происходило значительных перемен в составе населения, теперешние жители этих районов могут считаться прямыми потомками древних селов.

К сожалению, о селах известно гораздо меньше, чем о других древних племенах¹ Латвии — латгалах, земгалах, куршах и ливах. Некоторые сведения о селах содержатся в хрониках Ливонии от XIII в. Так, хроника Генриха Латвийского описывает покорение замка селов (castum Selonum) немцами в 1208 г. (XI, 6)² и упоминает селов вместе с латгалами в Кокнессе (XII, 1; XXIX, 5 — «cohabitantes») и вместе с литовцами, без указания места (XVII, 5)³. Из этой хроники мы узнаем, что селы жили в Кокнессе, следовательно, на правом берегу Даугавы, что они были союзниками литовцев⁴, но территория, заселенная селами, остается неясной. Другая хроника Ливонии XIII в. — «Рифмованная хроника» — позволяет судить лишь о том, какие племена окружали селов⁵.

К документам, содержащим важные сведения о селах, относятся так называемые дарственные грамоты Миндовга, великого князя Литовского, согласно которым земля селов (Selonia, иногда также Zelonia, где *z*, по-видимому, следует читать как *s*) дается в подарок Ливонскому ордену; в них указываются границы территории селов⁶. Однако документы эти вызывают сомнение, так как трудно поверить тому, что

¹ Необходимо указать, что термин «племя» в нашей статье употребляется условно, ибо его нельзя без оговорок относить ко всем периодам истории этнического развития селов.

² Генрих Латвийский, Хроника Ливонии (Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского), М.—Л., 1938, стр. 299 и 112; см. также Л. Н. Терентьев, Колхозное крестьянство Латвии, М., 1960.

³ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии, стр. 303 (русский перевод — 116), 440 (246) и 351 (162).

⁴ A. Bielesstein. Die Grenzen des lettischen Volksstamme und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert, St. Petersburg, 1892, стр. 168.

⁵ «Рифмованная хроника», строки 139—146; 337—340.

⁶ Fr.椿ge. Liv-Estn-und Curländisches Urkundenbuch, I, Reval, 1853, стр. 371 (док. № 286, 1255 г.), 372 (док. № 287, 1255 г.), 462 (док. № 363, 1261 г.).

действительно такой подарок был сделан. Поэтому еще Биленштейн⁷ отказался от рассмотрения этих документов, считая их подложными.

«Повесть временных лет» (1116 г.), которая отмечает остальные племена или земли древней Латвии (Зимигола или Зимъгола, Корсь, Лътигола, Либь или Любь), селов не упоминает. Не следует полагать, однако, что селы образовали отдельную этническую группу только после того, как была составлена летопись. Во-первых, формирование племен Прибалтики относится археологами к гораздо более отдаленному прошлому⁸. Во-вторых, как мы отметим далее, указание на селов дает письменный источник, основанный на данных III в.; Биленштейн⁹ полагал, что Нестор (т. е. «Повесть временных лет») включил селов в обозначение Лътигола. Вполне возможно, что Лътигола включает в себя ту часть территории селов, которая по документам XIII в. селам уже не принадлежала, т. е. древнюю территорию селов в Видзeme. Что же касается остальной части Селии, то вопрос о том, кто ею владел в конце XI в., пока не решен.

В сведениях о селах от XIII в. мало данных об их языке. Связных текстов нет ни на одном из языков древних латышских племен, а от Селии сохранилось очень немного топонимических названий. Трудно судить о языке селов и по данным современных говоров в районах, некогда населенных селами. Там встречается тот же верхнелатышский диалект, что и на территории древних латгалов. Большинство признаков этого диалекта не старше XV в.¹⁰, а в XVI в., когда возникла латышская письменность, латгалы, селы и земгалы уже не упоминаются. В XVII в. селы вместе с латгалами известны под названием «редины»¹¹. В настоящее время слово «селы» (*seļi*) сохранилось лишь в немногочисленных топонимах¹².

Буржуазная археология или совсем не говорила о селах, или причисляла их к латгалам. Так, в книге «Латышская культура в древности»¹³ помещен ряд таблиц под заглавием «Латгалы», хотя изображенные на них предметы найдены в раскопках на территории селов.

Советские этнографы не занимались специально селами, однако кое-что в этом направлении уже сделано. Кроме уже указанной книги Л. Н. Терентьевой, следует отметить работы И. А. Лейнасаре¹⁴ и А. Крастини¹⁵. Особо надо упомянуть составленную М. К. Славой¹⁶ карту, показывающую распространение разных типов женских рубах (распространение типа рубахи с прямыми поликами, пришитыми утку, в основном совпадает с территорией селов, которую мы рассмотрим в дальнейшем).

Из археологических работ можно отметить доклад Э. Д. Шноре о раскопках в Леяс Допелес Стабурагского сельсовета; докладчицей сде-

⁷ A. Bielenstein, Указ. раб., стр. 171.

⁸ H. Moora, *Pirmaņejā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā*, Rīga, 1952, стр. 60.

⁹ A. Bielenstein, Указ. раб., стр. 30.

¹⁰ J. Endzelīns, *levads baltu filoloģijā*, Rīga, 1945, стр. 65.

¹¹ См. P. Einhorn, *Historia Lettica, Dorpat, 1649 (Scriptores rerum Livonicarum, II, 577)*; См. также A. Bielenstein, Указ. раб., стр. 471.

¹² В некоторых случаях даже в топонимах корень этого слова сильно изменен, например, вместо Селпилс (название местности, где находился упомянутый замок селов — *castrum Selonum*) говорится Серпилс.

¹³ «Latviešu kultūra senatne», Rīga, 1937.

¹⁴ И. А. Лейнасаре, Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX века. «Сов. этнография», 1957, № 6.

¹⁵ A. Kрастина, *Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē kļauši saimniecības saīšanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā*, Rīga, 1959; ее же, Крестьянское жилище в Видзeme в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма. Автореферат диссертации, Рига, 1958.

¹⁶ М. К Слава, Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в., Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, М., 1959, стр. 487—509, карта на стр. 488.

лана попытка отличить материальную культуру селов от культуры латгалов¹⁷.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, решая проблему о селах,— являлись ли селы самостоятельной этнической группой?

Археологи долгое время считали селов латгалами левого берега Даугавы. Однако обе хроники Ливонии от XIII в. резко отделяют селов от латгалов, земгалов, куршай, ливов и литовцев. Весьма характерны указанные выше места в хронике Генриха Латвийского, где селы отмечены в Кокнессе рядом с латгалами. Следовательно, несмотря на то, что на небольшой территории селы и латгалы жили в непосредственном соседстве, хронист был в состоянии отличить одних от других. Мнению, будто селы представляли собой латгалов левого берега Даугавы, противоречит и то, что Кокнессе находится на правом берегу Даугавы. Это подтверждается и топонимикой. Топонимических названий, образованных от слова «селы», на территории Латвийской ССР несколько десятков. Отметим только по одному на территории каждого из древних племен Латвии: *Селайши* — в Валтайки (в Курсе, на территории куршай)¹⁸, *Селиеши* — в Залите (в Земгале, на территории земгалов)¹⁹, *Сели* — в Апе (в восточной части Видземе, на территории латгалов)²⁰, *Селеки* — в Икшките (в Видземе у Даугавы, в XIII в. здесь жили ливы)²¹. В Литовской ССР есть местность *Селине* (в Рокишкском районе)²².

Второй из вопросов о селах — с каким другим племенем или народностью они находились в наиболее близких родственных отношениях? Так как археологи причисляли селов к латгалам, то, по-видимому, в материальной культуре они были близки. На запад от селов жили земгалы. Следует полагать, что земгалы с селами находились в более близких отношениях, чем с куршами, которые жили по другую сторону от земгалов. Однако по этому поводу высказано прямо противоположное мнение. Так как оно до сих пор еще не вполне опровергнуто, то на нем стоит остановиться.

По мнению известного литовского языковеда К. Буги, селы представляли собою ветвь куршай, и в древности и те и другие образовали одну этническую группу²³. К. Буга обосновывает свою точку зрения лишь одними лингвистическими данными. Он нашел на территории древних селов ряд топонимов с тавтосиллабическим *н*²⁴, а так как он по-

¹⁷ Э. Д. Шноре, Археологическая экспедиция 1960 г. на левобережье Даугавы. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1960 года, Рига, 1961, стр. 26—28.

¹⁸ J. Endzelīns, Latvijas vietu vārdi, II, Rīgā, 1925 (в дальнейшем — Э. II), стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 28.

²⁰ J. Endzelīns, Latvijas vietu vārdi, I, Rīgā, 1922 (в дальнейшем — Э. I), стр. 76.

²¹ Там же, стр. 39.

²² «Lietuvos TSR administracinių-teritorinių suskirstymas», Vilnius, 1959, сmp. 376. Этноним «селы» встречается в топонимах и вне Прибалтики, например: *Sielihory* («Słownik Geograficzny», XV, 2, 576, 582). *Силигор* (см. Ю. Ю. Трусман, Этимология местных названий Витебской губернии, Ревель, 1897) и др. Подобные топонимы, если они действительно имеют отношение к селам, скорее всего объясняются дальними иммиграциями селов, но рассмотрение таких случаев не входит в рамки настоящей статьи.

²³ См. K. Bīga, Aisčiu praeitis vietu vārdū ūviesoje, Kaunas, 1924; на карте, приложенной к книге, обозначена предполагаемая им общая родина куршай и селов в VI в.; см. его же, *Lietuvių kalbos žodynas*, II ʃasiuvinis, Kaunas, 1925, стр. LXXXIX, сл. CXLI, сл.

²⁴ Как известно, в латышском языке сочетание звуков *ан*, *ен*, *ин*, *ун*, если они принадлежали к одному и тому же слогу, соответственно превратились в *ю*, *ие*, долгое *и* и долгое *у*. В литовском языке эти сочетания с *н* все еще сохраняются. Они были сохранены и в куршском языке, и этим он отличается от языков всех остальных латышских племен, которые утратили тавтосиллабическое *н*.

лагал, что в языке селов сохранилось это *н*, подобно тому, как оно сохранилось в языке куршай, он считал язык селов наречием языка куршай.

В наши дни взгляд К. Буги должен быть подвергнут критике. Во-первых, К. Буга не знал, что процесс исчезновения тавтосиллабического *н* завершился в X—XII вв.²⁵, так что в VI в., когда, по мнению К. Буги, курши и сельцы представляли одно племя, это *н* еще сохранялось во всех языках древних латышских племен и, следовательно, в этом отношении они все были в равной мере родственны друг другу. Во-вторых, неправильно и то, что в языке селов сохранилось тавтосиллабическое *н*. Я. Эндзелин уже указал, что не все сельцы сохранили *н*²⁶. Можно все-таки полагать, что это *н* исчезло во всех говорах языка древних селов, ибо процесс исчезновения тавтосиллабического *н* длился более продолжительное время: в короткий срок от *an* не может образоваться *uo*. Таким образом, *н*, вероятно, сохранилось лишь у сельцев, живших изолированно, как это было в Литве, где между литовцами были «острова» селов. К сожалению, приведенный Я. Эндзелином пример мало показателен, ибо в слове *Vesyten* (теперь: *Viesīte*; ср. лит. *Viešinta*) *н* исчезло в суффиксе, а это встречается и в некоторых курских топонимах, например в слове *Kuldga* (о том, что во втором слоге слова раньше было *н*, свидетельствует немецкое название этого города *Goldingen*).

Чтобы убедиться в том, что язык селов действительно утратил тавтосиллабическое *н*, обратимся к другим топонимам бывшей Селии и остановимся на слове *Dviete* (приток Даугавы и бывшее имение в Илукстском районе). Это слово встречается только в Селии²⁷, и оно не может быть ни финно-угорским, ни славянским. Слово *Dviete* родственно литовскому глаголу *tvinti* «подниматься», «прибывать» (о воде) и вначале означало «залитая», «затопленная». Это значение можно связать с рекой Двиете, которую вместе с окрестностью ежегодно заливают воды Даугавы²⁸. На этом примере видно, что язык селов утратил тавтосиллабическое *н* и в этом отношении был сходен с языком латгалов (и с современным латышским языком), отличаясь от языка древних куршай. Из сказанного следует, что язык селов не может считаться курским диалектом.

Правда, в Селии встречаются некоторые топонимы с тавтосиллабическим *н* — *Svente* (Илукстский район; сравн. название реки в Курсе *Sventāja*). Их можно объяснить пришельцами из Курсы. Курши еще в XIII в. обнаруживаются в Видземе (название села *Cursicule* в документе от 1248 г.). Названия населенных мест *Kursieši* (означает людей из Курсы) встречаются также в бывшей Латгалии (Науене, Извалтс, Варкава, Вишки, Крустпилс), т. е. еще дальше от Курсы, чем Селия. Возможно, некоторое количество куршай поселилось также между селами, о чем свидетельствует, между прочим, топоним *Kursieši* в Рите (Екабпилсский район). Приведенные К. Бугой древние топонимы «*Gandenēn*» и «*Lensen*» могут быть или курским, или литовского происхож-

²⁵ Это показывают следующие факты: в латышском языке есть слово *tiūks* «могах», заимствованное от скандинавов (шведское *tinuk*; ср. также заимствованное эстонское *tinuk*), которое уже утратило *н*. Так как скандинавы в IX в. еще не были крещеными, то древние латышские племена могли позаимствовать это слово только начиная с X в. Но уже в 1201 г. хроника Генриха отмечает слово Рига без *н*, тогда как в некоторых литовских говорах еще недавно сохранялось Ринга.

²⁶ J. Endzeliņs, *Latviešu valodas gramatika*, Rīga, 1951, стр. 9 (§ 3, с.).

²⁷ J. Endzeliņs, *Latvijas PSR vietvārdi*, I, I, Rīga, 1956, стр. 249.

²⁸ Для пояснения этимологии слова *Dviete* добавим, что именно в селских говорах, например, в Биржах, в Акнисте и др., слово *tvans* (угар), родственное литовскому глаголу *tvinti*, выговаривается с *d*: *dvans*; эти слова имели два параллельных корня. Этимологию слова *tvans* см.: К. Mūlenbachs un J. Endzeliņs, *Latviešu valodas vārdnīca*, III, стр. 289. Мы благодарны кандидату филологических наук Я. Рудзитису, уроженцу Двиете, за сведения о реке Двиете.

дения, так как в документе XIV в. (около 1392 г.) они отмечены как пограничные пункты²⁹.

Обратимся далее к третьему, очень важному вопросу — о территории селов. К. Буга справедливо считает, что земля селов вдавалась в территорию Литвы. Для определения границ Селии К. Буга воспользовался теми документами, от рассмотрения которых, как подложных, отказался Биленштейн. И Буга был вправе так поступать. Ведь подлог документов был совершен, чтобы доказать права немцев на земли селов, а для этой цели не могли служить вымышленные названия местностей и несуществующие границы. Должно быть, документ, датированный 1261 годом, в общем верно отражает границы той территории, которая в нем названа Селонией³⁰.

Рассмотрение этих границ мы начнем с той части, которая начинается у Nowenene и по линии Korpwech простирается до Lodenbecke. Nowenene — замок на месте теперешнего города Даугавпилса, Korpwech означает «торговый путь», Lodenbecke — река у озера Luodis в Литве (Дукштасский район). Хотя нельзя сказать определенно, через какие местности проходил упомянутый путь, все-таки ясно, что, начиная с Даугавпилса, граница селов проходила уже не вдоль Даугавы, а в южном направлении. Из этого следует, что самая крайняя восточная часть бывшего Илукстского уезда (теперь в Даугавпилсском районе) не входила в состав Селии, хотя села в меньшем количестве, вероятно, жили и по ту сторону пути. Вероятно, именно в этом месте села жили рядом с русскими или даже смешанно с ними (в «Рифмованной хронике» сказано (строка 146), что села были соседями русских). Эта граница, вероятно, относится к тому времени, когда восточнославянские племена поселились к востоку от балтийских племен. Ввиду того, что села соприкасались также с русскими в районах городов Ерсики и Кокнене (на территории теперешней Латвийской ССР), о чем имеются сведения от XIII в., есть основание искать в культуре селов влияние русского народа, а раньше — восточнославянских племен.

Далее в грамотах Миндовга граница Селонии (на территории нынешней Литовской ССР) описывается довольно подробно. Она проходила вдоль реки Luodis, которая в дальнейшем течении называется Дусетой, затем к озеру Сарту, к истоку реки Швентои и по этой реке. Еще дальше в качестве границы указываются реки Вашуока, Латува, Виешинта и Левую. Вдоль последней граница продолжается до реки Mусы, которая в документе называется die Semigaller A [a], т. е. Лиелупе. На обычновенных картах маленькие реки не обозначены, поэтому для нашей карты мы воспользовались также указанными К. Бугой по границами местностями: Салакас, Таурагнай, Утена, Сведасай, Субас (рядом Купишкис), Палевене, Пасвалис, Салочай. Эта область охватывает территорию пяти — шести современных районов Литовской ССР (карта Литовской ССР, 1956 г.), она больше, чем Илукстский и Екабпилсский районы Латвийской ССР, вместе взятые.

К. Буга доказал также, исходя из лингвистических данных, что в этой области действительно прежде жили села. В первую очередь об этом свидетельствуют топонимы Зарасай (город), Задуояс (озеро), Антазаве (местечко), Зирнегай (село) и др., которые не могут быть литовскими вследствие своего з (вместо ожидаемого ж). То же относится и к топонимам Чичирис, Чичирайтис (озера), Чедасай (местечко) со звуком ч вместо ожидаемого к, которые наследованы от селов, ибо ч могло об

²⁹ См. также рецензию Я. Эндзелина на словарь литовского языка К. Буги («Filologu biedrības raksti», IV, Rīga, 1924, стр. 103).

³⁰ Четко намеченные в документе границы Селонии могли в некоторых местах и не совпадать с границами местностей, где раньше жили села, ибо в XIII в. часть Селонии, находящаяся в Литве, была уже сильно заселена литовцами.

разоваться только от селского (мягкого) *ц*, а не от литовского (мягкого) *к*³¹.

Заемствованные от селов слова Буга нашел и в лексике местных говоров, а также в некоторых топонимах, образованных от слова «селы» (кроме уже указанного Селине, Селе) ³². Очевидно, они обозначают места, где селы не подверглись влиянию литовцев и их язык развивался самостоятельно. Видимо, и тавтосиллабическое *н* здесь не исчезло. Этим можно объяснить то, что в заимствованных литовцами селских словах сохранилось *н* (например, *zinti* — «хворает»). Такие селские «острова», по-видимому, сохранялись довольно долго, ибо в некоторых литовских словах, заимствованных от селов, не наблюдается характерного для сильных слов местных литовских говоров превращения *ан* в *ун* (*galandiju* — «уничтожаю» вместо ожидаемого *galundiju*) ³³.

К. Буга полагает, что в этой древней области селов уже в XIII в. жило немало литовцев. Вероятно, это так и было, иначе немцы покорили бы и эту часть Селии. Буга не ответил на вопрос, когда литовцы начали колонизовать эту область, но указанные им языковые данные позволяют судить об этом. Раз здесь имеются топонимы со звуком *з* вместо ожидаемого литовского *ж*, то ясно, что литовцы пришли сюда тогда, когда язык селов уже отличался от литовского языка в этом отношении. К сожалению, мы не знаем, когда возникло это отличие, которое характеризует все языки древних латышских племен. Зато кое-что мы знаем о происхождении *c*, *dz* (*ц*, *дз*) из общебалтийских *k*, *g* (смягченные *к*, *г*). Этот процесс совершился раньше, чем исчезновение тавтосиллабического *н*³⁴. Так как исчезновение этого *н* не старше X в., то X в. и является последним, когда могла начаться иммиграция литовцев в ту часть Селии, которая находилась на территории современной Литовской ССР.

Итак, может считаться доказанным, что рассмотренная область Литовской ССР действительно входила в состав древней Селии. Это подтверждают и исторические документы, и языковые данные. Наш вывод же о времени переселения литовцев в эту область является гипотезой, требующей подтверждения со стороны археологии, ибо он основан только на языковых данных. Возможно, что археологам удастся более точно указать время появления здесь литовцев. А этнографы имеют основание искать в культуре литовцев этой области наследие селов.

Рассматривая далее границу селов с земгалами, мы уже не можем пользоваться так называемыми дарственными грамотами Миндовга. В документе от 1261 г. кратко сказано, что граница продолжается по реке Лиелупе до озера Бабитес. Такое указание не соответствует действительности, ибо известно, что земгалы жили также на правом берегу реки Лиелупе. Наряду с подробным и правдоподобным описанием границы в Литве, такое общее и неправильное указание границы в Латвии можно объяснить следующим образом. Первое было необходимо немцам, чтобы создать впечатление, будто Миндовг отказался от Селии, а проводить границу между селами и земгалами не было надобности, так как территория, населенная земгалами, как и северная часть Селии, уже была покорена немцами³⁵.

³¹ K. Būga, *Kalba ir senovė*, Kaunas, 1922, стр. 1, сл.

³² Теперь Села, см. «*Lietuvos TSR administratinis-teritorinis suskirstymas*», Vilnius, 1959, стр. 511.

³³ K. Būga, *Lietuvių kalbos žodynas*, Kaunas, 1925, стр. CXLVI.

³⁴ J. Endzelins, *Latviešu valodas gramatika*, стр. 171.

³⁵ Изготовление документа обычно относят к XIV в.; если же он в самом деле относится к 1261 г., то, по-видимому, немцы стремились доказать им свои права на часть Земгалии, которая в 1261 г. еще не была целиком покорена ими.

Граница XIII в. между селами и земгалами давно намечена на картах³⁶. Однако этнографам и археологам важнее определить не то, где именно проходила граница в данный исторический момент, а где могли бы сохраниться до наших дней памятники культуры определенного племени. Для этого важно установить, в каких местностях вообще обитало данное племя. В нашем случае попытаемся определить место обитания селов, воспользовавшись методом, основанным на использовании селской восходящей интонации и уже нашедшим применение.

Селская восходящая интонация сохранилась, несмотря на то, что ее с трех сторон окружают говоры с прерывистой интонацией вместо восходящей. Прерывистая интонация в латышском языке возникла вследствие перенесения ударения на первый слог слова. Перенесение ударения — это, может быть, не особенно древний процесс, но если все остальные племена, перенеся ударение, образовали прерывистую интонацию и только селы составляют исключение, то следует полагать, что язык селов еще раньше имел какое-то артикуляционное отличие. Поэтому селская восходящая интонация может считаться древним признаком языка селов, характерным для него, подобно тому, как для языка куршей характерным является тавтосиллабическое *и*, а для языка земгалов — аналитиксис (явление, напоминающее русское полногласие). Даже в наши дни специалист-диалектолог сравнительно легко по интонации может установить, уроженцем какой местности является данное лицо, так как интонации принадлежат к относительно неизменным свойствам языка.

Часть границы между восходящей и прерывистой интонациями по левую сторону Даугавы в свое время выяснил Ю. Плакис, который, собирая топонимы, ознакомился со всеми говорами в Курземе, Земгале и в Селии до Даугавы. Он первый решил воспользоваться соприкоснением прерывистой и восходящей интонаций для определения границы между земгалами и селами. Однако он не провел эту границу до Литвы, она прерывается у Вецсауле, вероятно потому, что здесь интонационная граница резко поворачивает к востоку, и автор не сумел объяснить этого.

Эта интонационная граница³⁷, которая обозначена и на нашей карте (рис. 1), следующая. В бывшей Даугмалской волости: в Ливе — восходящая, в Брамберге — прерывистая; в бывшей Балдонской волости: в Мерцендарбе — восходящая, в остальной (западной) части — прерывистая; в бывшей Вецумниекской волости: в восточной части — восходящая, в западной — прерывистая; в бывшей Степлской волости, согласно Плакису, — восходящая, но по В. Зубкане-Кригере — прерывистая³⁸, в бывшей Брукнской волости Плакис находит восходящую интонацию, а В. Зубкане-Кригере еще восточнее этой волости, в Скайсткалне и Барбеле — прерывистую. Плакис собирал сведения от лесников, между которыми могли быть уроженцы другой волости, а В. Зубкане-Кригере описывает одновременно четыре говора и могла ошибиться. Однако ясно, что граница, проходящая из Даугмале в южном направлении с небольшим отклонением на запад, на некотором расстоянии к северу от г. Бауски поворачивает на восток и, если в Брукне и в одной части бывшей Вецсаулской волости действительно имеется восходящая интонация, то граница должна изгибаться к северу. Получается извилина, которая становится еще больше, если мы попытаемся соединить границу Селии XIII в., проходящую по реке Мусе, с Даугмале, до которой простирается восходящая интонация в наши дни.

³⁶ Из новейших см. карту «Территория Латвии в XIII в.» в кн. «История Латвийской ССР», I, Рига, 1952.

³⁷ J. Plākis, *Vāzītēja zemgalu un sēļu robeža*, «RLB Zīnātņu komitejas Rākstū krājums», 23A, стр. 82, сл. (с картой).

³⁸ V. Zubkāne-Kriģe, *Skaistkalnes, Bārbeles, Valles un Stelpes izloksnē apraksti*, «Filologu biedrības raksti», XVIII, стр. 8, сл.

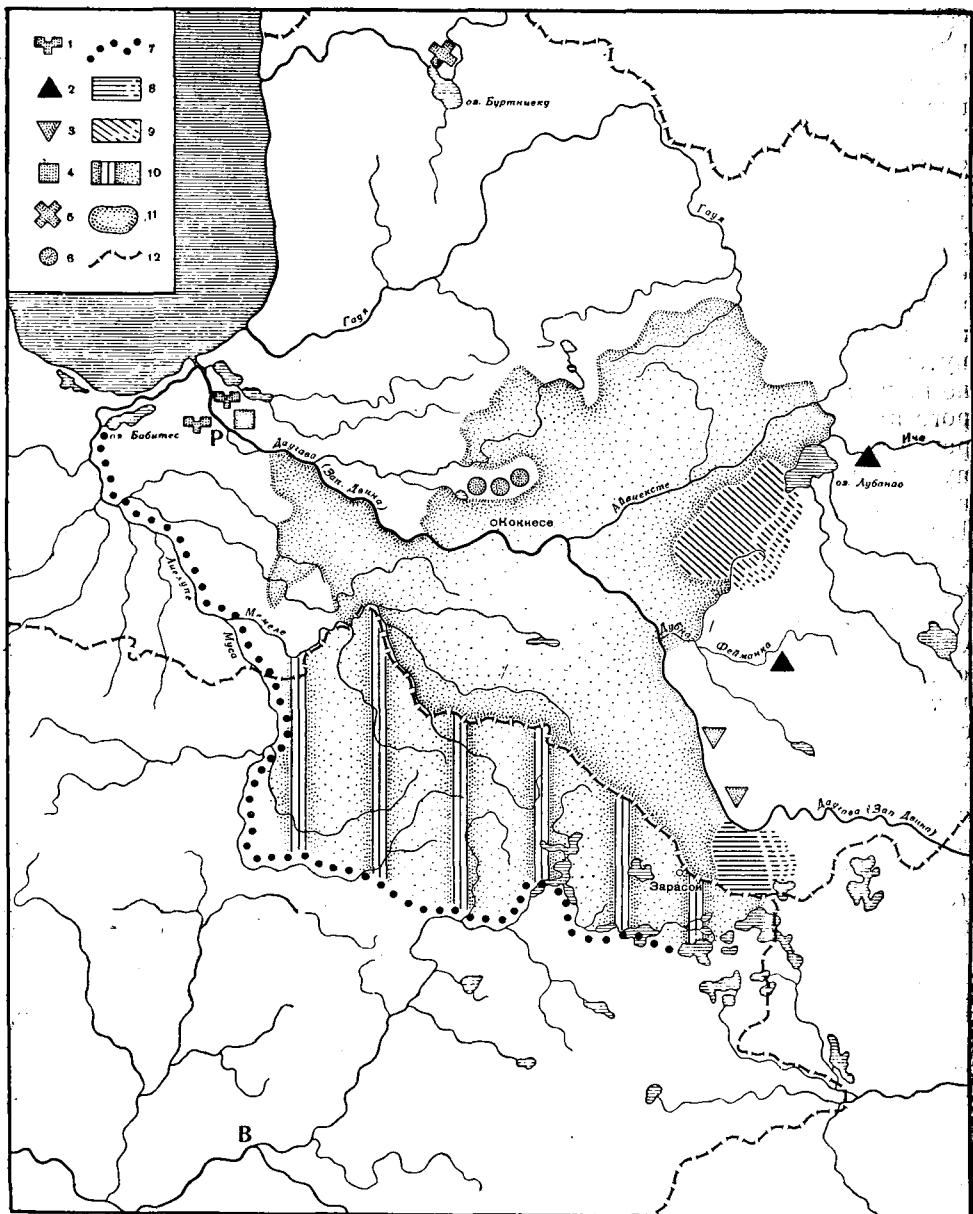

Рис. 1. Территория селов: 1 — селы засвидетельствованы еще в III в.; 2 — курганные могильники селов III—IV вв. вне очерченной территории селов; 3 — местности на правом берегу Даугавы, в документах XIII в. упомянуты как пограничные пункты Селонии (возможно, что частично были заселены селами); 4 — селы упомянуты в документах XIII в.; 5 — бывшее имение «Сели»; 6 — в распоряжении авторов нет лингвистических данных, позволяющих судить о восходящей интонации; 7 — описанная в документе от 1261 г. граница Селонии; 8 — селы смешанно с русскими; 9 — селы смешанно с латгалами; 10 — Селония (1261 г.) на территории современной Литовской ССР; 11 — Селония на территории современной Латвийской ССР; 12 — границы республик. Р — г. Рига; В — г. Вильнюс

Имеются сведения от XIII в. о том, что небольшое число селов жило также в тогдашнем округе города Риги (Stadtmark)³⁹. Вокруг Риги, надо полагать, еще раньше был смешанный состав населения. О том, что села жили недалеко от Риги, имеется очень давнее сведение — так называемая *Tabula Peutingeriana* — копия старой римской карты, которую уже использовал М. Скрузитис, первый исследователь древних селов. Составители этой карты пытались показать на ней весь известный римлянам свет⁴⁰. Надписи на карте при палеографическом исследовании их показывают, что копия изготавлялась примерно в X—XII вв., но это не является временем составления карты, ибо тогда восточная часть Европы была уже гораздо подробнее известна, чем она отражена на карте. Поэтому обычное мнение, относящее составление карты к III или не позже IV в., должно считаться обоснованным. Это по существу путевая карта (*itineraria*), чем и объясняется то, что на карте намечены не реки, а водные пути. Одним из них является и тот, один конец которого назван «*Caput fluvii Sellianii*». *Fluvius Sellianus* означает «селская река» и отождествляется с Даугавой (Западной Двиной). Продолжение пути не имеет названия, но, по всей вероятности, это Днепр. Очевидно, великий водный путь «из варяг в греки» был известен и римлянам. К югу от Даугавы находится устье *fluvii Danubii* (Дуная), ввиду чего отождествление реки *fl. Sellianus* с Даугавой и чисто географически достаточно обоснованно. К юго-западу от *fl. Sellianus* имеется обозначение *venedi* (т. е. славяне). Но *fl. Sellianus* — это только одна из ветвей описанного водного пути. Другая ветвь называется *amnis paludis*. Ее рассматривают как реку Гауя (в Видземе), последняя впадает в Балтийское море недалеко от Даугавы. На карте получается, что Даугава, текущая с юго-востока, и Гауя, которая течет с северо-востока, представляют собою два устья одной и той же реки. Это понятно, так как обе реки — древние водные пути, ведущие в Восточную Европу, о которой римляне имели довольно неясное представление. Множество озер вокруг Риги действительно могло произвести впечатление, будто Даугава и Гауя связаны между собою. Вследствие всего этого название *fl. Sellianus* («селская река», «река селов») действительно нужно отнести к Даугаве. Отсюда следует, что в низовье Даугавы, примерно в том месте, где позже была основана Рига, в начале нашей эры жили села⁴¹. Нельзя с уверенностью судить о том, были ли села, жившие в XIII в. близ Риги, потомками этих древних селов, или же они поселились здесь сравнительно недавно. Нужно принять во внимание, что около X в. в этой местности появляются ливы, которых археологи до этого времени здесь не отмечали, так что в данной местности могли произойти значительные изменения в составе населения.

На правом берегу Даугавы в XIII в. села, как уже говорилось, упомянуты в Хронике Генриха лишь в Кокнессе. «Рифмованная хроника» перечисляет население Даугавы — ливов, селов, русских (строки 139—146). Кроме Кокнессе и Риги, ни хроники, ни документы не указывают на правом берегу Даугавы ни одной другой местности, которую населяли бы села. По этим сведениям можно думать, что села на правом берегу жили только вдоль самой Даугавы, и то, может быть, не на всем протяжении.

³⁹ «*Fontes Historiel Latviae Medii Aevi*», I, Rīgā, 1937, документы, № 122, 132, 134, 145.

⁴⁰ Использовано издание 1824 г. этой копии: «*Tabula itineraria Peutingeriana*», Lipsiae, 1824, табл. VIII; см. также: M. Skruzits, *Sēli, Kurzeines augsgala senēi*, Rīgā, 1889, стр. 19 и 20.

⁴¹ Н. Могога, Die Eisenzeit in Lettland, 1938, стр. 646—647, карта рис. 91; автор здесь упоминает путь по долине реки Гауя, ведущий в Псков. По мнению Х. А. Мора, только существование такого пути может полностью объяснить культурные связи, которые имели место во II—IV/V вв. н. э. между жителями Южной Эстонии и югом того времени.

Однако если проследить распространение селской восходящей интонации, получается совершенно иная картина. С восходящей интонацией вместо прерывистой говорят в широкой округе по обеим сторонам реки Айвиексте, притока Даугавы. На севере предельными говорами, принадлежащими к восходящей интонации, являются говоры следующих местностей: Лубана, Дзелзава, Адулиена, Тирза, Друвиена, Медзула, ...⁴² Юмурда, Эргли, Огре, Таурупе, Меньгеле, ...Аизкраукле. Южная граница начинается около города Ливаны и простирается до Лубанского озера, причем в говорах Аташиене и Баркавы встречаются как прерывистая, так и восходящая интонации (первая в одних, вторая в других условиях). Это указывает на то, что численность селов и латгалов здесь была приблизительно равная, ни та, ни другая интонация не могла взять перевес.

Если присоединить только что очерченную область к ранее рассмотренной, область расселения селов на территории нынешней Латвийской ССР увеличится примерно на 50 %. Конечно, в меньшинстве селы могли встречаться и за пределами этой области, ибо восходящая интонация могла сохраниться только там, где селы составляли большинство населения.

Возникает вопрос, когда селы появились в этой области по правую сторону Даугавы. В бронзовом веке здесь жили угро-финские племена, поэтому эта область не может принадлежать к территории, на которой формировались селы. Трудно поверить тому, что селы переселились сюда только после XIII в., ибо территория Екабпилсского и Илукстского районов не могла дать столько переселенцев, чтобы «селизовать» такую обширную область в Видзeme и Латгалии⁴³. Поэтому более вероятным следует считать мнение, что селы переселились сюда еще до того времени, как они оказались в окрестностях Риги, т. е. до III в. Подобное мнение высказал археолог Э. Штурм⁴⁴. Он связывал область селской восходящей интонации с распространением курганных могильников II—V вв. Однако указанная Э. Штурмом область восходящей интонации в некоторых местах отличается от той, которую можно начертить на карте, основываясь на данных современной диалектологии. Распространение могильников II—V вв. более точно показывает карта, составленная Х. А. Моора⁴⁵.

Территория селов обозначена на нашей карте (рис. 1). Другая карта (рис. 2), показывающая расположение курганных могильников, прилагается для сравнения с первой. Курганные могильники на территории Литовской ССР несколько отличаются от таковых в Латвийской ССР.

Территорией селов в Видзeme и Латгалии прежде всего стал бассейн Айвиексте, притока Даугавы. Один из курганных могильников на карте Х. Моора обозначен восточнее Лубанского озера. Он находится близ р. Ича, притока р. Айвиексте. Надо полагать, что и здесь были селы, но после пришли латгалы, и селская интонация исчезла⁴⁶. Другой такой же могильник находится в Прейлях, в Латгалии, куда селы могли про-

⁴² J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, Rīgā, 1951, стр. 38; между Медзулой и Юмурдой граница не указана, ибо отсутствуют описания соответственных говоров; то же между Меньгеле и Аизкраукле.

⁴³ На то, что переселенцы приходили из Курзeme, в частности и из Селии, также после XIII в., указывают, например, ревизии гаков XVII века.

⁴⁴ «*Latviešu konversācijas vārdnīca*», XIX sej., Rīgā, 1939, столбцы 38062—38065 (с картой).

⁴⁵ H. Mooga, *Pirmajē kopienas iekārtā un agrā feodālā sabiedrībā...*, рис. 43.

⁴⁶ Археолог Р. Шиоре считает этот курганный могильник угро-финским. Мы следуем мнению Х. Моора, который в своей статье «О древней территории расселения балтийских племен» назвал его балтийским. («Сов. археология», 1958, № 2, стр. 25, карта 5.) Расхождение во мнениях археологов, по-видимому, объясняется тем, что этот курганный могильник находится в пограничной местности между балтами и угро-финскими племенами и носит признаки тех и других племен.

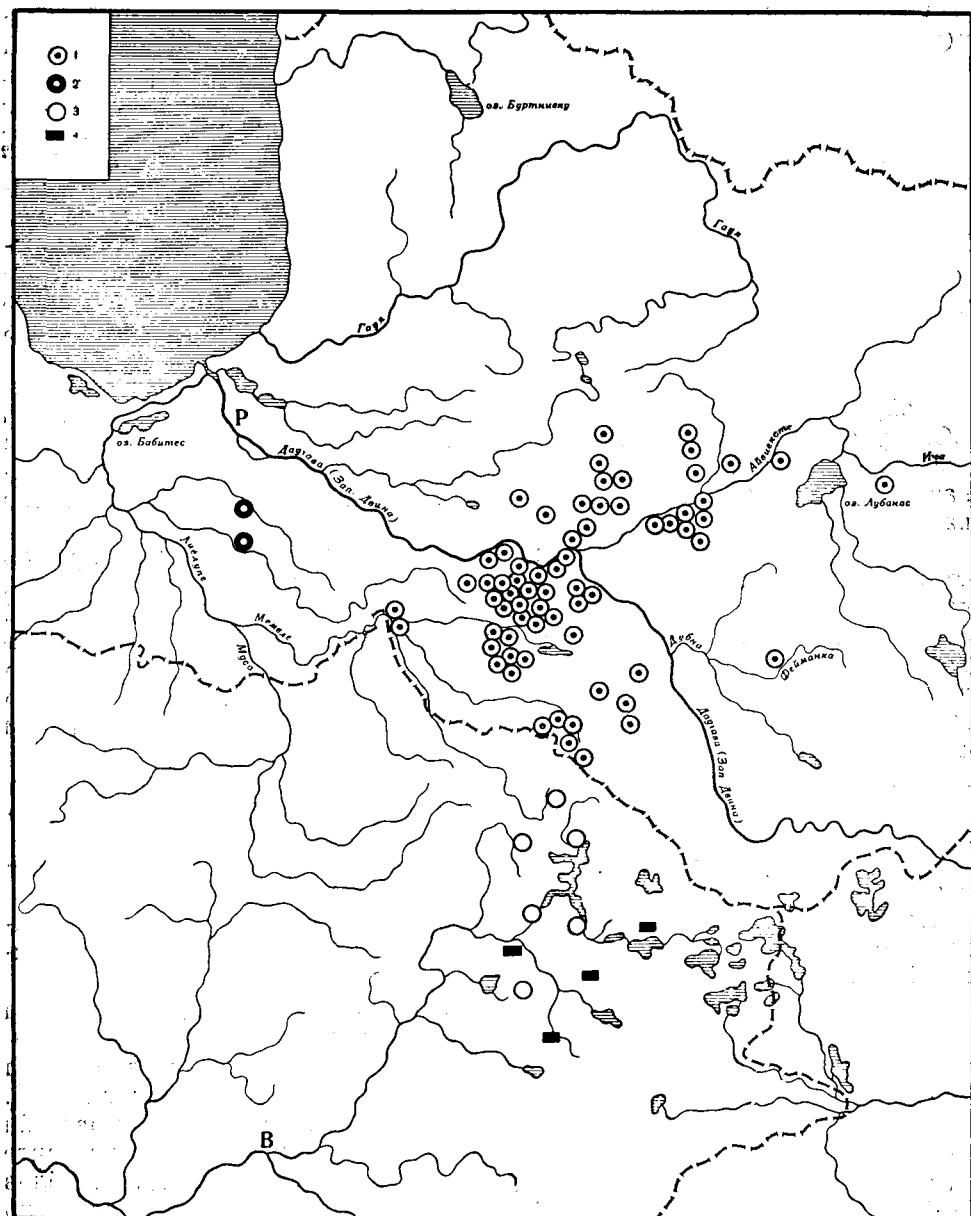

Рис. 2. Распространение погребальных курганов II—IV (V) вв. с трупоположением; 1 — курганы восточной группы; 2 — курганы западной группы, которые могут быть причислены также к восточной группе; 3 — курганы в северо-восточной Литве; 4 — грунтовые погребения по обряду трупоположения в северо-восточной Литве. Кarta составлена по материалам: Н. Мога, *Pirmaņeja körēpas iekārta*, Riga, 1952, таблицы 43, 54; Р. Яблонските-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 3—19; А. Таутавичус, Восточнолитовские курганы, «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», Труды Прибалтийской комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 128 и сл.

браться по Дубне, притоку Даугавы, и дальше по Фейманке, притоку Дубны.

Были сделаны попытки отыскать селов дальше к северо-востоку от описанной селской области. К. Буга полагал⁴⁷, что селы дошли даже до Алуксне (в северо-восточной части Видзeme). Свое мнение он основывает главным образом на топониме «Алуксне», который он считал внесенным селами в Видзeme вследствие его сходства с топонимом «Илуксте» (река и город на территории селов); литовцы, знающие эту местность, говорят «Алукста». Точка зрения Буги является только гипотезой, так как она не подтверждена другими доказательствами. Перенесение названий местностей — общеизвестный факт. Однако слово «алуксна» еще и в наши дни употребляется в Алуксне для обозначения болотистого места в лесу⁴⁸; так как языки древних латышских племен находились в близком родстве друг с другом и имели в основном общий словарный состав, то сходные названия как в Селии, так и на территории латгалов могли образоваться и без перенесения.

Принимая область восходящей интонации в Видзeme и Латгалии за территорию, заселенную селами уже с начала нашей эры, мы сталкиваемся с трудным вопросом, почему в XIII в. здесь обнаруживаются только латгалы, а селы остались лишь в Кокнессе. Для того чтобы восходящая интонация могла здесь сохраниться, численность поселившихся между селами латгалов не должна была превышать численность живущих там селов.

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос пока нельзя. Можно отметить одно обстоятельство, которое могло иметь влияние на слияние селов с латгалами в данной области: Льтьгола (см. «Повесть временных лет») находилась в известной зависимости от русских. Консолидация сказалась прежде всего в том, что селы стали называть себя также латгалами, потому что это название укоренилось в русском языке. О том, что селы действительно называли себя латгалами (или, может быть, летгалами, как пишется и в «Повести временных лет» и в «Хронике» Генриха), свидетельствуют топонимы. В области, в которой говорят с восходящей интонацией, встречаются названия крестьянских усадеб, образованные от слова «селы»: *Сели* — в Калснаве (Э. I, 14), *Селиши* — в Адулиене (Э. I, 65), *Селишкас* — в Плявиняс (Э. I, 62). Эти топонимы могли возникнуть только в том случае, если в эту область переселились селы из левобережной Селии, где этоним «селы», по-видимому, сохранялся более продолжительное время.

Трудно сказать, откуда появились селы в отдельных местах оставшейся части Видзeme, например в волости «Сели» у Буртниекского озера. Селы могли прийти сюда не только из левобережной Селии, но также из указанной выше селской области в Видзeme и Латгале, однако раньше того времени, как там утратился этоним «селы».

В настоящее время на территории бывшей Селской волости нет селской восходящей интонации. Имеются сведения, что в этой небольшой местности произошли значительные изменения в составе населения. Так, во время ревизии 1638 г. здесь было 26 крестьян-мужчин, из которых 5 были пришельцами из Эстонии, а 4 — из Курзeme. А первоначальное население — селы, на которых явно указывает топоним, может быть, были смещены уже гораздо раньше — при образовании имения на месте селения селов.

Латышский язык характерен тем, что он делится на большое число говоров, из которых территориально более отдаленные довольно резко отличаются друг от друга. Хотя много отличительных признаков в говорах латышского языка возникло в эпоху крепостного права, однако

⁴⁷ K. Būga, Aisčių praeitis vietu vardų šviesoje, Kaunas, 1924, стр. 16.

⁴⁸ K. Mülenbachs un J. Endzelins, Указ. раб., I, стр. 67.

кое-что должно быть унаследовано от древних племенных языков. Надо полагать, что и язык селов некогда отличался от языка латгалов в большей мере, чем мы сейчас в состоянии об этом судить. Однако нельзя сомневаться в том, что эти языки были близки. В своем дальнейшем развитии язык селов пошел по тому же пути, что и язык части латгалов, и вместе они образовали современный верхнелатышский диалект.

* * *

Все сказанное свидетельствует о том, что селов следует рассматривать как самостоятельную этническую группу. Известную область в Литовской ССР, как и в Латвийской ССР (примерно Екабпилсский и Илукстский районы), следует считать территорией, на которой совершилось формирование селов. Отсюда, начиная со II в. н. э., часть селов переселялась в Латгалию и Видземе. В XIII в. та часть Селии, которая принадлежала Литве, была уже в значительной степени литуанизирована. В том же XIII в. селы Латгалии и Видземе, за исключением отдельных мест (на правом берегу Даугавы), уже назывались латгалами. На левом берегу Даугавы обозначение «селы» сохранялось более продолжительное время, однако в XVI или не позже XVII в. оно в качестве этнонима было утрачено и здесь. До наших дней это обозначение сохранилось только в виде топонимических названий. Среди селов жили также пришельцы из других местностей, но там, где сохранилась селская восходящая интонация, численность селов составляла большинство населения. Коренные жители таких районов могут считаться потомками древних селов.

SUMMARY

The article deals with the Sels, one of the ancient tribes that took part in the formation of the Latvian nationality, and examines several problems connected with the history of the early Sels. The authors briefly review the sources, archeological relics and literary materials bearing on the Sels, and arrive at the conclusion that this was an independent ethnic group, closely related to another ancient Latvian tribe—the Latgarians; the tendency which prevailed in Latvian bourgeois archeology, of regarding the Sels and the Latgarians as a single group, is erroneous.

The authors further dwell on the territory occupied by the ancient Sels. In order to establish the borders of this territory, they make recourse to different materials—13th century written records, archeological and linguistic data (the so-called rising Sel intonation).

НАРОДЫ МИРА (ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

П. В. ДЕНИСОВ, В. И. КОЗЛОВ

ЧУВАШИ

Приветствуя участника первого в мире группового полета в космос Андрияна Николаева, Н. С. Хрущев сказал: «Вы прославили нашу Родину, прославили народы Советского Союза и свой чувашский народ. Некоторые люди, особенно за рубежом, слабо знают национальный состав Советского Союза, не все знают, что есть Чувашская автономная республика. Теперь весь мир будет знать, что в Советском Союзе есть чуваши, что чувашский народ занимает достойное место в великой социалистической семье советских народов и вносит свой замечательный вклад в строительство коммунизма, в развитие техники, в освоение космоса»¹.

Чуваши — одна из социалистических наций Поволжья, сложившаяся в междуречье Суры, Свияги и Волги, преимущественно на территории нынешней Чувашской АССР. Ближайшие соседи чувашей — марийцы, мордва и татары. Общая численность чувашей по переписи 1959 г. составляла около 1470 тыс. чел., из них в пределах своей республики находится 770 тыс. чел. Большие группы чувашей живут также в Татарской и Башкирской АССР, в Куйбышевской и Ульяновской областях.

Этническая история чувашей очень сложна, и ранние этапы ее до сих пор выяснены недостаточно. Эта сложность этнической истории отразилась в антропологическом составе чувашей и их языке. Исследования, проведенные советскими антропологами², показали, что у чувашей имеются европеоидные и монголоидные элементы, с численным преобладанием так называемого «субуральского» типа. Древние похоронения, обнаруженные на территории Чувашии, говорят о длительном процессе наслоения на местный аборигенный тип все новых и новых антропологических элементов, значительная часть которых ведет свое начало из причерноморских степей. Чувашский язык входит в группу тюркских языков, занимая в ней, однако, совершенно обособленное место. От языков соседних тюркоязычных народов он отличается рядом фонетических особенностей и своеобразием грамматического строя; эти особенности настолько значительны, что чувашский язык непонятен другим тюркоязычным народам, например, татарам, башкирам и казахам, которые, как известно, довольно свободно понимают друг друга.

В прошлом существовало несколько теорий о происхождении чувашей: «хазарская», «буртасская» и др. В настоящее время большинство

¹ «Празда», 16 августа 1962 г.

² См. Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, «Сов. этнография», 1950, № 3.

советских ученых связывает происхождение чувашей с племенами булгар, составившими, как предполагают, авангард тюркоязычных пришельцев в Европу (в письменных источниках название «булгар» впервые встречается во II в. до н. э.) Вначале булгары, переселившись из Центральной Азии вместе с родственными им хазарами, осели на нижней Волге и Северном Кавказе. В V—VI вв. н. э. здесь образовался союз племен, известный под названием Великой Болгарии, однако довольно скоро, по-видимому под давлением Хазарского каганата, этот союз распался. Часть булгар (или болгар) двинулась на запад и во второй половине VII в. переправилась через Дунай в бывшую римскую провинцию Мизию. Покорив местные славянские племена, эта группа придунайских болгар полностью растворилась среди них, передав образовавшейся новой славяноязычной народности свое имя и некоторые элементы культуры и быта. Другая, вероятно основная, часть булгар направилась вверх по левобережной части Волги и остановилась в среднем Поволжье, где возникло Булгарское царство. При этом движении на север булгары вошли в соприкосновение с обитавшими в то время в Приуралье мадьярскими племенами, предками современных венгров. Венгерский язык, как установлено исследователями, содержит до 250 слов «чувашского» (т. е. булгарского) происхождения.

Булгарское царство включало в свои границы и территорию современной Чувашии, заселенную финно-угорскими племенами, родственными предкам коми, марийцев, удмуртов и мордвы. Среди финно-угорских параллелей в чувашском языке наиболее четко выступают марийские слова; по своему физическому облику чуваши также близки к марийцам. Все это говорит о том, что к моменту прихода булгар значительная часть междуречья Суры и Свияги была занята племенами, близко родственными марийцам, и язык пришельцев наславился на этот протомарийский языковый субстрат³.

Включение районов Чувашии в состав Булгарского царства сопровождалось переселением в ее пределы групп булгар и началом тюркизации местного угро-финского населения, что привело, в конечном итоге, к образованию чувашской народности. О том, каким образом шел этот процесс, существуют две основные точки зрения. По одной из них чувашская народность сложилась преимущественно из аборигенных племенных групп, испытавших сильное языковое и отчасти культурное влияние со стороны покоривших их булгар⁴. Согласно другой, на наш взгляд более обоснованной точке зрения, дело не могло ограничиться только «влиянием»; языковая ассимиляция местного угро-финского населения могла произойти лишь в результате массового переселения булгар, причем булгарский элемент был, по-видимому, преобладающим. При этом часть местного населения ушла на север, за Волгу, где сейчас живет основная часть марийцев. Значительный удельный вес булгарского компонента подтверждается и рядом этнографических данных. Например, многие традиционные головные уборы чувашских женщин, в частности чалмообразная повязка «сурпан» и особенно «хушпу», близкий к головному убору степных тюркоязычных народов, явно унаследованы чувашами от булгарских предков. Влияние южных степных элементов отражено в покрове верхней одежды типа халата и других элементах материальной, а также духовной культуры⁵.

Наиболее значительный приток булгар, очевидно, шел в юго-восточную часть Чувашии, так как в северо-западной части ее до сих пор

³ См. Б. А. Серебренников, Происхождение чуваш по данным языка, Сб. «О происхождении чувашского народа», Чебоксары, 1957, стр. 40.

⁴ См. например: Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонов, Чуваши, Этнографическое исследование, часть первая, Чебоксары, 1956.

⁵ П. В. Денисов, Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа, сб. «О происхождении чувашского народа», стр. 71—95.

еще не обнаружено булгарских городищ. Это обстоятельство сыграло свою роль в образовании двух основных этнографических групп чувашей: «верховых чувашей» (вирьял), живущих в северо-западной Чувашии, в бассейне Суры, и «низовых чувашей» (анатри), обитающих в юго-восточных районах; вирьялы отличаются от анатри своим диалектом и некоторыми элементами материальной культуры.

Название «чуваши», как предполагают, произошло от названия одного из булгарских племен «суваз» (или саваз), упоминаемого арабским писателем и путешественником Ахметом Ибн-Фадланом в X в. По сообщению Ибн-Фадлана, сувазы отказались принять ислам, который начал в то время распространяться среди булгар; по-видимому, это обстоятельство явилось одной из важных причин массового переселения сувазов в правобережные районы, на территорию современной Чувашии. Новая волна булгар-сувазов прибыла на земли Чувашии в XIII в., после разгрома Булгарского царства ордами Батыя. Что же касается основной массы булгар, то она передвинулась в предкамские районы и там, в пределах возникшего Казанского ханства, смешавшись с завоевателями, дала начало татарской народности. Язык этой народности, складывавшийся преимущественно на основе кипчакских элементов, стал отличаться от языка чувашей, сохранившего более архаичную — булгарскую основу. Видную роль в этническом разделении татар и чувашей довольно долго играл и религиозный признак: в исторических источниках XVII—XVIII вв. отражены многочисленные случаи, когда «язычники» — чуваши левобережья, приняв ислам, начинали именовать себя татарами⁶.

В русских письменных источниках чуваши («чюваш») упоминаются сравнительно поздно — только в конце XVI в.; это, по-видимому, связано с тем, что чувашей довольно долго путали с их ближайшими соседями черемисами (мари).

Оказавшись под властью Казанского ханства, чуваши должны были платить большой налог — «ясак» деньгами и натурой и нести ряд повинностей. Значительная часть чувашских земель была роздана татарским князьям и мурзам. Казанские войска, совершая набеги на русские земли, проходили через территорию Чувашии, разоряя чувашских крестьян. Естественно, поэтому, что подавляющая часть чувашей действительно помогала русским войскам во время похода на Казань в 1551/52 г.; чуваши снабжали русские войска продовольствием и даже сами участвовали в боевых действиях против казанцев.

Добровольное присоединение Чувашии к Русскому государству имело прогрессивное значение для дальнейшего исторического развития чувашского народа. Оно освободило чувашей от ига Казанского ханства. Влияние русского народа способствовало, насколько это было возможно в условиях феодализма, росту производительных сил, развитию земледельческой культуры чувашей. С присоединением территории чувашей к Русскому государству прекратились разорительные военные действия и опустошительные набеги на них кочевых племен юго-восточных степей (ногайцев и др.). Сооружение засечно-сторожевых линий позволило начать вторичное заселение плодородных южных районов Чувашии, превращенных за время татарского господства в «дикое поле».

Однако и в составе России чуваши не избавились от социального и национально-колониального гнета. К середине XVII в. чувашское крестьянство лишилось значительной части своих пахотных земель. Подавляющая часть чувашей не была закрепощена и входила в состав «ясачных» (с 20-х годов XVIII в. — «государственных») крестьян, которые платили большой налог деньгами или натурой и отбывали ряд по-

⁶ В. Д. Дмитриев, Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа, в сб. «О происхождении чувашского народа», стр. 106—107.

винностей. Чуваши, как и другие ясачные крестьяне, испытывали произвол приказных людей. Пользуясь темнотой и бесправием чувашского крестьянства, его обирала и выделившаяся среди чувашей торгово-ростовщическая прослойка, так называемые коштаны. В XVIII в. развернулась массовая христианизация чувашей. Нижегородское, казанское и свияжское духовенство при помощи военных отрядов принялось искоренять «идолопоклонство» чувашей, и к концу XVIII в. почти все они были окрещены. Новая религия стала новым орудием угнетения. Попы приучали «новокрещенных» к православию посредством штрафов за непосещение исповедей, незнание молитв и пр.

Трудовые массы чувашей вместе с русским крестьянством и другими народами Поволжья приняли активное участие в крестьянских войнах под предводительством Болотникова (начало XVII в.), Разина (1670/71 г.) и Пугачева (1773—1775 гг.) против бояр и помещиков. Значительная часть чувашей, спасаясь от притеснений, бежала в другие области Поволжья, главным образом в Заволжье и Приуралье. Большие крестьянские волнения произошли в ряде уездов Чувашии в 1842 г.

Во второй половине XIX в. и особенно после крестьянской реформы 1861 г. развитие Чувашии пошло по капиталистическому пути. Чувашское крестьянство, обремененное налогами и выкупными платежами, в условиях относительного аграрного перенаселения начинает расселяться. При среднем размере бедняцких наделов по России в 5,5 десятин чувашская беднота в большинстве случаев имела по 1—2 десятины на двор; в конце XIX в. в чувашских деревнях имелось не менее 5% бесхозяйственных, т. е. окончательно разорившихся крестьян; кроме того, около 10% крестьян, хотя и имели наделы, но обрабатывали их чужим, обычно кулацким инвентарем⁷. Резко увеличилось землевладение купцов и кулаков, стало развиваться торговое земледелие. Стремясь выбиться из нужды, многие крестьяне занимались кустарными промыслами, кулеткачеством, смолокурением и пр., уходили на отхожие промыслы в другие районы страны. Местная промышленность в Чувашии развивалась слабо; русские и чувашские купцы предпочитали вкладывать капиталы в торговлю. Все же за вторую половину XIX в. в Чувашии было основано более 20 небольших фабрик и заводов. Начали расти кадры чувашского пролетариата.

Оживление экономической жизни в XIX в. сопровождалось некоторым культурным развитием чувашского народа. Уже в первой половине XIX в. стали открываться школы для чувашских детей, однако заметные успехи в развитии образования были достигнуты лишь после того, как в начале 1870-х гг. известным просветителем И. Я. Яковлевым была создана письменность на чувашском языке. И. Я. Яковлев — один из немногих чувашей, сумевших получить в тех условиях высшее образование, проделал огромную работу по подъему культуры родного народа; им, в частности, была основана Симбирская учительская школа, подготовившая до революции свыше тысячи учителей и ставшая центром дореволюционной чувашской культуры. Большую роль в распространении просвещения среди чувашей сыграл и выдающийся педагог И. Н. Ульянов, отец В. И. Ленина. Развитие чувашской художественной литературы в конце XIX — начале XX в. связано с именем талантливого писателя К. В. Иванова, автора известной поэмы «Нарспи». И хотя основная масса (свыше 2/3) чувашского крестьянства оставалась неграмотной, все же уровень грамотности (и особенно — процент грамотных на родном языке) среди чувашей по данным переписи 1897 г. был выше, чем среди марийцев, удмуртов и мордвы.

⁷ И. Д. Кузнецов, Очерки по истории и историографии Чувашии, Чебоксары, 1960, стр. 45—46.

Трудящиеся Чувашии приняли активное участие в революции 1905—1906 гг. и в Великой Октябрьской социалистической революции. Установление советской власти в Чувашии (ноябрь 1917—март 1918 г.) проходило в упорной борьбе с эсерами и буржуазными националистами, которые под видом национального самоопределения выступали против социалистических преобразований. Чувашские трудящиеся не дали увлечь себя националистическими лозунгами; чувашские крестьяне, следуя призывам большевиков, развернули борьбу за землю, против помещиков и буржуазии. В борьбе за социалистическую революцию рос и укреплялся братский союз чувашской бедноты с русским рабочим классом, с трудящимися татарами, мордвой, марийцами и другими народами Поволжья.

В осуществление ленинской национальной политики уже в марте 1918 г. при Казанском губернском совете был образован Комиссариат по чувашским делам. Решением этого совета от 29 апреля 1918 г. чувашский язык был объявлен официальным языком, пользующимся равными правами с русским и языками других народов Поволжья. В мае 1918 г. при Народном Комиссариате по делам национальностей был учрежден Чувашский отдел, который, опираясь на местные партийные и общественные организации, занялся подъемом культуры чувашского народа и проделал большую подготовительную работу по созданию национальной автономии. Сразу же после окончания гражданской войны в Поволжье, в феврале 1920 г. был проведен 1-й съезд чувашей-коммунистов, поставивший вопрос о чувашской автономии, а 24 июня 1920 г. был издан декрет ВЦИК и Совнаркома за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина об образовании Чувашской автономной области из Цивильского, Ядринского и Чебоксарского уездов и ряда волостей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии и некоторых волостей Курмышского и Буйнского уездов Симбирской губернии (в последующие годы был проведен ряд дополнительных территориальных преобразований). В обращении Революционного комитета Чувашской автономной области к трудящимся Чувашии говорилось, что Советская власть, дав самостоятельность чувашским массам, вызвала к жизни и спасла их от гибели, и что теперь перед чувашскими трудящимися открываются широкие перспективы по пути устройства своего счастья в новой жизни.

Дальнейшее развитие чувашской автономии было ознаменовано постановлением ВЦИК от 21 апреля 1925 г., по которому Чувашская автономная область была преобразована в Чувашскую АССР в составе РСФСР; этим решением были созданы наиболее благоприятные условия для ликвидации хозяйственной и культурной отсталости чувашей, унаследованной от царизма, условия для дальнейшего движения их по пути восстановления и развития всех отраслей народного хозяйства, улучшения материально-бытового положения трудящихся и роста их культуры. Воссоединение большей части чувашского народа в границах Чувашской АССР, экономическое и культурное развитие его создали необходимые условия для постепенного превращения чувашской народности в чувашскую социалистическую нацию.

* * *

В настоящее время основная масса чувашей сосредоточена на их коренной территории, в междуречье Суры и Свияги. Главные колониационные потоки русских в Поволжье в XVI—XVII вв. обогнули чувашские земли, защищенные с севера Волгой, а с запада — Сурой и широкой полосой лесов, и чувashi, в отличие от других народов Поволжья, сохранили компактное расселение. Этому, по-видимому, способствовала и сравнительно большая заселенность чувашских земель.

Компактность расселения, отсутствие значительных инонациональных массивов на чувашской территории несомненно способствовали национально-территориальному устройству чувашей в годы советской власти. По переписи 1926 г. в пределах своей республики чувashi составляли около 75% всего ее населения (татары в пределах своей республики лишь 45%), по переписи 1959 г.— 70,2% (см. таблицу).

Некоторые статистические сведения по народам и республикам Поволжья

Народы	Общая численность в тыс. чел.		% прироста	Находилось в пределах своей республики на 1959 г.		% лиц с родным языком данного народа
	1939 г.	1959 г.		% от общей численности народа	% от числа жителей республики	
Чувashi	1370	1470	7,2	52,4	70,2	90,8
Татары	4313	4969	15,2	27,1	47,2	92,1
Марийцы	606	1623	2,7	76,4	35,6	95,1
Мордва	1456	1285	-11,7	27,9	35,8	78,1

Еще в капиталистической России миграции чувашей в связи с разложением чувашской поземельной общини и ростом явлений относительного перенаселения охватили довольно значительную часть чувашского населения; они были направлены преимущественно в районы Поволжья и Приуралья (Самарская, Уфимская и Оренбургская губернии). По переписи 1897 г., учитывавшей родной язык населения и устанавлившей общую численность чувашей в 843,8 тыс. чел., в пределах Азиатской России их находилось только 4,3 тыс. чел. В середине XIX в. было отменено прежнее запрещение чувашам селиться в городах, однако вплоть до революции 1917 г. и даже в первые годы советской власти чувашское городское население росло медленно. По переписи населения 1926 г. из общего числа чувашей — 1117,3 тыс. чел. в городах жило лишь 17,7 тысяч, главным образом чувашей-мужчин. Согласно данным этой же переписи, в азиатской части страны находилось уже 51,5 тыс. чувашей; значительная часть из них прибыла туда, по-видимому, в начале 1920-х годов, в связи с неурожаем в Поволжье.

Миграции населения в СССР после организации в 1924 г. Переселенческого управления стали носить плановый характер и составляли один из важных элементов рационального размещения производительных сил по территории страны. Значительно возросла помощь переселенцам со стороны государства. Основные миграции населения были направлены из сельских мест в города и из плотно заселенных центральных районов в многоземельные районы восточной части страны. Однако миграции чувашского населения имели и некоторые особенности; в частности, в связи с широким промышленным строительством в самой Чувашии переселение за ее пределы в годы первых пятилеток не имело большого размаха. Довольно широкое переселенческое движение из Чувашии началось лишь с конца 1930-х годов; всего за период с 1939 по 1959 г. из нее выбыло около 80—100 тыс. чел.⁸

Подавляющее большинство чувашей в Чувашской АССР и в соседних областях их основного расселения живет в сельской местности. Процент городского чувашского населения вырос с 1,6 в 1926 г. до 24 в 1959 г.; в пределах Чувашии быстро росли старые города, в первую очередь столица республики Чебоксары, и возник ряд новых городов и поселков городского типа. Основная масса чувашей-переселенцев в промышленные районы страны и в удаленные области Сибири и Дальнего Востока осела в городах и поселках городского типа.

⁸ П. А. Сидоров, Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии, Чебоксары, 1960, стр. 40.

Естественный прирост чувашей за годы советской власти сильно возрос за счет резкого снижения смертности при сохранении высокой рождаемости. Показатель смертности у чувашей в связи с улучшением здравоохранения и повышением жизненного уровня по сравнению с дореволюционным периодом сократился в три раза. По данным на 1959 г. средний показатель рождаемости в Чувашии — 31,4%, смертность — 9,5, естественный прирост — 21,9% — один из самых высоких в РСФСР⁹.

По переписи 1959 г. из общей численности чувашей в 1470 тыс. чел. около 98% находится в пределах РСФСР, из числа других республик можно отметить только Казахстан и Украину, в каждой из которых, в основном в городах, живет примерно по 10 тыс. чувашей. Кроме уже отмеченных выше основных областей расселения чувашей в Поволжье (Чувашская АССР, Татарская и Башкирская АССР, Куйбышевская и Ульяновская области), довольно значительные группы их находятся в Оренбургской, Пермской и Свердловской областях. Сильно выросло число чувашей в азиатской части страны; несколько десятков тысяч их находится в Кемеровской области, Красноярском крае (в этом крае они составляют около 8% населения), сравнительно большие группы их живут в Иркутской и Новосибирской областях.

Некоторое территориальное рассредоточение чувашей в годы советской власти, в частности, переселение их в города, усилило общение чувашей с другими народами, прежде всего с русскими, и создало условия для языковой и этнической ассимиляции. По переписи 1926 г. чувашский язык признало родным около 97,5% всех чувашей, по переписи 1959 г. — 90,8%. Основная масса чувашей стойко сохраняет свой язык и национальное самосознание, однако отдельные группы их, особенно в отдаленных областях, будучи растворены в массе русского населения, постепенно меняют свой язык, вступают в смешанные браки и сливаются с братским русским народом.

* * *

Чувашия является областью древней оседло-земледельческой культуры. Данные археологии свидетельствуют о том, что земледелие здесь достигло некоторого развития еще в первобытные времена, а в период Булгарского царства оно становится основной отраслью сельского хозяйства. Особенно развилось земледелие в черноземных районах лесостепного юга Чувашии, где, по некоторым данным, еще до прихода русских в XV—XVI вв. местное население переходит к трехполью¹⁰; в северных районах продолжительное время еще господствовало подсечное земледелие. Характерно, что календарь чувашей — не астральный, а связан преимущественно с циклами сельскохозяйственных работ.

У дореволюционного чувашского крестьянства среди полевых культур главное место занимали зерновые (ржнь, овес, полба, ячмень), удельный вес которых составлял в 1913 г. около 97%. Технические культуры — лен и конопля — занимали в посевах ничтожное место, а овощные культуры и картофель, распространявшийся в конце XIX в., выращивались преимущественно на дворовых участках.

Основным земледельческим орудием у чувашей до революции была соха (по-чувашски «сухалус»), заимствованная от русских, а древнее орудие вспашки — «агабусь», или «сабан», унаследованный от булгар, в последние столетия применялся обычно только для распашки вновь расчищенных участков в лесных районах. Железные плуги, бороны и

⁹ «Чувашия за 40 лет в цифрах», Чебоксары, 1960, стр. 185.

¹⁰ Ш. Ф. Мухомедьяров, К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках, в кн. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. III, М., 1959, стр. 90.

другие улучшенные орудия применялись лишь в помещичьих и кулацких хозяйствах. Уборка хлеба у чувашей проводилась почти такими же приемами, как и у русских земледельцев. Для сушки хлеба устраивали примитивные овины — шиши. Помол зерна в течение многих веков производился ручными жерновами или на водяных мельницах — колотовках; улучшенные мельницы русского типа стали появляться только во второй половине XVIII в.

Важную роль в сельском хозяйстве, наряду с земледелием, играло животноводство, но его развитие тормозилось плохим состоянием кормовой базы, и доходы от животноводства были малы. Следует отметить и такие исконные занятия чувашей, как пчеловодство, хмельеводство и охоту, имевшие в XV—XVII вв. чуть ли не ведущее значение в их хозяйстве. Вырубка лиственных лесов привела к сокращению бортничества, которое во второй половине XVII в. стало заменяться пасечной системой пчеловодства, а в середине XIX в. она начинают преобладать. От сбора дикого лесного хмеля чуваша еще в отдаленные времена перешли к разведению хмеля на приусадебных участках и достигли в этом больших успехов. Из-за большого спроса на хмель его производство еще в дореволюционное время приобрело товарный характер. Что же касается охоты, главным образом на пушных зверей, то этот промысел, игравший еще в XVIII в. значительную роль в хозяйстве, впоследствии из-за сокращения лесных площадей совершенно пришел в упадок.

Проникновение капитализма в чувашскую деревню усиливало социальную дифференциацию крестьянства. Из года в год, как уже отмечалось выше, увеличивалось число безземельных, малоземельных и безлошадных крестьянских дворов, росла зажиточно-кулацкая верхушка, обогащавшаяся за счет разорения несостоятельных крестьян. Если в 1906 г. в Чебоксарском уезде среди крестьян было 13,4% безлошадных и бескоровных хозяйств, то к 1913 г. они составили уже 26%¹¹. О нищенском существовании чувашских крестьян не могли умолчать и чиновники земских управ, отмечавшие, в частности: «На основании описания экономического быта и бытовых условий из 84,5% инородческого населения Чебоксарского уезда можно видеть, что инородцы эти (чуваши — 71,6% и мари — 12,9%) живут у нас едва ли не хуже, чем домашний скот в хороших хозяйствах»¹².

Великая Октябрьская социалистическая революция, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства поставили старую нищенскую чувашскую деревню на совершенно новую базу, открыли перед ней неограниченные возможности для экономического и культурного роста. В результате коллективизации в Чувашии вместо 184 тысяч мелких индивидуальных хозяйств было создано 349 укрупненных колхозов и 13 совхозов. Советское государство передало колхозному крестьянству Чувашии в вечное пользование 1165 тыс. га земли, отпустило огромные средства на капитальное строительство. В настоящее время на полях социалистической Чувашии работает более 3 тыс. тракторов, свыше полутора тысяч зерновых комбайнов и более 10 тыс. других усовершенствованных машин и орудий. Проведена значительная работа по электрификации сельского хозяйства. В связи с повышением культуры земледелия и животноводства сельское хозяйство стало более доходным. Одностороннее зерновое направление уступило место сочетанию производства зерна и ценных технических, а также овощных и кормовых культур и картофеля. По данным 1960 г., посевные площади республики по сравнению с 1913 г., увеличились на

¹¹ «Развитие экономики и культуры Чувашской АССР», Чебоксары, 1960, стр. 115—116.

¹² «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II, Чебоксары, 1956, стр. 104—105.

212 тыс. га, или на 36%. За это же время посевы пшеницы расширились в 2 с лишним раза, технических культур — в 2,3 раза, картофеля в 21 раз, овощей — в 53 раза. Посевные площади под кукурузой только за три года семилетки увеличились более чем в два раза. В 1961 г. посевы кукурузы и сахарной свеклы дали с каждого гектара кормовых единиц в 26 раз больше, чем посевы однолетних трав, в 13 раз больше, чем посевы овса. Наряду с подъемом земледелия росло и животноводство. Из года в год увеличиваются плантации хмеля, и в настоящее время Чувашия является одним из главных поставщиков товарного хмеля в СССР. Быстрыми темпами развивается и садоводство.

Благодаря повседневной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о развитии сельского хозяйства, колхозное крестьянство Чувашской АССР достигло больших успехов. Партия и правительство высоко оценили работу трудящихся Советской Чувашии: за крупные успехи в деле социалистического строительства республика уже в 1935 г. была награждена орденом Ленина. В настоящее время 21 передовику республики в области сельскохозяйственного производства присвоено звание Героя Социалистического Труда; среди награжденных председатель колхоза «Победа» Яльчикского района В. В. Зайцев, агроном этого же колхоза Е. В. Васильев и другие.

Колонизаторская политика царизма привела к тому, что в дореволюционной Чувашии, несмотря на ее выгодное географическое положение и наличие свободных рабочих рук, промышленность была развита слабо; по данным 1913 г., на фабриках и заводах было занято не более 6,6 тыс. рабочих. Слабость промышленного развития, малоземелье вынуждали крестьянство заниматься различными промыслами, связанными с лесным делом и переработкой сельскохозяйственной продукции. Из дерева выделяли орудия сельского хозяйства и предметы домашнего обихода; большое распространение получило, в частности, производство телег и саней, деревянной посуды, тканье кулей и рогож, плетение лаптей. Некоторые деревянные изделия изготавливались с большим вкусом, как, например, пивные ковши и черпаки, рукожатки которых покрывались изящной и сложной резьбой. Довольно заметное место в хозяйстве жителей лесных районов занимали заготовка леса, гонка дегтя и смолы, выжигание древесного угля. Однако видную роль в лесной промышленности играла национальная буржуазия, хищнически эксплуатировавшая в своих интересах крестьянскую бедноту.

Довольно сильно были развиты и такие промыслы, как ткачество, вышивка, производство войлока, валяной обуви, обработка кожи и др. На развитие ряда этих промыслов благотворное влияние оказали русские, передавшие чувашским кустарям многие способы и приемы работы. Значительно слабее у чувашей были развиты промыслы по обработке металла, что связано с существовавшим до начала XIX в. запретом нерусским народам Поволжья заниматься кузнечным и серебряным делом.

За годы советской власти ранее отсталая аграрная Чувашия превратилась в развитую индустриально-аграрную республику. Кустарные промыслы были поставлены на новую основу: изменилась организация труда кустарей — созданы предприятия местной промышленности и промысловый кооперации, выпускающие сотни видов различных изделий для нужд населения. Многие трудоемкие домашние промыслы — ткачество, обработка кожи, плетение лаптей и пр. — в связи с колоссальным ростом промышленного производства товаров широкого потребления совершенно потеряли свое значение, другие, как, например, вышивка и узорное ткачество, получили свое дальнейшее развитие.

За 45 лет советской власти в Чувашии созданы такие важные отрасли промышленности, как металлообработка и машиностроение, химическая, текстильная, легкая, пищевая; дальнейшее развитие полу-

чили старые отрасли — лесная и деревообрабатывающая промышленность. Сейчас в республике действуют 234 крупных предприятия; часть их имеет общесоюзное значение. Валовая продукция промышленности Чувашской АССР на 1961 г. выросла по сравнению с 1916 г. в 116 раз. Труженики Чувашии, о которых царские чиновники говорили, что «все их искусство — в умении плести лапти», ныне производят точнейшую электроаппаратуру и приборы, пианино, запасные части к тракторам и автомашинам, хлопчатобумажные ткани, трикотажные изделия, обувь, готовые дома, химикалии, стиральные машины и другие изделия. Дубовая мебель, изготовленная чувашскими мастерами, пользуется известностью далеко за пределами республики; достаточно сказать, что ею обставлены многие залы нового здания МГУ и Дворца Съездов. Промышленная продукция предприятий Чувашии идет во многие зарубежные страны. По новому, двадцатилетнему плану объем промышленной продукции Чувашской АССР увеличится в 9,5 раза (по СССР в среднем в 6 раз).

Преобразились города и населенные пункты республики. От дореволюционного прошлого многие чувашские селения сохранили лишь свое местоположение. Для южной Чувашии в целом характерен приречный тип расселения; размеры селений здесь довольно значительны, и они располагаются цепочками по рекам Кубне, Карле и др., а водораздельные пространства заняты пашнями. В северных и центральных районах Чувашии, более древних по времени заселения и в целом более густо заселенных, преобладают мелкие населенные пункты, расположенные группами в верховьях речек, по ручьям и оврагам. За последние годы в связи с укрупнением колхозов число мелких селений сокращается, разрабатываются и уже начали претворяться в жизнь генеральные планы сельского строительства по городскому типу. Чувашия — республика передового дорожного строительства.

Описывая планировку чувашских селений в прошлом, исследователи обычно отмечали запутанность и кривизну улиц, гнездовое расположение усадеб и скученность построек. Однако подобная картина была характерна лишь для верховых чувашей и связана с особенностями их прежнего землевладения и землепользования, а отчасти и с пережитками родового быта¹³. В южных же районах, где селения возникли позднее, планировка селений была более правильной. Существенные изменения в планировке произошли только за годы советской власти в процессе обновления старых жилых и хозяйственных построек. Материалы экспедиций, проведенных чувашскими учеными в 1933 и 1960 гг., показывают, что почти половина сельского жилого фонда построена в послевоенный период; в некоторых колхозах за последнее десятилетие выстроено заново свыше 80% всех дворов колхозников¹⁴.

В современной чувашской колхозной деревне (рис. 1) нет и в помине тех черных избушек с подслеповатыми окнами, крытых лубом или чаще всего — соломой, которые еще во второй половине XIX в. были жильем основной массы крестьянства. В новом жилищном строительстве колхозного села получили повсеместное распространение пятистенки с многокомнатной планировкой, растет число каменных, шлакобетонных и других домов из новых материалов. В связи с ростом материального благосостояния и повышением культурного уровня изменилась не только внутренняя планировка, но и меблировка и убранство жилья. Чувашские колхозники уже не строят в избах широкие нары, уходят в прошлое длинные неподвижные скамьи, вместо которых появляются стулья и табуретки, все реже встречаются полати. Повсе-

¹³ В. Д. Дмитриев, История Чувашии XVIII века, Чебоксары, 1961, стр. 444—445.

¹⁴ «Быт и культура сельского населения Советской Чувашии», Чебоксары, 1961, Приложение.

местно распространены кровати с постельным бельем, чего совершило не знала раньше чувашская беднота. В чувашских избах теперь не редкость мебель городского типа: комоды, шифоньеры, шкафы для посуды, диваны, этажерки. Для быта колхозников уже не новшество радио и электричество, а в последние годы — и телевидение.

Рис. 1. Улица в деревне Кольцовка Вурнарского района

По современной планировке усадьбы чувашского колхозника очень трудно судить о стариинной планировке и застройке крестьянского двора. В связи с обобществлением сельскохозяйственного производства стали совершенно излишними и поэтому постепенно исчезают такие надворные постройки, как, например, большие скотные дворы, двухэтажные амбары, крытые загоны, мякинницы и пр. Двор чувашского колхозника стал более компактным, однако такие традиционные постройки, как клеть и лась, продолжают бытовать. Клеть служит в основном для хранения зерна, а лась — легкая бревенчатая четырехугольная постройка с двускатной крышей и примитивным очагом, пережиток древнего жилища чувашей, — используется обычно в качестве летней кухни.

За 1946—1959 гг. в сельской местности построено 76 тыс. жилых домов; только в 1959 г. в городах и рабочих поселках было построено 200 тыс. кв. м жилья. Неизвестно изменились старые города — столица республики Чебоксары (рис. 2) и Алатырь, за годы советской власти выросли новые города Шумерля, Канаш и десятки рабочих поселков.

Чуваши, в особенности верховые, любят украшать свои селения зеленью, поэтому многие чувашские деревни выглядят издали лесными рощами. Облик деревень существенно преобразили здания школ, клубов, медицинских учреждений, хозяйствственные центры колхозов и другие новые постройки, возникшие в советское время вместо дореволюционных церквей и кабаков.

За годы социалистического строительства произошли значительные изменения в быту чувашей. Грубую домотканную одежду вытеснила одежда из фабричных тканей нового покроя. Мужская одежда чува-

шой еще до Октябрьской революции мало отличалось от русской. Что касается женской одежды, то колхозница-чувашка не просто заимствует покрой городского платья, а перерабатывает его, сохраняя некоторые черты прежнего костюма, в результате чего создаются новые национальные формы одежды. Чувашек в стариных нарядах и украшениях теперь можно встретить лишь на свадьбах и во время выступлений художественной самодеятельности.

Рис. 2. Город Чебоксары, многоквартирные жилые дома в поселке текстильщиков

лорийной по сравнению с дореволюционной преимущественно из растительных блюд; значительное место теперь занимают мясные и молочные кушанья.

Темнота дореволюционного чувашского крестьянства, грязь и недоедание были причинами распространения среди них многих заразных болезней, видное место среди которых занимала трахома — инфекционное и одновременно социально-бытовое заболевание, получившее в Поволжье название «чувашской болезни». Даже по данным официальных обследований конца XIX — начала XX в. трахомой болело свыше половины всех чувашских крестьян. К концу XIX в. на каждые 1000 чувашей приходилось 15 слепых. Уже в первой пятилетке было начато массовое лечение трахомы, и в настоящее время она полностью исчезла из чувашских деревень. Этому способствовало широкое внедрение гигиенических навыков в быт населения, а также неизмеримо лучшее медицинское обслуживание его. Так, число врачей, приходящихся на 1000 человек возросло с 1913 по 1959 г. в 21 раз.

* * *

В дореволюционной Чувашии, как и во всей России, блага культуры были недоступны народу. В чувашских селениях вместо школ и больниц строили церкви и монастыри. Распространение просвещения и

Рис. 3. Космонавт А. Г. Николаев с матерью

развитие самобытной культуры в официальных кругах считалось вредным делом, способствующим, якобы, развитию сепаратизма чувашей.

Октябрьская революция открыла перед чувашским народом безграничные возможности для расцвета духовных сил и национальной культуры. За годы советской власти в Чувашии произошла подлинная культурная революция. В царское время на территории Чувашии было всего 463 начальных школы, в 1961 г. в Чувашской АССР насчитывалась 861 общеобразовательная школа и 20 средних специальных учебных заведений. Чувашия является республикой сплошной грамотности. В 1961 г. в республике работало два стационарных высших учебных заведения и три филиала институтов Москвы и Казани. По уровню подготовки специалистов с высшим образованием Чувашская АССР оставила позади многие развитые капиталистические страны. Из среды

чувашских трудящихся выросли тысячи специалистов с высшим образованием: учителя, врачи, агрономы, зоотехники, инженеры, ученые и др.

Несмотря на противодействие царских властей развитию чувашской национальной культуры, чуваши берегли и развивали ее. Это особенно заметно в области музыкального фольклора, подтверждением чему служит наличие среди чувашей незаурядных певцов и музыкантов. «Чуваши наиболее любящий музыку народ... Из чуваш мне не доводилось еще встретить ни одного человека, который не пел бы своих родных песен», писал исследователь музыки народов Поволжья В. Мошков¹⁵. Чувашские песни отличаются яркой выразительностью и напевностью, богаты образными сравнениями. Наиболее распространенными музыкальными инструментами у чувашей были гусли, скрипка, гармоника, волынка-пузырь, дудка типа флейты и др.

Чувашская песня послеоктябрьского периода, обогащенная новыми структурно-композиционными приемами, элементами многоголосья, ярко отражает коренные изменения, произшедшие в жизни народа. Новый быт породил новые песни. Развитие музыкальной культуры приобрело небывалый размах: в настоящее время в республике насчитывается более 600 хоровых, свыше 70 музыкальных и 300 танцевальных самодеятельных коллективов; в Чебоксарах создан Чувашский народный хор. Значительные достижения имеются и в области профессионального музыкального искусства.

В дореволюционную эпоху народные таланты гибли, не успев проявить свои способности; лишь одиночкам чувашам удавалось пробиться к свету, к знаниям, но и их судьба складывалась трагически. В нищете умер Петр Егоров, «новокрещен из чуваш», талантливый архитектор XVIII в., соавтор и строитель ограды петербургского Летнего сада, Мраморного дворца и других сооружений. В монастырском заточении скончался крупнейший китаевед XIX в. Никита Бичурин (Иакинф) — друг декабристов и А. С. Пушкина. Совсем молодым умер от туберкулеза талантливый математик Никифор Охотников, подготовленный к поступлению в университет В. И. Лениным. И только Октябрьская революция, претворение в жизнь мудрой ленинской национальной политики, бескорыстная помощь Советской Чувашии со стороны других народов нашей страны и прежде всего со стороны великого русского народа позволили чувашскому народу занять достойное место среди всех братских народов СССР. Профессор М. Я. Сироткин¹⁶, отвечая американскому ученому Джону Крюгеру, клевещущему в своей книге на историю и особенно на современную жизнь чувашского народа, якобы все еще находящегося в темноте и невежестве, пишет, что Чувашия в настоящее время является одним из наиболее развитых районов СССР, что в «сельских библиотеках, клубах и читальных залах книг на душу населения имеется в три раза больше, чем в США», что «Чувашия дала стране около 500 кандидатов и докторов наук». Именно это экономическое и культурное развитие Чувашии за годы Советской власти и создало условия, в которых вырастают такие герои, как один из героев-космонавтов Андриян Николаев.

¹⁵ В. А. Мошков, Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края, Казань, 1897, стр. 31.

¹⁶ М. Сироткин, Не клевещите, мистер Крюгер, газ. «Советская Россия», 6 ноября 1962; см.: J. Krueger, A Manual of Tshuvash Language, New York, 1961.

Л. А. ФАЙНБЕРГ

НАСЕЛЕНИЕ ТРИНИДАДА И ТОБАГО

31 августа 1962 г. бывшие английские владения Тринидад и Тобаго были провозглашены независимыми. Это явилось еще одним шагом по пути крушения колониальной системы империализма, распад которой представляет собой одну из характерных черт нашей эпохи. Не прошло и месяца с тех пор, как обрела независимость другая бывшая английская колония в Карибском море — Ямайка, а на карте этого района появилось еще одно независимое государство.

Тринидад и Тобаго расположены между 10—12° северной широты и 60—62° западной долготы. Относясь к группе Малых Антильских островов, они находятся на юго-западной оконечности этого архипелага. Тринидад и Тобаго принадлежат к материку Южной Америки и некогда составляли с ним одно целое. В настоящее время только узкие проливы Бокас дель Драгон и Бока де ла Сьерпе отделяют Тринидад от северо-западного побережья Венесуэлы.

Площадь Тринидада 4828 км², Тобаго — 300 км². Северная часть Тринидада гористая, вершины гор достигают высоты 900—1000 м, на юге тянутся две гряды невысоких холмов, высотой не более 300 м. Западное и часть восточного побережья низменные и болотистые. Значительная часть острова покрыта влажными тропическими лесами. Для болотистых мест характерны мангровые леса. В прошлом леса покрывали почти весь остров; теперь они частично вырублены, на их месте разбиты плантации сахарного тростника, какао и других культур.

Климат Тринидада теплый и влажный. Особенно много осадков на востоке острова (до 3570 мм). Даже в более сухой период года там почти ежедневно бывают короткие, но сильные ливни. На западе Тринидада осадков меньше (1250—1500 мм), но и там во влажный период года, длящийся с июня по декабрь, около 20 дней в месяц идет дождь. В сухой период года дожди бывают до десяти дней в месяц. Средняя температура года +20°С. Она мало меняется по месяцам. Разница между средними температурами самого теплого и самого холодного месяца не превышает 2° С.

Тобаго гористый остров, покрытый густыми лесами. Расчищенные от леса обработанные земли расположены на побережье. Климат Тобаго сходен с климатом Тринидада.

Население Тринидада и Тобаго, по переписи 1960 г., составляет 827 957 чел., в том числе на Тобаго — 33 333 чел.¹. В главном городе — Порт-о-Ф-Спейн — 93 954 жителя. Около 50% населения Тринидада и Тобаго — негры. Примерно 10—14% — мулаты. Около 35% населения составляют выходцы из Индии — индийцы. «Белых» по разным данным от 2,7 до 4,7% населения. Среди них есть люди английского, французского, испанского, португальского происхождения и североамериканцы. На островах имеется также незначительное число китайцев и сирийцев (около 1%). Большая часть населения, особенно городского,

¹ «Statistical Yearbook 1961», United Nations, 1961, стр. 281.

говорит на местном диалекте английского языка. В некоторых деревнях на севере Тринидада негры в быту говорят на диалекте французского языка «креоль». Кое-где говорят на испанском языке. Многие выходцы из Индии до сих пор продолжают пользоваться, особенно в быту, своими родными языками². В то же время значительная часть индийцев, и прежде всего молодежь, перешла на английский язык³.

Тринидад и Тобаго были открыты в 1498 г. во время третьей экспедиции Колумба. Оба острова стали колонией Испании, которая владела Тринидадом в течение почти трех веков. Индейцы-карибы и араваки, жившие на Тринидаде и Тобаго к открытию этих островов европейцами, были вскоре почти полностью истреблены испанскими колонизаторами или вымерли от занесенных последними заразных болезней. Остатки их смешались с «белыми» и неграми.

Негров-рабов испанцы ввозили на Тринидад и Тобаго в сравнительно меньших количествах, чем на другие острова Вест-Индии. В 1783 г. на островах жило менее трех тыс. человек⁴. После 1783 г. на Тринидаде поселилось много французов (бежавших от буржуазной революции и с о. Гаити). Они занялись разведением сахарного тростника. Французские колонисты привезли с собой несколько тысяч негров-рабов⁵.

В 1797 г., во время войны между Англией и Испанией, Тринидад был захвачен английской экспедицией и по Амьенскому мирному договору в 1802 г. был передан Англии.

Остров Тобаго в 1632 г. был захвачен Данией, которая удерживала его до 1662 г. В конце XVII — начале XVIII в. Тобаго некоторое время был колонией Курляндского герцога Якова⁶. Затем остров неоднократно переходил от Англии к Франции. Лишь в 1814 г. Англии удалось окончательно закрепить за собой этот остров, который отошел к ней по Венскому договору. В 1888 г. Тобаго был объединен с Тринидадом в одну колонию. До этого он входил в колонию Британские Наветренные острова.

В экономике Тринидада и Тобаго основное значение имеют добывающая промышленность и сельское хозяйство.

На Тринидаде имеются богатые месторождения нефти. На юго-западе острова находится знаменитое асфальтовое озеро в Ла-Бреа — одна из величайших в мире залежей природного асфальта. Его площадь около 114 акров⁷. Имеются также месторождения каменного угля, железной руды, гипса, но они не разрабатываются.

Нефтяные скважины и предприятия по переработке нефти находятся на юге Тринидада. Добычей нефти занимается филиал известной нефтяной монополии Шелл — «Шелл Тринидад Рифайнери». В год добывается до 5 млн. т нефти. Асфальта было добыто в 1958 г. 144 532 т.

Нефтеперегонные заводы острова перерабатывают не только тринидадскую, но и привозимую сюда венесуэльскую нефть. Их мощность 7 млн. т в год⁸. Только 4% нефти потребляется на месте, 96% экспортится.

Кроме нефтяной, на Тринидаде имеется цементная промышленность (сосредоточена в руках североамериканцев), пищевая промышленность — сахарные заводы, заводы по производству рома, пивоваренные заводы, а также текстильные фабрики, стекольные и фармацевтические заводы.

² M. Herskovits and F. Herskovits, *Trinidad village*, New York, 1947, стр. 19.

³ M. Klass, *East Indians in Trinidad*, New York, 1961, стр. XXIII; «The Statesman Yearbook 1962», London 1962, стр. 235.

⁴ M. Herskovits and F. Herskovits, Указ. раб., стр. 17.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане, М., 1948, стр. 177—178.

⁷ «The British Commonwealth Yearbook 1961», London, 1961, стр. 373.

⁸ «The Commonwealth Yearbook 1959», London, 1959, стр. 883.

Тринидад является одним из относительно развитых в промышленном отношении государств Вест-Индии. Экспорт нефти в 1957 г. составил более 85% стоимости всего экспорта Тринидада и Тобаго⁹.

Важнейшими сельскохозяйственными культурами Тринидада и Тобаго являются сахарный тростник, какао, апельсины, бананы, кофе, кокосовая пальма. В небольших размерах население занимается скотоводством, главным образом разведением свиней, и птицеводством. Крестьяне-индийцы выращивают рис для собственного потребления¹⁰.

Сельское хозяйство, за исключением живогноводства и рисоводства, ориентировано на экспорт и не обеспечивает население продовольствием в достаточном количестве. Поэтому Тринидад импортирует молочные продукты, мясо, рис, рыбу. Это яркое проявление однобокого развития хозяйства Тринидада под влиянием колонизаторов. В течение всей колониальной истории Тринидада и Тобаго на этих островах развивались лишь те отрасли промышленности и сельского хозяйства, в которых была заинтересована метрополия. Недаром эти острова не могут прокормить свое небольшое по численности население и вынуждены ввозить как продовольствие, так и промышленные товары.

Что касается географического размещения сельскохозяйственных культур, то сахарный тростник преимущественно выращивают в западной части Тринидада, где климатические условия больше подходят для этого. Плантации какао расположены в более влажной восточной и северо-восточной части острова, особенно в закрытых горных долинах. Тринидадское какао известно на мировом рынке своим исключительно высоким качеством. Кокосовую пальму культивируют на северном побережье Тринидада, на песчаных отмелях его восточного побережья, на юго-западе этого острова, а также в прибрежных районах о. Тобаго.

Для сельского хозяйства Тринидада и Тобаго, как и для его промышленности, характерно засилье крупных английских и американских капиталистических компаний и фирм, которым принадлежит около половины обрабатываемой земли. Так, две крупные английские фирмы по производству сахара — «Карони» (филиал компании «Тэйт энд Лайл») и «Сент Мадлен» — владеют каждая по 10 тыс. га земли, им принадлежит $\frac{2}{3}$ всей площади посевов сахарного тростника, а 80% мелких владельцев имеют плантации размером менее 5 га каждая и в общей сложности владеют менее чем 20% посевов. 30 тыс. крестьян совсем не имеют земли и работают батраками в крупных хозяйствах¹¹. Процесс обезземеливания крестьянства Тринидада продолжался все последние десятилетия (только с 1921 по 1946 г. разорилось около 17 тыс. крестьян).

В целом в сельском хозяйстве Тринидада и Тобаго занято в настоящее время менее 30% самодеятельного населения, т. е. меньше, чем на других островах Вест-Индии.

Около трети самодеятельного населения занято в промышленности, в первую очередь нефтеперерабатывающей и асфальтодобывающей. Рабочие острова объединены в Конгресс профсоюзов Тринидада. Самым мощным является профсоюз рабочих-нефтяников «Ойлуоркерз юнион», насчитывающий более 10 тыс. человек.

На Тринидаде и Тобаго существует или существовала до самого последнего времени определенная зависимость между расовой и национальной принадлежностью отдельных групп населения и их занятиями. Так, негры и темные мулаты являются главным образом промышленными и сельскохозяйственными рабочими¹². Прослойка буржуазии у этой части населения очень малочисленна и слаба. Малочисленна

⁹ «The commonwealth Yearbook 1959», стр. 881.

¹⁰ M. Klass, Указ. раб., стр. 249.

¹¹ «Зарубежные страны» М., 1957, стр. 888.

¹² M. Herskovits and F. Herskovits, Указ. раб., стр. 21.

также и интелигенция. Это связано с существованием расовой дискриминации, особенно на предприятиях, принадлежащих иностранным компаниям¹³. Так, на некоторых нефтеперерабатывающих заводах неграм и темным мулатам не только закрыт доступ к руководящим должностям, но и за равный труд они получают меньше, чем «белые». До последнего времени темных мулатов и негров не принимали на работу в банки и некоторые другие учреждения. Значительно лучше положение светлых мулатов. Среди них есть плантаторы, чиновники, лица свободных профессий.

Индийцы Тринидада — это потомки законтрактованных рабочих, ввозившихся на остров с 1845 по 1917 г. для работы на плантациях сахарного тростника¹⁴. После окончания срока договора часть индийцев возвратилась домой, но многие оседали на Тринидаде и становились мелкими земледельцами (часто они не имели собственной земли и арендовали ее у своих прежних хозяев — владельцев плантаций сахарного тростника).

В 1917 г. Индия запретила контрактацию рабочих для вест-индских плантаций, и приток индийцев на Тринидад прекратился. В настоящее время индийцы, как и прежде, работают на плантациях сахарного тростника. Часть индийцев образовала земледельческие общини. Среди индийцев, живущих в городах, довольно значителен процент мелких торговцев, транспортных рабочих, лиц свободных профессий. Индийцы Тринидада имеют свои профсоюзы и различные национальные организации политического и культурного характера.

«Белое» население — это потомки старых европейских колонистов, а также осевшие на Тринидаде бывшие колониальные чиновники, офицеры, дельцы и т. п. По своему социальному положению они в основном принадлежат к средней и крупной городской и сельской буржуазии, высшим служащим и т. п. Среди них, как и среди мулатов, наблюдается определенная социальная градация. Португальцы и испанцы занимают в этой иерархии самую низкую ступень, а англичане и североамериканцы самую высокую.

Значительная часть населения Тринидада и Тобаго неграмотна, так как даже начальное образование считается обязательным только в Порт-оф-Спейн и еще в одном-двух городках. Начальное образование бесплатное. На островах имеется свыше 500, преимущественно мелких, начальных школ. Большая часть из них частные, но получающие государственную субсидию. В 1958 г. на островах было 42 средних школы. Имеется несколько учительских колледжей, технический колледж и колледж тропического сельского хозяйства. Последний был открыт в 1922 г. недалеко от Порт-оф-Спейн и приобрел широкую известность как центр исследования методов ведения сельского хозяйства в тропиках. В 1959 г. начал работать политехнический институт¹⁵.

Национальная литература богата. Большой популярностью, в частности, пользуется трилогия писателя Ральфа де Буасьера («Жемчужина короны», «Ром» и «Кока-Кола»), рисующая жизнь Тринидада в последние десятилетия.

Наряду с письменной литературой на Тринидаде и Тобаго продолжает существовать богатый фольклор — в значительной мере культурное наследие негров-рабов и индийских плантационных рабочих.

По своей религиозной принадлежности население делится следующим образом: 35% — католики, 25% — англикане, 23% — индуисты, 12% — протестанты (пресвитериане, методисты, баптисты и др.), 5% мусульмане.

¹³ В дальнейшем частично использованы материалы главы А. Д. Дридзо «Население Вест-Индии», в кн. «Народы Америки», II, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1959.

¹⁴ M. Class, Указ. раб., стр. 9.

¹⁵ «The British Commonwealth Yearbook 1961», London, 1961, стр. 375.

* * *

Население Тринидада и Тобаго длительное время боролось за свою независимость. Этой борьбой руководила партия Народное национальное движение, близкая по типу к английской лейбористской партии. Лидер этой партии — Эрик Уильямс, известный историк, автор многих работ по истории Вест-Индии, а также переведенной на русский язык книги «Капитализм и рабство». В 1958 г. Англия, стремясь ослабить национально-освободительное движение, создала так называемую Вест-Индскую федерацию в составе Ямайки, Тринидада и Тобаго, Барбадоса, Наветренных и Подветренных островов. Однако национально-освободительное движение продолжало усиливаться.

В декабре 1961 г. на выборах в Законодательный совет Тринидада одержала победу партия Народное национальное движение. Месяц спустя ее Генеральный совет заявил, что партия любыми средствами будет добиваться независимости Тринидада и Тобаго вне рамок Вест-Индской федерации. В июле 1962 г. английское правительство было вынуждено заявить о признании независимости Тринидада и Тобаго с 31 августа 1962 г.

С О О Б Щ Е Н И Я

Н. И. ВОРОБЬЕВ, Г. М. ХИСАМУТИНОВ, Г. В. ЮСУПОВ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БАШКИРИИ

Татары Среднего Поволжья — казанские и мишари — расселились на значительной территории востока Европейской части СССР. В частности, много татар живет еще со второй половины XVI в. на западе современной Башкирской АССР. Переселившись сюда в XVI—XVIII вв., они давно обжились, вступили в тесные взаимоотношения с коренным населением — башкирами и представителями других народов, также в разное время попавшими в Приуралье (мари, удмуртами, мордвой, чuvашами), создав несколько отличный этнический тип татар Приуралья. В историко-бытовом отношении эти татары изучены весьма слабо, тогда как данные о них крайне необходимы. В связи с этим группа этнографов Казанского филиала Академии наук СССР в 1959 г. была направлена для сбора материалов в Приуралье¹.

Связь предков башкир, живших в западных районах современной Башкирской АССР, с тюркоязычным населением Среднего Поволжья началась еще со времен Волжско-Камской Булгарии, под культурным и, возможно, политическим воздействием которой находилась эта территория. Об этом говорят существовавшие еще в XVIII в. около г. Мензелинска остатки башкирских племен с явно булгарами наименованиями — Булёр и Бэйлер², а также находки намогильных камней булгарских феодалов³. Эти связи были значительно нарушены в годы монгольского владычества, но затем снова восстановлены в период существования Казанского ханства, когда отдельные казанские феодалы с подчиненными им людьми селились среди башкир⁴. Таким образом, в XV — первой половине XVI в. коренное население западной Башкирии стало снова соприкасаться с тюрками Среднего Поволжья — казанскими татарами. Однако возможно, что некоторая часть ныне обитающих в районах западной Башкирии татар является потомками живших здесь булгар, которые позднее, как и булгари Поволжья, получили наименование татар⁵.

Массовое появление поволжских татар на этих землях относится к концу XVI и к XVII в. Казанские татары, как и переселенцы из других народов Поволжья, селились среди башкир, на их родовых землях, которые не могли тогда отчуждаться, а только с разрешения рода передавались как бы в длительную аренду на основе принципа приписки. Ввиду этого переселенцы превратились в припущенников, или тептярей, что по существу сделало их полукрепостными башкирских старшин. Только позднее, уже в первой половине XVIII в. (1736 г.), после фактического присоединения к Русскому государству башкирских земель, тептяри превратились по положению в государственных крестьян.

На башкирские земли переселялось немало татарских феодалов, сумевших и на новых местах сохранить свое господствующее положение.

Начиная с XVII в. царское правительство стало перебрасывать вооруженные отряды служилых татар-мишарей, или мещериков (как их называют документы того

¹ Исследования проводились в северо-западных районах Башкирии: Кушнаренковском, Чекмагушском, Илишевском, по левобережью нижнего течения р. Белой, между нею и р. Сюнь, в западной части Карапельского, Балтачевском, Бураевском, по ее правобережью, к западу от р. Уфа, в бассейне р. Быстрый Танып. Было посещено 16 населенных пунктов.

² Р. Кузев, Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957, ч. 1, стр. 57.

³ Г. В. Юсупов, Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, М.—Л., 1960, стр. 111—129.

⁴ Основные данные излагаем по кн. «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, Уфа, 1956, а также по преданиям, собранным среди населения.

⁵ Г. В. Юсупов, Указ. раб., стр. 131.

времени), вместе с их мурзами с правобережья Волги на башкирские земли, преимущественно западные. Им давали здесь в виде вотчин и поместий земли, отнятые у башкир, за что они несли охрану интересов царского правительства, в частности подавляя протесты башкир. В Башкирии эта группа татар известна под названием тёмян (томон), т. е. темниковские; потомки их до сих пор сохранили предания об этом переселении, указывая время его по числу поколений, живущих в Башкирии⁶. Тёмян отличаются от остальных мишарей своим более высоким ростом, светлыми волосами и глазами, а также особенностями говора. В недалеком прошлом тёмян неохотно родились с другими группами татар и с башкирами. Они жили несколько изолированно, тем более, что до Октябрьской революции они отличались от других татар Башкирии своим социальным положением. Они в массе не были крестьянами-общинниками, а владели землей на основе поместного права, подобно так называемым однодворцам.

Судя по преданиям, с конца XVII в. на башкирские земли стали переселяться татары-мишари, жившие до этого на правом же берегу Волги в пределах Симбирского и Алатырского уездов; население это и до настоящего времени называет себя симбирскими или алатырскими татарами. Эта часть татар до присоединения Среднего Поволжья к России жила западнее, за р. Сурой, а после построения Карлинской и Симбирской укрепленных линий они переселились ближе к Волге, частично переведенные туда царским правительством в качестве служилых людей, а в большинстве самостоятельно, под влиянием некоторой земельной тесноты в прежних местах обитания в связи со все усилившейся русской помещичьей колонизацией. Во второй половине XVII в. эти татары привлекались к строительству Закамской черты (укрепленной линии). После ее постройки многие получили земли в западном Закамье современной Татарской АССР и южнее, в пределах заволжской части Ульяновской и Куйбышевской областей, а частью продвинулись и дальше к востоку на территорию западной Башкирии. Туда же стали переселяться и татары с правобережья Волги, ибо помещичья колонизация стала распространяться и на Симбирский и Алатырский уезды. Переселившиеся в этот период мишари и казанские татары селились как ясачные на свободных землях или приселялись в башкирские и тептярские поселки на положении так называемых бобылей, живущих у отдельных владельцев земель по договоренности с ними. Обычно они не имели своего хозяйства, а лишь помогали владельцу земли. Позднее значительная часть их обзавелась собственным хозяйством, получила землю и превратилась в обычных государственных крестьян, а часть окончательно слилась со своими хозяевами башкирами и тептярями.

На основании данных начала XVIII в. В. Н. Витевский писал, что население Башкирии, кроме самих башкир, состояло из «мештеряков, т. е. первоначальных всельников инородческого происхождения, тептярей и бобылей, или из позднейших пришельцев в Башкирию, которые составляли как бы род крепостных по отношению к башкирам; что касается мештеряков, то некоторые из них владели землею на правах полной собственности, большая же часть арендовала землю у природных башкир»⁷.

Процесс переселения в Башкирию татар обеих групп, а также других народов Среднего Поволжья (кроме поселения служилых татар, которое в XVIII в. прекратилось) продолжался почти до середины XIX в., когда окончательно сложился современный этнический состав населения западной Башкирии.

Одновременно (особенно интенсивно с XVIII в.) проводилась колонизация западной Башкирии русскими крестьянами, которых переводили сюда помещики, а также беглыми из центральных областей страны. Русские беглецы частично приселялись к поселкам башкир и других народов, в большинстве же селились на монастырских землях, а иногда и на свободных.

Вследствие указанных особенностей колонизации население западной Башкирии оказалось сильно смешанным. Только изредка встречаются участки, национальный состав которых однороден, а по большей части разные народы живут чересполосно, нередко даже в одних и тех же поселках. То же относится и к татарам: тептяри, тёмян, симбирские мишари часто живут в одних поселках, нередко с башкирами и реже с русскими.

Подобное расселение и совместная длительная жизнь привели к сближению между собой всех групп татар, мари, удмурты, мордва и чуваш с сильно оттарились, особенно по языку. В свою очередь многие татары, особенно тептяри и бобыли, также сблизились в бытовом отношении с башкирами, однако в большинстве сохранили свой язык и даже привили его коренным башкирам данной территории. Несмотря на такое сближение отдельные народы, в том числе и татары, продолжают сохранять свои говоры и некоторые бытовые черты, присущие им до переселения в Башкирию. Сохранению этих старинных особенностей способствовало отчасти и то, что царская администрация все время старалась противопоставлять одни народы другим, например, татар-переселенцев (тептярей и бобылей) башкирам.

⁶ Необходимо отметить, что татары правобережья Волги себя никогда не называют мишарями, а татарами с обозначением по месту их поселения: темниковские, симбирские, сергачские и т. д.

⁷ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1889, стр. 421.

Отдельные группы татар все же расселились в определенных местах Башкирии. Татары-тептяри живут отдельными поселками в самой северо-западной части башкирских земель — в бывшем Мензелинском уезде Уфимской губернии, отошедшем позднее к Татарской АССР, а также в нижнем течении р. Белой: в Бураевском, Татышлинском, Янаульском, Балталинском и южной части Николо-Березовского района правобережья и в Кушнаренковском, Чекмагушском, Бакалинском и Илишевском районах левобережья. При этом на левобережье тептяри живут чаще в смешанных поселках с башкирами и различными группами мишарей, численность их к юго-востоку постепенно падает.

Из второй группы татар западной Башкирии — мишиари-тёман расселились преимущественно на левобережье р. Белой, причем большинство их находится южнее обследованных районов и лишь частично в Кушнаренковском и Чекмагушском. Севернее они встречаются лишь отдельными семьями. Тёман обследованных районов большей частью живут в смешанных поселениях с башкирами и другими мишарями. Только некоторые небольшие поселки, бывшие ранее вотчинами тёманских мурз, они заселяют целиком.

Симбирские, или аллатырские, мишари заселяют преимущественно восточную часть правобережья р. Белой в бассейне р. Быстрый Танып, а также и по левобережью впремежку с тептярями, башкирами, тёман. Это наиболее крупная на обследованном участке группа мишарей. Они пользуются различными говорами западного (мишарского) диалекта татарского языка.

Кроме того, в левобережных районах имеется еще одна разновидность мишарей, которые сами себя называют мишарями в отличие от тёман и симбирских, которые этого названия не признают. При этом, если тёман и симбирские мишари знают откуда и приблизительно когда их предки переселились в Башкирию, а нередко в недалеком прошлом сохраняли с населением прежних мест обитания даже родственные связи, то рассматриваемые мишари определенно считают, что они местные и ниоткуда не переселялись. Пользуются эти мишари тем же говором, что и тептяри, мало отличаются ныне от них по быту, хотя имеют, видимо, больше финноугорских примесей. Сказать что-либо определенное о происхождении этих «местных мишарей» в настоящее время трудно. Необходимо провести детальное изучение их, но есть предположение, что они образовались из каких-то местных финноугорских элементов, усвоивших тюркский (татарский) язык и религию (ислам).⁸

Среди башкир и татар в обследованных районах, особенно в правобережье р. Белой, живет довольно много марийцев, которые в той или иной степени сблизились с башкирами и особенно с татарами; их относят к особой группе так называемых восточных марий. Они живут не только в Башкирии, но и в северо-восточных районах Татарии, в бывших Елабужском и Мензелинском уездах, но большинство их — все же в Башкирии. Эта часть марийцев, хотя и сохранила свой язык, но поголовно говорит и по-татарски. В их быту имеется много тюркских черт.

В северо-западных районах Башкирии имеется довольно много удмуртов, а в западных и юго-западных — чuvашей и мордвы. В обследованных нами районах они встречаются отдельными семьями или небольшими группами.

Русские в большом числе живут во всех районах северо-западной Башкирии, но большинство их сосредоточено вблизи городов Уфы и Бирска.

* * *

Из материалов, относящихся ко времени обитания в обследованных районах булгар, а позднее разных групп татар, обнаружен ряд намогильных камней⁹; существует также довольно много преданий о переселении татар в Башкирию и их жизни там.

Неподалеку от д. Талбазы Кушнаренковского района зафиксирован некрополь начала — середины XIX в., принадлежавший семье местного феодала, называвшийся Гарей-кантон-зияраты. Некрополь состоит из ряда очень тонко выполненных надгробных памятников, к сожалению, ныне разбитых. Удалось собрать из обломков полностью четыре камня, прочесть их и сфотографировать. Весь некрополь был обнесен стеной из плитняка, которая сейчас почти полностью разобрана.

Неподалеку от той же деревни при разработке торфяника был обнаружен клад золотоордынских серебряных монет XIV в. Клад разошелся по рукам, удалось собрать только 40 монет, хорошо сохранившихся и относительно легко читаемых. Большинство монет чеканено в Сарае, Новом Сарае, Гулистане и других местах. На них читаются имена Узбека, Бердикека, Хазра, Халила и других ханов.

⁸ Г. В. Юсупов, Указ. раб., стр. 136—138.

⁹ В д. Старое Калмашево Чекмагушского района изучен небольшой намогильный камень (85×48×15 см) XIV в., находящийся в школьном музее. Камень был найден в 1958 г. На лицевой поверхности камня — достаточно хорошо сохранившаяся врезанная арабская надпись (из 7 строк), довольно легко читаемая. На той же поверхности вырезано большое количество тамг, врезанных менее глубоко, чем основной текст, и, вероятно, более позднего происхождения.

Значительный интерес представляют собранные в обследованных районах материалы о проведении татарами древнего народного праздника джиен, что дает дополнительную возможность установить связь этого населения с местами прежнего обитания. В коренных местах формирования казанских татар, особенно в Предкамье ТАССР или Заказанье, 10—15 преимущественно соседних деревень объединялись как бы в округ для совместного проведения праздника джиен, какого-то отголоска древних родовых отношений. Подобный джиенский округ имел то или иное название, часто по наиболее древнему селению, иногда в настоящее время уже и не существующему. Таким образом, все татарские села данной территории были распределены по отдельным джиенным округам, имевшим каждый свое наименование. Ежегодно, начиная с конца мая или начала июня и до сенокоса, 4—6 таких округов в строго определенной, традиционно сложившейся последовательности проводили продолжавшееся неделю празднование джиена. Когда один из округов проводил свой праздник, сюда приезжали в гости родственники и близкие знакомые из соседних округов того же цикла, причем жители этой группы взаимно связанных округов считали себя более близкими между собой. Эти группы округов составляли как бы еще более крупную конфедерацию джиенных округов, население которой обычно не посещало джиенов других конфедераций. Татары-мишари Поволжья джиена не праздновали, и у них не было подобных округов.

В обследованных районах Башкирии зарегистрировано около 20 джиенных округов (16 на левобережье р. Белой, 4 — на правобережье), в которые входили в основном деревни тептярей — потомков казанских татар. Там, где главная масса населения состояла из татар-мишарей, джиенных округов не было, но в том случае, если мишари, особенно тёмян, жили совместно с тептярями, они также входили в джиенные округа и проводили праздник вместе с тептярями. Это, возможно, объясняется более ранним поселением в Приуралье именно мишарей-тёмян, их сравнительно небольшим числом и более тесным соприкосновением с тептярями, часто в одних поселениях. Интересно, что тёмян, принимавшие участие в праздновании джиена, обычно входили в те округа группы, которые праздновали джиен последними для данной группы. Даже при совместной жизни в одной деревне тептяри и тёмян иногда входили в разные джиенные округа группы. Так, в деревне Бакаево Кушнаренковского района тептяри, живущие в южной стороне деревни, входили в джиенный округ «Бэрдэсле», по счету второй а тёмян, из северного конца деревни — в Новокалмашский округ «Янаджин» (т. е. новый джиен), праздновавшийся последним в данной группе.

Однако джиенные округа и у тептярей не имели такой четкой структуры, как в Заказанье, и самое празднование проводилось несколько по-иному. Если джине Заказанье праздновались по несколько дней, до недели, то здесь они в основном были одно-двухдневными и по самому ритуалу более тесно сближались с другим татарским народным праздником сабантуй, с его спортивными состязаниями, базарами, ярмарками. Даже самое проведение джиенов часто происходило в базарный день данной местности в большом селе. По этому признаку джине Приуралья больше были похожи на упрощенные джиены казанских татар северо-восточной части Татарии. Джине тептярей, как и казанских татар, с начала XX в. потеряли свое былое значение, а в советское время совершенно исчезли, слившись с празднованием сабантуя.

* * *

В хозяйственном и бытовом отношении все группы татар обследованных районов, а также живущих здесь башкир, весьма близки. Здесь сложился особый приуральско-татарский хозяйствственно-культурный комплекс, внутри которого отдельные группы имеют свои особенности.

По основному занятию все сельское татарское и башкирское население, особенно левобережье р. Белой, исстари — земледельцы. Животноводство у них давно имеет лишь подсобный характер. О табунном животноводстве с кочевками даже у башкир почти не сохранилось преданий. Только крупные землевладельцы в XVIII и XIX вв. на пойменных лугах в низовьях р. Белой имели табуны лошадей, за которыми ухаживали специальные пастухи. На зиму лошадям заготавливали большие запасы сена. О зимних табуневках скота никто не помнит даже по рассказам стариков.

Уровень хозяйства издавна был тот же, что и в Среднем Поволжье — господствовало трехполье. Направление хозяйства в основном было зерновое с посевами главным образом ржи, овса, пшеницы, частично пшеницы, гречихи, гороха и проса. Картофель в заметных количествах стали выращивать только с конца XIX в. и то на приусадебных участках, где одновременно сажали и некоторые огородные культуры: лук, морковь, реже капусту, мало применявшуюся в национальной кухне.

На правобережье р. Белой до середины XIX в. кроме земледелия еще существовала лесная охота, а также бортничество, которое позднее превратилось в пчеловодство. Немалое значение здесь имели лесоразработки — заготовка строевого леса и дров, а также выжигание угля, гонка смолы и дегтя (этим занимались преимущественно марийцы).

При проведении коллективизации наблюдалось стремление создавать мелкие колхозы по признаку этнических групп населения. Так, в некоторых поселениях, а их здесь немало, где вместе живут башкиры, тёмян, тептяри и др. создавалось по че-

скольку маломощных колхозов. Каждая из этих групп населения стремилась создавать свои колхозы, подобно тому как раньше часто в одном поселении было по несколько общин. В настоящее время это стремление к некоторому хозяйственному и культурному обособлению изжито. Колхозы, особенно после укрупнения их, нередко имеют по несколько тысяч гектар пахотных земель, с соответственным количеством других угодий, свою сельскохозяйственную технику, свои подготовленные кадры и быстро поднимают уровень производства как в полеводстве, так и в животноводстве. Колхозы в массе стали гораздо богаче, что отразилось и на быте колхозников и на их культурном уровне.

Поселения татар, как и других народов обследованной территории, довольно различны по размерам — чаще не менее 100 и не более 700—800 дворов. Расположены они обычно близ водоемов, рек. Планировка деревень уличная, но весьма различная в зависимости от топографии местности и ряда других причин. Чаще всего улицы довольно широкие и прямые, пересекаются многочисленными узкими переулками, нередко соединяющими только две соседние улицы и не имеющими продолжения. Иногда переулки идут так часто, что разбивают улицу на ряд гнезд по 3—5 усадеб. Подобная планировка, по словам населения, вызвана преимущественно противопожарными соображениями.

На левобережье р. Белой, где большинство селений имеет смешанное население, наблюдается деление их на особые «концы» по их жителям — башкирский, тёмайский, тептярский и т. д. При этом, если топография места поселения сложная, отдельные концы расположены изолированно друг от друга и производят впечатление как бы отдельных поселков, позднее слившихся вместе. Если же топография простая, отдельные концы выделяются в виде улиц или их частей. В прошлом каждый конец нередко составлял отдельную общину со своими землями, администрацией и т. д. Особенно изолированно от других татар до последнего времени жили тёмай. При проведении коллективизации они создавали свои колхозы. В настоящее время в связи с укрупнением колхозов, а также значительным изменением быта прежней замкнутости концов не наблюдается.

Кварталы, как и улицы селений, в большинстве двухсторонние, ориентировки усадеб по странам горизонта не наблюдается. Усадьбы имеют различные размеры, но преимущественно довольно большие. Собственно двор обычно занимает немного места и большая площадь отводится под посадки картофеля и огородных культур. Небольшие садики с плодовыми деревьями и ягодными кустами чаще всего занимают часть двора, отделяя его от соседнего и создают зеленую зону между строениями каждого двора. Усадьбы, как правило, обрамлены к улице узкой стороной. Если рельеф пересеченный, усадьбы нередко задними свысокими сторонами выходят к оврагу, а другая улица расположена на следующем межевом участке. Благодаря этому усадьбы иногда имеют различную форму. Там, где имеются «концы», они чаще всего представляют расходящиеся в разные стороны отдельные улицы, так что и при наличии простого рельефа усадьбы обеих сторон выходят задними границами в поле.

Жилые дома в деревнях разных групп татар северо-западных районов Башкирии весьма близки по своим типам и различаются только в зависимости от времени их постройки. Все дома можно разбить на три основные группы: деревоэвакционные, доколхозные и современные. Дома, построенные в последние годы, приспособлены к новым потребностям колхозного крестьянства. В старых домах как построенных до, так и после Октябрьской революции, но до проведения коллективизации, резко выражается имущественное положение и классовая принадлежность их владельцев. Среди них, особенно деревоэвакционных, встречаются большие, иногда даже двухэтажные дома деревенских богатеев и маленькие, плохонькие лачужки бедноты.

Постановка жилых домов по отношению к линии улицы весьма разнообразна. Большинство тептярей и местных мишарей ставят свои дома несколько отступая в глубь усадьбы, устраивая перед домом садик (хотя и не всегда). У мишарей, переселившихся с правого берега Волги, особенно у тёмай, дома чаще ставятся по красной линии улицы, иногда с устройством небольшого, выступающего на улицу палисадника. Это относится к домам всех периодов постройки.

К улице дома чаще всего ставятся боковой стороной, реже торцом, причем до некоторой степени соблюдается ориентировка по странам горизонта. Дома стремятся ставить окнами к югу.

Основным типом дома до проведения коллективизации был четырехстенок с сениями того или иного вида. При этом богатые тептяри довольно часто ставили два сруба один против другого, соединяя их холодными сениями, как это делали казанские татары. Богатые мишари, особенно тёмай, нередко ставили пятистенки, хотя часто без двери во внутренней стене. При этом обе половины пятистенка имели выход в сени. Богатые торгоэцы-мишари иногда строили двухэтажные дома с каменным низом, где находились лавка и склад товаров. У тептярей-богачей такие дома почти не встречались. В настоящее время, хотя новые дома тоже часто ставят четырехстенные, но очень широкое распространение у всех групп татар получили обычные пятистенки. При этом нередко наблюдается устройство пятистенок с неравными половинами, что удобнее для многокомнатной планировки.

Окна в старых четырехстенках прорубались в торцовой и одной из боковых стен, в количестве 3—5, в зависимости от размеров дома, довольно часто устраивалось

седни того или иного вида изгородью, нередко плетнем, а задние части усадеб обычно только межой.

Хозяйственные постройки колхозов в большинстве случаев ставятся на окраине поселка, иногда на некотором расстоянии от него, в противопожарных целях. Только центральные усадьбы колхозов, где расположено правление, обычно бывают в самом поселке, кое-где занимая старый кулацкий дом, большей же частью специально выстроенное здание. Хозяйственные постройки, как правило, стандартного типа.

Общественные постройки: помещения сельсоветов, медицинские учреждения, школы, клубы — занимают преимущественно новые и в большинстве благоустроенные помещения, особенно школы и клубы. Как хозяйствственные, так и общественные постройки с каждым годом становятся лучше, причем огромное значение имеют экономическое состояние артели и инициатива самой общественности.

Все группы татар исследованных районов в настоящее время носят городскую одежду, кроме глубоких стариков, в одежде которых наблюдаются еще некоторые старинные элементы. Так, пожилые женщины одеваются в широкие платья «кульмэк» на кокетке, но уже без оборок. Пожилые мужчины продолжают в качестве верхней одежды употреблять чекмени, подпоясанные кушаком, которые в прошлом татары Приуралья носили вместо казакинов. Продолжают еще сохраняться некоторые особенности в отдельных деталях одежды, являющиеся пережитками старинных навыков и вкусов различных групп татар. Например, фартуки молодые женщины различных групп шьют из тканей разной расцветки. Тептярки носят преимущественно черные сатиновые фартуки, мишарки же, особенно тёмян, предпочитают яркие тона — красные, желтые, зеленые, лиловые и т. п. так же, как и яркие головные платки. Вообще у мишарок наблюдается большая склонность к ярким одеждам, нередко с преобладанием красного цвета. Можно встретить молодую мишарку в красном платье, с зеленым фартуком и в желтом головном платке. Мишари правобережья Волги в прошлом также одевались весьма ярко.

Вообще костюм в деревнях обследованных районов изменился в сторону городского, пожалуй, больше, чем во многих местностях Поволжья, вследствие значительного улучшения связи с Уфой и Бирском (имеется много линий автобусов), где большая часть колхозников бывает часто и приобретает там вещи.

Питание приуральских татар сохраняет много традиционных черт, но в него вошел ряд покупных продуктов, как, например, различные изделия из муки, соленая рыба, сахар, конфеты, многочисленные кондитерские изделия и т. п. Овоши больше употребляют тёмян, имеющие, как и на своей старой родине, хорошо поставленное огородничество, в частности выращивание капусты, и меньше тептяри, предпочитающие мучные блюда. Только картофель прочно вошел в быт всех групп. Кушанья в общем те же, что и у татар Среднего Поволжья, но имеются и кое-какие особенности. Так, в некоторых хозяйствах изготавливают твердый башкирский сыр (корот), но не из овчего, а из коровьего молока, путем соответствующей переработки катыка. Корот, как легко хранимый продукт, заготавливают на зиму, используя его для приправы жидких блюд.

Заканчивая настоящую статью, необходимо отметить, с одной стороны, большую связь татар Приуралья с татарами Поволжья, откуда они переселились, с другой, — многое оригинальное, что появилось у них в результате многовекового общения с коренным населением этого края — башкирами и с другими народами. За годы советской власти, особенно после проведения коллективизации, в быту всех народов обследованной территории произошли огромные изменения — значительный подъем культурного уровня, внедрение многих общесоветских бытовых форм, тесно переплетающихся с национальными, усиление дружбы всех этих народов на базе новых социальных отношений и совместного строительства коммунизма.

И. М. ЗОЛОТАРЕВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИГНАСАН

(Предварительное сообщение)

В начале 1961 г. автором предлагаемого сообщения были получены первые¹ антропометрические и серологические материалы по самой северной этнической группе Старого Света, занимающей внутренние пространства полуострова Таймыр, — иганасанам.

До сих пор наука не располагала почти никакими антропологическими материалами, которые позволили бы составить достаточно документированное представление об антропологическом типе этой народности. В распоряжении антрополога, пыгавшегося выяснить место антропологического типа иганасан среди уже известных антропологических типов Северной Сибири, были описания их физического облика, сделанные не специалистами-антропологами (хотя, иногда и очень подробные, например, у Б. О. Долгих)², и характеристика пяти иганасанских черепов. На основании этой небольшой информации разными исследователями были сделаны выводы об особенностях антропологического типа иганасан. Так, Г. Ф. Дебец в работе, посвященной изучению некоторых этнических групп северной части Обь — Енисейского междуречья, сопоставляя описания разных авторов, пришел к выводу о меньшей монголоидности иганасан по сравнению с окружающими их тунгусами. Было сделано предположение о близком родстве антропологических типов ненцев, энцев и иганасан, в состав которых вошел «древний западный пласт», обнаруживающий тяготение к Восточной Европе³.

М. Г. Левин, рассматривая взаимоотношения антропологических типов Западной Сибири и имея в виду описание физического типа иганасан, высказал предположение о распространении среди иганасан енисейского антропологического типа, в наиболее отчетливой форме представленного у кетов⁴. Этот тип отличается от выраженно монголоидного комплекса прежде всего более сильным выступлением носа и относительно часто встречающимися выпуклыми спинками носа при преобладании прямых форм, меньшей частотой эпикантуса. Анализируя генезис енисейского антропологического типа, М. Г. Левин рассматривает его как результат древнего смешения европеоидных и монголоидных компонентов. Сближение антропологических типов иганасан и кетов предполагает тем самым наличие в антропологическом типе иганасан ощутимой доли европеоидной примеси. В своей более поздней работе М. Г. Левин на карте распространения основных антропологических типов Сибири, включил территорию расселения иганасан в контактную зону распространения уральского и катангского антропологических типов⁵.

В 1955 г. В. П. Алексеев опубликовал данные о пяти иганасанских черепах, доставленных Б. О. Долгих⁶ (один мужской и четыре женских черепа), из которых видно сравнительно сильное выступление носа: угол носовых костей к линии профиля 26° — на мужском черепе и от 14 до 23° на женских. Этую особенность В. П. Алексеев рассматривает как результат влияния уральского типа, т. е. в конечном счете как «след»

¹ Как известно, материалы, собранные А. Миддендорфом на Таймыре в 1843 году, погибли во время несчастного случая.

² Б. О. Долгих, Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района «Северная Азия», 1929, № 2.

³ Г. Ф. Дебец, Селькупы (антропологический очерк), Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. II, М., 1947, стр. 120, 132.

⁴ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии, Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XVI, М., 1951, стр. 489—490.

⁵ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XXXVI, М., 1958, стр. 304.

⁶ В. П. Алексеев, К краниологии иганасанов, Краткие сообщения Ин-та этнографии, вып. XXIV, 1955.

Таблица 1

Сравнительная таблица величин размерных признаков и показателей

Этнические и территориальные группы	Иганасаны		Ненцы тазовские	Кеты елгой-уйские	Эвенки подкаменск.	Эвенки тазовские	Эвенки баунтовские		Буряты (суммарно)	
Автор	Золотарева		Дебец	Дебец	Дебец	Дебец	Золотарева		Золотарева	
Численность	122		52	79	75	31	40		2380	
Параметры	<i>M</i>	<i>σ</i>	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>σ</i>	<i>M</i>	<i>σ</i>
Длина тела, см	157,9	5,2	156,6	158,1	157,1	157,2	159,3	5,2	164,4	5,7
Продольный диаметр головы	191,2	5,5	189,2	190,9	187,0	191,9	193,4	5,8	189,3	6,9
Поперечный диаметр головы	162,4	4,8	155,8	157,0	157,0	157,5	158,6	5,2	160,8	5,7
Головной указатель	84,9	—	82,4	82,2	84,1	82,3	82,0	—	85,8	—
Наименьший лобный диаметр	104,2	4,2	106,3	103,8	100,0	103,8	99,1	4,7	103,5	4,8
Нижнечелюстной диаметр	119,1	5,7	114,2	115,2	114,8	115,5	113,5	4,6	116,2	6,2
Челюстнолобный указатель	114,3	—	114,2	111,0	108,4	111,2	114,5	—	112,2	—
Скуловой диаметр	153,3	5,3	147,8	147,3	147,4	150,7	148,7	4,4	149,5	5,6
Физиономич. высота лица	194,7	7,1	191,5	189,1	193,9	197,7	194,5	6,4	197,2	9,4
Морфологич. высота лица	131,8	6,4	128,9	128,4	133,2	131,9	131,5	6,3	136,9	7,4
Лицевой указатель физиономич.	78,7	—	77,6	79,1	90,4	76,1	76,5	—	75,8	—
Лицевой указатель морфологич.	85,9	—	87,4	86,5	76,1	87,7	88,5	—	91,5	—
Высота носа (от нижн. кр. бровей)	64,1	4,3	58,6	58,8	61,1	61,8	63,9	4,5	66,0	5,9
Высота носа (от переносья)	52,3	3,3	51,1	51,6	50,4	52,7	51,8	4,4	54,8	4,4
Ширина носа	39,4	2,6	37,7	36,1	36,8	39,6	37,8	3,2	38,1	3,1
Носовой указатель (от нижн. кр. бровей)	61,4	—	65,0	62,6	60,8	64,0	59,4	—	57,7	—
Носовой указатель (от переносья)	75,6	—	74,2	71,0	73,3	75,3	73,3	—	69,5	—
Высота верхней губы	18,4	2,6	15,4	16,8	18,3	18,5	18,1	2,6	17,2	2,8
Ширина рта	55,7	5,0	53,4	51,8	51,3	54,4	54,0	4,5	53,4	4,7
«Толщина» губ	13,7	4,0	14,4	14,1	15,2	15,4	13,6	4,2	16,9	4,6

европеоидной примеси. Однако, оценивая другие признаки, и прежде всего, сильную уплощенность лицевого скелета, автор считает возможным заключить, что иганасаны должны быть отнесены к байкальской группе типов с некоторым влиянием уральского антропологического типа.

Как видим, исследование этого незначительного краинологического материала не сделало антропологическую характеристику иганасан более ясной. Нужно было получить новые представительные материалы. Как уже указывалось, весной 1961 г. автором настоящего сообщения были собраны антропометрические и серологические материалы по аяамским и вадеевским иганасанам в Таймырском национальном округе. Было обследовано 213 взрослых иганасан (из них 122 мужчины и 91 женщина). Материалы еще полностью не разработаны, но представляются целесообразным рассмотреть хотя бы предварительные суммарные данные о иганасанах обеих территориальных групп.

Иганасаны характеризуются низким ростом, очень темной пигментацией волос и глаз, чрезвычайно крупными широтными размерами головы и лица (средние поперечного диаметра головы и особенно скулового диаметра относятся к числу максимальных величин на земном шаре); однако высоту лица, особенно морфологическую, по монголоидному масштабу следует считать небольшой. Уплощенность лица сильная, однако меньшая, чем у представителей байкальского типа; преобладает средняя, а не сильная степень выступания скул. Далее, иганасаны характеризуются средне наклонным лбом с умеренно развитым надбровьем, сильным развитием эпикантуса и складки века, низким переносцем, но умеренным выступлением носа по поперечному профилю, с преобладанием прямых и извилистых форм спинки. Следует отметить весьма боль-

Сравнительная таблица описательных признаков

Таблица 2

Этнические и территориальные группы	Нганасаны	Ненцы тазовские	Кеты елгугуйские	Эвенки подкаменск.	Эвенки тазовские	Эвенки баунговские	Буряты
Автор	Золотарева	Дебец	Дебец	Дебец	Дебец	Золотарева	Золотарева
Цвет глаз (ср. балл)	1,84	1,42	1,66	1,90	1,87	1,50	1,71
Цвет волос	{ № 27 % № 4 %	43,5 52,2	8,2 55,1	21,4 45,7	8,7 71,0	7,3 78,0	5,9 52,9
Форма волос головы	{ балл 1 % балл 2 %	45,0 50,0	33,3 54,9	27,6 57,9	37,7 58,0	26,2 65,1	27,8 66,7
Рост бровей (ср. балл)	1,54	—	—	1,31	—	1,33	1,48
Рост бороды (ср. балл)	1,11	1,61	1,42	1,04	1,22	1,07	1,50
Ширина глазной щели (ср. балл)	1,32	—	—	1,56	—	1,55	1,63
Наклон осей глазной щели (ср. балл)	2,48	—	—	2,51	—	2,43	2,38
Эпикантус	{ % наличия ср. балл	43,4 0,56	37,4 0,45	24,0 0,29	52,0 0,67	54,7 0,74	47,5 0,68
Складка верхнего века	{ внутр. часть сред. часть	1,88 2,72	1,32 1,63	1,33 1,61	2,25 2,36	1,91 2,16	1,93 2,70
Горизонт. профиль лица (ср. балл)	{ сред. часть наруж. часть	2,70 2,70	1,63 1,63	1,58 1,58	2,32 2,36	2,16 2,16	2,65 2,70
Выступание скул (ср. балл)	2,16	—	—	2,55	—	2,38	2,09
Наклон лба (ср. балл)	2,19	2,73	2,19	2,40	2,67	1,70	2,47
Развитие надбровья (ср. балл)	1,57	1,10	1,63	1,25	1,03	1,75	1,35
Высота переносья (ср. балл)	1,20	1,44	1,81	1,22	1,36	1,37	1,52
Поперечн. профиль спинки носа (ср. балл)	2,11	2,00	2,10	1,72	1,81	1,78	2,20
Общий профиль спинки носа	{ % вогнутых % прямых % выпуклых % извилистых	30,6 44,4 6,6 18,0	21,2 65,2 — 13,5	17,7 52,0 15,2 15,1	18,9 64,9 10,8 5,4	22,5 64,5 3,2 9,7	60,0 30,0 — 10,0
Положение кончика носа (ср. балл)	1,44	1,58	1,52	1,66	1,71	1,35	1,48
Положение основания носа (ср. балл)	1,63	1,52	1,39	1,38	1,68	1,63	1,75
Высота верхней губы (ср. балл)	2,46	2,02	2,20	2,27	2,37	2,20	2,14
Профиль верхней губы (ср. балл)	1,28	1,37	1,42	1,06	1,13	1,15	1,22
«Толщина» верхней губы (ср. балл)	1,31	1,84	1,50	1,75	1,63	1,63	1,94
«Толщина» нижней губы (ср. балл)	1,64	2,02	1,82	2,01	2,23	2,02	2,33

шую ширину носа. Верхняя губа высокая, толщина губ сравнительно небольшая, ротовая щель очень широкая, борода развита слабо (табл. 1 и 2). Отмеченные особенности антропологического типа нганасан характеризуют их как представителей северо-сибирских монголоидов.

Интересно сопоставить полученные данные с материалами по некоторым другим народам Средней Сибири⁷. В своей работе о селькупах Г. Ф. Дебец отмечает, что ненцы р. Таза, будучи представителями уральской расы, вместе с тем имеют наиболее выраженный монголоидный комплекс по отношению к другим группам уральской антропологической общности. Как видно из табл. 1, при сопоставлении нганасан с тазовскими ненцами нганасаны отличаются гораздо более темной пигментацией волос и глаз, более низким переносьем, более высоким и более плоским лицом, сильнее развитым эпикантусом и складкой века, меньшим развитием третичного волосяного покрова, большей высотой и более прохейличным профилем верхней губы, более тонкими губами; следует отметить гораздо более крупные размеры головы и лица, значительно большее нособровное расстояние и ширину носа. Обращает на себя внимание соотношение частоты выпуклых и извилистых форм профиля спинки носа: у нганасан указанных форм отмечено в два раза больше, чем у ненцев. В целом, при сравнении с ненцами нганасаны не обнаруживают в своем типе никаких «уральских» черт, т. е., в конечном счете, следов европеоидного расового ствола. Необоснованность включения ненцев и нганасан в один антропологический тип представляется очевидной.

Далее, имея в виду антропологические особенности кетов — представителей енисейского антропологического типа, и отличия последнего от уральского комплекса признаков, сопоставим нганасан с кетами. Данные, приведенные в табл. 1 и 2, показывают, что у нганасан значительно темнее глаза и волосы, тугие волосы встречаются чаще, рост бороды заметно меньше, эпикантус и складка века развиты более сильно.

⁷ Для сравнения с другими этническими группами в целях уменьшения возможных методических расхождений между данными разных авторов привлечены материалы Г. Ф. Дебеца.

Таблица 3

Разницы средних (в числителе) и их утроенные ошибки (в знаменателе)*

Этнические и территориальные группы		Квадратные разности разных групп		Линейные разности разных групп		Линейные разности разных групп		Линейные разности разных групп		Линейные разности разных групп	
Нганасаны — ненцы тазовские	6,60	5,50	4,90	1,70	2,30	5,50	3,00	2,90	2,40	3,20	2,00
Нганасаны — кеты енгуйские	2,22	2,55	3,12	1,38	2,25	1,65	1,44	2,90	2,10	4,38	2,34
Нганасаны — эвенки подкамен.	5,40	6,00	4,70	3,30	3,90	5,30	1,60	3,40	0,40	5,60	0,30
Нганасаны — эвенки баунтовские	2,22	2,31	2,85	1,44	1,83	1,65	1,17	2,52	1,86	3,63	2,34
Нганасаны — эвенки тазовские **	5,40	5,89	4,32	2,60	4,40	3,03	0,10	1,42	4,20	0,76	4,24
Нганасаны — буряты	1,35	1,50	1,62	0,66	1,41	1,11	2,04	1,86	1,17	2,13	2,58

* M_1 и m_1 — средняя признака и ее ошибка в группе и граны, M_2 и m_2 — средняя признака и ее ошибка в группе, взятой для сравнения.

** Следует иметь в виду весьма большую m_2 (M_2) вследствие малой численности этой группы эвенков, что приводит к существенному увеличению $3 \sqrt{\frac{m_1^2 + m_2^2}{m_1^2 + m_2^2}}$ и соответственно уменьшает относительную величину различий между сравниваемыми группами.

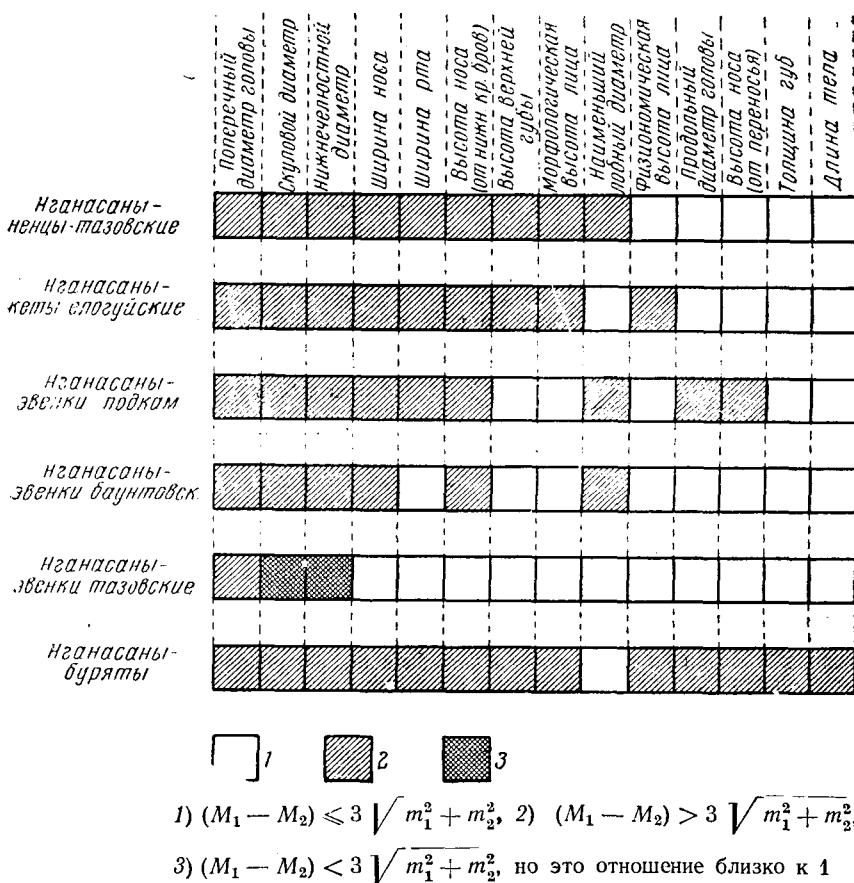

Рис. 1. Взаиморасположение сравниваемых групп при оценке разницы между ними с помощью утроенной ошибки

переносе ниже, нособровное расстояние значительно больше, в профиле спинки носа больше вогнутых и меньше выпуклых форм, ширина носа значительно больше, лицо по поперечному профилю плосче, размеры его — и высотные и широтные — гораздо больше, верхняя губа более высокая и прохейличная, «толщина» обеих губ несколько меньше.

Таким образом, при сравнении с кетами нганасаны по всем важнейшим признакам оказываются не только более монголоидными, но и не обнаруживают в своем физическом типе никаких следов того европеоидного комплекса, который вошел в состав кетов и, предположительно, связан не с Восточной Европой, а с областью Алтая-Саянского нагорья.

Следовательно, сравнение нганасан с ненцами и кетами, антропологические типы которых имеют в своем составе явные черты европеоидной примеси разного происхождения, показало, что в физическом типе нганасан не обнаруживается следов европеоидного комплекса признаков, связанного как с Восточной Европой, так и с Южной Сибирью.

Придя к заключению о выраженно монголоидном комплексе признаков у нганасан, сопоставим их с представителями катангского и байкальского антропологических типов, тем более, что, как было уже упомянуто выше, В. П. Алексеев⁸ отнес антропологический тип нганасан к байкальскому варианту, а М. Г. Левин⁹ — к катангскому.

В качестве сравнительной группы, представляющей байкальский антропологический тип, может быть привлечена группа баунтовских оленных эвенков из северо-восточного Забайкалья¹⁰. Нганасаны резко отличаются от баунтовских эвенков интенсивной пигментацией волос и глаз, менее плоским лицом и слабее выступающими скулами.

⁸ В. П. Алексеев, Указ. раб.

⁹ М. Г. Левин, Указ. раб.

¹⁰ И. М. Золотарева, Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья, «Записки Бурят-Монгольского Ин-та культуры», вып. XXIV, Улан-Удэ, 1957.

лами, значительно более выступающим носом по попеченному профилю, резко отличной формой спинки носа: преобладанием прямых форм, а не вогнутых, наличием выпуклых форм, большей частотой извилистых; далее, нганасаны отличаются гораздо более прямым лбом с меньшим надбровьем, выраженной брахицефалией. Кроме того, нганасаны отличаются от байантовских эвенков меньшей длиной тела, но более крупными размерами головы и, особенно, лица, ширины носа и рта. Казалось бы, отмеченные отличия при сравнении с байкальским антропологическим типом, укладываются в характеристику типа западных эвенков — катангского. Действительно, при сравнении с эвенками Подкаменной Тунгуски, антропологическая характеристика которых легла в основу определения катангского варианта, нганасаны по некоторым особенностям своего типа обнаруживают одинаковое с западными эвенками направление отличий от байкальского комплекса признаков: например, по брахицефалии, темной пигментации глаз, более тугой форме волос, форме профиля спинки носа. Однако и от катангских эвенков нганасаны отличаются менее плоским лицом, слабее выступающими скулами, более выступающим носом по попеченному профилю, по-видимому, несколько сильнее развитым третичным волосяным покровом и гораздо более темной окраской волос (частотой № 27). Далее, как и при сравнении со всеми предшествующими группами, нганасан отличают от катангских эвенков очень крупные размеры головы, лица, носа, рта, особенно широтные.

Таким образом, данные, приведенные в табл. 1 и 2, указывают на существенные отличия по антропологическому типу нганасан от эвенков Подкаменной Тунгуски, и особенности антропологического типа нганасан не укладываются в характеристику катангского типа, основанную на изучении этой группы эвенков. Среди западных эвенкийских групп лишь тазовские эвенки несколько сближаются с нганасанами своими широтными размерами лица и носа, но и они, по имеющимся данным, имеют значительно менее интенсивную окраску волос, притом более мягких, более плоское лицо, слабее выступающий нос по попеченному профилю.

Как уже отмечалось, при сравнении со всеми привлеченными для этой цели группами, нганасан отличают очень крупные (абсолютно и относительно) широтные размеры головы и особенно лица, носа и рта. Для получения хотя бы общего представления о достоверности различий между группами по этим признакам было проведено сопоставление групп по всем величинам измерительных признаков методом уточненной ошибки.

Как известно, различия между группами могут считаться статистически реальными, если разницы между средними признаками (M_1 , M_2 и т. д.) превосходят или равны

$$3\sqrt{m_1^2 + m_2^2}, \text{ где } m_1 \text{ и } m_2 \text{ ошибки средних.}$$

Отношения $\frac{M_1 - M_2}{3\sqrt{m_1^2 + m_2^2}}$ представлены в табл. 3 и на рис. 1.

Как известно, очень крупными размерами головы и лица характеризуются представители центральноазиатского типа, в частности буряты. В табл. 1 приведены некоторые величины по объединенной группе буряг, но и при сравнении с ними нганасаны имеют превосходящие размеры ширины головы, лица, носа (табл. 3). Если же учесть существенные различия между этими двумя группами по высотным размерам лица, носа, верхней губы, длине тела, становится очевидной невозможность включения антропологического типа нганасан в круг центральноазиатских вариантов.

Таким образом, предварительный анализ соматологических материалов по нганасанам указывает на большое своеобразие антропологического типа нганасан, который пока занимает особое положение среди известных нам антропологических типов Сибири и не может быть отнесен с достаточным обоснованием к какому-либо известному до сих пор антропологическому комплексу. Вероятно, что это своеобразие физического облика нганасан связано с тем, что нганасаны являются остатком древнейшего антропологического пласта севера Средней Сибири, сохранившегося в изолированных условиях Таймырского полуострова.

М. М. ГЕРАСИМОВА, Г. В. ЛЕБЕДИНСКАЯ

ПРИБОР КООРДИНАТОМЕТР И ИЗМЕРЕНИЕ НИЖНЕГО УГЛА ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ПРОФИЛИРОВКИ ЛИЦА

Горизонтальная и вертикальная профилировки лица являются существенными таксономическими признаками при изучении краниологических серий, а также при оценке ископаемых форм.

Однако измерения верхнего и нижнего углов горизонтальной профилировки, проводимые координатным циркулем, во многих случаях дают отклонение от истинных размеров в связи с произвольным наклоном горизонтальной шкалы инструмента. Нами было замечено, что при измерениях европеоидных серий угол наклона относительно биаркулярной плоскости меньше, чем таковой на монголоидных сериях. Учесть же угол наклона циркуля существующими в настоящее время приборами не представлялось возможным. В то же время, для более тонкой диагностики учет этого угла может иметь несомненный интерес.

Следует сказать также, что при измерениях углов вертикальной профилировки гониометром, как правило, допускается некоторая ошибка. Измерение угла выступания носовых костей гониометром носит весьма приблизительный характер, так как во многих случаях нет возможности одновременно поставить ножки циркуля на назион и на ринион. При накладывании шкалы циркуля на носовые кости берется не совсем правильный размер, так как нижняя точка попадает не на ринион, а на наиболее выпуклую точку спинки носа. В случае, когда спинка носа сильно выгнута, этот угол даст особенно существенные отклонения, которые трудно учесть при измерениях гониометром.

Нами разработан прибор — координатометр, позволяющий производить измерения проекционно в любой плоскости.

Предложенный прибор (рис. 1) состоит из тяжелой подставки с винтом, позволяющим поднимать и опускать вертикальную градуированную шкалу — 1. На вертикальной шкале закреплена горизонтальная градуированная шкала — 2, на которую надеты две или, при желании, три подвижные муфты, закрепляющиеся винтами — 3. В муфты вставлены подвижные шкалы различной длины, заостренные на конце — 4.

Вертикальная шкала позволяет производить измерения высотных размеров; горизонтальная шкала с подвижными муфтами дает возможность определить широтные размеры и, наконец, подвижные заостренные шкалы необходимы для измерений глубинных размеров относительно какой-либо плоскости.

При измерениях координатометром череп устанавливается в штатив Моллисона. В тех случаях, когда ножка штатива мешает измерениям, лучше пользоваться предложенным нами штативом (рис. 2), состоящим из подставки с втулкой, в которой закрепляется зажим для черепа, аналогичный таковому на кубусе — краниофоре. В тех случаях, когда череп нельзя установить в штатив Моллисона или закрепить его зажимом, можно пользоваться плоским столиком, вставляющимся во втулку нашего штатива (череп устанавливается, как обычно, на стакане при помощи пластилина или в ящике с песком).

Для испытания прибора мы произвели измерения зигомаксиллярного угла на небольшой серии черепов: 50 — европеоидных, 50 — монголоидных. На той же серии

Средние величины зигомаксиллярного угла

Таблица 1

Способ измерения	Европеоидная серия				Монголоидная серия			
	<i>M</i>	$\pm m(M)$	$\pm \sigma$	$\pm m(\sigma)$	<i>M</i>	$\pm m(M)$	$\pm \sigma$	$\pm m(\sigma)$
По Абидеру	125,14	0,82	5,8	0,58	137,26	0,83	5,9	0,59
Координатометром	129,24	0,81	5,7	0,57	144,18	0,92	6,5	0,65
По Блэку	132,76	0,9	6,4	0,64	146,12	1,05	7,4	0,74

нами был измерен зигомаксиллярный угол обычным способом, т. е. координатным циркулем, и взяты размеры по Блэку.

Как видно из табл. 1, разница средних углов при измерении координатометром и координатным циркулем (по Абиндеру) на европеоидной серии выражается в $4^{\circ}1$, в то время как на монголоидной серии она равна $6^{\circ}92$. Следовательно, на европеоидной серии разница между трансверзальной и горизонтальной профилировками значительно меньше, чем на монголоидной.

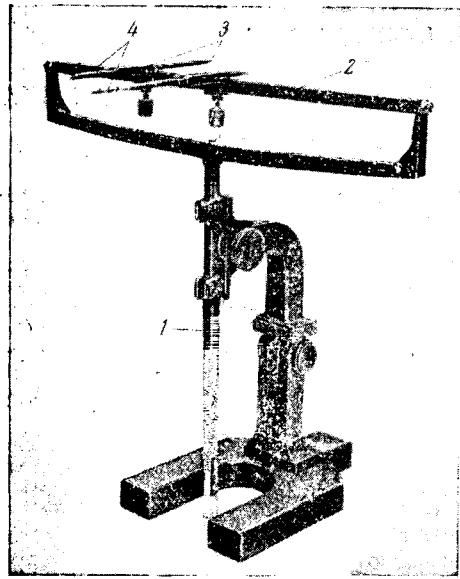

Рис. 1

Рис. 2

При измерениях координатным циркулем разница зигомаксиллярных углов европеоидной серии и монголоидной равна $12^{\circ}12$ (в долях сигмы—2,24). Эта разница несколько больше при измерениях координатометром, она равна $14^{\circ}98$ (в долях сигмы—2,76). Таким образом, при измерениях этими двумя способами разница средних зигомаксиллярных углов европеоидной и монголоидной серий выражается в 0,52 сигмы.

Размах колебаний зигомаксиллярного угла на европеоидной и монголоидной сериях различен. На европеоидной серии он значительно меньше, чем на монголоидной.

Следует отметить также, что зигомаксиллярный угол не зависит от ширины зигомаксиллярной хорды (табл. 2), т. е. не существует корреляции между широтными размерами и высотой субспинале над хордой. И действительно, высота субспинале над хордой, зависящая от угла наклона циркуля, связана скорее с отношением высоты

Таблица 2

Размах колебаний признаков, определяющих профилировку нижней части лица

Способ измерений	Европеоидная серия						Монголоидная серия					
	зигомакс. хорда	высота subspinale ¹ над зиго- макс. хор- дой		зигомакс. угол		зигомакс. хорда	высота subspinale над зиго- макс. хор- дой		зигомакс. угол			
		min	max	min	max		min	max	min	max	min	max
По Абиндеру	88	112	19	30	115	138	92,5	116	15	26	123	149
Координатометр	88	112	16	29,5	116	143	93	116	10	23	127	152
По Блэку	88	112,5	15	29	119	145	95	116,5	7,5	23	130	162

¹ При измерениях по способу Блэка вершина зигомаксиллярного угла лежит на назоспинале, а стороны проходят через точки $zm - zm$.

ты фронтомаляре — зигомаксилляре к высоте назион — субспинале, т. е. с отношением размеров, показывающих относительное положение зигомаксиллярной точки и субспинале. Коэффициенты корреляции и регрессии трех перечисленных способов измерения зигомаксиллярного угла (табл. 3) позволяют определить среднюю величину угла по любому способу при наличии данных о средней величине его, полученной по другому способу.

Таблица 3

Коэффициенты корреляций различных способов измерений зигомаксиллярного угла

Способ измерений	Европеоидная серия				Монголоидная серия			
	коэффициент корреляций	$\pm m(r)$	$R \frac{x}{y}$	$R \frac{y}{x}$	коэффициент корреляций	$\pm m(r)$	$R \frac{x}{y}$	$R \frac{y}{x}$
Координатометром \times по Абиндеру	0,84	0,04	0,85	0,82	0,79	0,05	0,87	0,72
Координатометром \times по Блэку	0,63	0,08	0,71	0,56	0,89	0,03	0,78	1,01
По Абиндеру \times по Блэку	0,80	0,05	0,72	0,88	0,66	0,08	0,53	0,83

Из сказанного следует, что прибор координатометр может быть использован для измерений горизонтальной профилировки, так как он дает возможность более тонко диагностировать уплощенность лица; измерение углов вертикальной профилировки при разработанной таблице пересчета углов по катетам при помощи координатометра позволит увеличить точность измерений. Прибор координатометр может облегчить работу с черепами плохой сохранности, так как для измерений нет необходимости иметь упор для ножек циркуля и можно легко подвести подвижную шкалу к нужной точке.

Возможности прибора не исчерпываются измерениями горизонтальной и вертикальной профилировок. Он позволяет производить измерения асимметрии черепа и целый ряд других измерений.

М. А. ОКУНЕВА

ПОЕЗДКА НА КУБУ В ЯНВАРЕ 1962 ГОДА

За короткий период, прошедший с момента победоносного вступления героической повстанческой армии под командованием Фиделя Кастро в Гавану и свержения проамериканской диктатуры Батисты 1 января 1959 г., в корне изменился весь строй жизни кубинского народа, сложившийся в условиях полуколониальной зависимости от США, и была заложена прочная основа нового быта.

Глубокие преобразования, осуществленные Революционным правительством в области экономики и культуры, за короткий срок оказались на жизненном укладе всего населения страны. Складываются новые отношения между людьми, меняется психология, бурно растет активность трудящихся масс, возникают ростки нового социалистического отношения к труду. Для Кубы характерен необыкновенный революционный подъем в массах, «революционный дух, которым так прославил себя кубинский народ в борьбе за свою свободу»¹.

Преобразование быта кубинцев прежде всего зависит от успехов в хозяйственном строительстве. Огромные изменения произошли в экономике — 90% промышленных предприятий Кубы национализированы. Они производят более 80% продукции. Многострадальный кубинский рабочий, в течение более полувека испытывавший двойной гнет — американских монополий и местной буржуазно-латифундистской верхушки, начал работать на себя. В нем выражается то чувство хозяина страны, о котором в первые годы Советской власти говорил В. И. Ленин. Коренные изменения произошли в социальном укладе деревни. Конфискация латифундий и создание на их основе народных имений, кооперирование единоличных крестьянских хозяйств — это поистине аграрная революция, наложившая печать на все стороны жизни крестьянства и сельского пролетариата. С ликвидацией латифундизма — оплота реакции и американского империализма на Кубе — коренным образом изменились социальные отношения в деревне. В августе 1962 г. кооперативы по выращиванию сахарного тростника преобразованы в народные имения. Возникший в деревне социалистический сектор уже дает значительную часть сельскохозяйственной продукции.

Революционное правительство Кубы взяло курс на ускоренное развитие экономики. Этот курс проводится при активном участии всего народа. Рабочие и крестьяне прилагают настойчивые усилия к всемерному увеличению промышленной и сельскохозяйственной продукции². Особенно большие задачи стояли перед кубинским народом в 1962 г., когда борьба за повышение производства велась в осложненной провокацией США международной обстановке.

Бурная и кипучая жизнь современной Кубы, ее актуальные общественно-политические и хозяйственные проблемы отражаются в многочисленных лозунгах и плакатах, расклеенных буквально всюду. Вот наиболее характерные: «Твоя Родина нуждается в том, чтобы ты больше производил». «Кто получает зарплату и работает плохо, кто дает меньше, чем может, тот предает Кубу и революцию» — слова одного из кубинских лидеров Эрнесто Че Гевара. Задачам «года планирования» посвящены и такие плакаты: «Ты уже разрешил хотя бы одну проблему? Если каждый разрешит одну, у нас их больше не будет». «Твое предложение или жалоба могут разрешить большую проблему. Сообщи о всех своих жалобах и предложениях». «Не говори о том, что ты уже сделал, лучше скажи, что ты сейчас делаешь». «Учись, в соревновании побеждают те, кто овладевает техникой», «Да здравствует рабочий класс и коллективное руководство», «Национальный план социалистического соревнования: организуй, изучай, координируй, планируй — это и есть коллективное руководство».

Кубинцы разрабатывают обширные перспективные планы. Намечается превращение сахарной промышленности в комплексное химическое производство. Кубинцы рассчитывают значительно поднять добычу руды и через несколько лет занять второе

¹ Н. С. Хрущев, Дружба — навеки. Речь на митинге советской и кубинской молодежи в Кремле 2 июня 1962 года, М., Госполитиздат, 1962, стр. 3.

² Entrevista de Fidel a Directores de «Pravda» e «Izvestia», «Noticias de hoy», 30 января 1962 г., стр. 4—5.

место в мире по производству никеля. Они готовятся к разработке большого плана развития животноводства.

Вследствие монокультурного характера экономики, являющегося наследием полуколониального прошлого, а также из-за экономической политики США, Куба испытывает большие хозяйствственные трудности. Кубинский народ прилагает огромные усилия к тому, чтобы максимально увеличить сельскохозяйственное производство и по возможности избавить страну от последствий монокультуры. С большой энергией ведется работа по превращению сельского хозяйства в многоотраслевое. Но пока решающей отраслью экономики остается сахарная промышленность, ее процветание является предметом особой заботы всего народа.

В период второй народной сафры (уборки тростника) на Кубе развернулось национальное соревнование за ее быстрейшее завершение. В выходящей в Гаване кубинской газете «Noticias de hoy» регулярно публиковались подробные сводки о ходе уборки сахарного тростника. Всей стране известны трудовые подвиги Рейнальдо Кастро Иедра, Хосе Марти Апалон и других, достигших рекордной выработки на уборке тростника³.

В результате роста социалистического сектора в городе и деревне ликвидируется безработица. До революции на Кубе было 600—700 тыс. безработных при населении менее 7 миллионов. Каждый десятый был безработным, если считать все население с детьми и престарелыми. Если же иметь в виду занятость работоспособного населения, то, по оценке кубинцев, каждый третий не имел работы. Кроме того, значительная часть населения страдала от полубезработицы. В сезон уборки сахарного тростника десятки тысяч людей получали работу, но этот сезон длился всего 4 месяца — с января по апрель. Кочующие безработные, добывающие крохи на пропитание обслуживанием богатых американских туристов или находящие временный заработок на случайных работах, — были типичны для старой Кубы.

После революции число занятых рабочих возросло с 1689 тыс. чел. в 1956—1957 гг. до 2185,9 тыс. чел. в 1960 г.⁴ В сезон сафры теперь ощущается уже нехватка рабочих рук. И впервые население кубинских городов пришло организованно на помощь деревне. На предприятиях Гаваны формировались рабочие бригады для поездки на сахарные плантации. Рабочие шли в бригады с чувством необычайного подъема. В мае 1962 г., когда страна прилагала все силы к успешному завершению сафры, женщины — патриотки Гаваны создали особые батальоны, которые отправлялись на уборку тростника в провинцию Пинардель Рио. Одновременно женщины провинции Матансас, где уборка шла лучше, отправились на помощь в провинцию Камагуэй, где сафра отставала⁵. Из Матансаса же приехало в Камагуэй 1000 опытных рабочих-добровольцев⁶. Этот порыв, которого не знала и не могла знать буржуазная Куба, свидетельствует о росте социалистического сознания сегодняшнего кубинца.

Рассказывая о великих изменениях, которые произвела в их жизни революция, кубинцы всегда говорят о ликвидации безработицы и об изменении системы оплаты труда — введении месячного оклада. Прежде многие кубинцы получали от американских владельцев плантаций почасовую оплату: отработал несколько часов и ушел. Неуверенность в завтрашнем дне была бичом для тружеников.

В народном имении «Ля Революсьон» в провинции Пинардель Рио дояр Антонио Леал Перес говорил, что раньше он работал как поденщик, а теперь получает зарплату помесячно, и это он считает важным достижением революции.

На быт кубинцев после революции огромное влияние оказали мероприятия, направленные на решение жилищного вопроса. Революция одним из первых своих актов резко снизила квартирную плату, что существенно отразилось на бюджете рабочей семьи и улучшило ее быта.

По закону о городской реформе, принятому 14 октября 1959 г., 800 тыс. семей получили в собственность квартиры, в которых они жили. В стране идет большое строительство. В восточной части Гаваны, где раньше стояли лачуги бедноты, строятся красивые новые дома современной архитектуры; все они обсажены деревьями и цветами. Открытые веранды, разноцветные жалюзи, предохраняющие от солнца, придают жилым домам нарядный вид. Новые прекрасные квартиры получают трудящиеся. Мы беседовали с семьей повара, который многие годы прожил в эмиграции в Майами (Флорида, США), и теперь, вернувшись после революции на Кубу, получил квартиру из трех комнат.

Согласно цензу 1953 г., 37,6% городских домов нуждались в ремонте, 8,6% домов вообще были непригодны для жилья, но там продолжала жить беднота. Только 54,6% городских домов имели водопровод⁷. К 1959 г. положение с жилищами стало еще хуже. Вскоре после победы революции была создана специальная организация — «Национальный институт сбережений и жилищ» (INAV), который призван заменить собой так называемую Национальную лотерею, учрежденную еще в период испанского

³ «Noticias de hoy», 3 мая 1962, см. также «Noticias de hoy», 11 апреля 1962 г.

⁴ «Cuba en cifras», 1961, стр. 1.

⁵ «Noticias de hoy», 16 мая 1962.

⁶ «Noticias de hoy», 17 мая 1962 г.

⁷ «Panorama economico latinoamericano», La Habana, 1961, стр. 349.

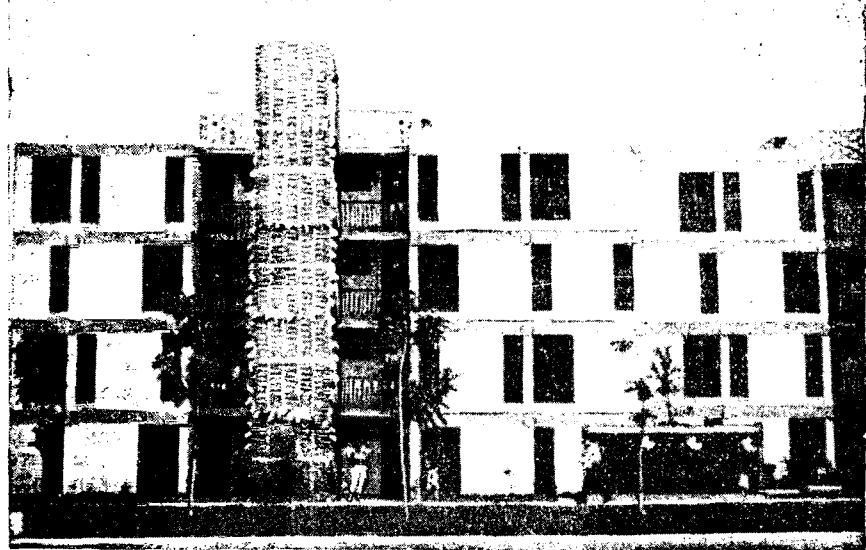

Рис. 1. Новый дом в восточной части Гаваны

господства. Как подчеркивают кубинцы, при сохранении старого принципа лотерей (жеребьевки) теперь выигравшим будут предоставлены жилища.

Еще более остро стояла жилищная проблема в деревне. Старый крестьянский дом (байо) представлял собой хижину из тростника, ветвей, с крышей из пальмовых листьев, без окон, без двери (входом служило незакрывающееся отверстие). Эти хижины антисанитарны и небезопасны для живущих. Тропический циклон зачастую вообще сносил их.

Согласно цензу 1953 г., только 25,7% всех сельских домов были признаны пригодными для жилья⁸. Из 2,9 млн. сельского населения (по данным переписи 1953 г.) более 2 млн. человек не имело сколько-нибудь сносного жилья⁹. Санитарное состояние сельских жилищ было крайне неудовлетворительное.

Характеризуя старое крестьянское жилище, выдающийся кубинский ученый Ну涅с Хименес писал, что крестьяне жили как некогда первобытные индейцы: в лачугах из листьев, с земляным полом, без самых элементарных удобств, без воды; лишь 9,1% домов имели электрическое освещение.

Особенно большое жилищное строительство ведется в сельской местности. Менее, чем за 3 года революции, до 30 ноября 1961 г., на Кубе было построено 6886 новых крестьянских домов; в процессе строительства находилось еще 6342¹⁰. Строительные материалы, а также санитарное и кухонное оборудование — отечественного производства. Кубинцы заявляют, что «аграрная реформа не может считаться полностью выполненной до того, как каждый крестьянин получит приличное жилище»¹¹.

Новые крестьянские дома — это современные коттеджи из 3—4 комнат, с кухней, водопроводом, электричеством, холодильниками. Эти дома вместе с современной мебелью крестьяне получают бесплатно. На многих из них прибиты дощечки с надписью: «Спасибо тебе, Фидель!», «Это твой дом, Фидель!». Около домов обязательно имеется небольшой цветник. В домах висят портреты вождей Кубинской революции Фиделя и Рауля Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камилло Сыенфуэгоса, портреты В. И. Ленина и Н. С. Хрущева, лозунги, плакаты.

Коренные изменения внесены революцией в положение женщины. Раньше замужние женщины мало участвовали в общественном производстве, будучи целиком заняты работой по дому. Кубинская семья отличается многодетностью: 7—8 детей не является исключением. При полном отсутствии детских учреждений в старой Кубе женщина в условиях многодетной семьи не могла работать. Наличие постоянной резервной армии безработных также ограничивало возможность участия женщин в производстве. И сейчас еще в гостиницах, в ресторанах, в городском транспорте почти нет женщин. Исключение составляют магазины.

Раньше на Кубе было много домработниц. Совсем юные девушки из бедных семей вынуждены были идти работать к кубинским и американским богачам. Сейчас они обучаются на различных курсах, из них готовят служащих государственных учрежде-

⁸ Там же, стр. 376.

⁹ Там же, стр. 317. В 1961 г. сельское население составляло 2 810 765 чел., городское — 4 122 488 («Cuba en cifras», стр. 1).

¹⁰ «Cuba en cifras», стр. 3.

¹¹ «Panorama economico latinoamericano», стр. 379.

Рис. 2. Маленькие кубинцы

ний, медсестер, воспитательниц детских садов. Только в Гаване в апреле 1962 г. училось 20 тыс. бывших домработниц¹².

В Гаване, в отеле «Националь» размещены курсы, готовящие машинисток-стено-графисток. Девушки учатся на полном обеспечении государства, живут в этом же роскошном отеле, где прежде располагались только богатые американские туристы.

Правительство и общественные организации принимают ряд мер по созданию детских садов и яслей, чтобы облегчить женщине уход за детьми. Активно участвует в этом Федерации кубинских женщин, которая специально занимается подготовкой воспитательниц детских садов и медсестер. Нужда в детских учреждениях огромная. Их создание высвободит женский труд, необходимый и в деревне, и в городе, внесет изменения в быт кубинской семьи.

«Детские сады — это достижение революции», писала 25 апреля 1962 г. газета «Революсьон». Детские сады, конкретные вопросы их организации служили темой специальной передачи по телевидению и радио с участием премьер-министра Фиделя Кастро и президента Федерации кубинских женщин Вильмы Эспин де Кастро. Ф. Кастро в своем выступлении говорил о роли женщин в строительстве новой жизни на Кубе. «При социализме, — сказал он, — не будет ни домработниц, ни проституции». Он подчеркнул, что хотя для быта кубинской семьи детские сады — дело новое, «неизведанное, они уже «победили как идея», теперь все дело в материальных возможностях государства, в ассигнованиях, которые могут быть отпущены¹³.

Дети откружены на Кубе особой заботой. Им отданы многие здания бывших военных казарм и учреждений, поместья местных богачей и американских миллионеров, превращенные в школы и интернаты.

В Гаване в прекрасном здании 6 января 1962 г. открыт замечательный Дворец пионеров. На его открытии присутствовали Фидель Кастро и другие руководители Объединенных Революционных Организаций. Дворец пионеров назван именем мальчика Пакито Гонсалеса, убитого около 30 лет назад полицией в Гаване во время погребения урны с прахом основателя кубинской компартии Хулио Антонио Мелья.

За последние три года на Кубе проведена большая работа по созданию народного здравоохранения. До революции трудащиеся кубинцы были фактически лишены медицинской помощи. Революция и в этом сделала огромный шаг вперед. Бюджет Министерства здравоохранения возрос с 21,8 млн. песо в 1958 г. до 71,5 млн. песо в 1961 г. Если в 1958 г. на Кубе был 1121 врач, то в 1961 г. их стало 4954, число зубных врачей возросло с 43 до 782, фармацевтов — с 81 до 293, медсестер — с 394 до 3718, число коек в больницах с 10 643 до 23 640¹⁴.

С большим энтузиазмом начали кубинцы кампанию по борьбе с полиомиелитом. В нее активно включились общественные организации. Газета «Революсьон» печатала сводки о ходе этой кампании. Вакцина против полиомиелита была предоставлена Кубе Советским Союзом. Маленькие кубинцы охотно глотают разноцветные драже — то,

¹² «La Revolución», 25 апреля 1962. Речь Ф. Кастро по телевидению и радио.

¹³ «La Revolución», 25 апреля 1962 г., стр. 8.

¹⁴ «Cuba en cifras», стр. 10.

Рис. 3. Новый пансионат для отдыха трудящихся

что вакцинация не требует уколов, снимает препятствия и возражения, особенно среди крестьян. Газеты писали, что по окончании вакцинации детей Куба станет «первой страной Америки, свободной от полиомиелита»¹⁵.

Кубинцы справедливо гордятся своими успехами в области социального обеспечения. Если в 1957/58 г. пособия по старости, инвалидности, в случае смерти члена семьи составляли 100 млн. песо, то в 1960/61 г. они достигли 143 млн. песо. Число лиц, получивших пособия, увеличилось с 68 677 до 88 287 человек¹⁶.

Крупнейшим завоеванием революции, которое наряду с экономическими преобразованиями изменило быт кубинского народа, является культурное строительство, и прежде всего ликвидация неграмотности.

Кампания по борьбе с неграмотностью велась под девизом, выдвинутым еще в конце XIX в. великим кубинским революционером и писателем Хосе Марти. «Быть образованным, чтобы быть свободным». Этот девиз отражен в многочисленных лозунгах, украшающих Гавану, Матансас и другие города и селения Кубы: «Мы растим народ, состоящий из образованных людей. Учись», «Каждый кубинец, который научился читать и писать,— это удар по империализму», «Будем бороться против империализма янки и против неграмотности», «Не бывает революции без революции в области образования», «Неграмотность — это зло, порожденное империализмом. Будем бороться против империализма и против неграмотности». Многократно воспроизводятся слова Фиделя Кастро: «Реакция говорила народу — не читай, а верь. Мы не говорим народу: «верь», мы говорим ему: «читай!».

Неграмотность была ликвидирована в невиданно короткий срок — в течение одного только 1961 года. До революции на Кубе почти 1 миллион чел. (из 6,93 млн.) не умел ни читать, ни писать. В борьбе с неграмотностью с начала 1961 г. участвовало 274 113 чел.; они получили название «кальфабетисадоры».

По мере того, как ликвидировалась неграмотность в том или ином доме или деревне, они провозглашались «территорией, свободной от неграмотности». В окнах домов, на площадях выставлялся соответствующий плакат: «На этой территории нет неграмотных». Щит с надписью о том, что неграмотных нет в провинции Гавана, выставлен на одной из главных площадей столицы.

22 декабря 1961 г. торжественно отмечалось успешное завершение «года образования» по всей стране. Куба провозглашена «первой территорией Америки, свободной от неграмотности». На набережной Гаваны сделана большая световая надпись: «Куба — территория, свободная от неграмотности».

Бюджет Министерства просвещения возрос с 74,1 млн. песо в 1958 г. до 126,6 млн. песо в 1961 г. Число учащихся, окончивших начальную школу (6 классов), возросло с 15 тыс. чел. в 1958/59 г. до 75 тыс. чел. в 1961/62 г., а окончивших среднюю школу или получивших специальное образование (торговые школы, подготовка учителей на-

¹⁵ «La Revolution», 7 марта 1962 г.

¹⁶ «Cuba en cifras», стр. 6.

чальных школ, журналистов, техников и т. д.) возросло с 58,8 тыс. человек в 1958/59 г. до 142,6 тыс. в 1961/62 г.¹⁷

Коренным образом перестроена и система высшего образования. В январе 1962 г. проведена университетская реформа, которая направлена на перестройку работы университетов в связи с задачами, поставленными революцией. За последние 50 лет Гаванский университет окончило около 1500 чел.; из них только 40 химиков для сахарной промышленности, 7 инженеров-механиков и ни одного геолога.

Теперь взят курс на выпуск специалистов-производственников, которые сразу же смогут включиться в экономическую жизнь страны. Резко возросло число студентов на технологическом факультете, который готовит специалистов для всех отраслей народного хозяйства Кубы. Обучение в университете бесплатное.

Огромное значение для кубинского народа имеет подготовка кадров со средним специальным и высшим образованием в Советском Союзе и других социалистических странах.

Важным начинанием в области культуры является предпринятый Национальным издательством Кубы выпуск «Кубинской Народной энциклопедии». Эта энциклопедия будет представлять собой серию из 100 с лишним книг на культурно-просветительные, исторические, политические и естественно-научные темы. Кубинская интеллигенция ставит своей целью выпустить энциклопедию для людей, не имеющих среднего образования. Отсюда требование — книги должны быть написаны простым, выразительным и увлекательным языком. Национальное издательство Кубы указывает, что Народная энциклопедия будет делом, «способствующим кубинской революции, а следовательно, и прогрессу слаборазвитых народов»¹⁸.

В «Кубинскую Народную энциклопедию» войдут книги о возникновении жизни на земле и о происхождении человека, о мирном использовании атомной энергии, о завоевании космоса, о радио и телевидении, о кино и печати. Отдельные выпуски энциклопедии расскажут рабочим и крестьянам Кубы об учении К. Маркса и Ф. Энгельса, о В. И. Ленине, о социализме в Европе, Великой Октябрьской социалистической революции и ее влиянии на другие народы, о современном империализме, о фашизме, о первой и второй мировых войнах. Первые книги «Народной энциклопедии», подготовленные с помощью советских ученых, уже вышли в свет. Один из инициаторов «Кубинской Народной энциклопедии» литератор Гильермо Лорентцен писал: «Культурная работа — наша опора, самый важный оплот революционной борьбы в области идей»¹⁹.

Важнейшим завоеванием революции в области национальных взаимоотношений является ликвидация расовой дискриминации негров. Кубинский народ сложился в результате смешения испанцев с неграми и отчасти с индейцами. В испанском языке, на котором говорят кубинцы, имеются и слова из индейских и африканских языков. Расовая дискриминация была порождением испанского колониального ига, усиленным в период американского господства.

Корни расовых предрассудков — наследия рабства — были глубоки и усиливались в прошлом влиянием могущественных экономических и политических сил, подчеркивает видный кубинский историк и этнограф Хосе Лисиано Франко в вышедшем в 1961 г. труде «Афроамерика»²⁰. «Ликвидация расовой дискриминации,— говорил Фидель Кастро в речи 25 марта 1959 г.,— самая трудная проблема, более трудная, чем проблема здравоохранения, ликвидации телефонной компании и латифундистов»²¹. Против расовой дискриминации негров боролись лучшие представители кубинской культуры. Особенно популярны сейчас на Кубе высказывания против расовой дискриминации, принадлежащие «апостолу революции» Хосе Марти²². Хосе Лисиано Франко специально отмечает большое значение для борьбы против расовой дискриминации на Кубе исследований, проведенных Академией наук СССР по разоблачению расизма²³. Задача полной ликвидации расовой дискриминации успешно решена революцией.

Революция изменяет не только основы социальной жизни кубинского народа, но с каждым днем оказывает все большее влияние и на обычай, привносит новое в старые народные традиции. Меняется не только характер труда, но и характер отдыха, развлечений.

Куба создает свой революционный календарь. Старые религиозные праздники, разумеется, существуют, но появились новые, в которых воплощается героическая история революции. Первый год после изгнания Батисты — 1959 г. — был назван «годом революции», 1960 г. — «годом аграрной реформы», 1961 г. — «годом образования», 1962 г. — «годом планирования». Новый календарь Кубы открывается праздником 1 января — он назван днем триумфа революции. 24 февраля отмечается начало героической

¹⁷ «Cuba en cifras», стр. 9.

¹⁸ «Imprenta Nacional de Cuba. Encyclopedie popular», La Habana, 1961.

¹⁹ Письмо в «Советскую Энциклопедию». Архив Государственного научного издательства «Советская Энциклопедия», 1961 г.

²⁰ J. L. Franco, Afroamerica, La Habana, 1961, стр. 204.

²¹ «El mundo», 26 марта 1959.

²² См. «Espíritu de Martí», La Habana, 1961, стр. 199—200.

²³ J. L. Franco, Указ. раб., стр. 172.

борьбы против испанского колониального ига: в этот день в 1895 г. раздался «клич из Байре»²⁴, послуживший началом национально-освободительной борьбы. 13 марта — годовщина нападения революционной молодежи на президентский дворец²⁵. 17 апреля отмечается годовщина разгрома империализма на Плайя-Хирон, отпора Кубы вооруженной интервенции, организованной империалистами США²⁶. 1 мая вся Куба милионными демонстрациями отмечает Международный день трудящихся. 6 июня — годовщина национализации образования²⁷. 26 июля — национальный праздник революционной Кубы. В 1953 г. в этот день было совершено героическое нападение 165 молодых революционеров во главе с 26-летним Фиделем Кастро на казарму Монкада в г. Сантьяго-де-Куба, что явилось началом Кубинской революции. 16 августа отмечается дата начала коммунистического движения на Кубе²⁸. 2 сентября — годовщина Первой Гаванской Декларации, принятой в 1961 г. 26 октября отмечается день создания народной революционной милиции, в ноябре — день 27 ноября²⁹. 2 декабря — годовщина высадки «Гранмы». В 1956 г. на моторной яхте «Гранма» на побережье провинции Ориенте высадилось 82 повстанца во главе с Фиделем Кастро, 70 из которых погибло в тяжелом бою. На этом месте сделана мемориальная надпись: «Здесь родилась свобода Кубы». 12 оставшихся в живых, в том числе Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара ушли в горы Сьерра-Маэстра и подняли знамя героической освободительной борьбы.

На Кубе широко отмечается 7 ноября — день победы Великой Октябрьской социалистической революции. Недаром Фидель Кастро в беседе с делегацией советской молодежи в 1961 г. сказал, что кубинской революции 44 года — она началась со штурма Зимнего дворца, с боев Великого Октября³⁰. 6 января — День детей, в мае отмечается День матери и т. д.

В прошлом году на Кубе в своеобразной форме праздновалось рождество. Его называли: «Первое социалистическое рождество в Америке», «Первое социалистическое рождество — без неграмотности и без империализма».

Еще со времен испанского господства на Кубе были распространены петушиные бои. В 1900 г. они были формально запрещены, но уже в 1902 г. реакционные круги вели кампанию за их официальное восстановление, объявляя их национальным обычаем и единственным развлечением крестьян. В 1909 г. был издан закон о восстановлении петушиных боев, действовавший до самой революции. Видные деятели кубинской культуры и просвещения Х. Марти, М. Санхили, Э. Х. Варона, и многие другие неоднократно выступали за запрещение петушиных боев³¹. Сразу же после победы революции крупный кубинский историк Е. Ройг де Леучснеринг, возглавляемое им Кубинское общество по изучению истории и многие прогрессивные деятели обратились к Революционному правительству и премьер-министру Фиделю Кастро со специальным письмом. Они напомнили, что петушиные бои были осуждены виднейшими представителями кубинской национальной культуры как жестокое зрелище, возбуждающее низкие страсти и представляющее собой один из пережитков колониальной эпохи. Постановлением Революционного правительства петушиные бои были запрещены.

Запрещены также азартные игры. В Гаване закрыты казино. Преобразился вид «Тропиканы», где до революции было казино, в котором американские и кубинские богачи проматывали огромные состояния и которое старая реклама называла «самым шикарным ночным клубом Латинской Америки». А теперь нам довелось быть здесь на встрече Нового, 1962 года. Тут были кубинские рабочие, студенты, многие в форме народной милиции. Молодежь исполняла популярную на Кубе песню об ОРО. Постановлением

меняется содержание распространенных в гаванских ресторанах так называемых «шоу» — театрализованных ревю в стиле американских ночных кабаре. Теперь содержание «шоу» связывается с новым бытом. В январе 1962 г. в фешечебельном салоне отеля «Насьональ» было представлено «первое социалистическое шоу», в музикально-танцевальных сценках высмеивалась попавший на небо лагиуфундист. Другое «шоу» — сценки национально-этнографического характера с песнями и танцами разных народов, в том числе русского, демонстрировалось в ресторане гостиницы «Гавана-Ривьера».

Все чаще по-новому празднуется теперь и свадьба. Вот один из примеров. Сенайда Бренес Эрнандес и Виктор Трехо Оливерас — рядовые служащие телефонной компании и члены одного из отрядов народной милиции решили отпраздновать свою свадьбу по-революционному. Это было в сентябре 1961 г. Местная организация Федерации кубинских женщин предоставила для проведения этого праздника дом, который раньше принадлежал богачу. Собралось много родных и друзей, братьев по труду и борьбе. Приехал и один из руководителей Революционного правительства Рауль Кастро.

²⁴ Байре — местечко в провинции Ориенте, где началось антииспанское восстание.

²⁵ Нападение было совершено 13 марта 1957 г.

²⁶ Бои на Плайя-Хирон происходили 17—19 апреля 1961 г.

²⁷ Национализация частных школ произведена в июне 1961 г.

²⁸ Компартия Кубы была основана в 1925 г.

²⁹ 27 ноября 1871 г. испанские колониальные власти расстреляли демонстрацию студентов.

³⁰ См.: «Правда», 3 июня 1962 г.

³¹ E. R o i g de Leuchsenering, Males y vicios de Cuba Republicana, La Habana, 1961, стр. 227—229.

Рис. 4. Гавана. Вид с монумента Хосе Марти

Исполнение гимнов, патриотические речи — все это придавало радостному событию революционный характер. Когда все уселись за свадебный стол, Рауль Кастро сказал, поднимая тост за новобрачных: «Разве мог бывший владелец этого великолепного дома предположить, что здесь будет происходить что-нибудь подобное». Действительно, обитатель рабочих кварталов не мог и мечтать о том, что дворцы будут принадлежать народу и что он сможет переступать их порог, не боясь окрика хозяина. «Я самая счастливая женщина», — сказала новобрачная, а ее муж продолжал: «У нас будет много детей, и они будут пользоваться плодами того дела, которому мы отдадим без остатка всю свою жизнь»³².

Новое содержание внесено и в такое старинное традиционное празднество, как выбор первой красавицы Кубы. «Звезда карнавала» сегодня должна быть не просто красавицей. От нее требуется хорошая работа, участие в деятельности революционных организаций и в общественных мероприятиях. Выставляют кандидатов на конкурс: организации революционной молодежи, профсоюзы, телевидение, Национальный институт туризма (НИИТ) и многие другие.

В январе 1962 г. в Гаване происходил «первый социалистический карнавал». Дворец спорта, вмещающий несколько десятков тысяч человек, был переполнен. По находящейся в центре куполообразного здания сцене прошло 29 кандидаток. Жюри состояло из представителей широкой общественности. С каждым кругом число кандидаток все сокращалось, и, наконец, осталось семь девушек. Все они были настолько красивы и имели столько революционных заслуг, что жюри не могло остановиться ни на одной из них. И девушки трижды проходили по сцене. Публика реагировала на марш красавиц очень остро. Когда проходила кандидатка какой-либо организации, то ее товарищи, сидевшие группой, бурно встречали ее возгласами одобрения, музыкой, пением и даже пляской.

Звездой «первого социалистического карнавала» оказалась кандидат Ассоциации повстанческой молодежи (ныне — Союз молодых коммунистов) 14-летняя Берта Йеро Диас — студентка подготовительного отделения Технологического института им. Хосе Марти. Те шесть «принцесс», которые вместе с нею были непобедимы до конца конкурса, были объявлены «дамами этой королевы».

Когда журналисты спросили у представителей телевидения и НИИТа, почему же не прошли их кандидатки, они с огорчением ответили: «Им не хватило революционных заслуг».

* * *

Социальная революция создает экономические и духовные предпосылки для изменения жизненного уклада людей и их психологии. Как ни длителен этот процесс, как ни слабы еще вначале ростки нового в быту, они возникают вслед за революционными преобразованиями. Это доказано опытом Великой Октябрьской революции, социали-

³² «Noticias de hoy», 27 сентября 1961 г.

стических революций в ряде стран Европы и Азии, а теперь — и опытом Кубинской революции.

За короткий срок революция разбудила в народе огромные творческие силы. Для Кубы характерен громадный рост политической активности и сознательности масс. Это сказалось в создании Объединенных Революционных Организаций — основы марксистско-ленинской партии, в создании Союза молодых коммунистов, в росте и укреплении профсоюзов и организаций крестьян, женских демократических объединений, детской пионерской организации, создании массовых отрядов народной милиции. Народ пробужден к активной политической жизни. Это ярко ощущается во время миллионных митингов на площади Хосе Марти в Гаване, куда стекаются не только жители столицы, но и население сельских местностей, на митингах в провинциях, на землях и плантациях. Революционным боевым духом насыщена печать Кубы. В городах и селениях страны — всюду плакаты, транспаранты с революционными призывами.

На фронтонах Гаванского аэропорта начертаны гордые слова: «Куба — свободная территория Америки». Всюду плакаты: «Мы победим, потому что история за нас!», «Благодарим за братскую помощь страны социализма». На многих учреждениях написано: «Здесь работают по принципу — победить или умереть». А вот плакат, на котором нарисован ребенок: «Этот ребенок будет патриотом или предателем — это зависит от тебя. Воспитай его в духе революции».

На стенах зданий, на площадях больших городов и крохотных селений, на страницах газет создается живая летопись молодой Кубинской революции. «Родина или смерть! Мы победим!» — восклицает Куба тысячи раз устно и письменно. Языком плакатов Куба передает революционный дух народа, его настороженность, передает ту атмосферу, в которой происходит революция, все ее своеобразие. Лозунги славят Революцию, выражают гордый дух свободных кубинцев. Это автографы Революции.

«Мы не протекторат и не колония» — написано на большом щите, выставленном на пути с аэродрома в Гавану. «Тут у нас окопы и идеи» — возвещает другой плакат. «Учеба, работа, оружие!» — лозунг Ассоциации повстанческой молодежи, «К стене захватчиков!», «Кто придет сюда с мечом, тот здесь и останется».

В лифте монумента Хосе Марти мы прочитали: «Куба не сдается и не продается», и внизу на белом поле карандашом — перевод на русский язык. Когда Юрий Гагарин гостил на Кубе, эту надпись перевели специально для него.

На многих плакатах воспроизведены слова Н. С. Хрущева о солидарности с Кубой всех прогрессивных людей.

А вот обрамленное бородой замечательное лицо одного из зачинателей борьбы за свободную Кубу Камилло Сыенфуэгоса. На Кубе свято чтят его память: «Майор, в каждом сражении народ вспоминает твое имя».

В телеграфном агентстве Пренса Латина висят лозунги: «Экономия + производство = бомбе в 100 мегатонн против империалистов», «Революционная пресса служит социалистической Кубе».

Кубинцы хорошо понимают опасность, которой грозит им империализм США: «Помни Плайя Хирон!», «Защитим наше право на независимость, не допустим вмешательства в наши дела».

Иллюстрацией громадных изменений в сознании людей, в их быту, в поведении, может служить своеобразный моральный кодекс кубинца, выработанный Революционным правительством Кубы. Он называется «Обязанности образцового революционера»³³ и включает следующие требования: 1. Крепить оборону Родины. 2. Служить в органах Революции и выполнять ее призывы. 3. Активно проявлять в каждом случае свое сочувствие и поддержку Революции. 4. Быть дисциплинированным. Порученное дело выполнять с энтузиазмом, используя все свои способности и возможности. 5. Постоянно сотрудничать в организациях и начинаниях, направленных на благо Родины. 6. Выполнять в каждый момент то, что необходимо, и делать это безупречно. Если у тебя имеется сомнение, делай то, что подсказывают твои непосредственные руководители. 7. Преодолевать предрассудки, недостатки, пережитки прошлого и не давать сбивать себя с пути необоснованными слухами. 8. Читать революционную прессу и полезные книги, а также смотреть и слушать установочные передачи по радио и фильмы по телевидению и в кино. 9. Знать революционные законы, участвовать в проводимых мероприятиях, изучать принципы и идеологию Революции. 10. Слушать выступления руководителей и участвовать в курсах революционного инструктажа. 11. Учиться и поднимать свой общий культурный уровень. 12. Проявлять инициативу и давать эффективные советы руководителям. Ориентировать тех, кто заблуждается. 13. Проявлять товарищество, взаимное сотрудничество и солидарность. 14. Воспитывать в себе самые благородные человеческие качества. Быть честным и морально устойчивым, всегда подавать хороший пример остальным. 15. Анализировать всякий раз выполнение своего долга и стремиться всегда стать еще лучшим революционером.

Эти «Обязанности образцового революционера» широко распространены на Кубе.

³³ «Deberes del buen revolucionario». Ministerio de Educacion.

* * *

Как ни сгущены тучи над Кубой, как ни грозна опасность интервенции, кубинцы полны уверенности в победе своего правого дела. Миллионные митинги в Гаване и создание на океанском побережье пляжей для народа, вооруженные милисианос и конкурс красавиц, городские рабочие, помогающие срезать тростник, и дети, пляшущие во Дворце пионеров,— такой мы видели Кубу в начале 1962 г., Кубу строящую и веселящуюся, Кубу, готовую к защите революции, Кубу января 1962 г.

С тех пор прошел почти год. Американские империалисты, все время стремящиеся уничтожить кубинскую революцию, предприняли новые неслыханные провокации. В октябре — ноябре 1962 г. они установили военно-морскую блокаду острова Свободы и поставили человечество на грань мировой термоядерной войны. Однако, благодаря мудрой политике и мирной инициативе Советского правительства и его главы Н. С. Хрущева мир был спасен; США в ноябре 1962 г. сняли блокаду, пошли на мирное урегулирование опасного кризиса в Карибском бассейне и взяли на себя обязательство о ненападении на Кубу.

Советский народ поддерживает Кубинскую республику. «Москва и Гавана, Советский Союз и Куба навеки вместе в борьбе за сохранение завоеваний революции от прискорбных империалистов, в борьбе за торжество великих революционных идеалов марксизма-ленинизма»³⁴.

Кубинская революция молода, молоды и побеги нового. Но за ними будущее.

³⁴ Телеграмма Президиума ЦК КПСС товарищу А. И. Микояну, «Правда», 8 ноября 1962 г.

А. В. ВИНОГРАДОВ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НУБИИ

На Ниле, в районе Асуана уже третий год ведется строительство грандиозной высотной плотины, сооружаемой ОАР при экономической и технической помощи Советского Союза. С ее завершением свыше миллиона гектаров пустынных и заболоченных земель станут пригодными для земледелия, во много раз увеличився производство электроэнергии в стране, улучшится судоходство на Ниле. Образующееся при этом огромное водохранилище затопит полностью Египетскую Нубию, а также северные районы Суданской Нубии.

В связи с предстоящим затоплением на территории Нубии большого количества всемирно известных памятников древнеегипетской культуры, а также вследствие слабой археологической изученности этих районов, правительства ОАР и Республики Судан обратились в 1959 г. к ЮНЕСКО с просьбой о помощи в деле сохранения памятников древней культуры. 8 марта 1961 г. ЮНЕСКО была объявлена международная кампания по сохранению памятников древней Нубии. С целью сосредоточить усилия ученых на исследовании территории Нубии, Департамент древностей ОАР принял решение о временному прекращении археологических раскопок на территории Египта севернее Асуана.

За прошедшие два года здесь работали многие археологические экспедиции из ряда стран — Польши, Чехословакии, ОАР, Италии, Испании, США, Канады и др. Зимой 1961/62 г., впервые разбила свой лагерь на берегу Нила Нубийская археологическая экспедиция АИ СССР, направленная Институтом археологии и Институтом этнографии. Работами экспедиции руководил чл.-кор. АИ Армянской ССР Б. Пиотровский (Институт археологии АИ СССР). Первая группа сотрудников экспедиции вылетела в ОАР в начале декабря 1961 г.; во второй половине декабря в Нубии уже начаты были раскопочные работы. Они продолжались в течение трех месяцев и были закончены в середине марта 1962 г.¹.

Исследования экспедиции были сосредоточены в районе большого нубийского селения Дакка, расположенного на левом берегу Нила, примерно в ста километрах южнее Асуана. Здесь на обоих берегах реки были проведены раскопки нескольких разновременных памятников древней нубийской культуры; параллельно велись археологические разведки на довольно большом участке прибрежной полосы.

Основным объектом раскопок было поселение Хор-Дауд, расположенное на правом берегу, в устье не ольшого хора (сухого русла) и относящееся, как показали исследования, к очень раннему времени: к концу додинастического периода или к эпохе правления в Египте первых династий (конец IV тысячелетия до н. э.). Хор-Дауд — памятник чрезвычайно интересный и крайне своеобразный, неизвестного до сих пор для Нубии типа. На значительной площади здесь найдено и расчищено около шестисот скрытых под слоем песка ям различных размеров и формы. Во многих из них найдены стоявшие группами сосуды (керамическая коллекция из Хор-Дауда насчитывает не менее сотни прекрасно сохранившихся разнообразных по размеру и форме сосудов) и другие бытовые вещи, встречавшиеся, правда, значительно реже. Из последних особенно интересны кремневые вкладыши серпов, большие кремневые ножи, тщательно обработанные тонкой двусторонней отжимной ретушью, шиферная палетка для растирания краски, обломок, медного изделия, а также большая коллекция глиняных бус на различных стадиях их изготовления — от только сформованных из сырой глины до уже обожженных.

Однако особый интерес придают Хор-Дауду не находки, большинство типов которых уже известно по предшествующим раскопкам. Свообразие этого памятника в том, что, несмотря на огромную (около двух гектаров) раскопанную за три месяца

¹ В работах экспедиции принимали участие: зам. начальника экспедиции П. Д. Даровских, археологи Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков (ИА АИ СССР), А. В. Виноградов (ИЭ АИ СССР), архитектор Л. А. Петров (Центральные научно-реставрационные мастерские), фотограф Л. Н. Петров (ИА АИ СССР), художник В. В. Пименов, механик М. У. Юнисов (ИЭ АИ СССР). В работах экспедиции участвовал также сотрудник Департамента древностей ОАР, археолог Фуад Якуб.

Рис. 1. Группа сосудов у одного из погребений могильника Хор-Набрук

площадь (территория, на которой былиющими группами располагались ямы, практически уже исчерпаны), здесь не удалось обнаружить никаких следов жилищ. Не было здесь и столь характерного для всех поселений обычного типа культурного слоя с обломками керамики, следами различных ремесел и остатками пищи. Эти обстоятельства, а также характер находок и их положение в ямах дали основания для интерпретации этого замечательного памятника. Б. Б. Пиотровский предполагает, что поселения хордаудиев, связанные с обрабатываемыми участками, были расположены на левом берегу Нила, в то время как на правом, малопригодном для земледелия, паслись стада. Хор-Дауд был, вероятно, своего рода перерабатывающим молочным «предприятием», куда доставлялось молоко и откуда оно, после переработки, в более удобном для транспортировки через Нил виде попадало на левобережные поселения. Небольшая группа людей, связанная с переработкой молока, обитала здесь (возможно, только сезонно) в каких-то легких жилых сооружениях, остатки которых, естественно, не сохранились. Уже начавшаяся научная обработка полученного с Хор-Дауда обильного материала безусловно позволит уточнить многие детали истории этого памятника, имеющего важное значение для изучения экономики и культуры населения Нубии в очень интересное для нас время — в период сложения египетского государства, одного из древнейших государств мира.

Параллельно с работами на Хор-Дауде производились раскопки могильников, обнаруженных экспедицией в разных местах на левом берегу Нила. Самый ранний из них, датируемый временем правления в Египте IV—VI династий (период Древнего царства, первая половина III тысячелетия до н. э.), расположен напротив Хор-Дауда в районе селения Западная Куштамна, на пологого спускающейся к Нилу прибрежной песчаной полосе. Он дал типичные рядовые погребения нубийцев этой эпохи.

В овальных или круглых в плане могильных ямах вместе с лежащими на боку скрещенными костяками были обнаружены характерная для этого времени керамика, разнообразные бусы из стеатита, раковин и слоновой кости, каменные палетки, одна из которых со следами растирания зеленой малахитовой краски. Интересен найденный в одном из погребений туалетный набор, состоявший из овальной песчаниковой палетки, маленькой заостренной палочки из слоновой кости, употреблявшейся для нанесения краски, и кусочка желтой охры со следами растирания.

Здесь же рядом был раскопан небольшой могильник более позднего времени, точная датировка которого из-за недостатка материала (все раскопанные погребения оказались ограбленными) крайне затруднительна.

Несколько выше по течению, в районе селения Курта, также на левом берегу, были исследованы небольшие могильные группы эпохи Среднего и Нового царств, а также начаты раскопки большого могильника Хор-Набрук, датируемого периодом Среднего царства (так называемая «группа С» по разработанной для Нубии археологической периодизации). На площади могильника вскрыто больше тридцати погребений с большими грунтовыми ямами и высокими кольцевыми выкладками из песчаниковых плит на поверхности. Все раскопанные могилы оказались ограбленными, однако на поверхности, под толстым слоем песка с внешней восточной стороны каменных выкладок были обнаружены группы жертвенных сосудов — от одного до семи при каждом из погре-

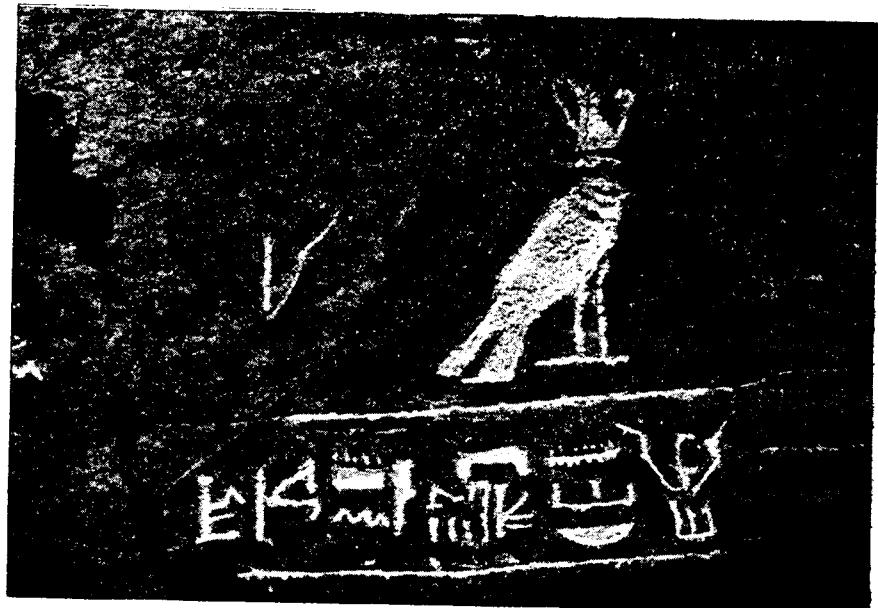

Рис. 2. Древнеегипетская наскальная надпись. Вади Алаки

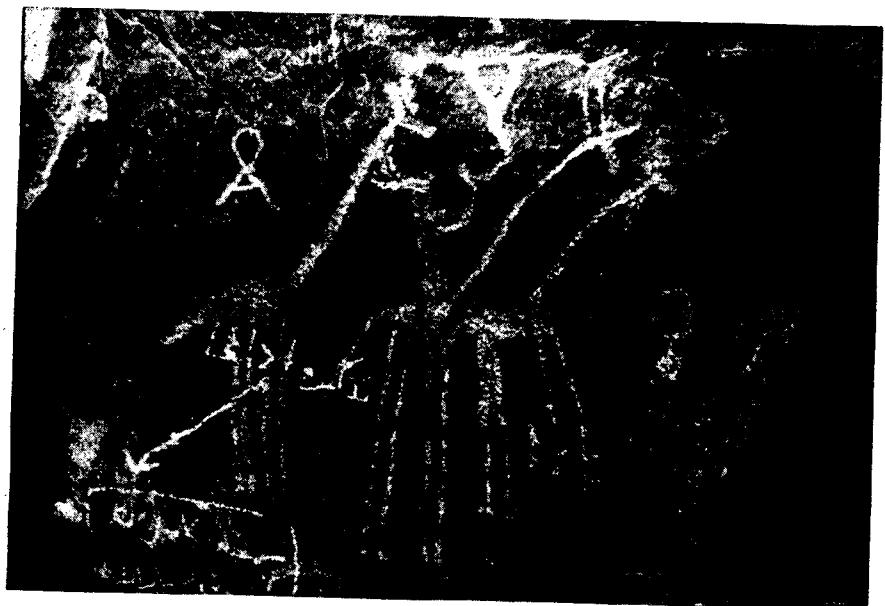

Рис. 3. Наскальные рисунки. Вади Алаки

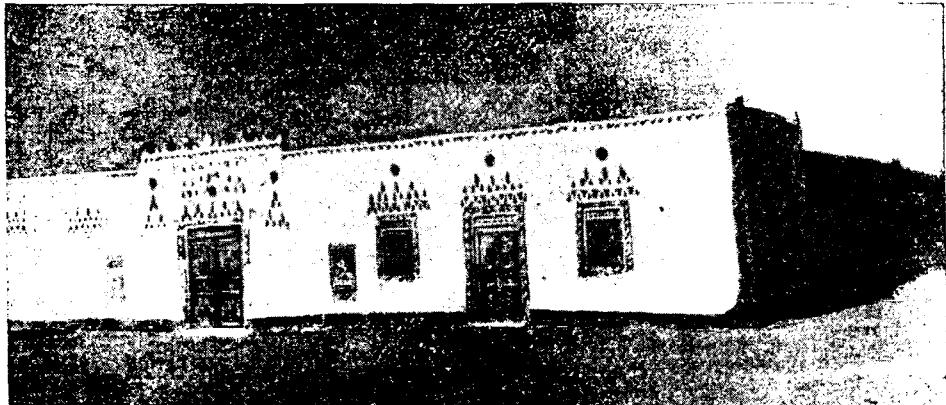

Рис. 4. Один из домов нубийского селения Курта

бений. Керамическая серия из Хор-Набрука насчитывает свыше семидесяти сосудов различных форм отличной сохранности. Наиболее любопытные из них это, во-первых, шаровидный с узким горлом сосуд с изображениями животных на стенах, во-вторых большая группа чашек полусферической формы, сплошь покрытых богатым прочерченным орнаментом геометрического характера.

Большую научную ценность, учитывая почти полную неизученность каменного века на территории Нубии, имеют находки палеолитической эпохи, сделанные участниками экспедиции во время разведывательных маршрутов по обоим берегам реки. Зафиксировано свыше десяти пунктов находок каменных орудий. Наиболее ранние из них относятся к мустерской, а некоторые даже к ашельской эпохе. Верхнепалеолитический период представлен несколькими развеянными стоянками с характерной микролитической галечной индустрией так называемого себильского типа.

И, наконец, экспедицией начата большая и сложная работа по изучению многочисленных древнеегипетских и более поздних наскальных надписей, а также разновременных наскальных изображений, как из числа ранних известных в этом районе, так и вновь открытых участниками экспедиции. Наскальные надписи и рисунки обследованы на обоих берегах реки, на прибрежных скалах и на отдельных останцах коренных пород, расположенных в некотором отдалении от Нила. Особенно интересен в этом отношении район древнего сухого русла Вади-Алаки, впадавшего в Нил в районе Даакки. Некоторые участки Вади-Алаки были обследованы участниками экспедиции в процессе двух больших разведывательных автомобильных маршрутов. Как выяснилось, многие из обследованных нами древнеегипетских надписей связаны с многочисленными египетскими экспедициями, направлявшимися в Нубию за рабами, скотом, слоновой костью, деревом для постройки кораблей и камнем для сооружения храмов. В надписях чтили погибших участников этих продолжительных и опасных экспедиций, а также просили о сохранении жизни.

Таковы основные итоги археологических исследований советской экспедиции в Нубии. Работы экспедиции были очень успешными. Полная публикация всего материала, научная обработка которого сейчас проводится, будет осуществлена в первом томе Трудов Нубийской экспедиции.

* * *

Три месяца работ в Нубии позволили нам, хотя и очень бегло, познакомиться с отдельными сторонами жизни и быта населения нескольких нубийских деревень, расположенных обычно цепочкой по обоим берегам Нила. Сложенные из песчаниковых плит и облэмков и обмазанные илом дома нубийцев располагаются, как правило, прямо у воды, на прибрежных скалах или на прилегающем к реке песчаном склоне. Высокие стены, большие огороженные стеной дворы с выходящими в них дверьми внутренних жилых и хозяйственных помещений, плоские перекрытия и отсутствие окон — все это несколько напоминает сельскую жилую архитектуру некоторых районов Средней Азии. Узкая деревянная дверь, часто украшенная резьбой и ведущая в огороженный высокой стеной двор, оформлена высоким плоским порталом. На украшение портала, особенно в больших богатых домах, идет не один десяток белых или разрисованных фаянсовых блюд и тарелок. Они вмазаны донцем в стену и располагаются симметрично над дверью и по бокам ее.

Побеленные фасады домов украшены обычно яркой многокрасочной росписью. Наряду с традиционными мотивами, преимущественно орнаментами геометрического характера и оберегами, очень часто встречаются пейзажи и жанровые сцены уже современного характера: пароходы на Ниле, высотная Асуанская плотина, играющие ребя-

Рис. 5. Нубийские женщины плетут из пальмовых листьев разнообразные изделия

Рис. 6. Шадуф на берегу Нила

тишки (часто уже в европейской одежде), женщина, приготовляющая пищу на при-
мусе, и т. п.

В обычные, не праздничные дни деревня мало оживлена: сказывается и отсутствие основной части взрослого мужского населения, находящегося на заработках в городах, и то, что повседневная жизнь проходит в основном за высокими стенами двора. Во время раскопок могильника Хор-Набрук, расположенного в самом центре деревни Курта, часто приходилось наблюдать, как собравшиеся в тени высоких стен дома группы женщин занимались плетением разнообразных бытовых изделий из пальмовых листьев. Короткое стальное шило и сосуд (чаще всего консервная банка) с водой для размачивания волокон — единственное орудия мастерниц. Очень разнообразны формы этих изделий: различные сумки и корзиночки, подставки и крышки для керамической посуды, вазы и т. д. Окрашивая отдельные волокна в яркие цвета, мастерицы украшают свои изделия разнообразными орнаментами геометрического характера, близкими в ряде случаев к традиционным мотивам росписи домов.

Основное занятие местных жителей — земледелие, возможности которого очень ограничены, так как имеющиеся технические средства не позволяют оросить сколько-нибудь значительные участки земли. Основной земледельческой площадью для большей части деревень являются узкие полоски заиленной земли вдоль обоих берегов Нила,

освобождающиеся от воды в летние месяцы, когда основные запасы теперешнего нубийского водохранилища разбираются для орошения обрабатываемых в Египте земель. В отдельных деревнях, в частности в Дакке и Вади-Алаки, круглогодичное орошение значительных по нубийским масштабам площадей (в несколько десятков гектаров) осуществляется при помощи плавучих насосных станций. Насосная станция в Дакке орошает большой, лежащий значительно выше зимнего уровня Г'ила, участок земли по-зади деревни. Здесь кроме злаковых и огородных культур выращивают апельсиновые и лимонные деревья, финиковую пальму и др. Орошаемые участки выделяются здесь жителям не только Дакки, но и других деревень. Для орошения небольших прибрежных участков широко применяются шадуфы и сакии.

В жарком тропическом климате Нубии плодородная нильская земля при соответствующем уходе может дать несколько урожаев в год, но требуется огромная затрата труда, чтобы обеспечить водой даже крохотный участок. Поэтому до сих пор жизнь нубийского крестьянина очень тяжела. Постройка высотной Асуанской плотины, которая, как полагают, даст возможность удвоить сельскохозяйственное производство в стране, позволит обеспечить орошаемой землей (уже на территории Египта) сравнительно немногочисленное население Нубии.

Через несколько лет Нубия как этнографическая область исчезнет навсегда. И приходится только сожалеть об отсутствии в настоящее время этнографических исследований в этой очень интересной и малоизученной стране.

Х Р О Н И К А

О ПЕРЕДАЧЕ ФОНДА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В АРХИВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В мае 1962 г. постановлением Президиума Совета Московского общества испытателей природы при Московском университете (МОИП) архив Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ) был передан Институту этнографии АН СССР.

Материалы этой части архива ОЛЕАиЭ содержат 417 дел и охватывают весь период существования Общества — с 1863 г. по 1935 г., когда оно было слито с МОИП. Краткая опись архива была составлена в 1950-х годах, но материалы почти не были систематизированы и обработаны; кроме того, многие из них нуждаются в реставрации¹.

Материалы Этнографического отдела состоят в основном из записей фольклора и этнографических сведений, собранных во второй половине XIX — начале XX в., а также рукописных исследований в области фольклористики и этнографии за тот же период. Кроме того, в архиве имеются единичные палеографические записи начиная с XVII в.

Территориально материал охватывает 38 губерний и 3 области России (по дореволюционному административному делению): Архангельская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Седлецкая, Симбирская, Смоленская, Сыр-Дарьинская (обл.), Тамбовская, Терская (обл.), Тобольская, Томская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Якутская (обл.), Ярославская.

Много материалов дано не по отдельным областям, а по более крупным территориальным делениям: Поволжье, Средняя Азия, Северо-Восточная Азия, Сибирь, Крым, Кавказ, Мурман.

В архиве представлены, кроме преобладающих количественно этнографических и фольклорных материалов по русскому населению, 28 народов России. По лингвистической классификации и современному наименованию это народы, говорящие на языках индоевропейской семьи (украинцы, белорусы, поляки, литовцы, молдаване, шугнаны, ваханцы, цыгане, европейские евреи), кавказской семьи (грузины, кабардинцы, черкесы), уральской семьи (финны, саамы, коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва, ханты), алтайской семьи (чуваши, татары, башкиры, киргизы, якуты, буряты), а также палеоазиатской группы языков (чуки) и китайско-тибетской (корейцы).

Имеются рукописи статей и записи многих известных русских этнографов и фольклористов конца прошлого — начала нынешнего века: А. Н. Пыпина, А. М. Маркова, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. С. Державина и др. Из группы этнографов — политических ссыльных следует назвать И. Г. Прыжова, А. А. Савельева, Феликса Коня, В. Г. Бородаз-Тана. Из этнографов-фольклористов, занимающихся музыкальным фольклором, отметим Е. Р. Романова, В. К. Пасхалова, М. Е. Пятницкого.

Многочисленные фольклорные и этнографические записи ряда собирателей, например, по Вологодской губернии — А. Д. Неустроева, П. А. Дилакторского, по Ярославской губернии — И. В. Костоловского и др., к сожалению, не выделены в цельные собрания, а разбросаны по различным жанровым и тематическим разделам.

Фольклорные записи содержат произведения различных жанров, но преобладают песни: исторические, солдатские, «подголосные», свадебные, колядки (белорусские и русские), сектантские и пр. Имеется песня из рукописи XVIII в., украинские песни об

¹ Во время Великой Отечественной войны в помещение, где находились материалы архива МОИП, попала бомба; часть архива (в том числе и материалы Этнографического отдела) загорелась и была при тушении залита водой, но серьезно архив не пострадал.

униатском духовенстве и др., а также материалы по «Песням, собранным П. В. Кириевским».

В архиве имеются также причитания (рекрутские), сказки, легенды, предания, загадки и поговорки, устные рассказы, народная драма («Царь Максимилиан»), частушки, материалы по народному календарю и народной медицине, заговоры и пр.

Лингвистика представлена материалами к словарям разных народов (ваханцы и шугнанцы, саамы, удмурты, цыгане и др.) и сведениями о разных наречиях русского языка и о языках народов России. Имеется письмо А. Подвысоцкого о словаре архангельских речений, составленном П. С. Ефименко.

Библиографические материалы составляют вырезки из газет с сообщениями этнографического характера; списки статей этнографического содержания во «Владимирских губернских ведомостях» и «Пензенских епархиальных ведомостях»; подборки для указателя к «Трудам» Общества, составленного Н. Я. Янчуком.

В настоящее время в Институте этнографии АН СССР начата научная обработка архива, что позволило уже выделить в нем следующие крупные разделы: ответы корреспондентов по вопросникам, рассыпавшимся ОЛЕАиЭ на места — по жилищу, одежде, обычному праву и верованиям; рукописи исследований и сообщений по этнографии и фольклору (по комплексному изучению отдельных местностей и по тематическому); фольклорные записи; материалы по лингвистике; библиографические сводки; вырезки из газет и пр.

Известная часть материалов архива, конечно, была ранее опубликована в «Этнографическом обозрении» и других изданиях Общества; особое значение будет иметь установление разнотечений, купюр² и т. п., а также выявление неопубликованных рукописей.

Таким образом, архив Этнографического отдела ОЛЕАиЭ содержит богатые материалы, большинство которых после научной и архивной обработки может быть непосредственно использовано в самых различных работах этнографов и фольклористов и при публикации текстов.

B. C. Арнольди, P. C. Липец

² Многое в этом отношении смогут дать, например, обширные рукописные материалы В. Н. Добровольского к его опубликованному «Смоленскому этнографическому сборнику», ч. 1—4, СПб., 1891—1903.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Народна творчість та етнографія. Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УССР і Міністерства культури Української РСР, рік видання п'ятий, Київ, 1961, кн. 1—4.

В 1961 г., как и в предыдущие годы, журнал «Народна творчість та етнографія» печатал статьи и материалы, рассчитанные на широкий круг читателей, интересующихся вопросами народной культуры и быта — научных работников, преподавателей вузов и средних школ, студентов, работников культурно-просветительных учреждений, руководителей и участников художественной самодеятельности. Это определило и структуру журнала. В нем сохранились разделы: «Статьи», «Заметки и материалы», «Публикации», «В помощь учителю», «В помощь художественной самодеятельности», «Критика и библиография», «Хроника» и «Нам пишут».

Важнейшие достоинства журнала — выдвижение на первый план проблем современности, участие в журнале довольно обширного круга авторов из различных областей Украины и других республик, умение быстро откликаться на политические и научные события.

Вопросы, поднимаемые в журнале, разнообразны. И все же нельзя не отметить некоторой неравномерности в распределении места в журнале между отдельными областями этнографии. Так, в разделе «Статьи» в четырех книгах журнала за рецензируемый 1961 год 29 статей посвящены словесному и музыкальному фольклору и народному танцу во взаимосвязи их с профессиональным искусством и только 9 статей — всем остальным вопросам. Примерно таково же соотношение и в других разделах. Возможно, это было вызвано подготовкой к Всесоюзному совещанию по вопросам современного фольклора, которое состоялось в Киеве в ноябре — декабре 1961 г. В известной мере здесь сказалось и то, что в 1961 г. широко отмечалось столетие со дня смерти Т. Г. Шевченко. В связи с этим юбилеем в журнале было опубликовано свыше десяти статей, в различных аспектах освещающих тему «Шевченко и фольклор»¹.

В последние годы все большее место в работе украинских этнографов занимает изучение современного быта рабочих. В рецензируемом журнале из номера в номер публикуются материалы по производственному и общественному быту рабочих. Отметим статьи Д. И. Фиголя «Коммунистические черты в производственном и общественном быту рабочих г. Львова» (кн. 1) и В. В. Миронова «Новые черты в производственном быту горняков Криворожья» (кн. 4), в которых основное внимание уделяется изменениям в производственном быту рабочих под влиянием широко развернувшегося движения за коммунистический труд. Жаль, что авторы статей ограничились исследованием только производственного быта рабочих. Интересно было бы проследить, как участие в движении за коммунистический труд влияет на общественный и семейный быт рабочих, их бытовые навыки, вкусы, запросы, проведение досуга.

Несомненный интерес представляет статья О. В. Кравец и А. Ф. Кувеневой «Новое в общественном и семейном быту колхозников Советской Украины» (кн. 1). В ней показаны новые явления жизни украинского села: широкое строительство школ-интернатов, домов для престарелых, домов отдыха и санаториев методом народной стройки за счет колхозных фондов; улучшение культурно-бытового обслуживания села; новые формы организации отдыха; традиции, складывающиеся в общественном быту тружеников села.

¹ Например, в кн. 1: П. И. Пильчук, Женская доля в народной лирике и лирике Т. Г. Шевченко; О. А. Правдюк, «Кобзарь» и Т. Г. Шевченко в музыкальном быту украинского народа; Г. С. Сухобурс, Т. Г. Шевченко о фольклоре; в кн. 2: Д. О. Кушнаренко, Т. Г. Шевченко — собиратель фольклора; П. П. Охрименко, Т. Г. Шевченко и белорусское песенное творчество; в кн. 3: М. О. Кузьменко, Образ Т. Г. Шевченко в фольклоре.

Этнографическому изучению колхозных сел Кустанайской и Кокчетавской областей Казахской ССР посвящена статья Т. В. Станюкович «Некоторые итоги исследования восточнославянского населения целинных земель Казахстана» (кн. 2), в которой подведены предварительные итоги работы Казахстанского отряда комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР.

К сожалению, большинство перечисленных статей очень невелики по объему (в среднем 2—5 страниц с иллюстрациями); это определяет их беглость, фрагментарность, описательность. Авторы, как правило, верно выявляют факторы, влияющие на современный быт города и деревни, но редко показывают реальный ход борьбы старого с новым в быту, распространенность описываемых ими явлений и т. д.

В 1961 г. журнал почти не публиковал материалов по вопросам религии и атеизма (исключение составляет статья В. Ю. Келембетова «О религиозных пережитках в быту и борьбе с ними», кн. 4), об изменениях в семейном быту, по истории социальных форм, народного жилища, одежды и других элементов материальной культуры.

В 1961 г. в журнале был опубликован ряд статей по основным проблемам современной фольклористики². Авторы их выступают против недооценки современного народного творчества и призывают активизировать работу по его сабианию, изучению и публикации. Наибольший интерес представляет статья киевского фольклориста Л. И. Ященко «Народная песня и современность» (кн. 3). Автор убедительно доказывает незакономерность сужения понятия «современный фольклор», в частности «современный песенный фольклор», до понятия «фольклор советской тематики». «То, что у нас считается современным песенным фольклором,— пишет он,— это, по сути, лишь его небольшая часть, которую можно классифицировать как „современные песни на социально-бытовую тематику“» (стр. 13). Эти песни не исчерпывают песенного богатства современного фольклора, неотъемлемой частью которого являются активно бытующие произведения дооктябрьской песенной лирики.

Говоря о художественной самодеятельности, автор предостерегает против отождествления ее с фольклором. Нельзя не согласиться с его утверждением, что песню самодеятельного автора или коллектива только тогда можно считать народной, когда она глубоко войдет в быт.

Наряду с теоретическими статьями по современному фольклору в журнале были опубликованы статьи И. П. Пестонюка³ об украинских народных песнях начала 20-х годов, второй половины 40-х годов, 50-х — начала 60-х годов. Автор на большом фактическом материале раскрывает идеиное содержание, тематику и образы украинских народных песен этих лет. К сожалению, он не касается бытования песен. Остается неясным, распространены ли они повсюду или только там, где были созданы; поются всеми или ограниченным кругом людей (авторами, участниками художественной самодеятельности, производственными коллективами); претерпевают какие-либо изменения в процессе бытования или нет. А ведь все это имеет большое значение для научного обоснования современного состояния народного песнетворчества и основных процессов, происходящих в нем. Вызывает возражение недостаточно критический подход И. П. Пестонюка к отбору текстов. Автор порой забывает о том, что в фольклорном произведении важны не только идеиное содержание и тематика, но и их художественное воплощение.

Мы остановились на этом вопросе в связи с тем, что и в некоторых других статьях (например, в статье И. П. Березовского «Вопросы отражения действительности в народно-песенном образе», кн. 3) и при публикациях произведений народной поэзии обычно не рассматривается степень распространенности той или иной песни, характер ее бытования, ее роль в современном массовом репертуаре или в художественной самодеятельности. Публикуя интересные материалы художественной самодеятельности, редакция журнала сопровождает их, по традиции, только ссылкой на место и время их записи.

Истории украинского фольклора посвящена статья М. М. Плисецкого «О происхождении думы „Иван Коновченко“». На основе сравнительного изучения 46 вариантов этой думы автор приходит к выводу, что она была создана не во второй, а в первой половине XVII в., и связана с событиями не 1684 г., а 1628 г. В статье впервые опубликован вариант думы, обнаруженный в архиве И. И. Срезневского (записан в 1845 г. В. М. Белозерским). Представляет интерес и статья Г. А. Нуды «Древнейшие записи украинских народных песен».

В 1961 г. в журнале опубликованы также работы из области исторической этнографии, например по этногенезу. Я. П. Прилипко в статье «Сравнительно-историческое изучение народной одежды болгар и восточных славян и вопросы этногенеза болгарского народа» (кн. 1) приходит к выводу, что наличие общих черт в народной

² См.: Ю. А. Самарин, Новые явления в современном фольклоре (кн. 1); Ф. И. Лавров, Против недооценки советского народно-поэтического творчества (кн. 2); И. П. Березовский, Вопросы отражения действительности в народно-песенном образе (кн. 3); К. С. Давлетов, О современном фольклоре и его будущем (кн. 4).

³ «Воспевание в украинской народной поэзии установления социалистического строя» (кн. 1), «Украинское народное песенное творчество первых послевоенных лет» (кн. 3), «Песенное творчество украинского народа о строительстве коммунизма» (кн. 4).

одежде болгар и восточных славян свидетельствует об этническом родстве этих народов, и приводит новые данные для подтверждения тезиса о значительной роли восточных славян в этногенезе болгарского народа. К сожалению, не все параллели, приведенные автором, одинаково убедительны, так как при этом не дается необходимых сопоставлений с одеждой исторических соседей болгар и восточных славян (турецких, романских народов и др.).

Л. И. Лавров в статье «К вопросу об украинско-кавказских культурных связях» (кн. 3) указывает на этническое родство народов Кавказа с доскифским населением современной Украины и приводит ряд этнографических параллелей между украинцами, адыгейцами и кабардинцами.

К. Г. Гуслистой в статье «Историко-этническое развитие украинского народа во второй половине XVII — первой половине XIX ст.» (кн. 3) дает общую характеристику процесса формирования украинской нации на протяжении этого периода. Статья эта служит продолжением работ автора, написанных им ранее и опубликованных в том же журнале в 1959—1960 гг.

Следует приветствовать появление в рецензируемом журнале работ о современном состоянии зарубежной этнографии и фольклористики. Статья Ю. П. Аверкиевой «Современные течения в буржуазной этнографии» (кн. 4) знакомит читателей с основными направлениями этнографической науки в капиталистических странах. В статье Л. М. Земляновой «Прогрессивная пресса США в борьбе за передовую фольклористику» характеризуются наиболее значительные работы прогрессивных американских фольклористов и журнал «Синг аут» («Пой»), играющий большую роль в теоретической борьбе прогрессивных фольклористов США против реакционной буржуазной науки о фольклоре.

В разделе «Заметки и материалы» также четко прослеживается основное направление журнала — главное внимание современности. Тематика статей здесь весьма разнообразна и перекликается с предыдущими разделами: современный быт киевских швейников и других рабочих Украины; добровольные народные дружины; новые явления в быту колхозников-переселенцев среднего Приднепровья и трудящихся Новоград-Волынского района УССР; изменения в планировке жилищ колхозников; творчество талантливых народных мастеров и музыкантов; самодеятельные народные театры Украины; современные песни украинского народа; народные песни и танцы Румынии; польско-украинские фольклорные связи; фольклор калмыков и пр.

В разделе «Публикации» в 1961 г. печатались преимущественно фольклорные материалы, записанные в советское время, — народные легенды, предания и песни с Т. Г. Шевченко, а также его стихи, ставшие народными песнями (кн. 1); песни западноукраинского революционного подполья (кн. 2); хороевые песни, исполнявшиеся в первые весенние вечера, записанные в 1930-х годах на Волыни (кн. 2); песни, частушки, пословицы, поговорки, коломыйки о Коммунистической партии, семилетке, строительстве коммунизма (кн. 3, 4). Заслуживает внимания тот факт, что записи многих произведений о событиях наших дней сделаны не фольклористами-профессионалами, а любителями народного творчества, ставшими постоянными корреспондентами журнала.

Особо следует отметить первую публикацию в кн. 2 двух работ И. Франко: о записи народных песен («Обращение») и о собирании этнографического материала по крестьянскому жилищу (проспект-вопросник «Крестьянский дом»). Этот вопросник может быть использован не только при составлении программы для собирания материалов, но и при исследованиях в данной области. Знакомство с ним, несомненно, будет очень полезным для всех этнографов, занимающихся народным жилищем.

Статьи раздела «В помощь художественной самодеятельности» — «Основные движения украинских народных танцев» А. И. Гуменюка и А. П. Лукина (кн. 2—4) и «Как наш самодеятельный коллектив создает свой репертуар» К. Е. Василенко (кн. 1) — посвящены современной украинской народной хореографии. Обе они, несомненно, могут оказать существенную практическую помощь самодеятельным танцевальным коллективам. Однако хотелось бы, чтобы в этом разделе появлялись статьи и о других видах художественной самодеятельности.

В разделе «Критика и библиография» рецензируются наряду с работами украинских этнографов и фольклористов исследования и сборники материалов, выходящие не только за пределами республики, но и за пределами Советского Союза, в частности в Румынии⁴ и Чехословакии⁵. Очень ценные библиографические указатели литературы по фольклору и этнографии украинского народа, печатаемые в журнале из года в год. В 1961 г. был опубликован «Библиографический указатель литературы по этнографии за 1959—1960 гг.», составленный В. Зиничем. В указатель вошли отдельные издания и публикации в украинских журналах и научных сборниках (статьи, заметки, материалы, сообщения, рецензии). Включены в него также работы по украинской этнографии, опубликованные в СССР за пределами Украины, и рецензии на работы украинских со-

⁴ См.: О. Романец, Фольклорные издания в Румынии (кн. 2).

⁵ См.: О. Кунецкий, Чехословакские этнографы исследуют рабочий быт (кн. 3); В. Головский, Чешские народные песни и танцы (кн. 4). К ним примыкает и рецензия В. Скрипки «Ласточка с Пряшивицами» (кн. 3).

ветских этнографов в иностранной периодике. В первой книге журнала было опубликовано и окончание «Библиографического указателя литературы по фольклору (1945—1958 гг.)» М. Марченко и П. Павлия⁶, а в кн. 3 — дополнение к нему, составленное авторами на основе замечаний, предложений и дополнений, полученных ими от ряда корреспондентов.

В разделе «Хроника» широко освещается собирательская и исследовательская деятельность Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, высших учебных заведений Украины и домов народного творчества.

Материалы, помещенные в разделе «Нам пишут», — либо новые записи украинского фольклора, присланные из разных районов республики, либо описания народных праздников и тематических вечеров, либо сообщения о работе местных фольклорных и других кружков.

В целом журнал «Народна творчість та етнографія» несомненно представляет большой интерес. Хотелось бы только пожелать, чтобы в будущем было изменено соотношение между материалами по народному творчеству и этнографии в пользу последних, а также расширена проблематика статей по изучению современного состояния фольклора и быта.

Н. Полищук

⁶ Начало см. в журнале «Народна творчість та етнографія»: 1959, кн. 2—4; 1960, кн. 1—4.

НАРОДЫ СССР

Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР: т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959, стр. 216; т. 12. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана, Алма-Ата, 1961, 194 стр.

Коллектив этнографов Академии наук Казахской ССР ведет большую и плодотворную работу по изучению культуры и быта казахов и некоторых других народов Казахстана. Экспедициями обследуются все более обширные пространства огромной территории Казахстана. Основной задачей этнографических экспедиций является сбор материалов для историко-этнографического атласа Казахстана, а также изучение современного быта и культуры казахов.

Результаты полевых исследований 1955—1960 гг. опубликованы, помимо периодических изданий, в трех сборниках Трудов Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР (тт. 3, 6 и 12). Том 3, посвященный современному быту и культуре казахов и уйголов, был рассмотрен на страницах журнала «Советская этнография»¹. Том 6 представляет собой сборник статей, характеризующих различные стороны хозяйственной деятельности, материальной культуры и прикладного искусства казахов, а также их родоплеменной состав и социальные отношения в дарево-лиционное время. Одна из статей носит историографический характер. В томе 12, наряду с этнографическими работами, посвященными тем же вопросам, что и предыдущий сборник, имеются восемь археологических статей и одна антропологическая.

Результаты исследований этнографических экспедиций в целом освещены в двух работах: И. В. Захаровой «Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов»² (т. 6, стр. 3—18) и Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой «Результаты работы этнографической экспедиции в Южно-Казахстанскую область в 1958 г.» (на казахском яз., т. 12, стр. 92—118).

Обе работы содержат четкую характеристику и анализ материалов, собранных экспедициями. Особенно хорошо освещены такие темы, как история земледелия, история типов поселений и жилища. Очень ценным является выделение определенных типов кочевого жилища. Но в работе И. В. Захаровой нам кажется неудачным применение термина «калмыцкий тип юрты» в отношении приводимого автором типа юрты с высоким куполом — типа, характерного для всего Семиречья и широко распространенного и на территории Северной Киргизии. Как известно, калмыцкая юрта отличается совершенно прямыми жердями («уык»), составляющими купольную часть остова юрты, тогда как в охарактеризованном автором «семиреченском» типе изгиб в нижнем конце уыка, определяющий форму купола, — обязателен.

Весьма ценные материалы по старинной одежде, особенно описание мужских и женских головных уборов с выделением локальных, родоплеменных и возрастных раз-

¹ О. Корбей и Е. Махова. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 3, Этнография; «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 150—154.

² В 1955 и 1956 гг. были обследованы юго-западная часть Семипалатинской области, юго-восточная часть Карагандинской области, южная часть Кустанайской области и два района Актюбинской области (Темирский и Иргизский).

личий. Однако авторы недостаточно обращают внимание на характеристику такого интересного историко-культурного объекта, как женские украшения. В приводимых таблицах следовало бы дать подробную и точную аннотацию, указав, к какому району и к какой родоплеменной группе относится каждое из воспроизведенных украшений. То же следует сказать и по поводу таблицы головных уборов в совместной статье Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой.

Существенным недостатком рассматриваемых двух статей (в чем отразилось, по-видимому, общее направление полевых исследований), на наш взгляд, является отсутствие сведений о других народах, живущих в изучаемых областях, и отсутствие хотя бы самых общих данных по истории сложения населения этих областей. В результате такого подхода к изучению культуры и быта казахов по многим важным вопросам не сделаны выводы. Сказанное особенно относится к такой интересной историко-культурной области, как Южный Казахстан. Если бы авторы не только вскользь упомянули в нескольких местах о проживании узбеков в области, а описав расселение узбеков на этой территории и дав хотя бы самую краткую их этнографическую характеристику, отметили бы, что узбеки, как и казахи, являются исконными наследниками ряда районов Южного Казахстана, то приводимые аналогии с материальной культурой узбеков не приняли бы форму констатации сходства, а раскрыли бы глубокие корни культурного взаимовлияния и взаимосвязей. Правда, авторы привлекают значительный сравнительный материал по другим народам Средней Азии и в результате этого приходят кциальному выводу об исконных этнических связях казахов Южного Казахстана с каракалпаками, узбеками, живущими по Сыр-Дарье (почему только по Сыр-Дарье?) и с киргизами Южной Киргизии (почему только Южной Киргизии?).

Следует сказать, что привлечение сравнительного материала в работе Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой является большим достоинством ее, ибо в большинстве статей о прикладном искусстве аналогии с другими народами Средней Азии приводятся крайне редко и в результате этого работы носят преимущественно описательный характер.

Вывод в статье И. В. Захаровой (т. 6, стр. 17) о том, что единый комплекс культурно-бытовых особенностей связан с населением определенной территории и далеко не совпадает с разделением казахов по племенам, очень интересен, но пока носит предварительный характер.

Две статьи посвящены родоплеменному составу казахов: В. В. Вострова «Родоплеменный состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (конец XIX — начало XX в.)» (т. 12, стр. 119—135, с приложением четырех карт) и М. С. Муканова «К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарынской области (вторая половина XIX в.)» (т. 12, стр. 136—147, с приложением одной карты).

Весьма отрадно, что казахстанские этнографы занялись разработкой карт расселения родоплеменных групп казахов. Карты эти необходимы не только для разработки исторических проблем, но и как основа для картографирования объектов материальной и духовной культуры.

Статьи посвящены областям со сложным этническим составом населения. Освещение истории формирования населения изучаемых областей не входило в задачу авторов. Они поставили перед собой более узкую цель: дать картину расселения родоплеменных групп казахов на указанный в заглавиях статей отрезок времени, и с этой задачей они вполне справились.

В. В. Востровым составлены и подробно аннотированы в тексте схематические карты родоплеменного расселения казахов четырех уездов: Лепсинского, Копальского, Верненского и Джаркентского. Карты основаны на переписи 1897 г. и уточнены сведениями из литературы того времени, архивными данными и полевыми материалами автора. В работе даны генеалогические таблицы проживающих в указанных уездах родоплеменных групп. В начале работы автор дает очень сжатую, но ясную картину окончательного разложения казахской «родовой» общины к концу XIX в. и связанную с этим эволюцию форм землепользования, т. е. рассматривает факторы, имевшие самое непосредственное влияние на расселение различных родовых групп казахов.

Лаконичность изложения В. В. Востровым материала является большим достоинством работы автора, однако порой она бывает в ущерб содержанию. Например, на стр. 120 автор говорит, что казахи заселили Семиречье во второй половине XVIII в. Создается впечатление, что казахи впервые заселили Семиречье только во второй половине XVIII в., заняв место джунгар. Ничего не говорится о том, какие казахские родоплеменные группы вернулись в Семиречье на свои исконные земли, а какие пришли впервые (если были таковые); заняли вернувшиеся свои прежние территории или же другие.

Небольшая по объему статья М. С. Муканова содержит много ценного материала о ведении кочевого хозяйства казахами Сыр-Дарынской области в первой половине XIX в. и о начавшемся с середины XIX в. процессе ограничения путей кочевания присырдарынских казахов, о причинах и следствиях этого процесса. В подробной аннотации к приложенной схематической карте расселения родоплеменных групп казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарынской области (по данным второй половины XIX в. (с привлечением полевых материалов автора) приведены генеалогии двух казахских племен — Алим-улы и Бай-улы.

Позволим себе высказать автору некоторые возражения. Вызывает недоумение его положение о том, что река Сыр-Дарья «как бы является границей между кочевниками (к северу от нее) и оседлым населением (к югу от нее)» (стр. 136), и утверждение о том, что поход Чингиз-хана явился причиной первого массового перемещения племен и родов (там же).

Ни как нельзя согласиться с тем, что автор группы «ходжа» («кожа» в казахском произношении) безоговорочно причисляет к духовному сословию и считает ее представителям потомками «мусульманских конквистадоров, ведущих свою родословную от арабов» (стр. 144). Группа «ходжа», имеющаяся среди ряда народов Средней Азии, как справедливо отмечено О. А. Сухаревой, считая себя потомками сподвижников Мухаммеда или каких-нибудь «святых», пользовалась некоторыми привилегиями, однако социальное положение ходжа было далеко не одинаковым: многие из них были простыми тружениками и не входили в состав духовенства; другие же действительно принадлежали к духовенству и пользовались доходами с наследственных вакуфов. К именеменным ходжам принадлежали многие ишаны. Что касается происхождения группы «ходжа», то нередко их генеалогии были довольно поздние и в большинстве своем поддельные³.

Вызывает серьезные возражения предположение автора о том, что «духовное сословие под названием Сунак, ведущее свое происхождение от арабов», и есть племя Бахтиар, зарегистрированное в Янги-Курганской волости Перовского уезда Организационной комиссией Туркестанского статистического управления в начале 70-х гг. XIX в., но не обнаруженное Кзыл-Ординской этнографической экспедицией 1958 г. (стр. 147). При этом М. С. Муканов, опираясь на сведения упомянутой Организационной комиссии, считает, что племя Бахтиар принадлежало к бахтиарам Ирана. Однако автор ссылается не на материалы этой комиссии (в них мы не нашли указания на ираноязычность присырдаринских бахтиаров⁴), а на том «Народы Передней Азии» из серии «Народы мира» (М., 1957), где ничего не сказано о присырдаринских бахтиарах. Нам думается, что присырдаринское племя Бахтиар, если и было осколком бахтиаров, ираноязычной народности юго-западного Ирана, какими-то судьбами попавшими на берега Сыр-Дары, то, по всей вероятности, вернулось в Иран или в 1916 г., или в годы гражданской войны, а не стало именоваться сунаками.

Что касается сунаков, то, по нашему предположению, это потомки старого оседлого населения средневековых присырдаринских городов и название их происходит от наименования города Сыгнака. Тем более, что этот город в источниках называется не только Сыгнак, но и Сунак, Сугнак и Сунак-Курган⁵.

Историко-этнографическое исследование Х. Аргынбаева «Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX в. (По материалам Восточного Казахстана)» (г. 6, стр. 19—90) написано на основании большого полевого материала, собранного автором, а также архивных, статистических и литературных данных. Следует особо отметить широкое привлечение автором музеиных материалов. Первая глава знакомит читателя с историей заселения Восточного Казахстана русскими, а также отчасти украинцами и другими народами Европейской части России. Кроме того, даются сведения о родоплеменном составе казахов изучаемой области в начале XX в. Приложена схематическая карта этнического состава населения Восточного Казахстана.

Основная часть исследования посвящена прогрессивным изменениям в хозяйстве казахов под влиянием русских переселенцев. Положительное влияние русского переселенческого населения на быт казахов особенно наглядно раскрывается в развитии оседлого жилища. Подробно описывая существенные новшества, появившиеся в казахском жилище под русским влиянием, автор, однако, недостаточно подчеркивает, что основной тип постоянного жилища, представляющий собой комплекс жилых и хозяйственных построек, объединенных под одной крышей, является традиционным для казахов и типичным для данной территории и в значительной мере был обусловлен природными условиями. Жилище с подобной планировкой дожило с некоторыми изменениями и до наших дней⁶ и, как правило замечает автор, было в некоторых местностях заимствовано у казахов русскими.

На изменениях в одежде казахов, происшедших во второй половине XIX в., русское влияние сказалось значительно меньше; в этот период было велико влияние татар, что автором не отмечено. Самостоятельный интерес представляет собой описание одежды казахов второй половины XIX — начала XX в.

При характеристике старого уклада хозяйства и особенностей быта казахов автору следовало бы сказать о тесных многовековых связях казахов этих областей с народами Средней Азии и Восточного Туркестана, что наложило глубокий отпечаток на все стороны быта и хозяйства.

³ О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 66—68.

⁴ «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1, СПб., 1872, стр. 110—111.

⁵ А. Ю. Якубовский, Развалины Сыгнака (Сугнака), «Сообщения ГАИМК», 11, Л., 1929, стр. 122, 136, 137.

⁶ О. А. Корбей и Е. И. Махова, Экспедиция в Казахстан, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XIV, М., 1952, стр. 40—43.

Специальный раздел посвящен автором весьма интересному вопросу о том, как длительное общение пришлого русского населения с казахами нашло отражение в хозяйстве и быту русских.

Статьи, посвященные различным видам прикладного искусства казахского народа, представляют значительный интерес, поскольку специальных этнографических работ в этой области очень мало, а многие виды ремесла и прикладного искусства, отражающие богатство народного творчества казахов и историю их культуры, в настоящее время исчезают.

Вопросам в основном техники производства посвящены две статьи Э. А. Масанова. В статье «Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX века» (т. 6, стр. 104—126) автор на основании своих полевых материалов, с широким привлечением литературных и архивных источников, помимо описания техники производства, которое дается с исчерпывающей полнотой, выделяет типы войлочных изделий и показывает место каждого из них в быту. К сожалению, в статье совершенно нет иллюстраций и отсутствуют аналогии с войлочным производством соседних народов.

В интересной статье «Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (вторая половина XIX — начало XX в.)» (т. 12, стр. 148—170) Э. А. Масанов, описывая технические приемы художественной обработки металлов, почему-то ограничивается сравнением с аналогичным производством у узбеков (точнее — у узбеков и таджиков, ибо речь идет о городе Бухаре) и делает на этом основании вывод об отлипии техники чеканки у казахов от среднеазиатской, тогда как у соседнего с казахами среднеазиатского народа — киргизов существуют все перечисленные автором виды художественной обработки металлов, а техника чеканки ничем не отличается от казахской.

Художественной обработке металла посвящена также статья В. В. Вострова «Некоторые изделия казахских мастеров-зарегров (по материалам экспедиции 1955 г.)» (т. 6, стр. 127—143). Достоинством этой работы является обстоятельное описание изделий отдельных казахских мастеров Семипалатинской и Карагандинской областей. Очень интересно положение автора о том, что различным родоплеменным группам были свойственны свои формы изделий и технические приемы их изготовления. Большой интерес представляет таблица, в которой сопоставляются орнаментальные мотивы на современных металлических изделиях и на керамике из археологических раскопок и вывод автора о непрерывности и преемственности исторического развития казахского и других среднеазиатских народов. Хочется лишь упрекнуть автора в крайней лаконичности аннотаций к таблицам.

На основании полевых материалов, собранных в 1956 г. в Кустанайской и Актюбинской областях, написано сообщение М. С. Муканова «Резьба по дереву у казахов» (т. 6, стр. 159—163). В краткой, но очень ясной форме автор дает описание этой мало изученной отрасли казахского прикладного искусства. Статья показывает, насколько важно изучение этого своеобразного вида казахского прикладного искусства на всей территории Казахстана.

Другая статья М. С. Муканова «Ковровое производство и его орнаментика» (т. 6, стр. 91—103) вызывает особый интерес, поскольку специальных исследований по узорному ткачеству у казахов нет. К сожалению, автор вместо того, чтобы наиболее полно развернуть свои полевые материалы, основное внимание уделяет общим, часто очень спорным, вопросам. Большую часть статьи автор посвящает анализу орнамента. При этом, резко критикуя своих предшественников, он сам пока еще мало вносит нового в исследование этого вопроса. Выводы автора о происхождении казахского орнамента недостаточно убедительны.

В результате недостаточной четкости формулировок остается неясным, являются ли указанные автором лица исполнительницами упомянутых ковровых изделий или же их владелицами. Поэтому возникает сомнение: все ли отмеченные автором четыре типа безворсовых ковров производятся казахами или некоторые из них только бытуют у казахов. В частности, это относится к типу «араби». Ковры этого типа характерны для среднеазиатских арабов, но изготавливаются и узбеками, живущими в перемежку с арабами. Автором, видимо, не учтена работа В. Г. Мошковой об узбекском ковроткачестве, в которой дается достаточно полная характеристика ковров типа «араби»⁷.

Большой интерес представляет публикация казахского примитивного вертикального станка и указание на бытование его и у уйгуров Синьцзяна. Подобный станок бытует и у некоторых припамирских народов⁸.

В отличие от рассматриваемых выше статей о прикладном искусстве и ремесле казахов работа Н. А. Оразбаевой «Искусство резьбы по кости у казахов» (т. 6, стр. 144—158) написана преимущественно на основании коллекций Центрального музея Казахстана. Статья представляет большой интерес, являясь первой специальной публикацией по этому вопросу. Сопоставление казахских изделий из кости с археологическими находками приводит автора к убедительному выводу о несомненной древности этого вида искусства у казахов.

⁷ «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль», Ташкент, 1954, стр. 71—72.

⁸ М. С. А н д р е с в, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 366—372.

Внимание всех изучающих историю русской этнографической науки, а также этнографию казахов привлекает статья Э. А. Масанова «Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года» (т. 6, стр. 215—245). Обзор работ приводит автора к справедливому выводу о том, что в трудах русских ученых того времени накопился значительный этнографический материал, без которого наука не может обойтись, и что в конце XVIII в. русские ученые уже перешли от простого собирательства к исследованию казахского этнографического материала (стр. 245).

Рассмотренные исследования казахстанских этнографов охватывают различные области истории, культуры и быта казахского народа и представляют большой интерес для этнографической науки. В связи с этим желательно сопровождать статьи, публикуемые на казахском языке, кратким резюме на русском.

Б. Кармышева, Е. Махова

С. Ш. Гаджиева. *Кумыки. Историко-этнографическое исследование*, М., 1961, 384 стр.

Рецензируемая книга представляет собой историко-этнографическую монографию об одном из наиболее многочисленных народов Дагестана — о кумыках. Объем книги — около 25 печатных листов; язык ее, как правило, точен и выразителен. Текст книги проникнут идеей интернационализма, братской дружбы кумыков с другими народами Дагестана, Северного Кавказа, с русскими, азербайджанцами. Монография основана на большом полевом материале автора, собранном во время многочисленных этнографических поездок в районы Дагестанской АССР, населенные кумыками. Автор — кумычка, хорошо знает жизнь своего народа. Нам кажется излишне краткой характеристика автором книги своих полевых материалов. Об этом сказана только одна фраза. Помимо разносторонних и достоверных полевых материалов, книга базируется также на большом, хорошо проанализированном литературном материале.

Основным главам книги предшествует введение, содержащее подробный обзор литературных источников. Скромно названная первая глава книги «Краткий очерк истории кумыков» на самом деле является глубоким исследованием истории этого народа. В главе использованы многочисленные сведения древних и средневековых авторов, сочинения русских дореволюционных и западноевропейских путешественников и учеников и ссыпетских этнографов, археологов, историков, лингвистов, антропологов.

Из имеющихся у нас незначительных возражений автору по этой главе приведем следующее. Пожалуй, в заключении раздела об этногенезе недостаточно подчеркнута роль тюркских элементов в этногенезе кумыков. Между тем, при изложении материала автор сама убедительно показала значительную роль тюркского элемента в исторической судьбе ныне тюркоязычного народа — кумыков.

Вторая глава — «Социально-экономические отношения и политический строй в первой половине XIX в.» — самая большая по объему. Половина ее представляет собой интересное этнографическое исследование хозяйства кумыков. В разделе «Хозяйство», богато иллюстрированном, в основном приводятся новые, не повторяющие прежних изданий автора, иллюстрации.

Недостатком главы является то, что описание сельскохозяйственных орудий и иллюстрации их даны в разных местах. Так, вначале в разделе «Земледелие» (стр. 62—70) приводятся иллюстрации кумыкского плуга «сабан» (стр. 64), типов легкого пахотного орудия «пурус» (стр. 65), старого способа боронования (стр. 67), таблицы сельскохозяйственных орудий (стр. 68), молотильной доски (стр. 69), а затем более чем через 20 страниц дается их описание с отсылками, естественно, на 20 страниц назад к соответствующим иллюстрациям (стр. 91). Такое построение неудобно для восприятия.

Вызывают возражение некоторые формулировки. Так, на стр. 66 говорится об охране полей после осеннего сева; названы эти поля «общественными посевами», что вызывает понятное недоумение у читателя. Нам думается, нельзя назвать узорчатый войлок «войлокным паласом» (стр. 76), так как палас — это тканое изделие, а войлок — валяное.

В описании красящих веществ, применявшихся в прошлом у кумыков для окраски пряжи, названия растений приводятся то по-кумыски, то по-русски. Между тем, документально зафиксированными для этнографии были бы только научные латинские названия растений. Кроме того, встречаются такие неточные фразы, как, например, «Краски красную и бордо получали из марены в сочетании с некоторыми другими (ка-кими? — А. Т.) растениями; коричневую — из коры алычи, ореха, дуба и некоторых (ка-ким? — А. Т.) листьев» (стр. 84).

Автор избежал довольно распространенной ошибки: он не называет пахотное орудие более простого типа, чем плуг, сохой, тогда как это орудие является по своему типу ралом, а называет его просто «легким пахотным орудием» (стр. 65, 90). К сожалению, в следующей главе автор некритично приводит цитату из книги конца XIX в. о применении в сельском хозяйстве в горах исключительно сохи (стр. 163), тогда как сохи на Кавказе вообще не было, а было рало.

Третья глава — «Кумыки во второй половине XIX и начале XX в.» невелика по объему и имеет более исторический, чем этнографический характер. В главе, с привлечением богатого архивного материала, глубоко разрабатываются вопросы истории ликвидации ханской власти, крестьянской реформы 1865—1867 гг., развития экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX в. Возражения у нас вызывают лишь немногие положения автора. Так, в разделе «Крестьянская реформа 1865—1867 гг.» речь идет в основном о ликвидации у кумыков крепостного права и крепостнических отношений, однако автор много и упорно говорит о ликвидации и ограничении именно рабства (стр. 153, 154, 158, 159, 160). А сорока страницами выше автор пишет, что уже в первой половине XIX в. в Дагестане рабство было пережиточным явлением и число рабов было сравнительно невелико. Рабство было в основном домашним (стр. 116).

Далее приходится остановиться на некотором цифровом материале и его анализе в книге. В последнем разделе («Развитие экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX в.») рассматриваемой главы на стр. 177 приводится таблица, характеризующая значение города Петровска (ныне Махачкала) как порта. При внимательном анализе приводимых цифр обнаруживаем, что таблица не убедительна для показа роста значения города как порта, так как в приведенные в таблице годы было и сокращение числа судов и привоза и особенно вывоза товаров (в рублях). Следующие за рассмотренной таблицей фразы по смыслу как будто бы продолжают материалы таблицы, однако содержат не сравнимые с таблицей данные о ввозе и вывозе через Петровск товаров в пудах (стр. 178). Поэтому мало убедительным кажется следующий затем вывод: «Как видно из приведенных цифр, из года в год (правда, с отклонением) растет портовое и экономическое значение города» (стр. 178). Именно отклонения так велики, что перерастают в правило, и цифры не подтверждают вывода.

Четвертая глава «Материальная культура» и пятая глава «Семейный и общественный быт» построены в основном на полевых материалах автора. Несмотря на то, что автор уже опубликовал ранее отдельную книгу «Материальная культура кумыков XIX—XX вв.» (Махачкала, 1960), глава «Материальная культура» написана по-новому, с привлечением новых материалов. Достижением этой главы считаем удачное изложение и анализ материала по жилищу. Встречающаяся в главе порою некоторая излишняя краткость вызвана очевидным стремлением автора избежать повторения ранее изданной книги.

Глава вызывает ряд мелких замечаний. Во-первых, нам кажется неправомерным объяснять наличие двускатной крыши у засулакских кумыков отсутствием у них доброкачественного леса. Ведь на плоскую крышу нужно ничуть не больше леса, на ее постройку идет как раз самый плохой материал — горбыли, жерди, а на засыпку — земля, глина. Раздел «Украшения» было бы лучше озаглавить «Украшения и косметика», так как рассмотрению последней уделено почти столько же места, как и описанию украшений.

В разделе «Пища» почти единственным отражением классовой дифференциации кумыков является короткий абзац, где говорится о том, что большинство населения имело возможность употреблять мясо далеко не каждый день (стр. 243). Кстати, далее автор противоречит себе: «Из всего вышесказанного видно, что кумыки, как и все народы Дагестана, употребляли больше всего мясную и молочную пищу. Достаточно отметить, что далеко неполный перечень блюд, приведенный нами, показывает, что наиболее разнообразны были именно мясные и молочные блюда» (стр. 250).

Наконец, в стилистическом отношении кажутся неудачными выражения: «продукты питания» — в смысле «продовольственные продукты» (стр. 222, 242) и употребление термина «соус» в смысле второго блюда из мяса, картофеля и т. п. (стр. 245). На наш взгляд, этнографу лучше отказаться от этого термина в его бытовом смысле.

В пятой главе автор использует интересный этнографический материал, в частности материал о семенной общине. Тяжелое положение женщины кумычки и в большой, и в малой семье дореволюционного Дагестана освещено полно и разносторонне¹. Заметное место занимает в книге рассмотрение обрядов, связанных с рождением ребенка. Это пополняет мало разработанную область этнографии Кавказа.

Вместе с тем в главе есть, на наш взгляд, некоторые сомнительные положения. Так, неточно говорится об имуществе, получаемом женщиной при разводе. В книге говорится, что «женщина получала все, что она привезла из родительского дома, и, кроме того, плату, полученную ею при вступлении в брак» (стр. 258). Согласно положениям шариата, женщина при вступлении в брак не получала платы, а сумму этой платы лишь оговаривали в брачном контракте на случай развода по инициативе мужа или в случае его смерти.

Шестая глава — «Культура и народное образование» — посвящена вопросам как этнографическим (религиозные верования, народная медицина и лечебная магия), так и смежным с этнографией (народное образование, устное народное творчество, литература). И эта глава отличается обилием интересного материала. Автор убедительно

¹ Этот вопрос рассматривается автором также в популярной книге: С. Ш. Гаджиева, А. Г. Мелешко, Женщины Советского Дагестана, Махачкала, 1960.

рисует картину бедственного состояния народного образования в дореволюционной Кумыкии, богато иллюстрирует выразительными примерами устное народное творчество кумыков и дает полную характеристику литературы. Позволим себе сделать следующие критические замечания. Излишне идеализированы доисламские языческие верования и обряды кумыков — автор называет их «чисто народными» (стр. 322). Думаем, что хотя они и действительно были менее канонизированы, чем исламские верования, но от этого они еще не становились «народными». И языческие верования всегда были объективно против народа. Другое дело, что народ иногда искал и находил возможность превратить те или иные религиозные обряды в народные игры.

В целом интересные материалы раздела «Религиозные верования» изложены без должного анализа, и весь раздел кончается несколько неожиданно и незавершенно.

Наконец, седьмая глава — «Социалистические преобразования» — одна из самых маленьких по объему, но весьма серьезная по своему значению в книге. Здесь нам придется снова вернуться к вопросу о структуре книги. Очевидно, возможно двоякое отношение к такого рода структуре, когда каждое явление культуры в широком смысле слова рассматривается вначале с древнейших времен до Октябрьской революции, а затем в отдельной главе собраны все изменения, произошедшие после революции. Нам кажется такой порядок изложения мало приемлемым. На этом пути очень трудно избежать повторений или изложения вопроса не в том месте, где требует структура работы, и, самое главное, изложение материала по послереволюционному периоду неизбежно будет более кратким, так как не может одна глава быть равной по объему всем другим главам книги. В рецензируемой книге опасность повторения и нарушения структуры успешно преодолена. Это еще раз доказывает, что автор полностью владеет большим материалом и прекрасно умеет обращаться с ним. Но краткость главы вызывает сожаление, тем более, что у автора безусловно имеется в запасе богатый материал по советскому периоду.

Этой завершающей главой о социалистических преобразованиях у кумыков заканчивается книга, в которой дано обобщенное и наиболее полное историко-этнографическое исследование об одном из народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. Наши критические замечания касаются лишь немногих положений большой и интересной книги, являющейся ценным вкладом в этнографическую науку.

А. Трофимова

Исторические предания и рассказы якутов. Издание подготовил Г. У. Эргис. Под редакцией А. А. Попова. М.—Л., 1960, ч. 1—322 стр., ч. 2—359 стр.

Исторические предания и легенды как самостоятельный жанр фольклора изучены крайне недостаточно. Между тем эта обширная область устного народного творчества, отражающая исторические события, вернее — отношение народа к этим событиям, представляет несомненный интерес как для фольклористов, так и для историков и этнографов. В этом аспекте заслуживают особого внимания два тома исторических преданий и рассказов якутов, изданных Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Это — первое фундаментальное академическое издание якутского исторического фольклора.

Включенные в это собрание произведения представляют собой не только художественную ценность, но являются своеобразным историческим и этнографическим источником для освещения ранних этапов истории бесписьменного в прошлом якутского народа. Предания якутов о переселении их предков на Лену с юга уже в XVIII в. послужили основанием для гипотезы о южном происхождении якутского народа¹. Якутские исторические предания и в наше время широко привлекаются для реконструкции истории Ленского края². Однако сами тексты, на основании которых историки строили свои выводы, в значительной степени оставались недоступными не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Рецензируемое издание восполняет этот пробел. Оно состоит из текстов и переводов преданий и исторических рассказов, расположенных (насколько это возможно) в хронологическом порядке. Тексты паспортизованы, снабжены подробными примечаниями, схемами родословий. Карта расселения якутов в XVII в. и указатели облегчают пользование материалом. Текстам предпослана содержательная вводная статья составителя — Г. У. Эргиса.

В первой части помещены предания, отражающие жизнь якутов до прихода русских на Лену. Материалы разбиты на четыре раздела. В разделе I («Переселение на

¹ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 183.

² С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., М., 1945; А. П. Окладников, Из истории общественных отношений у якутов в XVII в. (Легенды о Тыгыне и историческая действительность), «Сов. этнография», 1949, № 2; его же, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955.

Лену прародителей якутов») содержится десять текстов. Шесть из них — легенды с устойчивым сюжетом, повествующие в эпическом стиле о переселении из страны бурят с юга на Среднюю Лену родоначальников якутов — Омогая и Эллея. Варианты этих легенд были записаны еще в первой половине XVIII в. Широкое бытование их справедливо рассматривается как одно из доказательств в пользу переселения тюркоязычных южан — предков якутов — на север. Легенды о переселении предков якутов на Лену важны и для изучения древнего мировоззрения и верований якутов. Образ Эллея, как неоднократно отмечалось в литературе, сходен с образами культурных героев в мифах других народов.

Необоснованно включены в этот раздел, да, вероятно, и в издание в целом, легенды «Урангхай» и «Сахалары». Они отличаются крайним лаконизмом, рассудочностью и являются, вероятно, пересказом каких-то литературных произведений. К тому же они записаны в одном варианте и, очевидно, не имеют широкого распространения.

Раздел II («Неякутские племена») состоит из 18 легенд и преданий о племенах, живших на территории современной Якутии до прихода туда якутов. Эти сказания весьма реалистически отражают прошлое северных племен — их быт, обычай. На большое значение этих преданий указал А. П. Окладников и широко использовал их в своей работе «Якутия до присоединения к Русскому государству». Некоторое недоумение вызывает включение в этот раздел демонологических преданий о Чучуне. В ряде легенд Чучун выступает не как человек, а как однорукий и одногонгое существо. От соприкосновения с его кровью человек будто бы сходит с ума. Возможно, это переделка эвенкийской сказки о чудовище Чулугды³.

Чрезвычайно интересен, особенно для историка Якутии, раздел III («Предки якутов центральных районов, межродовые и межплеменные столкновения», содержащий 42 текста). Как известно, наши представления о социальном строе якутов в эпоху, предшествующую вхождению Якутии в состав Русского государства, очень туманны. Исторические предания о жизни якутов до прихода русских повествуют о происхождении того или иного рода, рисуют не только быт якутов, хозяйство, вооружение, но свидетельствуют о значительном имущественном расслоении. Эти предания воскрешают мрачную эпоху межродовых войн, которую переживали якуты в XVI—XVII вв. Наиболее ярко она отразилась в цикле сказаний о кангаласском тойоне Тыгыне, в предании «Вэлки-бетюнцы» о распре между бетюнами и нахарцами. Обычные эпизоды исторических преданий — ссоры родоначальников, деливших владения по праву сильного, угон скота, захват пленных, кровная месть, жестокие расправы, рыцарские турниры и т. п. Г. У. Эргис справедливо указал на наличие в этих легендах мотивов осуждения родоначальников, ради корысти раздувавших кровавые конфликты. В легендах о межродовых столкновениях отразилось много событий, действительно имевших место в XVII в.

Раздел IV («Заселение якутами Вилюя и Кобяя», 12 текстов) примыкает по тематике к предыдущему. Предания, включенные в этот раздел, повествуют о распрах между коренными обитателями этого края — тунгусами и о столкновениях их с пришельцами — якутами («Потомки Нюрбаачан», «Старуха Диардаах»).

Исторические предания вилюйских якутов, как и рассказы якутов подгородних улусов, также отражают эпоху межродовых войн. Из произведений, включенных в этот раздел, особое внимание привлекают предания, свидетельствующие о том, что в бассейн Вилюя якуты проникли еще до прихода русских. Это были кангалассцы, рассорившиеся с могущественным Тыгыном. Проникновение якутов на Вилюй рисуется как переселение отдельных беглецов из центральных улусов, пытавшихся здесь укрыться от междоусобиц и притеснений тойонов.

Остальные шесть разделов составляют содержание второй части, изданной отдельным томом. Она открывается разделом V («Приход русских в Якутию», 14 преданий). В этих преданиях наряду с элементами фантастики сохранено воспоминание о многих исторических фактах. Однако главное достоинство этих произведений не в фактической достоверности, а в том, что они позволяют понять отношение самого якутского народа к включению Якутии в состав Русского государства. В преданиях описывается удивление якутов при ознакомлении с действием огнестрельного оружия, произвол и насилия воевод, столкновения с казачьими отрядами, но в то же время в них отражены более ярко, чем в исторических документах, прекращение кровавых расправ, межродовых столкновений, установление элементов государственного правопорядка.

Раздел VI («Заселение якутами северных и других окраин», 25 текстов) содержит много нового познавательного материала. Проникновение якутов на Колыму, Индигирку, на озеро Ессей Красноярского края (XVIII—XIX вв.) очень слабо выявляется по официальным документам. Исторические предания воссоздают картину освоения якутами северных окраин, показывают причины известного запустения центральных районов.

Разделы VII—IX («Люди из народа», 17 текстов; «Тойоны и бааи», 19 текстов; «Землепользование. Распространение земледелия», 23 текста) содержат предания, хро-

³ См. Г. М. Василевич, Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, Л., 1936.

нологически близкие к нашему времени. Часть из них оформилась в виде произведений с устойчивым сюжетом, например цикл о разбойнике-бунтаре Василии Манчары, действовавшем в первой половине XIX в., о самодуре-богаче Додоре Кардашевском и других; часть же представляет собой рассказы-воспоминания о том, например, кто были и как наживались олекминские подрядчики (стр. 204), или объяснения малоизвестных теперь терминов «прожиточный надел» (стр. 219), «сверхнадельная земля» (стр. 220), «классная» система землепользования» (стр. 217), или описание того, как производились земельные переделы (стр. 221), и т. п. Включение таких рассказов, являющихся фактически не столько фольклорными произведениями, сколько этнографическим источником, представляется в данном издании целесообразным. Составителю следовало лишь говорить это их своеобразие во введении.

Последний раздел — X («Верования. (Шаманы. Крещение. Юэр)», содержащий 20 текстов) на первый взгляд мало связан с основной тематикой данного издания, однако произведения, включенные в этот раздел, повествуют о шаманах, знахарях, священниках, игравших в жизни якутов важную роль, характеризуют традиционные религиозные представления якутов.

Таким образом, предания, легенды и рассказы, опубликованные в рецензируемом издании, разносторонне рисуют жизнь и быт якутского народа от древнейших времен до начала XX в.

Г. У. Эргисом проведена большая работа по комментированию и сличению исторических преданий с документами. Некоторые примечания представляют собой краткие историко-фольклорные исследования. Существенный недостаток примечаний в том, что в них фактически обойден вопрос о типичности помещаемых произведений, не отмечены другие бытующие варианты этих легенд и рассказов.

Издание снабжено хорошим научным аппаратом. Кроме примечаний даны этнографические указатели, родословные таблицы, схематические карты расселения якутов в XVII в. (карты составлены Б. О. Долгих).

В заключение отметим доброкачественный перевод текстов, хорошо передающий особенности оригинала. В этом немалая заслуга редактора, ныне покойного, А. А. Попова.

В целом «Исторические легенды и рассказы якутов» — весьма ценное издание, к которому будут обращаться не только исследователи фольклора, историки и этнографы Якутии, но и все фольклористы, работающие над историческими жанрами.

И. Гурвич

С. И. Вайнштейн. *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*. Под редакцией Л. П. Потапова. Издательство восточной литературы, М., 1961, 218 стр.

Рецензируемая работа посвящена исследованию дореволюционного хозяйства, быта и культуры тувинцев-тоджинцев, а также вопросам их происхождения. Историко-этнографическая литература по тувинцам вообще небогата. О тоджинцах же — крайней восточной группе тувинцев, отличающихся от остальных своих сородичей рядом особенностей (например, оленеводством у большей части тоджинцев), имеются лишь скучные и отрывочные сведения. С. И. Вайнштейн работал в Туве несколько лет, занимаясь этнографическими и археологическими исследованиями. В рецензируемой работе автор использовал по преимуществу собранные им лично материалы, а также всю имеющуюся этнографическую и историческую литературу, материалы архивов и музеев, касающиеся тувинцев-тоджинцев. Работа богата иллюстрирована фотографиями и рисунками, выполненными преимущественно самим автором.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении автор описывает природные условия Тоджи и приводит краткие сведения по истории тувинцев-тоджинцев. Содержание глав хорошо передается их заголовками: гл. 1 — «Происхождение тувинцев-тоджинцев» (стр. 20—36); гл. 2 — «Административное устройство, родо-племенное устройство и расселение» (стр. 37—41); гл. 3 — «Хозяйство: охота, рыболовство, оленеводство, скотоводство, домашнее производство, годовой хозяйственный цикл оленеводов, хозяйственные связи» (стр. 42—84); гл. 4 — «Жилище. Пища. Одежда» (стр. 85—126); гл. 5 — «Общественные и семейные отношения» (стр. 127—141); гл. 6 — «Народные знания и творчество» (стр. 142—169); гл. 7 — «Религиозные верования» (стр. 170—194). В заключении (стр. 195—204) автор говорит о преобразованиях в быте, культуре и хозяйстве тоджинцев за годы Советской власти. Основное достоинство работы — новизна материала, тщательно собранного автором и изложенного на высоком научном уровне. В работе подняты такие важные научные проблемы, как происхождение тоджинцев, возникновение у них оленеводства и т. п. Большой интерес представляет первая глава, посвященная вопросу о происхождении тоджинцев, для решения которого автор привлекает очень интересный и разнообразный материал — археологический (как уже отмечено, собранный самим автором), исторический, топонимический, антропологический, этнографический, легенды о происхождении родов и т. п. Эта глава, небольшая по объему, является наиболее проблемной в данной ра-

боте, поэтому мы остановимся на ней подробнее, чем на других, более описательных. Известные прежде лишь в общих чертах положения о том, что в состав тоджинцев вошли самодийские, кетоязычные, монгольские, тюркские элементы автор конкретизирует новым богатым фактическим материалом. Особый интерес представляют данные топонимики, объясняемые из самодийских и кетских языков (стр. 21, 22). В итоге автор высказывает предположение, что дотиркское население Тоджи в этническом отношении делилось на самодийско-язычные охотниче-рыболовческие племена тайги и, с другой стороны — на кето-язычные степные племена охотников-скотоводов. Автор считает, что племена дубо, описанные в Танской летописи, являлись тюрко-язычными уйгурскими племенами, которые, переселившись в горно-таежные районы, тюркизировали жившее тут ранее население (хотя еще и в XVIII в. отдельные группы тоджинцев были самодийско-язычными), заимствовав, в свою очередь, у него ряд черт таежной культуры. Взгляды автора по поводу происхождения тоджинцев нам представляются очень убедительными, а приведенные доказательства — хорошо аргументированными.

В этой же главе автор говорит о происхождении оленеводства в Тодже (стр. 31—33). Он ставит под сомнение существование вьючного оленеводства на Саянах на рубеже нашей эры и приводит доказательства в пользу позднего появления оленеводства у тоджинцев. Автор при этом разделяет вопрос, признавая раннее существование вьючного оленеводства на Саянах и позднее (с середины второго тысячелетия) появление верхового оленеводства под влиянием тюркских степных племен. Основной аргумент в пользу своей точки зрения автор видит в отсутствии оленеводства у племен дубо, а также в отсутствии в фольклоре и народном календаре тоджинцев мотивов оленеводства. Соглашаясь с автором, что верховое оленеводство возникло под влиянием конной верховой езды, принесенной сюда тюркскими племенами (это автор показал на ряде убедительных примеров), мы не можем признать, что автору удалось хорошо аргументировать столь позднее появление верхового оленеводства у тоджинцев: описание уйгурских племен дубо в китайской летописи относится к VII веку¹. Значит уже в VII—IX вв., если слдововать точке зрения самого автора, могло возникнуть в Тодже верховое оленеводство. С другой стороны, непонятно, почему автор считает, что лишь верховое, а не более древнее вьючное оленеводство могло найти отражение в фольклоре и народном календаре. И еще — почему автор полагает, что за период четырех-пятилетнего, как он думает, существования оленеводства в хозяйстве, оно не должно было отразиться в фольклоре и народном календаре? Объяснение, приведенное автором, не кажется нам убедительным.

Во всей работе чрезвычайно много интересного. Одно только перечисление всех маленьких «открытых» в каждом разделе, наиболее удачных описаний и аналогий заняло бы слишком много места. Это — и описание коллективных облавных охот на копытных животных, практиковавшихся у тоджинцев еще в начале XX в. (стр. 46—48), и мастерское описание оленеводства (стр. 57—68), жилища, обстановки (стр. 85—100), пищи (стр. 101—106), одежду (стр. 106—120); здесь особенно интересны аналогии, которые автор проводит между современными головными уборами и уборами на каменных изваяниях, относящихся к тюркскому периоду. С огромным интересом читается раздел о народном творчестве тоджинцев: приводится много образцов лирических и свадебных песен, частушек, загадок, пословиц, легенд и преданий. Как положительный факт следует оценить опубликование фольклорных текстов на диалекте тоджинцев. Очень удачно написаны и такие разделы, как «Музыка» (стр. 152—155), «Декоративно-прикладное искусство» (стр. 159—169). В разделе «Религиозные верования» этнографов привлекает обилие оригинальных материалов по шаманизму в Тодже, до сих пор почти не известному в науке.

Оценивая высоко всю работу в целом, интерес, с которым она читается, и большое научное ее значение, отметим отдельные недостатки.

Вызывает некоторое сомнение правомерность изложения вопросов происхождения тоджинцев в первой главе. Вся книга посвящена описанию культуры тоджинцев; естественно, что, когда читатель знакомится с первой главой, ему эта культура еще не известна. На наш взгляд, материалы, приведенные в работе, для решения вопросов происхождения тоджинцев использованы недостаточно. С другой стороны, в некоторых главах материал дан описательно, безотносительно к этническим «напластованиям» в культуре и к вопросам о происхождении тоджинцев (глава «Хозяйство», большая часть главы «Жилище»; так, из описания неясно, пользовались ли тоджинцы «уникальным» чумом или он имеет аналогии у других народностей и т. п.). Автору было бы целесообразно (поскольку в работе ставится проблема этногенеза тоджинцев) в заключение каждой главы давать хотя бы краткие выводы, в которых указывать, какие из описанных элементов культуры связывают тоджинцев с аборигенным населением, какие — с тюрками, монголами и т. д.

Раздел «Краткие исторические сведения о тувинцах-тоджинцах» (стр. 12—19) написан предельно фрагментарно; автор здесь даже не упоминает о Тюркском каганате, в состав которого входила Тува, о власти Китая, а затем уйголов над Тувой;

¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М., 1950, т. I, стр. 348.

ни слова не сказано о том, что с XIII в. Тува несколько веков находилась под властью монголов.

Досадно, что к работе приложена только одна карта, которая к тому же не может удовлетворить читателя: упоминаемые в работе многочисленные реки, горные хребты и озера, о которых особенно подробно говорится во второй главе, на этой карте не нанесены.

В работе часто приводятся тувинские термины без перевода (например, названия разных видов коллективных охот — стр. 46—47, разных способов лова — стр. 55—56 и т. д.). Из бытующих у тоджинцев двух видов лыж (стр. 30, 43) почему-то описаны только лыжи, подшипные камусами. Неоправданным представляется приведение в главе «Хозяйство» данных по годовому хозяйственному циклу только у оленеводов, аналогичные данные для тоджинцев-скотоводов отсутствуют. Хотелось бы, чтобы при описании жилища автор проследил его связь с климатом и рельефом местности, с хозяйственной деятельностью населения, тут же можно было хотя бы кратко сказать о планировке «селений» (на стр. 130 говорится, что встречались аалы, состоявшие из 10—15 чумов).

В главе «Социальные отношения» автор вполне обоснованно уделяет большое внимание социальному расслоению тоджинцев. Думается, однако, что описывать только взаимоотношения и положение баев и бедняков — не совсем правильно; рядовой массе аратов в работе посвящена буквально одна фраза.

В разделе «Семейные отношения», очень интересном по новизне материалов, обнаруживается слепчущее противоречие: на стр. 141 говорится, что в среднем каждая семья имела четырех — шестерых детей, а на стр. 130 приводятся статистические данные, из которых явствует, что семья тоджинцев в среднем состояла из четырех человек.

В разделе «Устное народное творчество» автору следовало объяснить отсутствие у тоджинцев эпического жанра, столь широко распространенного у тувинцев других районов; ведь на стр. 152 автор пишет, что взаимное общение приводило к проникновению в фольклор тоджинцев даже элементов бурятского, монгольского, тофаларского народного творчества.

В прекрасно написанной главе «Религиозные верования» встречаются неясности. Так, на стр. 174 говорится об обиталище «хозяина тайги», а о самом образе этого духа не сказано. Не раскрыты представления тоджинцев о «хозяине горы», не описаны верования, связанные с обрядами похорон и поминок.

Читателю было бы интересно узнать, что с 1957 года работает Тувинская комплексная этнографо-археологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, которая проводит работы и в Тодже. В 1960 году вышел первый том Трудов этой экспедиции. Сам автор является ее участником.

Приведенные критические замечания касаются отдельных конкретных вопросов. Общий уровень работы нам представляется очень высоким; она, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей исторической науки, а также и у более широких кругов читателей.

А. Смоляк

В. А. Юзвенко. Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці ХІХ ст. Київ, 1961, 131 стр.

Изучение польско-украинских фольклористических связей представляет большой научный интерес, так как позволяет осветить одну из страниц многогранных взаимосвязей двух братских славянских народов, выявить для науки много ценных материалов. Известно, что значительная часть украинских земель на протяжении длительного времени входила в состав Польского государства. Польские ученые различных взглядов и политических убеждений неоднократно обращались к украинскому фольклору: собирали, изучали и публиковали его произведения. В польских сборниках, периодических и повременных изданиях, а также в архивах находится значительное количество иногда уникальных произведений украинского народно-поэтического творчества.

Много ценных наблюдений над украинской народной поэзией содержится в ряде исследований польских ученых. В. А. Юзвенко впервые в своей книге «Украинское народное поэтическое творчество в польской фольклористике XIX в.» поставила задачу собрать и систематизировать материал, внимательно изучить и дать правильную оценку той огромной работе, которая была проделана польскими учеными XIX в. в деле сокращения, популяризации и исследования украинской народной поэзии.

Работы польских фольклористов по украинской народной поэзии В. А. Юзвенко рассматривает на общем фоне развития польской фольклористики, обусловленного ростом национального самосознания польского народа и подъемом революционного движения в Польше.

В. А. Юзвенко высказала совершенно правильную мысль о том, что фольклористика каждой славянской страны в той или иной степени влияла на развитие фольклористики всех славянских стран, но подобное взаимовлияние не вело к нивелированию национальной специфики этих исследований.

В. А. Юзленко пишет, что «русская, украинская, чешская, сербская или польская фольклористика — явления совершенно самобытные и оригинальные, которые сложились и созрели на почве собственной истории и имеют глубокие национальные корни» (стр. 3). Это общее положение, высказанное во введении, затем конкретизируется и раскрывается в основных разделах книги.

Книга состоит из трех разделов: «Украинская народная словесность и польские фольклористические интересы первой трети XIX в.», «Польские фольклористы 30—50-х годов XIX в.— собиратели и исследователи украинского народно-поэтического творчества», «Поэтическое творчество украинского народа в польской фольклористике 60—90-х годов XIX в.».

Характеризуя начальный период развития польской фольклористики, В. А. Юзленко подробно говорит о роли, которую сыграли декабристы в укреплении украинско-польских культурных связей. Глубокий интерес к польской культуре и литературе выказал К. Ф. Рылеев, который в определенной степени под влиянием «Исторических песен» Ю. Немцевича начал работать над своими историческими думами. Лучшие представители польского народа в свою очередь проявляли живой интерес к творчеству Рылеева. В. А. Юзленко указывает на то, что Грабовский очень высоко оценил «Думы» Рылеева (стр. 26), а неизвестный переводчик перевел их на польский язык и в 1829 г. они были изданы в Вильно. Появление книги декабриста после 1825 г., как справедливо отмечает В. А. Юзленко,— выдающееся явление не только для польской, но и для русской литературы. Отмеченные факты говорят о том, что «представители прогрессивной польской культуры разделяли взгляды декабристов в вопросе о роли и месте литературы в общественной жизни» (стр. 26).

Характерно, что одновременно или почти одновременно с декабристами черпают свое творческое вдохновение из украинского народного творчества — прежде всего из героического эпоса украинского народа — такие представители «украинско-польской» школы романиков, как Б. Залесский, А. Мальчевский, С. Гощинский, М. Грабовский, М. Чайковский, Т. Падура и др. (стр. 27).

Известный польский демократ Т. Кремповецкий в речи на торжественном собрании в Париже, посвященной второй годовщине восстания 1830—1831 гг., отметил социальное звучание украинских народных песен и указал на выраженное в них свободолюбие. Одновременно он говорил о том, что эти песни, воспоминания воодушевили Рылева (стр. 49).

В двух последующих разделах исследования В. А. Юзленко останавливается на той роли, которую сыграли в укреплении польско-украинских и русских связей и в развитии польской фольклористики Пушкин, Белинский, Чернышевский, Герцен и особенно Иван Франко, который был непосредственно связан с рядом польских журналов, о чем обстоятельно говорится на стр. 118, 120 и др.

Убедительно показав значительную роль, которую сыграли прогрессивные деятели России и Украины в развитии польской науки о фольклоре, В. А. Юзленко выявляет и то ценное и оригинальное, что внесли в науку замечательные польские фольклористы. Она характеризует научную деятельность ряда польских ученых, начиная от И. Червинского (1769—1834), Зориана Доленга-Ходаковского (1784—1825) и кончая известным польским ученым — славистом Яном Карловичем (1836—1903). Автор рецензируемой книги старается показать, что нового в развитии польской фольклористики внес тот или иной исследователь, охарактеризовать его мировоззрение, отметить достоинства и недостатки его работы. Основное внимание В. А. Юзленко уделила научной деятельности тех польских ученых, которые собирали, изучали и публиковали украинский фольклор: Ходаковского, записавшего в начале XIX в. 1254 песни в Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской губерниях, а также в некоторых районах Западной Украины; К. Бродзинского, М. Грабовского, В. Залесского, видевшего в народной поэзии «первооснову развития национальной литературы и один из ее элементов», по его определению, «наиболее важный — народность» (стр. 53); К. Войцицкого, Ж. Паули и других фольклористов первой половины XIX в.

В польской фольклористике второй половины XIX в. особое внимание исследовательницы привлекла неутомимая деятельность Оскара Кольберга (1814—1890). Этот замечательный ученый издал 39 томов собранного им материала. Кроме того, осталось неопубликованным большое рукописное наследие, которое могло бы составить еще 8—10 томов. О Кольберг требовал точности записей и непременной фиксации тех условий, в которых бытует народное произведение (стр. 89).

Особенно подробно В. А. Юзленко остановилась на четырехтомном издании «Рокиси», в котором опубликовано большое количество произведений украинской народной поэзии (стр. 92—97), а также указала на наличие произведений украинского фольклора в сборниках «Wołyń», «Chełmskie», «Przemyskie» и др.

В заключительном разделе рецензируемой книги получила также научную оценку собирательская, исследовательская и популяризаторская деятельность в области украинского фольклора Ю. Мошинской, Е. Руликовского, Ч. Неймана, И. Коперницкого, Яна Карловича и других польских фольклористов.

В книге отмечена также роль, которую сыграли в развитии польской науки о фольклоре и в изучении украинской народной поэзии Виленский и Варшавский университеты, Антропологическая комиссия Krakowskoy Академии наук, Towarzystwo ludzopiszcze, которым руководили деятели польской и украинской науки, и другие научные центры и высшие учебные заведения.

В целом рецензируемая книга производит хорошее впечатление. Исследование написано на большом фактическом материале. Основные выводы автора и его полемика с другими исследователями представляются убедительными и не вызывают возражений. Недостатком книги является некоторая описательность той ее части, где автор говорит о теоретических исследованиях польских ученых по украинскому фольклору. Особенно наглядно видно это на характеристике теоретических трудов Ч. Неймана, которая занимает всего четырнадцать строк (стр. 104). Нам представляется также, что В. А. Юзенок недостаточно внимания уделила характеристике рукописных собраний украинского фольклора, которая внесла бы существенный вклад в науку об украинской народной поэзии. Так, на стр. 67 автор пишет, что «Паули оставил большое рукописное наследство, изучение которого помогло бы прочитать интересную страницу польско-украинских культурных взаимосвязей и, в частности, конкретнее определить роль Паули в укреплении фольклористических связей двух братских народов». Однако в книге не дано не только описание, хотя бы самого поверхностного, этого наследия, но даже не указано, где оно хранится. То же можно сказать о рукописном наследии Оскара Кольберга (стр. 82). Отсутствует и указание на рукописный сборник Кондрацкого, в котором акад. М. Возняк обнаружил думу о казаке Нетяге (Голоте) в записи конца XVII в. Стремясь нарисовать общую картину развития польской фольклористики и охарактеризовать наиболее значительные исследования и публикации украинского фольклора в польской печати, автор не коснулся довольно большого количества статей и публикаций, которые были напечатаны в различных журналах и газетах. Правда иногда в книге правильно указано на то, что некоторые из этих статей и публикаций «не вносят определенного качественного изменения в науку о фольклоре» (стр. 76). Однако многие из них представляют интерес с точки зрения выяснения польско-украинских фольклористических связей, и их надо было бы перечислить в приложенной к книге библиографии. Это значительно расширило бы наше представление об интересе польского народа к украинскому фольклору.

Нельзя считать недостатком, как это делает автор, публикацию произведений украинской народной поэзии в польской печати в переводе на польский язык, так как это способствовало ознакомлению с украинским фольклором более широкого круга польских читателей. Автор же к оценке той или иной публикации подходит иногда только с точки зрения ее интереса для украинского читателя. На стр. 75, например, при характеристике монографии А. Новосельского «*Lud ukraiński*» В. А. Юзенко пишет, «К сожалению, сказки, предания и легенды составитель дал в польском переводе». Аналогично высказывание на стр. 103 о публикации Е. Руликовского.

Книга В. А. Юзенко «Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст.» — первое большое исследование советского ученого о польско-украинских фольклористических связях. Она восполняет существенный пробел украинской фольклористики. Вместе с тем в дальнейшем исследование может быть углублено и расширено за счет привлечения тех материалов, которые по тем или иным причинам остались вне поля зрения автора.

Б. Кирдан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Българско народно творчество в двадесет тома, тт. I—IV, Изд-во «Български писатели», София, 1961. Т. I — «Юнашки песни. Отbral и редактирал Иван Бурин»; т. II — «Хайдушки песни. Отbral и редактирал Димитър Осинин»; т. III — «Исторически песни. Отbral и редактирал Хр. Вакарелски»; т. IV — «Митически песни. Отbral и редактирал Михаил Арнаудов».

Болгарская фольклористика располагает огромным фондом записей и публикаций произведений народного поэтического творчества. Еще в недавнее время предпринимались значительные по своим результатам опыты создания на основе этого замечательного фонда антологий, посвященных отдельным жанрам и тематическим циклам болгарского фольклора¹.

¹ Ценные антологии представляют, например, следующие издания, вышедшие в Софии: М. Арнаудов, Български народни песни, тт. I—III, два издания; Б. Ангелов и Хр. Вакарелски, Сенки из невиделица, 1936; «Трем на българската народна историческа епика», 1939; «Книга на народната лирика», 1946; Г. Керемедчиев, За правда и за свобода, 1947; «Български народни песни», 1948; Д. Осинин и И. Бурин, «Горе ле, майко хайдушка», 1953; Ц. в. Минков, «Мене ме, мамо, змей люби», 1956, и др.

Теперь болгарская фольклористика поднимается в подготовке подобного рода изданий на новую ступень: издательство «Болгарский писатель» приступило к выпуску собрания «Болгарское народное творчество» в двенадцати томах. Впервые предпринято основание на единых принципах, осуществляемое под единым руководством многотомное издание всех основных жанров болгарского фольклора. Простое ознакомление с проспектом этого издания представляет большой интерес. Восемь томов отводятся различным жанрам и видам песен (юнацкие, хайдуцкие, исторические, мифические — баллады и легенды, обрядовые, любовные, бытовые семейные, бытовые промысловые), два тома — сказкам (волшебные, бытовые и анекдоты), один том — историческим преданиям и легендам и один — пословицам, загадкам, заклинаниям и пр. Кроме того, особый том, который подготовил издательство «Наука и искусство», включит лучшие народные мелодии. В редакционную коллегию всего издания входят М. Арнаудов, И. Бурин, Хр. Вакарелский, П. Динеков, Д. Осинин (ответственный редактор); к подготовке отдельных томов привлечены и другие специалисты.

Предпринятое издание можно было бы назвать,— имея в виду его масштабы и цели,— антологическим сводом, рассчитанным на широкий круг читателей — любителей и ценителей народной поэзии. Но, несомненно, составители ставят перед собой и более специальные задачи. Квалифицированный отбор всего лучшего (в историко-познавательном и художественном плане) в народной поэзии; жанровая, тематическая систематизация обширного материала; научное редактирование текстов и их комментирование, наконец, обобщение результатов изучения отдельных видов фольклора в свете современных проблем науки и требований общественной жизни — все это в конечном счете служит выполнению актуальных задач освоения классического фольклорного наследства современной национальной культурой. Такая большая работа позволит подытожить достижения в области собирания и изучения отдельных жанров, выявить недостатки, спорные и нерешенные вопросы, выдвинуть новые концепции, поставить на практическую основу важные проблемы фольклорной текстологии, атрибуции текстов и др.

То обстоятельство, что болгарские фольклористы приступили к осуществлению антологического свода народной поэзии, само по себе свидетельствует и о высоком уровне научной мысли в области фольклористики, и о том большом общественно-культурном значении, какое придается народному творчеству в современной Болгарии.

Первые четыре тома посвящены эпической поэзии в ее основных, наиболее значительных разделах. Богатый материал, собранный в этих томах, составляет выдающийся вклад болгарского народа в сокровищницу эпического творчества. Здесь много чрезвычайно интересного и показательного для понимания художественного и исторического своеобразия болгарской эпической поэзии и для раскрытия ее глубоких связей с эпосом других народов, в первую очередь — славянских.

Впервые так широко и полно собраны образцы болгарских юнацких песен. Главное место среди них, естественно, занимают песни о Кралевиче Марко, любимом герое поэзии южных славян, но даны песни и о других эпических героях. Благодаря тому, что ряд сюжетов представлен в книге несколькими вариантами, цикл поэм о Марко выделяется с особенной полнотой и яркостью, а самый образ его выступает перед читателем в своей исторической сложности. Ценным дополнением к печатаемым полным текстам служат комментарии, в которых приведены наиболее характерные извлечения из вариантов, не включенных в книгу. (Этот плодотворный принцип проведен и в комментариях к другим томам.)

Важнейший вопрос, возникающий в связи с научным осмыслением произведений народного герического эпоса при их издании, — это характер и специфика их историзма. Он получает обстоятельное освещение во вступительной статье и комментариях И. Бурина. Автор отдает должное тому конкретному историческому материалу, который содержится в юнацких песнях, их «летописной» стороне: он сопоставляет имена эпических героев с именами исторических деятелей, дает конкретный комментарий к отдельным песенным эпизодам, и т. д. Но И. Бурин не считает поиски фактических соответствий своей основной задачей, следя лишь в данном случае определенной традиции, и подчеркивает, что «юнацкий эпос» имеет историческую основу не в смысле воспевания в нем конкретных исторических лиц и событий, а в смысле своеобразного отражения народной жизни в продолжение долгих веков рабства и борьбы» (стр. 667), в смысле выражения «народного самочувствия, народного герического идеала, воодушевленного одним богатым воображением» (стр. 14). Такое понимание природы эпического историзма вполне согласуется с выводами ряда современных исследователей эпоса различных народов, в том числе — большинства советских ученых.

Болгарская фольклористика после Освобождения (1944 г.) уделяет особое внимание песням хайдуцким, в которых органически слиты идеи борьбы против чужеземного ига и социального угнетения. Свод хайдуцких песен содержит около двухсот первоходных текстов. Тематический принцип расположения песен здесь вполне оправдан: получилась целостная книга, в которой последовательно раскрывается жизнь и внутренняя история хайдуства. Для составителя Д. Осинина такая конкретно-историческая сторона содержания хайдуцких песен представляет большой интерес, но главный их смысл он справедливо видит в широких связях с действительностью, выходя-

ших далеко за пределы фактических соотношений с летописями, в поэтическом преломлении типичных сторон хайдуцества. На первом плане в сборнике — глубоко поэтические мотивы и образы хайдуцких песен, отразившие в своей совокупности идеалы народных борцов, их героическую жизнь, характерные черты их быта, отношение к ним народа. Д. Осинин внимательно прослеживает типичные мотивы хайдуцких песен, сопоставляет их со сходными мотивами юнацких песен и делает важный вывод о существенной роли в создании хайдуцких песен традиций старшего — юнацкого — эпоса. При всем том хайдуцкие песни справедливо рассматриваются им как песни лиро-эпические и лирические.

«Исторические песни» (т. III) расположены по крупным историческим периодам, а внутри этих периодов — тематически, что позволяет более четко показать ведущие линии жанра. В книге представлены песни эпохи, предшествующей борьбе с турецким нашествием, времен порабощения и жизни народа под игом, песни о мятежах и войнах до середины XIX в., о борьбе за политическое освобождение, в том числе о Сентябрьском восстании 1923 г. и о борьбе против фашизма в 1941—1944 гг. Книга в целом дает исчерпывающее понятие о многовековом развитии жанра болгарской исторической песни.

Хр. Вакарелский справедливо охватывает определением «историческая поэзия» достаточно широкий круг разнообразных явлений народной поэзии, отражающих «политическое прошлое общества». В этом смысле историческими являются многие юнацкие песни и песни хайдуцкие. Но я предложил бы употреблять по отношению к этому кругу произведений, принадлежащих к разным жанрам, объединяющий термин «историко-песенный фольклор».

Собственно исторические песни Хр. Вакарелский определяет слишком расширительно. Поэтому в его книге без достаточных оговорок и объяснений большое место заняли песни, которые чаще всего (и на мой взгляд — с большими основаниями) относят к историческим балладам². Конкретно-исторические элементы в виде имен реальных исторических деятелей, отражения действительных фактов, хронологических приурочений и т. д. в них обычно отсутствуют, а содержание отражает типичные для эпохи турецкого владычества коллизии. Особенно много таких песен в разделах «Заробдания и потурчвания» и «Тежък живот и лична съпротива». Печатание исторических баллад в составе сборников исторических песен — своего рода традиция, которой следуют в большинстве современных изданий в славянских странах и в том числе — в СССР. Но при этом надо вскрывать жанровую природу материала, подвергая анализу особенности данного типа народно-песенного историзма. Для болгарского фольклора это представляется тем более важным, что историческая баллада получила здесь особенно широкое развитие и выросла в одно из значительнейших художественных явлений славянской народной поэзии в целом. Хотя Хр. Вакарелский не дает жанрового выделения исторических баллад, ограничиваясь в отдельных случаях указаниями на специфику некоторых песенных мотивов, в его статье содержатся чрезвычайно ценные соображения о природе и характере таких песен, в частности — о решающей роли в их создании «непрофессионального женского начала», определившего их лирический склад и глубокий драматизм.

Проблема баллады в общетеоретическом и историко-фольклорном аспекте давно обсуждается в болгарской науке. С точки зрения М. Арнаудова, подготовившего том «Мифические песни» и занимавшегося этим жанром и прежде, народную балладу как произведение эпическое или лиро-эпическое отличают мотивы и представления о таинственном и сверхъестественном и неизменный интерес к «странным» событиям, к чудесному стечению обстоятельств и т. п. Песни же трагические по своему характеру, отражающие события общественной и семейной жизни, конфликты исторического плана, но не заключающие ничего фантастического, ученый относит к новеллам³. Исходя из такого понимания природы народного балладного жанра, М. Арнаудов квалифицирует большинство мифических песен как баллады. Видимо, влияние этих взглядов сказалось и на других рецензируемых томах издания, а может быть, и на всем издании «Българско народно творчество». В болгарской фольклористике получили выражение и другие, более широкие и, думается, более близкие к истине взгляды на сущность и характерные признаки баллад.

Остается пожалеть, что болгарская баллада — богатое и сложное явление фольклора — не получит специального тома, а многочисленные ее образцы будут рассыпаны по разным томам, — подобно тому, как рассыпаны балладные сюжеты по многим рубрикам указателя болгарских песен, составленного в свое время под ред. Ст. Романского⁴.

Основные разделы тома («Солнце, месяц, звезды», «Самовилы — Самодивы», «Змей», «Превращения» и др.) посвящены песням, связанным с древнейшими пред-

² В качестве баллад их подверг в свое время обстоятельному анализу Б. Ангелов (статьи на эту тему перепечатаны в его сборнике «Литературни статии», изданном в 1960 г.).

³ См. «Очерки по болгарская фольклор», София, 1934, стр. 242, 246 и др.

⁴ См. «Преглед на българските народни песни. Под редакцията на Ст. Романски», «Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София», т. V. 1925; т. VI, 1929.

ствлениями народа, хотя, разумеется, видоизмененным вводом позднейших мотивов.

По полноте охвата материала, по подбору текстов, по систематизации эта книга существенно превосходит остальные издания такого типа, хотя и учитывает их опыт. Вводная статья содержит широкий обзор народных представлений и верований и анализирует обусловленные ими мотивы и образы мифических песен.

Вышедшие тома серии «Болгарское народное творчество» характеризуются единством издательских принципов. О некоторых из них уже было сказано. Необходимо отметить также довольно широкое обращение составителей к архивам, что позволило ввести в научный оборот немало новых текстов. В частности, использованы архивы Г. С. Раковского, Болгарской Академии наук, Института музыки и др. Конечно, отбор из большого числа вариантов такого текста, который в наибольшей степени отвечал бы «антологическим» требованиям, — дело нелегкое. Со стороны подбора текстов работа составителей заслуживает весьма высокой оценки, и здесь могут быть сделаны лишь отдельные замечания. Так, сюжет «Рабыня и Стара Планина» представлен в томе «Исторических песен» тремя вариантами (стр. 219—221), и все они сравнительно кратки и не передают художественного богатства этого сюжета. В более полных текстах с удивительной силой раскрыты и переживания матери, вынужденной бросить своего ребенка в лесу, и безудержная жестокость поработителей, и глубокое сочувствие, которым охвачена вся природа. К тому же в полных версиях хорошо разработана и вторая часть сюжета — история спасения матери сыном, выросшим и нашедшим ее.

В рецензируемом сборнике эта вторая часть представлена в виде самостоятельной песни, и тоже взяты не наилучшие тексты (стр. 255—257). Недостаточно представлен в сборнике «Исторических песен» и круг произведений о борьбе болгар против насилиственного отуречивания. Жаль, к примеру, что нет хрестоматийной песни о Янке, заточенной в темницу за отказ предать свою веру⁵.

Составители провели большую работу по редактированию текстов, по освобождению их от различных диалектизмов, которые уместны в научных изданиях, но чрезвычайно усложняют восприятие песен читателями-неспециалистами. Редактирование коснулось также старой орфографии. Выборочная проверка показала, что в некоторых случаях в тексты вносились мелкие поправки смыслового характера. К сожалению, ни объем, ни границы редактирования в издании достаточно обстоятельно не определены. Об этом стоит пожалеть, так как вопросы текстологии фольклорных изданий различных типов в настоящее время вызывают большой интерес у ученых ряда стран, и опыт болгарских фольклористов был бы здесь весьма полезен.

Хотелось бы отметить общий высокий уровень комментариев. В издательствах, выпускающих книги по народному творчеству для широкого читателя, существует нередко предубеждение против комментариев. Между тем памятники народного творчества только выигрывают в глазах любого читателя, когда они сопровождаются толково составленными и содержательными пояснениями и справочными данными. Болгарское издательство предоставило возможность составителям дать довольно обстоятельный исторический, источниковедческий, историко-фольклорный комментарий, привести ссылки на варианты (правда, последнее делается не всегда последовательно и не с той полнотой, какую бы хотелось видеть), на относящиеся к данной песне исследования и т. д.

В целом многотомное издание памятников болгарского народного поэтического творчества — как можно судить по первым четырем томам — послужит заметным вкладом в изучение и широкую популяризацию классического наследия славянского фольклора.

Б. Путилов

⁵ См., например, «Сборник за народни умоторения», кн. 46, стр. 96; там же — указание на многие варианты.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Нгуен Хонг Фонг, *Вьетнамская сельская община*, Ханой, 1959, 296 стр. (на вьетнамском яз.)

Этнографами Демократической Республики Вьетнам за последние годы опубликовано немало работ по социальной организации, быту и культуре вьетнамского народа. Среди них особое место занимает книга Нгуен Хонга «Вьетнамская сельская община», которая является первой публикацией на эту тему, написанной с позиций марксизма-ленинизма. До Августовской революции 1945 г. французские и вьетнамские буржуазные ученые издали ряд монографий и статей о вьетнамской сельской общине.

Эта общественно-экономическая ячейка рассматривалась ими как идеальная организация, сплоченная на основе колLECTивизма, демократизма, взаимовыгоды, как своего рода «государство в государстве», которое противостояло центральной власти в вопросах производства, администрации и духовной жизни. Но буржуазные авторы не смогли вскрыть классовую сущность этого института, проанализировать причины неизбежного разложения общин, несмотря на известную устойчивость ее в феодальной эпохе.

Нгуен Хонг Фонг обратился к сложным, нерешенным подчас вопросам социальной структуры вьетнамского общества с X в. до наших дней. Книга состоит из предисловия, введения, восьми глав и заключения.

Как указывает сам автор, его исследование не претендует на решение всех проблем, связанных с жизнью вьетнамского крестьянства. Он ограничил себя описанием общин, с позиций этнографической науки. Но в этом как раз проявляется новаторство автора, впервые в зарубежной науке привлекающего обширный этнографический материал при изучении вьетнамской сельской общине. Это особенно ценно, если учесть, что подавляющее число работ о «са» — вьетнамской общине — писали либо историки права, либо администраторы французской колониальной службы. Считая, что община в Южном Вьетнаме имела ряд специфических особенностей вследствие иных, по сравнению с давно освоенными вьетнамцами областями Бак-бо и Чун-бо, исторических, экономических и общественных условий, Нгуен Хонг Фонг посвящает свою книгу общине Северного и Центрального Вьетнама (стр. 5).

В кратком введении приведены основные теоретические положения об общине на различных этапах ее развития; там, где речь идет конкретно о вьетнамской сельской общине, автор пишет о существовании во Вьетнаме вплоть до Августовской революции 1945 г. следов сельской и родовой общин (стр. 14). Пережитки последней в социальной организации вьетнамской деревни заметны в религиозных воззрениях, обычаях и семейно-брачных отношениях.

В первой главе — «Феодальный строй во Вьетнаме и конг-дьен — конг-тхо» автор определяет сущность вьетнамского феодализма и дает его периодизацию. Оставляя в стороне малоизученный вопрос о генезисе феодализма во Вьетнаме в период господства над страной китайских династий, Нгуен Хонг Фонг начинает исследование со времени становления национальной централизованной монархии Динь (вторая половина X в.). Вьетнамский феодализм автор с достаточным основанием делит на два периода: расцвета (X—XIV вв.) и упадка, когда товарная экономика все сильнее подрывает основы натурального хозяйства, а страна была охвачена крестьянскими восстаниями.

Землевладение во Вьетнаме было основано на государственной собственности на землю в лице главы государства — вуа. Из четырех категорий земель автор интересует прежде всего категория общинных земель — конг-дьен, по своему юридическому статуту являвшихся государственными, переданными крестьянам-общинникам на правах пользования. Нгуен Хонг Фонг, анализируя формы собственности, в частности императорские пожалования, приходит к правильному на наш взгляд выводу, что система конг-дьен — конг-тхо (пахотных общинных земель и прочих угодий) являлась особой формой феодальной земельной собственности до французской колонизации (до авим — и в процессе ее) (стр. 49).

Автор не дает специального разъяснения термина «общинное землевладение», но, из всего контекста главы вытекает, что общинное землевладение являлось не чем иным, как землепользованием. Общины получали от государства для обработки участки земли, которые крестьяне периодически перераспределяли между собой. За пользование землей общинники должны были вносить государству налог. Общинное землевладение в форме конг-дьен — конг-тхо, как показывает автор, уходит своими корнями в первобытное общество; при феодализме оно было преобразовано и использовано правящим классом для эксплуатации крестьян, для кормления многочисленных чиновников (стр. 50). Поэтому не случаен строгий контроль со стороны государства в период его наивысшей централизации за основными сторонами жизнедеятельности общин. Форма землевладения конг-дьен — конг-тхо была главной в аграрном строе феодального Вьетнама, так как именно труд общинников на протяжении многих веков составлял основу существования феодально-абсолютистской монархии. Из этого вытекает аргументированный вывод автора, что «вследствие слабого развития товарной экономики феодально-чиновничье государство искало всяческие способы для поддержания и охраны общинного владения землей» (там же).

В заключении к первой главе автор замечает, что французские колонизаторы использовали сложившееся во Вьетнаме распределение земель и наряду с искусственным сохранением феодальных методов эксплуатации сохранили и общинное землевладение. Однако с развитием капиталистических отношений от него осталась лишь форма, лишенная первоначального содержания (стр. 60).

Следующая глава — «Собственность на землю во вьетнамской деревне в период господства французских колонизаторов» посвящена выяснению места и роли общинной земельной собственности среди других форм землевладения в колониальный период. На конкретном материале Нгуен Хонг Фонг показывает развитие капиталистических отношений в деревне, аграрную политику французских колониальных властей, направленную на превращение Вьетнама в сырьевую пришаток метрополии. Категория земель конг-дьен в начале 30-х годов XX в. по отношению ко всем пахотным землям Вьетнама составляла: в Бак-бо — 20%, в Чун-бо — 25% и Нам-бо — 3%.

В зависимости от исторических и экономических условий в разных провинциях, уездах и деревнях размеры общинных земель были различны. Автор указал ряд причин сохранения общинного землевладения и колониальном Вьетнаме, хотя общая площадь конг-дьен значительно сократилась. Если в течение сотен лет феодального развития Вьетнама общинное землевладение определенным образом отвечало интересам крестьян, то с развитием капитализма, с концентрацией земель в руках французских и местных помещиков, общинные земли почти полностью перешли под контроль последних (автор употребляет выражение «монополизированы»). В этой обстановке формальное сохранение конг-дьен было удобной формой для еще более жестокой эксплуатации вьетнамского крестьянства (стр. 69, 71).

Во второй части главы автор касается вопросов уравнительного перераспределения земель внутри общин и налогообложения. При общей положительной оценке приведенного им материала трудно согласиться с выводом, что «принцип уравнительного распределения общинной земли стал обычаем, проникшим в народ, который (обычай.—А. М.) имел силу традиции, и народ постоянно боролся за сохранение этого принципа» (стр. 77). Нам представляется, что крестьяне выступали против захватов помещиками общинных земель не ради сохранения того или иного обычая, а за свои исконные права на обработку этих земель.

В главе «Патриархально-родовой строй» Нгуен Хонг Фонг пишет о патриархальной семье, системе родства, положении женщины, брачных отношениях и «духе семейного колlettivизма». Автор безусловно прав, полагая, что дать полную характеристику общины без анализа семьи, как основной социально-экономической ячейки общества, невозможно. Однако неверная посылка автора относительно происхождения патриархальной семьи привела его к ряду ошибок. В частности, не выдерживает критики попытка провести аналогию между патриархальной семьей и родом. Развивая эту мысль, на стр. 91 Нгуен Хонг Фонг даже пишет, что «если взять семью в количественном отношении, то число ее членов равнялось числу членов большого рода эпохи первобытного общества», доказательство чего, разумеется, трудно найти. Следует отметить чрезмерное увлечение автора «патриархальностью», а также слабое освещение роли семьи в общине.

Внутреннее устройство и управление общиной разобраны автором в четвертой главе — «Касты и административный аппарат общин». Нгуен Хонг Фонг употребляет неудачное выражение «касты», имея в виду социальные группы, составлявшие сельские общины: полноправных общинников-крестьян, лиц не входивших в состав общин, старейшин, чиновников в отставке, ученых и т. д. В разделе «Категории общинников» дано подробное описание различных групп общинников, раскрыта сложная система иерархии, на которой основывались взаимоотношения членов общин.

Очень интересен раздел «Управленческий аппарат общин». Читатель получает достаточно полное представление о структуре органов управления, совете старейшин, совете представителей семей, их функциях, правах и обязанностях по отношению к государству и общинникам. Нгуен Хонг Фонг подчеркивает классовую сущность руководящей верхушки деревни, явившейся опорой феодально-абсолютистской власти, а позднее — французских колонизаторов.

Интересные сведения, в ряде случаев дополняющие опубликованные ранее, о быте и духовно-религиозной жизни, общественных работах и взаимопомощи, изложены в главах «Коллективизм общин» и «Организация и положение коллектива в общине». Автор правильно определяет исторические корни колlettivизма, который «сложился в процессе совместного труда по о'работке земли, основанию поселков и деревень» (стр. 158). Вместе с тем он показывает, как развитие товарной экономики приводит к резкому классовому расслоению внутри общин и появлению антагонистических групп в общинных коллективах. Немаловажную роль в сплочении общинников играл культ духа — покровителя деревни, сохранившийся как пережиток первобытно-общинного мировоззрения в классовом обществе и используемый феодальным государством для эксплуатации крестьянства.

Каждый общинник, являясь членом деревенского коллектива, рассчитывал на его помощь и поддержку; положение каждого отдельного жителя влияло на состояние всей общины. «Из этого,— замечает Нгуен Хонг Фонг,— следовал не только контроль общиньи за ее членом, но она имела право „признания“ его в качестве общинника в обще, его прерогатив и функций в частности» (стр. 164). Обычаи «признания» сопровождались угощением коллектива за счет «признаваемого».

Все эти обычаи Нгуен Хонг Фонг делит на две группы: 1) связанные с жизненным циклом человека (рождение, возмужалость, бракосочетание, старость и смерть) и 2) связанные с изменениями в общественном положении (сдача конкурсного экзамена, получение степени, должности и т. п.). Первую группу обычая автор справедливо выводит из обрядов, имевших место в первобытном обществе, а вторую — из развитого феодального строя (стр. 165).

Обряды и празднества требовали больших материальных средств, непроизводительная траты которых ложилась тяжелым бременем на общинников, особенно на бедняков. Этим вопросам автор посвящает специальный раздел «Бедствия от общинных угощений в деревне» (стр. 77—182).

В шестой главе автор ставит и удачно решает вопросы, связанные с различными формами взаимопомощи. Нгуен Хонг Фонг различает три основных вида взаимопо-

мощи: 1) объединения всех общинников для торговли, для проведения похорон и траурных церемоний, свадебных празднеств и увеселений, а также специально праздника «Тет» — Нового года; эти объединения основывались на принципе уравнительности (стр. 189); 2) объединения по профессиональному признаку (например, деревенские каменщики, кузнецы, столяры и т. п.); 3) группы взаимопомощи, созданные на базе «словного превосходства», в которые входили лица, не выдержавшие конкурсных экзаменов — «ван фа», военные чиновники в отставке — «во фа», буддийские монахини и пр. «И если в последних, — пишет Нгуен Хонг Фонг, — немаловажную роль играл элемент тщеславия, то первые были вызваны к жизни стремлением простых общинников облегчить свое существование путем взаимной помощи в условиях феодально-бюрократического режима и строгой регламентации, пронизывавшей все вьетнамское общество» (стр. 192). В связи с этим нельзя не согласиться с общим выводом автора, что малоимущие крестьяне были связаны главным образом не духовными, а материальными интересами (там же). В начале XIX в. с ростом помещичьего землевладения и обнищанием основной массы крестьян государство учредило общественные амбары, куда общинники вносили 1/40 часть урожая риса, распределявшуюся среди населения во время голодовок. Автор подчеркивает классовую сущность этой специфической формы взаимопомощи, осуществлявшейся под контролем центральной власти с целью предотвратить антифеодальные выступления (стр. 201).

В обширном разделе — «Условия жизни коллектива в общине» Нгуен Хонг Фонг особое место отводит описанию религиозных и общенародных праздников и сопровождающих их обрядов и церемоний. На конкретных примерах автор показывает живучесть и вред религиозных пережитков, с которыми в настоящее время Партия Трудящихся и правительство ДРВ ведут серьезную борьбу.

В заключительных главах — «Вьетнамская община в истории эволюции вьетнамского общества» и «Старые традиции в период социалистической революции» автор говорит о влиянии вьетнамской общины на развитие современного общества. Новым, а потому особенно интересным является материал об использовании партией и рабочим классом Вьетнама хороших традиций общинного коллективизма в процессе революционной борьбы против феодализма и империализма, а после создания Демократической Республики Вьетнам — в деле коллективизации крестьянства.

Книга Нгуен Хонга не лишена и существенных недостатков. Автор не показал, когда и каким образом возникает частная собственность на землю внутри общины, соотношение ее с общины землевладением, пути и формы захвата конг-дьен деревенской верхушкой. Не до конца выясненным остается вопрос о государственном управлении общиной и община самоуправлении. В целом автору следовало бы ярче отразить тот факт, что в условиях развития товарного хозяйства в феодальном Вьетнаме сельская община утратила свое первоначальное содержание и что господствующий класс стремился законсервировать общинные формы и традиции, при помощи которых было легче эксплуатировать трудящееся крестьянство. Возможно, что автор не обладает материалами, необходимыми для хотя бы частичного решения этих проблем. Будем надеяться, что в дальнейшем автор дополнит и исправит эту полезную книгу.

А. Мухлинов

Ц. Доржсүрэн. Умард Хунну, «*Studia archeologica instituti linguae, litterarum et historiae comitetti scientiarum et educationis altae re-publicae populi Mongoli, tomus I, fasciculus 5*», Улан-Батор, 1961 (на монгольском яз.)

Общеизвестна огромная роль, которую сыграли племена гуннов в политической и этнической истории Центральной и Средней Азии.

Интерес к гуннам, их истории и культуре впервые возникает более 2000 лет назад в Китае и вновь возрождается в XVIII в., когда внимание ученых привлекли проблемы кочевого мира Востока и его взаимоотношений с Западом. С тех пор написаны многочисленные работы, посвященные азиатским гуннам, или, как их называли китайцы, хунну (сюнну в современном произношении). Но до недавнего времени все эти исследования опирались главным образом на письменные источники.

Археологическое изучение Сибири открыло науке курганы и поселения хунну в Забайкалье, а исследования П. К. Козлова в Монголии сделали достоянием мировой науки погребения аристократии хунну в горах Ноин-ула и положили начало археологическому изучению памятников хунну в МНР. В первом исследовании, в котором были обобщены известные данные письменных источников и археологические материалы по хунну, А. Н. Бернштам ограничился главным образом материалами из Ноин-улы¹.

До последнего времени оставались совершенно не известными науке богатейшие материалы раскопок в Монголии, предпринятых Комитетом наук МНР в 1927 г. и

¹ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951.

в 1952—1957 гг., в результате которых были раскопаны как большие «княжеские» курганы, так и десятки рядовых погребений, а также предварительно обследовано несколько городищ хунну. В известной мере этот пробел восполняет вышедшая недавно в Улан-Баторе на монгольском языке книга Ц. Доржсурэна «Северные хунну», посвященная памятникам Сибири и Монголии II в. до н. э.—I в. н. э., социально-экономической и политической жизни оставивших их племен.

Можно признать правомерным отказ от традиционного представления, что известные памятники Забайкалья (Ильмовая падь, Иволгинские городища) и Монголии (Ноин-ула) характеризуют азиатских гуннов вообще. Все они могут быть отнесены к северным гуннам, которые, по всей вероятности, имели не только социальные, но и этно-культурные отличия от южных.

Рецензируемая книга состоит из введения и пяти глав: I — «Курганы северных хунну», II — «Поселения северных хунну»; III — «Датировка археологических материалов северных хунну»; IV — «Социально-экономический и политический строй северных хунну»; V — «Культура северных хунну».

В введении (стр. 3—10) дана краткая история изучения хунну, а также обзор источников и литературы. Касаясь вопроса языковой принадлежности хунну (стр. 6—7), автор считает их монголоязычными. При этом он опирается на мнение некоторых китайских языковедов и на толкование хуннской фразы из Вэй-шу, данное монгольским историком Н. Ишжамцем. Вряд ли этот вопрос можно считать решенным и категоричность автора оправданной. Как известно, в источниках имеются указания на тюркоязычность гуннов, например, Вэй-шу сообщает, что язык (туркоязычных) гао-гюйцев (уйгур) «сходен с хуннским, но есть некоторая разница»². Следует принять во внимание и мнение ряда современных исследователей, склонных видеть в языке хунну основу, из которой позднее развились тюркский и монгольский языки.

В первой главе даются сведения о распространении памятников хунну на территории Советского Союза (в районе г. Кяхты) и в МНР. В Монголии курганы хунну зафиксированы в Центральном аймаке (в горах Ноин-ула и на р. Сельбе), в Архангайском аймаке на р. Хуни-гол. Всего известно приблизительно 850 курганов, из них раскопано около 180.

Автор делит все изученные курганы на две группы: рядовые погребения и большие курганы гуннской знати, рассматривая их в отдельных разделах.

Рядовые погребения хунну составляют подавляющее большинство исследованных памятников. Из них 110 раскопано Ю. Д. Талько-Гринцевичем в окрестностях г. Кяхты, одно погребение — Г. Боровкой у горы Хайрхан в Центральном аймаке МНР и 41 — автором, в том числе 15 курганов в Ноин-уле и 26 на р. Хуни-гол.

Рядовые погребения отмечены на поверхности квадратными, круглыми или полу-круглыми выкладками из камня. Иногда по углам квадратных выкладок находятся вертикально установленные камни. Под выкладками — могильные ямы глубиной до 2,5 м. Погребения совершались либо в камерах из каменных плит (19 случаев), либо в деревянных камерах в виде сруба в 1—3 венца (42 случая), либо в дощатых гробах двух типов — прямоугольных и трапециевидных. В остальных случаях устройство погребальных сооружений не удалось выяснить, или захоронения были совершены в простых грунтовых ямах.

В рядовых могилах, не подвергшихся ограблению, часты находки глиняных сосудов, установленных в ногах и у головы погребенных, бронзовые украшения, бусы, нефритовые и стеклянные диски, остатки луков, наконечники стрел, ножи, детали конской узды, кости домашних животных и т. д. В некоторых случаях у бедра лежали китайские монеты.

В разделе, посвященном большим курганам гуннской знати, подробно описывается история раскопок этой группы памятников, результаты исследований Ю. Д. Талько-Гринцевича, Г. П. Сосновского, экспедиции П. К. Козлова и экспедиции Комитета наук МНР. Здесь же приводятся подробные сведения о раскопках двух больших курганов в Ноин-уле, произведенных А. Д. Симуковым по поручению Комитета наук МНР в 1927 г.³.

Первый курган, раскопанный Симуковым, оказался сильно ограбленным и находок дал мало. Во втором кургане на глубине 7 м была обнаружена погребальная камера хорошей сохранности, сходная по конструкции с камерой 6-го кургана, раскопанного экспедицией П. К. Козлова. Гроб находился у западной стены, а не у восточной, как в других больших хуннских курганах. Среди находок были остатки обшитого шелком войлочного ковра, лаковая китайская чашечка с надписью на дне, золотая бляха в виде фигуры лошади, два глиняных сосуда с остатками зерна и другие вещи.

Еще один большой курган в горах Ноин-ула был раскопан автором в 1945—1955 гг. Размеры его 14×14 м. Высота насыпи 0,7—1,1 м. На юг от кургана шел 10-метровый «хвост». На глубине 7 м, в плохо сохранившейся погребальной камере были найдены

² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 214.

³ Материалы раскопок Симукова ранее не публиковались. Рукописный отчет Симукова, хранившийся в архиве Комитета наук МНР, переведен на монгольский язык и издан автором рецензируемого труда.

В связи с этим вызывает большое сожаление отсутствие резюме на русском или на одном из западноевропейских языков, что затрудняет пользование этой работой и ограничивает круг читателей.

Существенным недостатком книги является очень небольшое количество иллюстраций и их низкое качество. В работе имеются и отдельные неточности и опечатки. Например, на стр. 13 общее число раскопанных курганов не совпадает с суммой курганов, раскопанных по отдельным районам; на той же странице автор вслед за Боровской ошибочно относит к гуннской поре погребение (около Хайрхан-ула) с тюркской керамикой.

В целом рецензируемая книга представляет ценный вклад в гунноведение.

С. Вайнштейн, В. Волков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Alistair Horne. *Canada and the Canadians. Profile of a modern nation.* Toronto, 1961, 329 стр.

Книга английского писателя и путешественника А. Хорна «Канада и канадцы» знакомит читателя с различными сторонами жизни современной Канады. Автор использовал официальные отчеты, прессу, обширную литературу, а также большой материал, собранный им во время длительного путешествия по стране.

А. Хорн смотрит на страну глазами буржуазного ученого, озабоченного сохранением ее в составе Британского содружества наций. Хотя автор явно находится в плену империалистической, антисоветской пропаганды и целиком оправдывает военно-стратегические мероприятия США в Канаде, он тем не менее вынужден признать, что главную опасность для страны представляет сейчас экспансия американского империализма. Книга Хорна отражает озабоченность правящих кругов Великобритании потерей былого доминирующего положения английского капитала в Канаде и усилением ее зависимости от США.

Согласно приводимым в книге статистическим данным, 44% капиталовложений в канадской экономике за 1956—1958 гг. были официально зарегистрированы как иностранные, а к 1959 г. 52% всех иностранных инвестиций принадлежали американскому и лишь 10% — английскому капиталу. Более половины капиталов в горнорудной, нефтяной, химической и обрабатывающей промышленности и 95% капиталов в автомобильной промышленности являются американскими (стр. 288). Пользуясь этим, монополии США тормозят развитие канадской экономики; так, американские нефтяные тресты, контролирующие 71% нефтяной промышленности, намеренно сокращают добывчу канадской нефти (стр. 289). Именно экономической зависимостью от США автор объясняет то, что до сих пор 80% канадского экспорта продолжают составлять сырье и полуфабрикаты, большая часть которых направляется в Америку. Монополии США, пишет автор, устанавливают низкие пошлины на сырье и высокие — на готовую продукцию, стремясь превратить Канаду в сырьевую приютку американской экономики. Катастрофически быстро растет дефицит торгового баланса Канады с США: за 8 лет он увеличился в 13 раз и в 1958 г. превысил миллиард долларов (стр. 263—264).

По книге Хорна нельзя судить о действительном положении рабочего класса. Однако в ней приводятся сведения о безработице и условиях найма, которые противоречат декларациям о высоком жизненном уровне и занятости населения. Автор говорит о «сезонной безработице», вызываемой климатическими условиями страны, но в то же время признает, что причиной небывалого роста числа безработных в 1958 г. явилась экономическая депрессия (стр. 127). По его словам, в 1960 г. в ряде провинций 8% рабочих не имело работы (стр. 105). Хорн замечает, что в Канаде уволить рабочего легче, чем в Англии (стр. 246).

Касаясь положения фермеров, автор пишет, что в начале XX в. в сельском хозяйстве было занято 46% рабочей силы, а в 1958 г. — только 15%. За 5 лет (1951—1956) число ферм уменьшилось с 623 тыс. до 570 тыс. (стр. 91). Эти цифры отражают процесс капиталистического развития сельского хозяйства, который сопровождается дальнейшей концентрацией средств производства и разорением массы фермеров.

В книге освещены также некоторые вопросы политической жизни страны, но классовая борьба остается вне поля зрения автора. Хорн констатирует отсутствие какой-либо принципиальной разницы между позициями ведущих буржуазных партий — консервативной и либеральной — по вопросам внутренней политики. По его мнению, различия между ними менее условны, чем между республиканской и демократической партиями США, и столь ничтожны, что «иммигранту нужен микроскоп, чтобы разобраться в них» (стр. 67).

Автор отмечает активную деятельность церкви в Канаде, ее значительное влияние на политические дела (стр. 241). Особенно сильно, по его словам, католичество в Кве-

беке, где священников и монахов больше, чем в любом городе мира (стр. 145). Классовая ограниченность автора не позволяет ему объективно оценить деятельность Коммунистической партии Канады, подлинного представителя трудящихся страны.

А. Хорн приводит сведения о численности населения Канады, его национальном составе, прошлой и современной иммиграции. Автор неоднократно подчеркивает значение роста населения для дальнейшей судьбы страны, и в частности для освоения новых земель. В книге приводятся статистические данные о населении Канады в целом и отдельных ее провинций. Хотя цифровой материал не отличается полнотой и не всегда точен, он тем не менее представляет известный интерес, так как отражает изменения в национальном составе страны и распределении населения по отдельным районам.

Очень скучны сведения о коренных жителях Канады. Для Хорна, как для большинства буржуазных ученых, история Канады начинается с захвата ее территории европейцами. Его не только не интересует жизнь коренного населения страны до появления европейцев, но и современное положение индейцев и эскимосов в канадском обществе, их самобытная культура.

Но даже отдельные факты, приводимые Хорном, говорят о тяжелом положении коренных жителей страны. Автор вынужден признать, например, что средняя продолжительность жизни эскимоса — 29 лет, в то время как среди канадцев она составляет 66 лет (стр. 175).

А. Хорн, посвятивший свою книгу английским иммигрантам, настоящим и будущим, показывает, какое значение для освоения и развития отдельных районов страны имела иммиграция, как на протяжении столетий менялся национальный состав иммигрантов. Но автора больше всего интересует послевоенное иммиграция. В настороженное время, утверждает он, каждый девятый житель Канады является «новым канадцем» (стр. 312).

Хорн восхваляет «канадский путь» ассимиляции и утверждает, что в Канаде отсутствует какая бы то ни было дискриминация. Но приводимые им многочисленные сведения о положении различных групп иммигрантов и национальных меньшинств свидетельствуют об обратном. Так, например, описывая г. Ванкувер, где есть большие китайские и японские кварталы, они признает, что этот город страдает от расовых предрассудков больше, чем любой другой город Канады. Дискриминация и недоброжелательное отношение к новым иммигрантам приняли такие размеры, что в 1958 г. об этом заговорила вся канадская печать (стр. 312).

Об этом же свидетельствует привилегированное положение английских иммигрантов. По словам Хорна, с момента прибытия в страну англичанин находится в особом положении, ему отдается и будет отдаваться предпочтение (стр. 75).

Автор не указывает, что предоставляемые англо-канадцам привилегии, а также искусственно разжигание национальной розни между ними и франко-канадцами способствуют сохранению национальных противоречий в стране. Он пытается объяснить это «изоляционизмом и нетерпимостью» франко-канадцев. Однако он признает, что для сближения двух наций «многое должно быть сделано» именно англо-канадцами (стр. 140). Подчеркивая ведущую роль в Канаде англо-канадцев, Хорн указывает, что хотя франко-канадцы составляют треть населения страны, их доля в национальном доходе равна только 10% (стр. 136).

Представляет этнографический интерес содержащееся в книге Хорна описание канадских городов. Автор показывает, как с течением времени и ростом населения менялся облик крупнейших городов страны: если Торонто, например, сто лет назад был английским городом по внешнему виду, образу жизни его обитателей и их привычкам, то теперь это многонациональный город с кварталами, заселенными неассимилировавшимися итальянцами, немцами и представителями других народов (стр. 78).

Нельзя не отметить, что автор с теплотой говорит о народе Канады. Он пишет о канадцах как о трудолюбивых, гостеприимных и любознательных людях. В главе «Есть ли культура в Канаде?» Хорн, полемизируя с теми, кто отрицает самобытность канадской культуры, дает общий обзор искусства и литературы страны и характеризует национальную культуру и пути ее развития. Он отмечает отрицательное влияние американского телевидения, кинематографии, газет, журналов.

Особенно велико, по мнению автора, влияние «американского образа жизни» на канадскую молодежь. «Америка их путеводная звезда; комиксы, которые они читают, телевизионные передачи, которые они смотрят, платья, которые они носят, воспитание, которое они получают, большинство их игр — американского происхождения», — пишет Хорн (стр. 280).

Останавливаясь на вопросе о складывании канадской общности из двух наций, автор отмечает, что в насторожее время народ Канады «находится в состоянии постоянного изменения и пытается установить собственный характер, который не является целиком ни британским, ни американским» (стр. 279). Рост самосознания англо-канадцев как канадцев проявляется, по мнению Хорна, и в дальнейшем ослаблении их связей с Англией. Автор с грустью констатирует, что имеются существенные различия в отношении к Англии со стороны трех поколений канадцев британского происхождения. Старшее поколение, пишет он, заботливо хранит в своих домах портреты членов королевской семьи и все еще живет воспоминаниями о былом величии империи. Представители среднего поколения, пережив вторую мировую войну и побывав в Англии,

уже не считают ее своей родиной. Показателем отношения молодого поколения к Англии явился проведенный в 1958 г. опрос среди учащихся вузов по вопросу о государственном флаге; лишь 131 студент высказался за сохранение английского национального флага (стр. 28).

Наиболее важными событиями истории Канады, способствовавшими росту патриотизма населения страны и складыванию его самосознания как канадцев, автор считает англо-американскую войну 1812—1814 гг., 1867 — год получения Канадой статуса доминиона, вторую мировую войну, вызвавшую, по словам автора, «рост канадского национализма в целом» (стр. 139) и усилившую стремление народа Канады к независимости.

Хотя Хорн неоднократно пишет о росте антиамериканских настроений в стране, он не видит, что угроза захвата Канады США ускоряет процесс формирования канадской общности из двух наций.

Книга А. Хорна, несмотря на отмеченные недостатки, обусловленные, как нам кажется, политической позицией автора, представляет определенный интерес для читателя, занимающегося историей и этнографией Канады.

Л. Фурсова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1962 Г.

Задачи советской антропологии в свете решений XXII съезда КПСС (1, 3).

Вопросы общей этнографии и антропологии

- Л. П. Потапов (Ленинград). Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР. (2, 3).
К. В. Чистов (Москва). Фольклористика и современность. (3, 3).
Ю. П. Аверкиева (Москва). Этнофрейдизм в США. (4, 3).
Р. Р. Гельгардт (Калинин). О сравнительном изучении рабочего фольклора. (5, 3).
Я. Я. Рогинский (Москва). Закономерности связей между признаками в антропологии. (5, 15).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- С. М. Мирхасилов (Ташкент). Культурное развитие узбекского кишлака Ниязбashi. (1, 8).
П. П. Охрименко (Гомель). О взаимосвязях народно-песенного творчества восточных славян. (1, 17).
Т. Ф. Аристова (Москва). Из истории возникновения современных курдских селений в Закавказье. (2, 20).
А. А. Бобринский (Москва). К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области. (2, 31).
С. М. Абрамzon (Ленинград). Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. (3, 18).
Ю. Б. Стракач (Москва). Традиции трудового воспитания у народов Таймыра, в наше время. (3, 35).
В. П. Алексеев (Москва). Основные этапы истории антропологических типов Тувы. (3, 49).
Л. И. Лавров (Ленинград). Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти. (4, 16).
Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (Москва). Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (по материалам Калининской области). (4, 23).
Г. К. Вагнер (Москва). Древние мотивы в домовой резьбе Ростова Ярославского. (4, 44).
[С. Н. Иомудский¹ (Ашхабад). О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX веке. (4, 46).
Я. С. Смирнова (Москва). Новые черты в адыгейской свадьбе. (5, 30).
А. Даниляускас (Вильнюс). К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих (По материалам фабрики «Нямунас» Рокишкского района). (5, 41).
Г. П. Васильева (Москва), Н. А. Кисляков (Ленинград). Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма. (6, 3).
А. С. Морозова (Ленинград). Опыт изучения рабочего класса Казахстана (По материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР, 1959 г.). (6, 17).
Г. А. Меновщикова (Ленинград). О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов. (Из полевых наблюдений). (6, 29).
Д. А. Сергеев (Ленинград). Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов. (6, 35).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- Д. Д. Тумаркин (Ленинград). Этнографическое изучение народов Океании в СССР. (1, 25).
В. П. Мурат (Москва). Новый этап в освободительной борьбе негров США. (2, 51).
А. А. Летнев (Москва). Хозяйственный быт мандинго. (3, 59).
М. С. Альперович (Москва). К вопросу о численности индейского населения Мексики в колониальный период. (3, 71).

- Н. А. Бутинов (Ленинград). Этнолингвистические группы на Новой Гвинее. (3, 81).
 Р. Вуя (Бухарест). Поселения и жилища румынских крестьян северо-западной Молдавии. (3, 90).
 М. Н. Морозова (Москва). Шведское крестьянское жилище XX века. (4, 57).
 Фан Хау Зат (Ханой). Материалы по общественной и семейной организации народа пук. (5, 48).
 В. Р. Кабс (Ленинград). Современное положение аборигенов Австралии. (5, 57).
 Ю. Н. Зотова (Москва). Система косвенного управления в Нигерии на службе империализма. (5, 69).
 Б. И. Шаревская (Москва). «Этнографический метод» Марселя Гриоля и вопросы методологии в современной французской этнографии. (6, 43).
 И. А. Золотаревская (Москва). Индийские влияния в культуре народов США. (6, 55).
 Д. Е. Еремеев (Москва). Оседание юрюков в Турции. (6, 71).
 И. Вледуциу (Бухарест). О горно-скотоводческом хозяйстве румынских мокан (По материалам Цара Бырсей). (6, 85).

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

- Джемс А. Форд (Нью-Йорк). Количественный метод установления археологической хронологии. (1, 32).
 Г. М. Бонгард-Левин (Москва). Хараппская цивилизация и «арийская проблема». (1, 44).
 З. Р. Тенишев (Москва). Этнический и родо-племенной состав народности югу. (1, 59).
 М. Г. Рабинович (Москва). Об этническом составе первоначального населения Москвы. (2, 59).
 Р. В. Кинжалов (Ленинград). Современное состояние ольмекской проблемы. (2, 72).
 М. А. Итина (Москва). Степные племена среднеазиатского Междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. (3, 109).
 Э. А. Рикман (Кишинев). К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. (3, 121).
 В. П. Кобычев (Москва). Айрумы. (К вопросу о происхождении этнонима). (3, 139).
 Ю. А. Рапопорт (Москва). Хорезмийские астоданы. (К истории религии Хорезма). (4, 67).
 То Ю Хо (Пхеньян). О мегалитической культуре Кореи. (4, 84).
 Г. П. Снесарев (Москва). «Пачиз». (Об одном этнографическом памятнике древних индо-хорезмийских связей). (5, 82).
 Честер С. Чард (Висконсин). Происхождение хозяйства морских охотников в северной части Тихого океана. (5, 94).

Из истории этнографии и антропологии

- Н. Н. Степанов (Ленинград). Классик русской и мировой этнографии С. П. Крашенинников. (2, 82).
 Н. Н. Степанов (Ленинград). Этнографические работы А. И. Герцена в 30-х годах XIX века. (4, 93).

Дискуссии и обсуждения

- Б. И. Шаревская (Москва). О характере власти вождей у народов Тропической Африки в доколониальный период. (1, 67).
 Н. И. Высоцкая (Москва). О роли вождей у фанг и баконго. (1, 71).
 В. Я. Кацман, П. И. Куприянов (Москва). О месте и роли вождей в африканском обществе. (3, 149).
 Я. В. Чекановский (Познань). К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебешем. (4, 106).
 Г. Ф. Дебеш (Москва). По поводу ответа Я. В. Чекановского. (4, 119).
 В. П. Алексеев, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы. (4, 122).
 К. Я. Анцитис, А. Я. Янсон (Рига). Некоторые вопросы этнической истории древних селов. (6, 92).

Народы мира

(Информационные материалы)

- Н. А. Бутинов, Д. Д. Тумаркин (Ленинград). Западное Самоа (2, 98).
 С. И. Брук, В. И. Козлов (Москва). Население земного шара. (Основные этнодемографические показатели). (3, 160).
 И. А. Генин (Москва). Алжирцы. (4, 138).

- А. Д. Дридзо (Ленинград). Население Ямайки. (5, 100).
 П. В. Денисов (Чебоксары), В. И. Козлов (Москва). Чуваши. (6, 105).
 Л. А. Файнберг (Москва). Население Тринидада и Тобаго. (6, 119).

Сообщения

- А. С. Петров (Москва). Движение за коммунистический труд и совершенствование общественных отношений. (1, 76).
 А. П. Окладников (Ленинград). Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.). (1, 83).
 Ф. Б. Флореску (Бухарест). Лепная жгутовая керамика из долины реки Муреш (1, 91).
 Г. Л. Чепелевецкая (Москва). О некоторых новых приемах экспозиции произведений прикладного искусства. (2, 110).
 Э. Л. Коджесау (Майкоп). Патронимия у адыгов. (2, 115).
 К. В. Чистов (Москва). К истории публикации «Плача о старости» И. А. Федосовой. (2, 120).
 И. И. Гохман (Ленинград). Новая методика вычисления средних контуров краиологических серий. (2, 125).
 П. Боеv (София), О. Исмагулов (Алма-Ата). Трепанированный череп из Казахской ССР. (2, 131).
 П. Т. Ващенко, Б. О. Долгих (Москва). Предания о тотемических названиях родов у кынгасан. (3, 178).
 А. С. Бежкович (Ленинград). Этнографический альбом рисунков Д. К. Зацепина (1871—1886). (3, 183).
 Р. Л. Садоков (Москва). Древнейший каменный музыкальный инструмент из Вьетнама. (3, 189).
 А. И. Баландин (Москва). П. И. Якушкин и А. И. Герцен. (4, 150).
 Л. А. Гольденберг (Москва). Неопубликованные этнографические зарисовки В. И. Роборовского. (4, 158).
 Н. Р. Гусева (Москва). Поездка в Индию. (4, 165).
 Г. Г. Страпанович (Москва). К вопросу о путях переселения племен «гаошань» на о. Тайвань. (4, 176).
 Д. С. Вардумян (Ереван). Армянская этнография за годы советской власти (1920—1950). (5, 111).
 Г. Н. Чабров (Гашкент). «Кашгарский» фарфор в Средней Азии. (5, 117).
 Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Наскальные изображения лошадей в уроцище Айрымачтау (Ферганы). (5, 125).
 Ю. И. Журавлев (Москва). Поездка в Непал. (Этнографические заметки). (5, 129).
 Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов, Г. В. Юсупов (Казань). Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии. (6, 124).
 И. М. Золотарева (Москва). Антропологические исследования нганасан. (Предварительное сообщение). (6, 131).
 М. М. Герасимова, Г. В. Лебединская (Москва). Прибор координатометр и измерение нижнего угла горизонтальной профилировки лица. (6, 137).
 М. А. Окунева (Москва). Поездка на Кубу в 1962 году. (6, 140).
 А. В. Виноградов (Москва). Советская археологическая экспедиция в Нубии. (6, 150).

Хроника

- Н. Н. Мамонова, Т. С. Сурнина (Москва). Выставка работ М. М. Герасимова. (1, 95).
 Т. Файзиев (Ташкент). Музей истории Академии наук Узбекской ССР. (1, 103).
 В. А. Александров (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1961 году. (2, 133).
 Б. Х. Кармышева (Москва). Работы Среднеазиатской этнографической экспедиции (1957—1961 гг.). (2, 137).
 М. Я. Берзина (Москва). Первое всесоюзное междуведомственное совещание по географии населения (3, 193).
 Н. С. Полищук (Москва). Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества. (3, 196).
 М. Я. Салманович (Москва). Всесоюзное координационное совещание по изучению социалистического строительства в странах народной демократии. (3, 199).
 Л. Н. Терентьева, Т. Д. Филимонова (Москва). Международный реферативный журнал по этнографии и фольклору — «Демос». (Demos, Volkskundliche Informationen). (3, 200).
 А. Лутс (Тарту). Новые экспозиции Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР. (3, 204).
 В. А. Александров (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых исследований 1961 года. (4, 179).
 А. В. Смоляк (Москва). Всесоюзное совещание по вопросам научно-атеистической пропаганды в свете решений XXII съезда КПСС. (4, 182).

- С. И. Дмитриева (Москва). Научная конференция по народному творчеству донского казачества. (4, 185).
 И. Е. Тугутов (Улан-Удэ). Этнографическое совещание в Улан-Удэ. (4, 188).
 Г. С. Маслова (Москва), Т. В. Станюкович (Ленинград). Сессия, посвященная современным задачам этнографии и этнографических музеев. (5, 139).
 А. П. Новицкая (Москва). Учредительный съезд Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина. (5, 143).
 К. В. Якимова (Москва). Второе заседание рабочего Оргкомитета VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук. (5, 146).
 С. И. Королев (Москва). Вопросы этнографии на X Тихоокеанском научном конгрессе. (5, 147).
 Г. Л. Хильт (Москва). О вручении А. Пуляносу премии Х. Кумариса. (5, 151).
 В. С. Арнольди, Р. С. Липец (Москва). О передаче фонда Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в архив Института этнографии АН СССР. (6, 156).

Personalia

- Юбилей профессора В. В. Бунака. (1, 105).
 Б. Н. Путилов (Ленинград). В. М. Жирмунский как фольклорист (к 70-летию со дня рождения). (1, 107).

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Т. Орнатская (Ленинград). Фольклор на страницах румынских журналов. (3, 209).
 Л. Куббель (Ленинград). Новые исследования по истории Мали. (3, 214).
 Е. Иванова (Ленинград). «Журнал сламского общества» (1904—1958 гг.). (4, 198).
 Н. Грацианская (Москва). Журнал словацких этнографов (1960—1961). (5, 153).
 В. Гусев (Ленинград). Изучение антифашистского фольклора в Югославии. (Обзор изданий). (5, 157).
 Н. Полищук (Москва). Народна творчість та етнографія, кн. 1—4, 1961. (6, 158).

Вопросы общей этнографии

- И. Крывслев (Москва). Неудачные книги на важную тему. (2, 141).
 П. Землянова (Москва). Борьба реакционных и прогрессивных сил в современной фольклористике США. (4, 191).

Народы СССР

- Л. Ефремова, М. Слава, Э. Чивкуль (Рига). Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. (1, 111).
 Л. Феокистова (Москва). *Mulgi kirikindad ja kirisukad (Vanavara salvest)*. (1, 113).
 В. Крупянская (Москва). *Шихберды Аннаклычев*. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. (1, 115).
 В. Гинзбург (Ленинград). Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. (1, 117).
 Т. Чиковани (Тбилиси). А. Робакидзе. К истории пчеловодства. (1, 119).
 Н. Воробьев (Казань). Вопросы этнической истории мордовского народа. (1, 121).
 В. Сорокин (Ленинград). С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. (1, 124).
 И. Гурвич (Москва). Сибирский этнографический сборник, III. (2, 149).
 Н. Шлыгина (Москва). A. Viires. *Eesti rahvapärgane riutööndus*. (2, 152).
 В. Пропп (Ленинград). Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959. (2, 156).
 В. Алексеев (Москва). Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. (2, 158).
 Б. Кирдан (Москва). Ф. И. Лавров. В. И. Ленин в украинской народной поэтической творчестве. (3, 217).
 И. Гурвич, В. Крупянская, Н. Чебоксаров (Москва). Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. (3, 217).
 Р. Липец (Москва). Песни и сказы Донбасса. (3, 220).
 В. Гарданов (Москва). Ценный труд по кавказоведению. (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы). (1, 203).
 Е. Бусыгин (Москва). Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. (4, 207).
 М. Рабинович (Москва). А. Л. Монгайт. Рязанская земля. (5, 160).

- Р. Липец (Москва). Былины Печоры и Зимнего берега. (5, 163).
 В. Соколова (Москва). Историчні пісні. (5, 167).
 А. Мандельштам (Ленинград). *Er. Altheim. Geschichte der Hunnen*, т. II, Berlin, 1960. (5, 168).
 Б. Кармышева, Е. Махова (Москва). Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 6. Этнография, т. 12, Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. (6, 161).
 А. Трофимов (Москва). С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. (6, 165).
 И. Гуревич (Москва). Исторические предания и рассказы якутов. (6, 167).
 А. Смоляк (Москва). С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. (6, 169).
 Б. Кирдан (Москва). В. А. Юзевенко. Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці. (6, 171).

Народы зарубежной Европы

- В. Алексеев (Москва). М. Попов (в сътрудничестве с Г. Г. Марков). Антропология на българския народ. (1, 131).
 Б. Пропа (Ленинград). Джузеппе Коккьяра. История фольклористики в Европе. (4, 210).
 И. Велецкая (Москва). Интересное исследование культуры и быта рабочих промышленной области. (4, 212).
 Э. Померанцева (Москва). Немецкие предания о хозяине и работнике. (Herr und Knecht. *Antifeudale Sagen aus Mecklenburg*). (4, 215).
 Б. Путилов (Ленинград). Болгарско народно творчество в двадцати томах, тт. I—IV. (6, 173).

Народы зарубежной Азии

- С. Арутюнов, Ю. Журавлев (Москва). Social structure in Southeast Asia. (1, 133).
 Б. Данциг (Москва). А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX—первой трети XX в. (2, 160).
 С. Арутюнов (Москва). С. И. Брук. Карта народов Китая, МНР и Кореи; его же, Карта народов Индокитая. (2, 163).
 К. Мешков (Москва). Восточноазиатский этнографический сборник II. (3, 223).
 Т. Шафрановская (Ленинград). W. Böttger. Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen. (5, 171).
 А. Мухлинов (Ленинград). Нгуен Хонг Фонг. Вьетнамская сельская община. (На вьетн. яз.) (6, 176).
 С. Вайнштейн (Москва), В. Волков (Ленинград). Ц. Доржсүрэн, Умард Хүнну. (6, 179).

Народы Африки

- В. Алексеев, Л. Фадеев (Москва). А. Алиман. Доисторическая Африка. (2, 165).
 Г. Дебец (Москва). О переводе книги А. Алиман «Доисторическая Африка». (2, 169).
 А. Орлова (Москва). L. J. Boutilier. Bongouapou. Côte d'Ivoire. (3, 226).

Народы Америки

- А. Першиц (Москва). Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-западного побережья Северной Америки. (1, 137).
 В. Афанасьев (Воронеж). И. Лаврецкий. Тень Ватикана над Латинской Америкой. (4, 217).
 Ш. Богина (Москва). M. A. Jones. American Immigration. (5, 173).
 Л. Фурсова (Москва). Alister Horne, Canada and the Canadians. Profile of a modern nation. (6, 182).

Народы Австралии и Океании

- Н. Бутинов (Ленинград). Г. Л. Кессельбрэннер. Западный Ириан. (1, 139).
 В. Кабо (Ленинград). Две книги об австралийском племени тиви. (2, 173).
 Д. Тумаркин (Ленинград). John Papa Ii. Fragmentes of Hawaiian History. (3, 229).
 И. Федорова (Ленинград). Jordi Fouentes. Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua. (4, 221).

Письмо в редакцию

- С. Черников (Ленинград). Ответ на рецензию В. С. Сорокина. (4, 223).

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Г. П. Васильева (Москва), Н. А. Кисляков (Ленинград). Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма	3
А. С. Морозова (Ленинград). Опыт изучения рабочего класса Казахстана (По материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР, 1959 г.)	11
Г. А. Меновщикова (Ленинград). О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов (Из полевых наблюдений)	17
Д. А. Сергеев (Ленинград). Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов	29

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Б. И. Шаревская (Москва). «Этнографический метод» Марселя Гриоля и вопросы методологии в современной французской этнографии	43
И. А. Золотаревская (Москва). Индейские влияния в культуре народов США	55
Д. Е. Еремеев (Москва). Оседание юрюков в Турции	71
И. Вледуциу (Бухарест). О горно-скотоводческом хозяйстве румынских макан (По материалам Цара Бырей)	85

Дискуссии и обсуждения

К. Я. Анцитис, А. Я. Янсон (Рига). Некоторые вопросы этнической истории древних селов	92
---	----

Народы мира

(Информационные материалы)

П. В. Денисов (Чебоксары), В. И. Козлов (Москва). Чуваши	105
Л. А. Файнберг (Москва). Население Тринидада и Тобаго	119

Сообщения

Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов, Г. В. Юсупов (Казань). Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии	124
И. М. Золотарева (Москва). Антропологическое исследование нганасан (Предварительное сообщение)	131
М. М. Герасимова, Г. В. Лебединская (Москва). Прибор координатометр и измерение нижнего угла горизонтальной профилировки лица	137
М. А. Окунева (Москва). Поездка на Кубу в январе 1962 года	140
Х. А. Виноградов (Москва). Советская археологическая экспедиция в Нубии	150

Хроника

В. С. Арнольди, Р. С. Липец (Москва). О передаче фонда этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в архив Института этнографии АН СССР	156
--	-----

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. Полищук (Москва). Народна творчість та етнографія, 1961, кн. 1—4	158
---	-----

Народы СССР

Б. Кармышева, Е. Махова (Москва). Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, т. 6 — Этнография, т. 12 — Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана	161
А. Трофимова (Москва). С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование	165
И. Гурвич (Москва). Исторические предания и рассказы якутов	167
А. Смоляк (Москва). С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки	169
Б. Кирдан (Москва). В. А. Юзленко. Українська народна поетична творчість у польській фольклористіці	171

Народы зарубежной Европы

- Б. Путялов (Ленинград). Болгарско народно творчество в двадцати томах, тт. I—IV

173

Народы зарубежной Азии

- А. Мухлинов (Ленинград). *Нгуен Хонг Фонг*, Вьетнамская сельская община (на вьетн. яз.)

176

- С. Вайнштейн (Москва), В. Волков (Ленинград) Ц. Доржсүрэн, Умард Хунну

179

Народы Америки

- Л. Фурсова (Москва). *Alister Horne. Canada and the Canadians. Profile of a modern nation*

182

- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1962 году

185

SOMMAIRE

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS

- G. P. Vasiliéva (Moscou), N. A. Kisliakov (Léningrad). Questions de la famille et du mode de vie chez les peuples de l'Asie Centrale et du Kazakhstan durant la période d'établissement du socialisme et du communisme

3

- A. S. Morozova (Léningrad). Essai d'étude de la classe ouvrière du Kazakhstan

17

- G. A. Menovchtchikov (Léningrad). Des phénomènes de survivance de l'organisation patrimoniale chez les esquimaux d'Asie

29

- D. A. Sergueïev (Léningrad). Des survivances de l'ordre paternel chez les esquimaux d'Asie

35

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

- B. I. Charevskáia (Moscou). «Méthode d'Ethnographic» de Marcel Griaule et les problèmes de méthodologie dans l'ethnographie contemporaine française

43

- I. A. Zolotarevskáia (Moscou). Apport des indiens à la culture des peuples de USA

55

- D. E. Eremine (Moscou). Sédentarisation des Uruks en Turquie

71

- I. Vledutziu (Bucarest). De l'élevage de bétail en montagnes chez les mokans roumains (d'après les matériaux de Zara Bysej)

85

Discussions et délibérations

- K. J. Anzitis, A. J. Janson (Riga). Quelques questions d'histoire ethnique des anciens Sels

92

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

- P. V. Denissov (Tcheboksary), V. I. Kozlov (Moscou). Les Tchouvaches

105

- L. A. Faïnberg (Moscou). Population de Trinidad et de Tobago

119

Communications

- N. I. Vorobiev, G. M. Khissamoutdinov, G. V. Youssouopov (Kazan). Recherches historico-ethnographiques au Nord-Ouest de la Bachkirie

124

- I. M. Zolotareva (Moscou). Étude anthropologique des nganassans

131

- M. M. Guérassimova, G. V. Lébédinskáia (Moscou). Le coordinatometre — instrument anthropologique — tomètre et le mesurage de l'angle inférieur du profil horizontal du visage

137

- M. A. Okouneva (Moscou). Voyage à Cuba en janvier 1962

140

- A. V. Vinogradov (Moscou). Expédition archéologique soviétique en Nubie

150

Chronique

- V. S. Arnoldi, R. S. Lipetz (Moscou). Transmission des fonds de la section ethnographique de la Société d'amateurs des sciences naturelles, d'anthropologie et d'ethnographie dans les archives de l'Institut d'ethnographie de l'Academie des Sciences de l'URSS 156

Critique et bibliographie

Articles de critique et apersus

- N. Polichtchouk (Moscou). «Narodna tvortchist ta etnografia», 1961, № 1—4 158

Peuples de l'URSS

- B. Karmycheva, E. Makhova (Moscou). Travaux de l'Institut d'histoire, d'archéologie et d'ethnographie de l'Academie des sciences de la R. S. S. de Kazakhstan 161
 A. Trofimova (Moscou). S. Ch. Gadjieva. Les Koumyks. Étude historico-ethnographique 165
 I. Gourvitch (Moscou). Légendes et récits historiques des Yakoutes 167
 A. Smoliak (Moscou). S. I. Vainstein. Les Touvins — Todjiniens. Aperçu historico-ethnographique 169
 B. Kirdan (Moscou). V. A. Jouzvenko. L'art poétique populaire ukrainien dans le folklore polonais 171

Peuples d'Europe étrangère

- B. Poutilov (Léningrad). L'art populaire bulgare (en douze volumes), vv. I—IV 173

Peuples d'Asie étrangère

- A. Moukhlinov (Léningrad). Nguen Hong Phong. La commune rurale vietnamienne 176
 S. Vainstein (Moscou), V. Volkov (Leningrad). Tz. Dorjsourene. Oumard Hounnou 179

Peuples d'Amérique

- L. Foursova (Moscou). A. Horne. Canada and the Canadians, Profile of a modern nation 182
 Index des articles et matériaux publiés dans la revue «L'Ethnographie Soviétique» en 1962 185